

А.М. Некрасов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

А.М. Некрасов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Нальчик • 2015

УДК – 94(470)
ББК – 63.3(2)4
Н – 48

*Печатается по решению Ученого совета
ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»*

Научный редактор:
Дзамихов К.Ф.

Составители:

Дзамихов К.Ф.
Рахаев Дж.Я.

Н – 48 А.М. Некрасов. **Избранные труды** / сост. К.Ф. Дзамихов, Дж.Я. Рахаев;
научный редактор К.Ф. Дзамихов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ,
2015. – 255 с.

В издание вошли опубликованные ранее доклады, статьи и монография известного российского историка Александра Михайловича Некрасова, отражающие авторскую позицию по многим ключевым вопросам политической истории народов Северо-Западного Кавказа и Крыма в период позднего средневековья.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и политической культурой народов Кавказа и Крыма.

В оформлении обложки использованы «Портолан Черного моря» Фредуче Анконского (1497) // «Черкесия в картах XIV–XIX веков» (Краснодар, 2011); гравюры «Кабардинское посольство направляется в Кремль» и «г. Терки» из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (СПб., 1906).

ISBN 978-5-91766-096-7

© Некрасов А.М., 2015
© Дзамихов К.Ф., Рахаев Дж.Я., составление, 2015
© КБИГИ, 2015

INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY RAN

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCHES

A.M. Nekrasov

SELECTED WORKS

Nalchik • 2015

УДК – 94(470)
ББК – 63.3(2)4
H – 48

There are published according to the decision of the Academic council
of the Federal State Budgetary Science Establishment
the Kabardian-Balkarian institute of humanitarian researches

Science editor:
Dzamihov K.F.

Compilers:
Dzamihov K.F.
Rahaev G.Y.

A.M. Nekrasov. **Selected works** / compilers: K.F. Dzamihov, G.Y. Rahaev;
H – 48 Science editor K.F. Dzamihov. – Nalchik; Publishing department of the
Kabardian-Balkarian institute of humanitarian researches, 2015. – 255 p.

The collection includes the previously published reports, articles and monographs of a famous Russian historian Alexander Mihailovich Nekrasov, which reflect the author's position on many key issues of the political history of the peoples of the North-west Caucasus and Crimea in the late Middle Ages.

The book is addressed to researchers, teachers, students and anyone interested in history and political culture of the peoples of the Caucasus and Crimea.

The cover of the book is designed with the use of the «Portolan Chart of the Black Sea» by Freduce from Ancona (1497), borrowed from the edition «Circassia on the Historical Maps of XIV–XIX Centuries» (Krasnodar, 2011) and engravings «Kabardin Deputation Heading to Kremlin» and «The Town of Terky», borrowed from Adam Olearius' book «Description of the Travel to Muskovy and through Muskovy to Persia and Backward» (St. Petersburg, 1906).

ISBN 978-5-91766-096-7

© Nekrasov A.M., 2015
© Dzamihov K.F., Rahaev G.Y., compiling, 2015
© KBIHR, 2015

А.М. НЕКРАСОВ – ВОСТОКОВЕД

Известный советский и российский историк-востоковед Алексей Михайлович Некрасов родился в 1958 г. в Москве. Выходец из семьи служащих, близкий родственник профессора кафедры строительной механики Томского технологического института, министра Временного правительства, кадета Н.В. Некрасова (1879–1940).

В 1975 г. он поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1980 г. с отличием окончил университет по кафедре истории СССР периода феодализма и сразу же поступил в очную аспирантуру Института истории СССР АН СССР. В 1983 г., по окончании аспирантуры, по ходатайству своего научного руководителя, д.и.н. А.П. Новосельцева, зачислен в штат Института.

В 1984 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV – первой половины XVI в.»¹.

Последовательно занимал должности младшего научного сотрудника, научного сотрудника, старшего научного сотрудника, ученого секретаря и заместителя директора Института².

С 1995 по 2014 гг. – преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук (Института истории). С 1998 по 2010 гг. также работал консультантом и переводчиком в негосударственных организациях Москвы. С 2011 г. – сотрудник Правительства Москвы.

По оценкам большинства специалистов (Д.Ю. Арапова, С.П. Карпова, М.С. Мейера, А.П. Новосельцева, А.Л. Хорошкевич, И.В. Зайцева и многих других), А.Н. Некрасов продолжил лучшие традиции отечественной ориенталистики. С подобной оценкой солидарны и ведущие западные востоковеды (Шанталь Лемерсье-Келькеже, Жиль Вайнштейн и др.)³.

Отличительной чертой исследовательского метода Некрасова является максимально полный охват всех репрезентативных источников в оригинале. Знание современных европейских языков позволяло ему быть в курсе последних выводов западной историографии. Помещенные в настоящем издании работы разных лет позволяют увидеть и определенную эволюцию взглядов А.М. Некрасова на ряд проблем истории средневековой Восточной Европы (к примеру, характер османской политики в регионе и некоторые другие), изменение оценок значения отдельных источников для изучения данной темы («Дневников» М. Сануто и др.). Во многом под влиянием своего учителя А.М. Некрасов параллельно изучал древнерусскую историю сквозь призму ее восточных контактов. Исследовательский опыт ученого в этой части сводится к определению культурного влияния Востока как важнейшего элемента складывания древнерусской народности.

Уже в своей кандидатской диссертации он, используя огромное количество неопубликованных документов центральных архивохранилищ страны, дал фундированную панораму политической истории феодальных владений Западного Кавказа в контексте интересов крупнейших держав Средневековья – Османской империи и Московского государства. Вдумчивое, серьезное отношение к анализу фактического мате-

риала, критическое осмысление историографического наследия позволило А.М. Некрасову выработать новый взгляд на ключевые события адыгской истории периода позднего Средневековья. Исследуя геополитическую динамику региона конца XV – первой половины XVI в., он впервые в отечественной науке сумел убедительно показать весьма значимую роль северо-восточных и северо-западных адыгских княжеств в системе военно-политических взаимоотношений государств восточноевропейского региона. Решению этих задач были посвящены монография «Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в.» (М., Наука. 1990) и многочисленные статьи. Изучение этого хронологического периода исключительно важно для понимания исторических предпосылок складывания прорусской ориентации адыгских княжений к середине XVI в.

Автор пользуется целым комплексом как новых, так и хорошо известных науке источников. Нарративные источники были представлены русскими летописями, средневековыми османскими хрониками, записками европейских авторов о Причерноморье и Западном Кавказе. Посольская документация, в первую очередь, включала русские «посольские книги» и дипломатическую переписку XV–XVI вв. из архивов Турции. Например, впервые так широко А.М. Некрасов пользуется средневековыми османскими хрониками (Мехмед Нешри «Зеркало мира», «История дома османов» Ибн Кемалья, «История Сахиб-Гирей-хана» Реммал-ходжа и др.) и целым рядом крымско-татарских сочинений. Последние анализируются в тесной связке с документами XV–XVI вв. из государственных архивов Турции, опубликованными французскими историками под руководством А. Беннигсена в сборнике «Крымское ханство в архиве музея дворца Топкапы». Среди сочинений европейских авторов есть работы, которыми давно пользуются отечественные исследователи (И. Барбаро, А. Контариани, Дж. Интериано, М. Меховский и др.), так и мало известные как М. Сануто.

Большой заслугой А.М. Некрасова следует признать выявление места и роли Северо-Западного Кавказа в геостратегических планах и практике Османского государства, зависимости реализации его экспансионистских замыслов на главных направлениях – западноевропейском и ближневосточном от позиций империи на Кавказе. С вопросом о характере османской политики на Северо-Западном Кавказе тесно связан вопрос об эволюции взаимоотношений Османского государства и Крымского ханства. В частности, историк выдвинул новаторский для своего времени тезис о несовпадении внешнеполитических устремлений Стамбула и Бахчисарая в отношении адыгских княжеств.

А.М. Некрасов дает картину существенного изменения международной ситуации в Восточной Европе во второй половине XV в. в связи с распространением на данный регион экспансионистских замыслов Османской Турции. Османская агрессия против народов Южной и Центральной Европы началась еще во второй половине XIV в. и создала серьезную угрозу для всех европейских стран. Автор справедливо считает, что рост и укрепление Османского государства были тесно связаны с захватническими войнами. Внешнеполитическая активность османов находилась в зависимости от характера социально-экономического строя, степени развития феодальных отношений, политической борьбы внутри Османского государства. Отмеченные войны с самого начала были одной из главных статей доходов османского господствующего класса. Складывание в середине XV в. единого государства, окончательное оформление его политической и социальной структуры способствовали изменению характера войн, которые постоянно велись султанами. С этого времени постепенно «грабительские набеги отходят на второй план, уступая место борьбе за политическое господство в Европе и Азии»⁴. Вместе с тем, военная добыча, доходы с захваченных территорий оставались важным источником обогащения османских феодалов.

Обобщая внешнеполитический опыт османского правительства последней четверти XV – первой половины XVI в., А.М. Некрасов выступает против упрощенной интерпретации политической системы османов: «стремление увидеть в действиях султанов... четко осознанное осуществление единой задачи наступления на Восточную Европу неизбежно влечет за собой серию гипотез, не находящих подтверждения в источниках»⁵.

Во второй половине XV в. внешнеполитическая активность османских султанов распространилась на Северное Причерноморье. В 1475 г. здесь были захвачены последние генуэзские колонии с центром в Кафе. Под властью султанов оказалось и Крымское ханство, выделившееся еще в первой половине XV в. из распадающейся Золотой Орды в качестве самостоятельной политической единицы. Подчинение ханства османам не было единовременным актом: процесс превращения ханства в вассала османских султанов занял ряд лет и завершился утверждением на престоле независимого от султана хана Менгли-Гирея.

Совершенно справедливо Некрасов считает, что для крымских ханов набеги на соседние земли – русские, литовские, молдавские, адыгские – были важнейшим источником богатств. Во время регулярных походов захватывалось имущество, скот и многочисленные пленные для продажи в рабство. Постоянный приток добычи был одной из основ экономики Крымского ханства и определял могущество господствующего класса – татарских феодалов. Проникновение османского влияния в Северное Причерноморье сразу же сказалось на адыгских народах, первыми попавших в сферу завоевательных интересов султанов и крымских ханов.

С начала XVI в. начинается серия осmano-иранских войн за господство на Ближнем Востоке. Войны султанов с шахами Сефевидского Ирана длились с перерывами почти весь XVI в. и продолжались затем в первой половине XVII в. Одним из главных театров военных действий было Закавказье, на которое претендовали обе стороны. Исключительно важное значение для султанов имело обладание северокавказским путем, связывавшим османские владения в Причерноморье с Закавказьем. Путь шел через земли адыгов и Дагестан к Дербенту. Иранские шахи, в свою очередь, стремились укрепить свои позиции в Дагестане. Таким образом, осmano-иранская борьба на Северном Кавказе непосредственно влияла на политику обеих могущественных держав в этом регионе.

Важным средством укрепления крымско-османского влияния на Северном Кавказе было распространение ислама среди местных народов.

Уже во второй половине XVI в. русские источники сообщают, что адыгские князья присягали по «мусульманскому закону». Вместе с тем, османский автор XVII в. Эвлия Челеби указывает, что адыги стали мусульманами лишь недавно, а итальянец Дж. Лукка тогда же заметил, что «одни из них магометане, другие следуют греческому обряду»⁶.

Со второй половины XV в. наблюдается активный интерес представителей рода Сефевидов к проникновению на Северный Кавказ, а именно в бассейны Терека и Кубани. Речь идет о четырех походах в промежутке между 1459 и 1488 гг. главы ордена сафавия шейха Джунайды и его сына Хайдара Сефеви. Богатый эпиграфический материал, опубликованный Т.М. Айтберовым, позволяет считать главной задачей отмеченных походов «...ведение священной войны с неверными черкесами» и рассматривать их как первоначальное звено в начавшемся осmano-иранском противоборстве за сферы влияния на Северном Кавказе⁷. Позже надгробная надпись 1553 г. с шамхальского кладбища в Кумухе (Дагестан) все еще называет черкесов «неверными», т.е. немусульманами⁸. Все это говорит о том, что распространение ислама среди адыгов не было особенно успешным. Оно шло, в первую очередь в среде князей и

знати⁹. Медленное утверждение новой религии свидетельствует об упорном сопротивлении адыгов крымско-османскому и иранскому наступлению.

Проникновение османов на Северо-Западный Кавказ, по мнению Некрасова, начинается одновременно с подчинением Крымского ханства. Походы 1475 и 1479 гг. показывают по Некрасову, что султанское правительство имело целью прочно укрепиться не только в Крыму, но и на Северо-Западном Кавказе, т.е. в адыгских землях. Участие крымского войска в османских походах было одним из главных условий его вассальной зависимости от султанов; это условие регулярно выполнялось ханами и впоследствии. События 70-х гг. XV в. открывают серию завоевательных крымско-османских походов на земли адыгов.

В работах Некрасова раскрывается как с конца XV в. и Русское государство, и адыги активно участвуют в борьбе с Большой Ордой. Русь в это время заключила антиордынский союз с Крымским ханством. Орда после провала похода на Русь 1480 г. безуспешно пыталась вернуть себе былое влияние, но под ударами Крыма и Руси все больше приходила в упадок.

Некрасов обращает внимание, что хотя Русь и адыги непосредственно не контактировали в борьбе с Ордой, однако их цели объективно совпадали. Именно боевые действия с их стороны позволили Крыму одержать решающую победу. Единственным, но весьма важным эпизодом прямых русско-адыгских связей того времени была переписка Ивана III с «таманским князем» Захарьей Гуйгурсисом. Ф.К. Бруном и Л.И. Лавровым убедительно доказано, по мнению Некрасова, что Захарья Гуйгурсис и хорошо известный по генуэзским материалам владетель Матреги князь Захария де Гязольфи – одно лицо¹⁰. Он довольно подробно остановился на этом интересном эпизоде русско-адыгских взаимоотношений. Переписка Ивана III с Захарией демонстрирует, по мнению Некрасова, явную заинтересованность Ивана в привлечении к себе на службу бывшего князя Матреги. Поэтому Некрасов справедливо считает, что переписку Ивана III с Захарией де Гизольфи можно считать важным звеном в цепи русско-адыгских связей.

Во втором десятилетии XVI в. происходит первое открытое осmano-иранское столкновение, которое, как полагает Некрасов, принесло успех османам. Одновременно возобновляется крымско-османское наступление на адыгские земли; связь его с осmano-иранской борьбой несомненна. Главную роль в нем играют крымские войска.

В 20-х гг. XVI в. часть западных адыгов, по мнению А.М. Некрасова, сохраняла установившуюся зависимость от Крымского ханства. После своего вступления на престол крымский хан Саадет-Гирей (1523 г.) сообщил в Москву, что «с сю сторону Черкасы и Тюмень мои ж». О том же писали и крымские беи: что «ныне отвселе к нам грамоты пришли... и от черкасов люди пришли», что с ханом в братстве «и черкасы, и тюменская земля»¹¹. Временное прекращение крымско-османского наступления было связано не только с подчинением адыгов ханам, но и с наступившим перерывом в осmano-иранских войнах. Однако уже в начале 30-х гг. крымские правители возвращаются к политике наступления на Западный Кавказ. В материалах русско-крымских отношений сохранились сведения, что весной 1531 г. Саадет-Гирей посылал четверых сыновей с войском «на Нагаи, которые на сей стороне Волги, или на Черкасы на пятигорские»¹². Неизвестно, состоялся ли поход на земли «пятигорских черкесов» (т.е. кабардинцев), но сам факт того, что он предполагался, говорит о стремлении крымских ханов возобновить прерванное наступление на адыгские земли.

Не исключено, как думает Некрасов, что новые агрессивные замыслы крымских феодалов были в этот период как-то связаны с активизацией внешнеполитической деятельности адыгов, включившихся в борьбу вокруг астраханского престола. Под 1532 г. русские летописи сообщают: «пришед ко Азторокани безвестно Черкасы да

Астрахань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь; а на Азторохани учинялся Аккубек царевич»¹³. Это событие сразу привлекло внимание соседей, в первую очередь ногаев. Еще 20 лет спустя, в 1551–1553 гг., ногайские мурзы писали Ивану IV, что «Аккубеку царю было прибежище в Черкасах, и они его дея посрамились, да Астрохань взяв и дали ему»; что «Акобек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юрт ево взяв дали»; что «Ахкобек царь для своего юрта ездил в Черкасы, и юрт его взяв дали»¹⁴. Ак-Кубек был сыном большеордынского хана Муртазы, который долгое время являлся правителем княжества Тюменского. Скорее всего, именно через Тюмень первоначально и установились связи претендента на астраханский престол с адыгами. В данном случае речь идет наверняка о кабардинцах: именно они в первую очередь имели возможность организовать поход на Астрахань для возведения на престол свойственника одного из своих князей¹⁵.

Именно с вмешательством кабардинцев в астраханские дела историк связывает большой поход ногаев против черкесов весной 1535 г. В материалах русско-ногайских отношений имеется грамота от русского посла в Ногайской Орде Д. Губина, привезенная в Москву 2 мая 1535 г.; в ней, в частности, сообщается, что «Кошум мурза, и Мамай мурза, и Смаил мурза, и Келмагмет и Урак и все мелкие мурзы, собравши людей, сказали, пошли черкасы воевать»¹⁶.

В 1533–1536 гг. османы осуществили широкое наступление на Иран, захватив обширные территории. Сефевидское государство, не имевшее достаточно сил для мощного контрудара, придерживалось оборонительной тактики. Воспользовавшись мирной передышкой во второй половине 30-х гг., оно приступило к завоеваниям в Закавказье, которые велись шахами с перерывами еще с 1516 г. В 1538 г. войско шаха захватило Ширван.

Состоявшийся вскоре крымско-османский поход на адыгские земли явно, по мнению Некрасова, был призван противопоставить успехам кызылбашей расширение влияния Крыма и османов на Западном Кавказе. Поход подробно описан в крымской хронике XVI в. «История Сахиб-Гирей-хана» Реммал-ходжи, который сам принимал в нем участие.

К первой половине XVI в. относится ряд, использованных Некрасовым, документов из турецких архивов, связанных с упрочением османского влияния на Северо-Западном Кавказе. Так, сохранившиеся реестры доходов и расходов османских владений в этом районе, составленные один не позднее 1519 г., другой в 1542 г., позволяют ему по некоторым пунктам сопоставить бюджет колоний конца второго десятилетия и начала 40-х гг. XVI в. Один из таких показателей – доходы с местностей Северо-Западного Кавказа. Первый реестр дает общую цифру 95 тыс. османских аспров, второй отдельно фиксирует доходы Тамани (53219 аспров) и доходы от продажи зерна, скота и от налогов на черкесские товары (31073 аспра). При этом в 40-е гг. появились новые статьи доходов и расходов: жалованье «черкесским беям» и подушная подать с черкесов (ежегодная сумма подати – 34692 аспра)¹⁷. Таким образом, структура доходной части бюджета за 20 лет существенно меняется. Доходы от торговли сокращаются, что свидетельствует о начале упадка адыгской торговли с установлением крымско-османского владычества. Появление же новых статей бюджета, не отмеченных в первом реестре, с торговлей не связано. Очевидно, как доказывает Некрасов, они появились позже 1519 г., а введение их в бюджет османских колоний связано с подчинением крымско-османской власти значительной части адыгов.

В 1545 г. крымский хан предпринимает новое широкомасштабное наступление на земли адыгов. В начале октября этого года в Крым прибыл русский гонец Б. Кийков. Он сообщил в Москву, что «царя в те поры в Крыме не было, ходил на Черкас

на дальних на Хабартку на Пятигорских, и стоял в те поры идучи назад из Черкас у перевоза против Керчи, затем что было возити нельзе, ветры велики»¹⁸. Тогда же в Крыму находился литовский посол, приехавший «безо заря, как ходил на ближних Черкас, в великое говенье за три недели до велика дни год будет»; этого посла хан отпустил, «идучи сего лето на дальних Черкас на Хабартку»¹⁹. Таким образом, Сахиб-Гирей дважды за один год был в походе на адыгов – весной и осенью 1545 г., первый раз – на западных адыгов («ближних Черкасс»), второй раз – на кабардинцев. Подробное описание походов, по свидетельству Некрасова, имеется у Реммал-ходжи. Как и в 1539 г., инициатором весеннего похода был османский наместник Кафы, вновь предоставивший суда для переправы войска через Керченский пролив. В составе ханского войска были янычары, вооруженные огнестрельным оружием, и артиллерия. Удар был нанесен по западноадыгскому племени Жане. Решающую роль сыграла артиллерия, с помощью которой адыгское войско было рассеяно. Осенью, воспользовавшись временем сбора урожая, хан напал на кабардинцев и западноадыгских бжедугов²⁰.

В 1546–1547 гг. вновь вспыхнула борьба вокруг Астрахани. У Реммал-ходжи говорится, что «Ямгурчи напал на Ак-Кубека, хана астраханского, и захватил титул хана»²¹. О том, что Ак-Кубек уже в 1545 г. опять был астраханским ханом, известно из русских источников²². Есть сведения, что черкесы теперь поддерживали не его, а Ямгурчи – в 1551 г. один из ногайских мурз писал в Москву, что «Агурчи, как когда-то Ак-Кубек, черкесам «в свойстве учинился», и они «ему братство» учинили, юрт его взяв дали ж, добр деи»²³. Получив известие о свержении Ак-Кубека, Сахиб-Гирей двинулся с войском на Астрахань, захватил ее и изгнал Ямгурчи. Главную роль сыграло применение ханом артиллерии²⁴. В начале 1550-х гг. Ямгурчи прислал «из Черкасс» послов в Москву с просьбой помочь вернуть астраханский престол²⁵, однако помощь Ивана IV не помешала ему позже переметнуться на сторону Крыма.

Поход Сахиб-Гирея на Кабарду 1546 г. не привел к закреплению власти Крыма над ней. Уже летом 1549 г. сторонник Москвы ногайский мурза Исмаил писал Ивану IV, что «Тюмень и Черкасы Кабартейские нам здалися»²⁶. Подчинившись ногаям, кабардинцы, скорее всего, рассчитывали на защиту от крымских набегов.

В 1551 г., по данным Реммал-ходжи, состоялся поход Сахиб-гирея на хатукаевцев и бжедугов²⁷, по возвращении из которого хан был убит присланным из Стамбула в Крым Девлет-Гиреем.

К началу 50-х гг. XVI в. в Восточной Европе происходят серьезные перемены, связанные с борьбой Русского государства против Казанского ханства. В этой борьбе принимали активное участие Крымское ханство, Ногайская Орда, Османское государство.

Успехи Русского государства в борьбе с Казанью и Крымом сопровождались обращением ряда адыгских правителей в Москву с просьбой принять их «на службу» к Ивану IV. Адыгским посольствам, как думает А.М. Некрасов, скорее всего, предшествовали какие-то первоначальные переговоры. Он предполагает, что контакты адыгов с Москвой были установлены через ориентированных на Русь ногайских правителей. Кроме кратких сообщений летописей, в распоряжении исследователей нет материалов, позволяющих судить о деталях русско-адыгских переговоров в Москве. Известно только, что речь шла о защите от крымских набегов. Некрасов высказывает ряд предположений: весьма вероятно, что одним из важных моментов переговоров было предоставление адыгам огнестрельного оружия. Решающий перевес в силах крымскому войску над адыгами (как и над астраханским ханом в 1546 г.) давало обладание именно огнестрельным оружием и артиллерией. Получены они были ханом от султана. Единственным путем приобретения такого оружия для адыгов, по мнению историка, было обращение к России. Известно, что огнестрельное

оружие поставлялось из Москвы в середине XVI в. в Ногайские орды. Возможно, по Некрасову, полученная от ногаев информация сыграла свою роль в решении адыгских правителей обратиться к Ивану IV²⁸.

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении всего рассмотренного периода А.М. Некрасов на основе тщательного анализа разнообразных источников выстроил картину давления на адыгские народы со стороны крымских ханов и османских султанов. Оно берет начало с 70-х гг. XV в. и к середине XVI в. вырастает в крупномасштабное наступление. Сведений о прямых русско-адыгских контактах в этот период практически нет, за исключением переписки Ивана III с Захарией де Гизольфи. Однако цели внешней политики Руси и адыгов с конца XV в. объективно сближались – в борьбе с Большой Ордой, с Крымским ханством. Это сближение в конечном счете и подготовило почву для состоявшихся в 50-х гг. XVI в. русско-адыгских переговоров. Восстановление прервавшихся после нашествия Батюга русско-адыгских связей было связано во многом с укреплением Русского государства, в котором адыги видели силу, способную противостоять наступлению крымских ханов и османских султанов. Документальные материалы показывают, что и в Москве достаточно отчетливо представляли картину противостояния адыгов крымско-османской агрессии, примерный объем военно-человеческих ресурсов в Черкесии и, конечно, военно-стратегическое положение многочисленных адыгских княжеств на Северном Кавказе.

Одной из сложнейших проблем исторического адыговедения является определение типологических особенностей и сущностных свойств взаимоотношений Московского государства с адыгскими княжествами в середине XVI в. Анализ событий 30-х – начала 50-х гг. XVI в. привел А.М. Некрасова к выводу о том, что наступление Османского государства и Крымского ханства на адыгов неуклонно нарастало. «Обращение адыгов к Русскому государству с просьбой о *покровительстве* (выделено нами. – К.Д., Дж.Р.) изменило положение этих народов перед лицом крымской и османской агрессии»²⁹. По существу, автор опровергает один из важнейших постулатов советского кавказоведения – идеологему добровольного вхождения адыгских княжеств в состав России.

Еще одним значительным направлением научных интересов А.М. Некрасова стала история Крымского ханства. Данная тема имела солидную историю изучения, но за советский период вместе с немалыми достижениями обросла тенденциозными мифами. Большая часть изысканий исследователя были опубликованы им в серии статей в конце XX в. Не претендуя на исчерпывающий охват темы, А.М. Некрасов сосредоточился на самых ключевых проблемах: политической системе ханства и специфике его внешнеполитических контактов. По мнению историка, политическая система Крымского ханства динамично развивалась, постепенно трансформируя кочевое государство золотоордынского типа в сложившуюся позднесредневековую мусульманскую монархию.

Фактически, впервые в историографии А.М. Некрасов подверг специальному изучению роль женщин в политической жизни Крымского ханства: «Считать действующими лицами крымской истории одних только мужчин несправедливо... Страницы источников рисуют в нашем воображении не робкие силуэты за окнами ханского дворца, но образы правительниц, решительно вторгающихся в чисто мужские дела мужей, братьев, сыновей – дипломатию и управление государством. И эти образы придают истории дома Гиреев больше красок и полноты».

Во внешнеполитической истории Крымского ханства А.М. Некрасов особое значение придавал русско-крымским отношениям. По мысли ученого, «крымский фактор... неизменно присутствовал в русской истории». Для Московского государства

отношения с ханством являлись уникальным политическим опытом взаимоотношений с мусульманским миром и послужили основой для дальнейших контактов на юго-востоке. Опираясь на данные источников XV–XVI вв. А.М. Некрасов объясняет эволюцию русско-крымских отношений следующим образом: первоначально союз с крымскими ханами обеспечил Москве успех в борьбе с Великим княжеством Литовским за западнорусские земли. Ответная поддержка Иваном III Крыма способствовала разгрому последним своего главного соперника на юге Восточной Европы – Большой Орды. После этого союз с Москвой перестал играть свою роль во внешнеполитических планах крымских ханов. Его свело на нет и общее усиление Руси в противовес польско-литовским правителям, потенциально грозившее Крыму нарушением баланса сил в регионе в пользу Москвы.

Особый интерес представляют труды А.М. Некрасова посвященные определению геокультурного значения контактных зон Восточной Европы, в частности, Северного Причерноморья. Метод ареального исследования данной проблемы, примененный ученым, открывает широкие возможности для выявления характера исторических связей племен, народов и государств на протяжении нескольких тысячелетий, механизмов адаптации, способов передачи и освоения культурного опыта, быта и традиций. Развитие Северного Причерноморья в разное время шло неодинаковыми темпами, но ряд характерных черт оставались неизменными. Во-первых, преемственность политической, экономической и культурной роли, которую играло Причерноморье и в античную, и в византийскую, и в золотоордынскую, и в османскую эпоху. Во-вторых, при всей тесной связи черноморского побережья с соседними территориями – в первую очередь причерноморскими степями, Кавказом – неизменно на авансцену выходит Крым, являвшийся средоточием, фокусом всех черноморских проблем.

В 1990-е гг. А.М. Некрасов принимал активное участие в подготовке обобщающих работ «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия», «Крым: прошлое и настоящее», «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.», «Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны?».

К.Ф. Дзамихов, Дж.Я. Рахаев

Примечания

1. Милибанд С.Д. Востоковеды России. Биобиблиографический словарь. В 2-х тт. М., 1995. Т. 2. С. 139; Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Саратов, 1998. С. 255.
2. В 1992 г. Институт истории СССР АН СССР переименован в Институт российской истории РАН.
3. См. например: *Michael Rywkin. Alexandre Bennigsen in the eyes of the soviet press. Passé turco-tatar, présent soviétique.* Paris, 1986. P. 29.
4. Мейер М.С. К периодизации истории Турции эпохи феодализма // Вестник Московского университета. Востоковедение. 1977. № 4. С. 10.
5. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 118.
6. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 67, 84–86; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 70.
7. Дзамихов К.Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик, 2007. С. 18
8. Лауров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Т. I. С. 149.

9. *Лавров Л.И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. // Советская этнография. 1957. № 4. С. 21.
10. *Брун Ф.К.* Черноморье. Одесса, 1879. Т. I. С. 214–216; *Лавров Л.И.* К истории русско-кавказских отношений XV в. // Учен. записки Адыгейского НИИЯЛИ. 1957. Т. I. С. 17–26.
11. Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА) Ф. 123. Кн. 6. Л. 9, 12 об., 13 об., 14 об.
12. Там же. Кн. 6. Л. 315.
13. Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. VIII. С. 279; Т. XIII. С. 60–61; Т. XX. С. 413.
14. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 12, 90, 197 об. (продолжение Древней Российской библиотеки, далее – ПДРВ. Ч. УШ. С. 229, 317; Ч. IX. С. 110).
15. См.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 187.
16. РГАДА. Ф. 127. Кн. 2. Д. 63 (ПДРВ. Ч. УП. С. 244).
17. См.: *Некрасов А.М.* Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав Русского государства в первой половине XVI в. // Известия СКНЦВШ. Общ. науки. 1985. № 4. С. 48–49.
18. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 15 об.–16.
19. Там же. Л. 28; см. также: Л. 56.
20. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 107.
21. Там же. С. 108.
22. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 27 об.
23. Там же. Ф. 127. Кн. 4. Л. 90 (ПДРВ Ч. VIII. С. 317).
24. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 108.
25. Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 375–376; ПСРЛ. Т. XIII. С. 170; Т. XX. С. 487; Т. XXIX. С. 166.
26. РГАДА. Ф. 127. Кн. 3. Л. 90. А.М. Некрасов уточняет, что в подлиннике ошибочно л. 100. (ПДРВ. Ч. VIII. С. 127–128).
27. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 110. В.Д. Смирнов, писавший о походе на жанеевцев, предпочел в этом следовать сведениям позднейшей крымской хроники Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет», тогда как по мнению А.М. Некрасова данные Реммал-ходжи более достоверны.
28. Подробнее см.: *Некрасов А.М.* Некоторые вопросы истории русско-адыгских отношений в XVI в. // Общность судеб народов СССР: история и современность. М., 1989. С. 193–197.
29. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 113.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ В XVI ВЕКЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Первая половина XVI в. – особый этап в истории международных отношений в Восточной Европе. С разгромом в 1502 г. Большой Орды складывается система государств, политика которых определила международную ситуацию в регионе в последующие пять десятилетий. Среди них – Русское государство, Польша и Литва, поволжские ханства, Ногайская Орда, Крымское ханство. Кроме того, непосредственное влияние на обстановку в Восточной Европе оказывала Османская империя. Завершается данный этап присоединением к России Среднего и Нижнего Поволжья, коренным образом изменившим политическую карту региона.

История международных отношений в Восточной Европе XVI в. привлекает внимание современных зарубежных историков. Эти сюжеты затрагиваются как в общих работах по истории России, Османской империи, так и в специальных исследованиях, посвященных внешней политике стран Восточной Европы в XVI в., вышедших в США, Великобритании, Франции и Турции. В обзоре делается попытка рассмотреть труды зарубежных историков по различным вопросам истории международных отношений Восточной Европы первой половины – середины XVI в., опубликованные в 50–70-е годы.

Советскими историками обстоятельно изучена история присоединения к России Поволжья, выявлены социально-экономические и политические предпосылки присоединения, его этапы и историческое значение¹. Исследователи обратили самое пристальное внимание на изучение истории отдельных народов Поволжья и их вхождения в состав Русского государства. Сделан важный вывод о прогрессивности присоединения народов Среднего и Нижнего Поволжья к России². В трудах Н.А. Смирнова, Г.Д. Бурдея, И.Б. Грекова освещен вопрос о международных отношениях Восточной Европы в рассматриваемый период³. В советской историографии отмечалось, что в борьбе России с Казанским ханством в первой половине XVI в. важнейшую роль сыграла политика России по отношению к Крымскому ханству, за спиной которого с последней четверти XV в. стояла Османская империя. В результате присоединения к России Среднего и Нижнего Поволжья значительные изменения претерпели русско-османские отношения (Турция начинает открыто вмешиваться в русско-крымские отношения). Кроме того, присоединение к Русскому государству Поволжья создало предпосылки для добровольного вхождения в состав России ряда народов Северного Кавказа⁴. В тесной связи с ликвидацией Казанского и Астраханского ханств рассматривается советскими исследователями поход крымских и турецких войск на Астрахань в 1569 г.⁵

Вопросы истории международных отношений Восточной Европы в XVI в. и, в частности, присоединение к России Среднего и Нижнего Поволжья затрагиваются в общих курсах истории России, написанных английскими и американскими историками. Подход авторов этих работ, не являющихся, как правило, специалистами по истории России XVI в., к решению рассматриваемых вопросов в общем

одинаков. Все они заявляют о постоянной «русской экспансии в восточном направлении». Такие формулировки преследуют вполне определенную цель, обусловленную антисоветской политической направленностью работ буржуазных авторов. Последние стремятся поставить знак равенства между внешней политикой царской России и внешней политикой СССР⁶. Таковы работы М. Флоринского, М. Рена, Г. Вернадского, Б. Дмитришина, Н. Широковского⁷. Опираясь минимумом предвзято интерпретируемых фактов, почерпнутых чаще всего из работ дореволюционных историков, современные буржуазные авторы стремятся использовать историю в качестве орудия идеологической борьбы против Советского Союза.

В США и Великобритании в послевоенный период вышел также ряд специальных трудов по истории внешней политики России XVI в. – работы Э. Доннелли, Дж. Харрисона, Дж. Ланцева и Р. Пирса⁸. В качестве исходного момента складывания «русского империализма» в них, как правило, берется присоединение к России Среднего и Нижнего Поволжья, и в дальнейшем вся внешняя политика России оценивается как империалистическая. Такой подход весьма характерен для буржуазных авторов, прибегающих к нему для доказательства «извечной агрессивности» России. В основе этой антинаучной версии – полное игнорирование социального содержания понятия «империализм» и реальных исторических фактов. Так, совершенно не учитывается добровольный характер присоединения к Русскому государству народов Поволжья.

Внешней политике Османской империи и русско-турецким отношениям в XVI в. посвящена небольшая книга английского историка У. Аллена⁹, состоящая из ряда отдельных очерков, объединенных общей темой. Один из очерков касается похода крымских и османских войск на Астрахань в 1569 г. Автор приводит фактический материал, взятый в основном из работ турецких историков Х. Инаджыка и А.Н. Курата. Для его работы характерны односторонний отбор и интерпретация фактов. Так, причины провала похода У. Аллен связывает с недостатком продовольствия, происками крымского хана, невозможностью переправить под Астрахань артиллерию и т.п., забывая (или, вернее, сознательно не упоминая) об одном из важнейших моментов, а именно – об успешных действиях русского войска под командой князя Серебряного и З. Сабурова, которое было послано навстречу крымско-турецким войскам для защиты Астрахани¹⁰.

Внешней политике Османской империи XVI–XVII вв. посвящена работа американского историка К. Кортепетера¹¹. Автор в общем верно отмечает, что одной из основных причин похода 1569 г. было стремление Османской империи вернуть под свой контроль важнейший стратегический путь в Среднюю Азию через Северный Кавказ и Астрахань, дававший преимущества в борьбе с Ираном. Но главным автор считает другое – попытку строительства канала между Доном и Волгой, предпринятую турками. Советский историк Н.А. Смирнов доказал, что «турки не думали вовсе о создании постоянного канала», речь шла о попытке использования водного пути (мелких рек между Доном и Волгой) для доставки войск и артиллерии под Астрахань¹². Представляется, что при технических средствах того времени проект создания постоянного канала не мог не быть авантюрой.

Американский историк Я. Пеленский исследовал некоторые вопросы присоединения к России Казанского ханства¹³. Автор работал с первоисточниками, хорошо знает не только русскую дореволюционную, но и советскую литературу по теме. Однако показателен сам аспект проблемы, взятый в качестве объекта исследования – анализ «идеологических обоснований» московским правительством присоединения Казанского ханства (автором выделяются правовые, религиозные и др. «обоснования»). Выбор темы демонстрирует преимущественный

интерес Я. Пеленского (как и других буржуазных историков) к вопросам идеологии, политики в ущерб социально-экономическим проблемам.

Авторы работ общего характера, вышедших в послевоенные годы во Франции, трактуют вопросы международных отношений в Восточной Европе XVI в. в целом так же, как и англо-американские историки. В многотомных «Истории международных отношений» и «Всеобщей истории цивилизаций» Россия вплоть до XVI в. рассматривается как «отдаленное азиатское государство», что отражает стремление буржуазных историков умалить роль Русского государства в Европе и во всемирно-историческом процессе, а присоединение Поволжья оценивается лишь как «этап формирования территории империи», как «великий крестовый поход» против мусульман¹⁴. При этом всячески подчеркивается «агрессивный» характер внешней политики России.

В первой половине 60-х годов А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже провели большую работу в архивах Турции по поиску и выявлению материалов, касающихся России и народов Восточной Европы, ныне входящих в состав СССР. Ими были сделаны фотокопии значительного количества документов такого рода. Начиная с 1964 г. появляются публикации, отразившие результаты этой работы.

Архивы Турции представляют особый интерес прежде всего потому, что это одна из немногих стран Востока, в которой почти целиком сохранились государственные архивы начиная с XVI в. С последней четверти XV в. в вассальной зависимости от Османской империи находилось Крымское ханство. Кроме того, уже с конца XV – начала XVI в. Османская империя обращает в своей политике пристальное внимание на Северный Кавказ (в связи с начавшейся длительной борьбой с Ираном). С конца XV в. устанавливаются относительно регулярные русско-турецкие связи. Понятно, что все это обусловило приток в архивы Османской империи значительного количества документов, так или иначе связанных с историей России и окружавших ее народов Восточной Европы.

В 1964 г. Ш. Лемерсье-Келькеже опубликовала общий обзор документов по истории России и народов СССР, хранящихся в архивах Турции¹⁵. Эти документы сосредоточены в архивах канцелярии премьер-министра (Baş-Vekâlet Arşivi) и музея дворца Топкапы в Стамбуле. Из фондов архива канцелярии премьер-министра наиболее интересны «Реестры важных дел» («Mühimme defterleri») – собранные в тома копии документов входящего и исходящего характера, относящиеся к 1553–1906 гг. Они включают в основном документы Высшего совета империи, касающиеся дипломатических и военных вопросов. Архив музея дворца Топкапы содержит личные фонды султанов, в которых хранятся документы по истории русско-турецких отношений, Крымского ханства, Кавказа, Золотой Орды, Поволжья XV–XIX вв.

В 1967 г. Ш. Лемерсье-Келькеже опубликовала обзор документов, входящих в «Реестры важных дел» и охватывающих период 1553–1614 гг.¹⁶ Несмотря на то, что определенное количество материалов за 1556–1558, 1561–1563, 1565–1566 и 1597–1601 гг. утеряно, их сохранность можно назвать хорошей. Этот фонд содержит 614 документов по Крымскому ханству, 249 – по России, 175 – по Закавказью, 179 – по Северному Кавказу и 45 – по Средней Азии. Наибольшее число документов, связанных непосредственно с Россией, относится к походу на Астрахань 1569 г.¹⁷

В конце 60-х – начале 70-х годов во Франции опубликован (полностью или в отрывках) ряд документов из архивов Турции. Это документы из «Реестров важных дел», касающиеся похода 1569 г.¹⁸, письмо крымского хана Мухаммед-Гирея турецкому султану (1521 г.)¹⁹, письмо (без подписи) из Крыма будущему крымскому хану Саадет-Гирею (1523 г.)²⁰, а также письма султана крымскому хану Девлет-Гирею, связанные с походами хана на Москву в 1571 и 1572 гг.²¹

Последней по времени и наиболее крупной работой французских историков по материалам архивов Турции является сборник документов «Крымское ханство в архиве музея дворца Топкапы»²², включающий документы с середины XV до конца XVIII в. (практически все они публикуются впервые). К периоду конца XV – середины XVI в. относятся около 40 документов. Большинство их опубликовано целиком, часть – в отрывках, некоторые – в изложении. Основная часть материалов – переписка султанов с крымскими ханами, затрагивающая многие вопросы международной жизни Восточной Европы того времени и в особенности – отношения с Россией, поволжскими ханствами, астраханский поход 1569 г.

Таковы результаты публикаторской работы французских историков.

Наряду с публикациями документов был выпущен ряд статей по различным вопросам международных отношений в Восточной Европе первой половины XVI в. (с привлечением материалов турецких архивов). Прежде всего это статья А. Беннигсена о походе 1569 г.²³ Основное внимание в ней обращено на подготовку и последствия похода. Значительная часть привлеченных автором документов приведена в отрывках или целиком – во французском переводе. Опубликованные материалы позволяют уточнить многие конкретные моменты подготовки похода. Важнейшим последствием похода автор считает новый поход крымского хана на Россию, в 1571 г., когда хан пытался после разгрома Москвы заставить Ивана IV отказаться от присоединенных к России территорий Среднего и Нижнего Поволжья²⁴. А. Беннигсен полагает, что турецкий поход 1569 года, «не оказал никакого видимого воздействия» на русско-турецкие отношения²⁵. Этот вывод основывается на отправке в 1569 г. в Стамбул посольства И.П. Новосильцева и благосклонном его приеме султаном Селимом II. Но такой ход событий представляется вполне закономерным. После катастрофы 1569 г. Османская империя была заинтересована не в обострении отношений с Россией, а в сохранении мира с ней. Точно так же Россия, занятая в этот период борьбой на Западе и не имевшая возможности развить успех, достигнутый в 1569 г., нуждалась в мире на своих южных границах²⁶. Действительные намерения Селима раскрылись лишь год спустя, после разгрома Москвы Девлет-Гиреем. Тогда султан в своем письме от 7 октября 1571 г. (кстати сказать, приведенном в работе А. Беннигсена) сразу же потребовал от Ивана IV «возвращения» Казани и Астрахани.

А. Беннигсен отрицает направленность похода 1569 г. против России (во всяком случае, со стороны Османской империи). Интересы Турции в Восточной Европе были, по его мнению, второстепенными, поэтому в походе автор видит лишь предприятие по овладению путем через Нижнюю Волгу. Если же и существовало стремление нанести удар России, то якобы только со стороны Крымского ханства. Письмо Селима II Ивану IV от 7 октября 1571 г., приведенное самим А. Беннигсеном, на наш взгляд, опровергает такую трактовку²⁷.

Ш. Лемерсье-Кельеже снабдила публикацию письма крымского хана Мухаммед-Гирея султану от 1521 г.²⁸ комментариями. Письмо содержит ценную информацию о международных отношениях в Восточной Европе в начале 20-х годов XVI в. Описывая ситуацию в этом регионе, хан затрагивает крымско-русские, русско-казанские отношения, а также отношения Крымского ханства с Астраханским ханством и Литвой. Главное в письме – готовящийся поход крымских войск на Россию. Ш. Лемерсье-Кельеже снабдила комментариями многие содержащиеся в документе факты. Однако ею упущен важнейший момент – о подготовке совместного похода крымского и казанского ханов. В качестве основной причины похода Мухаммед-Гирей выдвигает в письме необходимость оказать помощь своему брату – казанскому хану – в борьбе с Русским государством.

В советской литературе существуют различные мнения относительно участия Казани в походе 1521 г.²⁹ Как нам представляется, письмо Мухаммед-Гирея султану заставляет согласиться с теми историками, которые склонны видеть в событиях 1521 г. совместный крымско-казанский поход. А если учесть, что в походе участвовал и литовский отряд Евстафия Дашковича³⁰, то факт заранее спланированного объединенного крымско-казанско-литовского выступления становится очевидным. Ш. Лемерсье-Келькеже рассматривает нашествие крымского хана на Русь только лишь как эпизод русско-крымских отношений, а не как часть объединенного наступления на русские земли с юга, востока и запада. Думается, что такое объединенное наступление нельзя считать лишь случайным эпизодом в русско-крымской борьбе.

На основе данных, содержащихся в письме неизвестного крымского сановника будущему крымскому хану Саадет-Гирею (1523 г.), написана статья А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже о политической организации Крымского ханства и его отношениях с Османской империей в начале XVI в.³¹ Авторы пытаются доказать почти полную независимость ханства от Османской империи вплоть до 1524 г. (когда ханом стал Саадет-Гирей). Подчеркивается, что «османский фактор» в это время был отнюдь не главным³². По мнению авторов, султан тогда рассматривался ханами лишь как верховный сюзерен, а его права призывать ханов с войском для участия в походах и назначать самих ханов были, скорее, «теоретическими»³³. Но о каких «теоретических» правах может идти речь, если сразу после утверждения власти Турции на Крымском побережье (1475 г.) Менгли-Гирей ряд лет находился в плену у турок и только после того, как он признал себя вассалом султана, был посажен ханом в Крыму³⁴. Точно так же его сын, Саадет-Гирей, долгое время находился в Стамбуле в качестве заложника³⁵ (что, кстати, упоминается в рассматриваемой статье). Конечно, попытки неповиновения султану со стороны ханов имели место, но рано или поздно их заставляли силой быть покорными³⁶.

Аналогичная версия развивается теми же историками и во вступительной статье к уже упоминавшемуся сборнику «Крымское ханство в архиве музея дворца Топкапы». В работе постоянно подчеркивается, что точка зрения советских историков о зависимости ханства от Османской империи является «односторонней», утверждается, что у Османской империи вплоть до XVII в. не было никаких собственных интересов в Восточной Европе, из чего следует вывод о самостоятельности внешней политики Крымского ханства. Османская империя, по мнению французских историков, до XVII в. была заинтересована лишь в сохранении важнейшего сухопутного пути через Нижнюю Волгу в Среднюю Азию. В Восточной же Европе происходила «борьба за золотоордынское наследство» между Крымом, Россией, Казанью и Польшей, к чему Османская империя якобы не имела никакого отношения³⁷. Так единый процесс развития международных отношений в Восточной Европе искусственно разрывается, что и позволяет практически исключить Османскую империю из этого процесса. Такая концепция создает неверное представление о системе международных отношений в Восточной Европе XVI в.

В послевоенные годы историками Турции также затрагивались некоторые вопросы международной жизни Восточной Европы XVI в. С 1947 по 1956 гг. в свет выходила «Османская история» И.Х. Узунчаршылы³⁸. Преобладающее внимание в ней уделяется описанию деятельности правителей, виднейших сановников и военачальников. Почти не отражены в труде вопросы социально-экономической истории, и даже политическая история представлена слабо. Почти все факты и оценки взяты автором из турецких средневековых хроник³⁹.

Лишь упоминая о присоединении к России Поволжья, И.Х. Узунчаршылы коротко говорит об астраханском походе 1569 г. Поход рассматривается им в контексте ос-

мано-иранских отношений – как экспедиция по овладению стратегическим путем в Среднюю Азию⁴⁰. В истории Восточной Европы автора более всего интересуют отношения России с «тюркскими» государствами. Необходимо отметить, что турецкие авторы до настоящего времени не различают «турок» и «тюрок» (оба понятия обозначаются термином «türkler»). Такой подход создает почву для теории пантюркизма.

Одновременно с «Османской историей» в Турции вышла «История России», написанная А.Н. Куратом⁴¹. Эта работа – первый в турецкой историографии общий курс русской истории. Нельзя не отметить источниковую базу труда – помимо материалов, взятых из работ русских буржуазных и дворянских историков, она включает летописи, актовые материалы и многие другие виды источников (все, впрочем, из числа опубликованных в досоветский период). Как и все турецкие историки, А.Н. Курат особое внимание обращает на соседние с Россией «тюркские» народы, оценивая их историю прежде всего с позиций пантюркизма. Применительно к XVI в. это выражается, в частности, в особом внимании к походу 1569 г. как объединенной «тюркской» экспедиции. В отличие от И.Х. Узунчаршылы, кроме соображений борьбы с Ираном, в числе причин похода А.Н. Курат называет и чисто религиозные – «защиту ислама» в Поволжье⁴².

Среди специальных работ, затрагивающих проблемы международных отношений в Восточной Европе XVI в., в первую очередь назовем статью турецкого историка Х. Иналджыка, в которой исследуются русско-турецкие отношения середины XVI в.⁴³ Автор отмечает, что уже с середины XV в. Османская империя «проводила активную политику на севере» (т.е. в Восточной Европе). До середины XVI в. эта политика заключалась в поддержании равновесия сил между Русским государством и Крымским ханством⁴⁴. Однако затем равновесие, как он считает, было нарушено в пользу Русского государства, Крымское ханство потерпело неудачу. Начавшееся вслед за тем продвижение русских к Черному морю и Кавказу, говорит Х. Иналджык, уже создало угрозу непосредственно Османской империи, однако в тот период времени Турция не имела возможности немедленно отреагировать на события в Восточной Европе. Поход 1569 г. был предпринят в ответ на создававшуюся угрозу владениям Турции и явился, как подчеркивает автор, «проявлением активной османской политики на севере в новых условиях»⁴⁵. Таким образом, Х. Иналджык, в отличие от большинства зарубежных историков, признает, что Османская империя еще в XVI в. активно вмешивалась в восточноевропейские дела. Вместе с тем, по его мнению, действия Османской империи в Восточной Европе были реакцией султанского правительства на создававшуюся «угрозу» со стороны Русского государства. В действительности же, наоборот, борьба России с Крымским, Казанским ханствами диктовалась потребностями защиты от агрессии последних, поддержка со стороны Османской империи дала ханствам возможность вести наступление на русские земли⁴⁶.

С Х. Иналджыком полемизирует А.Н. Курат в статье об астраханском походе 1569 г.⁴⁷ Он считает, что Османская империя не вмешивалась в отношения между восточноевропейскими государствами, в частности, в русско-крымские и русско-казанские отношения, и в первой половине XVI в. «не предпринимала никаких специальных шагов, чтобы воспрепятствовать росту могущества Москвы, полагая, что крымские ханы всегда смогут укротить московитов»⁴⁸. Трения между Русским государством и Османской империей возникли, по его мнению, в связи с укреплением позиции России в непосредственной близости от Черного и Каспийского морей и на Северном Кавказе; результатом этих трений и был поход 1569 г. Но по сравнению с действиями в Европе, Месопотамии и Северной Африке астраханский поход, считает автор, явился событием малозначительным и на-

поминал «пьесу без начала и конца»⁴⁹. Какое-то значение события 1569 г. имели лишь для России, но не для Османской империи – таково заключение А. Курата.

С рецензией на статью А.Н. Курата о походе 1569 г. выступил советский историк Г.Д. Бурдей. Он подчеркнул, что в 40–50-е годы XVI в. Турция и Крымское ханство совместно продолжали давно начавшееся вмешательство в дела Поволжья и его отношения с Россией. Пути наступления Турции и Крыма на русские земли, считает автор, были различны – от вмешательства в казанские и астраханские дела до совместных набегов крымских татар и турок⁵⁰.

В заключение, отметим, что вопросы международных отношений в Восточной Европе первой половины 60-х годов XVI в. находят отражение в современной зарубежной историографии. Французскими и турецкими историками введены в научный оборот новые материалы, позволяющие более полно осветить ряд моментов, не нашедших отражения в других источниках (в частности, русских). Однако подавляющее большинство буржуазных авторов США, Англии, Франции и Турции, не принимая во внимание достижения советской историографии, рассматривают международные отношения в Восточной Европе в первую очередь с антирусских и антисоветских позиций, всячески стараясь представить Россию как главного агрессора в Восточной Европе в этот период, что диктуется политическими соображениями, стремлением не только исказить историю России, но и использовать материал средневековья как средство идеологической борьбы против нашей страны.

Примечания

1. См.: Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). Труды МПИИ. Т. 6. 1954; Он же. Восточная политика России накануне «Казанского взятия». Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX вв. М., 1964; Он же. Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и «Казанская война». ТЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 71.

2. Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1972; Сафаргалиев М.Г. Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству. ТМНИИ. Вып. 27. Сер. истор. Саранск, 1964.

3. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. I–II. М., 1946; Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-х годах XVI в. Ученые записки Саратовского ун-та. Вып. истор. Харьков, 1956. Т. 47; Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.

4. Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. ИЗ. 1950. Т. 34.

5. Садилов П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. ИЗ. 1948. Т. 27; Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962.

6. См.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 5.

7. Florinsky M.T. Russia. A History and an Interpretation. Vol. 1–2. N.-Y., 1953; Wren M.C. The Course of Russian History. N.-Y., 1958; Vernadsky G. A History of Russia. The Tsardom of Moscow. New Haven-L., 1969; Dmytryshyn B. A History of Russia. Englewood Cliffs, 1977; Chirovsky N. A History of Russian Empire. N.-Y., 1973.

8. Donnelly A.S. The Russian conquest of Bashkiria. A case study in imperialism. New Haven-L., 1968; Harrison J.A. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, 1971; Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier. Montreal-L., 1973.

9. Allen W. Problems of Turkish Power in the 16th Century. L., 1963.

10. Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 г. С. 38.

11. Kortepeter C.M. Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. N.-Y.-L., 1972.

12. Смирнов Н.А. Указ. соч. Т. I. С. 112.

13. Pelensky J. Russia and Kazan. Conquest and imperial ideology. The Hague. P., 1974.

14. Histoire des Relations Internationales. Vol. 2. P., 1953. P. 163; Histoire générale des civilisations. P., 1961. 3 ed. Vol. 4. P. 134.
15. *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les bibliothèques et les archives de Turquie en tant que sources de documents sur l'histoire de la Russie. CMRS. 1964. Vol. V. № 1.
16. *Lemercier-Quelquejay Ch.* Une source inédite pour l'histoire de la Russie au XVI-e siècle. Les Registres des Mühimme defterleri des Archives du Baş-Vekâlet. CMRS. 1967. Vol. VIII. № 2.
17. CMRS. 1967. Vol. VIII. № 2. P. 337.
18. *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569. CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3.
19. *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521. CMRS. 1971. Vol. XII. № 4.
20. *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Le khanat de Crimée au début du XVI-e siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane (d'après un document inédit des Archives ottomans). CMRS. 1972. Vol. XIII. № 3.
21. *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les expéditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572. CMRS. 1972. Vol. XIII. № 4.
22. КСАМРТ.
23. *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569. CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3.
24. Ibid. P. 442.
25. Ibid. P. 441.
26. *Смирнов Н.А.* Указ. соч. Т. I. С. 117–120.
27. О характере похода подробнее см.: *Бурдей Г.Д.* Русско-турецкая война 1569 г. С. 3, 43.
28. *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521. CMRS. 1971. Vol. XII. № 4.
29. О полемике по этому вопросу см.: *Каргалов В.В.* На степной границе. М., 1974. С. 60–61.
30. *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III. ИЗ. Т. 27. 1948. С. 42–43.
31. *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Le khanat de Crimée au début du XVI-e siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane (d'après un document inédit des Archives ottomans). CMRS. 1972. Vol. XIII. № 3.
32. Ibid. P. 322.
33. Ibid. P. 327.
34. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Т. 1. С. 99–111.
35. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 381, 394–395.
36. См. об этом: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 155–156.
37. КСАМРТ. P. 2–3, 14–15.
38. *Uzunçarşılı İ.H.* Osmanlı tarihi. Cilt 1–4. Ankara, 1947–1956.
39. Подробнее об этой работе см.: *Мутафчиева В.П., Димитров С.А.* Некоторые замечания по новому общему курсу Османской истории. НАА. 1964. № 3; *Новичев А.Д.* Средневековая история Турции в современной турецкой историографии. Историография и источниковедение стран Азии. Вып. 1. Л., 1965.
40. *Uzunçarşılı İ.H.* Op. cit. Cilt 3 (kıs. I). Ankara, 1954. S. 34.
41. *Kurat A.N.* Rusya tarihi (başlangıçtan 1917ye kadar). Ankara, 1948.
42. Ibid. S. 155–156, 160.
43. *Inalcık H.* Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü. ВТТК. Ankara, 1948. С. XII. № 46.
44. *Inalcık H.* Op. cit. S. 353.
45. Ibid. S. 352, 362–363.
46. *Шмидт С.О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны». С. 200.
47. *Kurat A.N.* The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga canal. SEER. 1961. Vol. 40. № 94.
48. Ibid. P. 10.
49. Ibid. P. 23.
50. *Бурдей Г.Д.* Была ли русско-турецкая война 1569 г. «пьесой без начала и конца»? ИСССР. 1964. № 3. С. 217–218.

Опубликовано: История СССР. 1983. № 1. С. 195–202.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВХОЖДЕНИЯ АДЫГОВ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Вхождение адыгов в состав Русского государства находилось всегда в центре внимания советских кавказоведов. Экономические, политические и культурные связи адыгов с Русью, завершившиеся в середине XVI в. обращением адыгских владетелей к Русскому государству с просьбой о принятии в подданство, хорошо изучены в нашей литературе. Однако внешнеполитические предпосылки этих событий не получили пока достаточно конкретного освещения. В специальных работах и обобщающих трудах обычно говорится, что в это время происходит постепенное наступление крымских ханов и османских султанов на земли адыгов, перечисляются наиболее известные крымско-османские походы в этот район, а также в самом общем виде формулируется тезис о крымско-османской агрессии как одной из предпосылок обращения адыгов к России¹.

Существующие материалы позволяют значительно полнее проанализировать международное положение адыгов в этот период. Следует назвать крымско-татарскую историческую хронику «История Сахиб-Гирай-хана», написанную биографом крымского хана Сахиб-Гирея Кайсуни-заде Недаи (Реммал-ходжой) в середине XVI в. Известно пять ее списков XVII–XIX вв., одним из которых в прошлом веке пользовался В.Д. Смирнов². Недавно в Турции вышло издание хроники по Парижскому списку, сверенному с рукописью Ленинградского университета³. Эта публикация практически неизвестна советским исследователям. Между тем «История Сахиб-Гирай-хана» содержит ценнейшие данные о крымско-османских походах на земли адыгов в 30-х – начале 50-х гг. XVI в. Автор приводит имена адыгских правителей, различные топонимы и этнонимы, что позволяет проследить направления, а иногда и маршруты походов. Сведения Реммал-ходжи существенно дополняют и уточняют данные русских дипломатических документов («посольских книг»), которые изучаются советскими историками давно; однако и многие имеющиеся в «посольских книгах» свидетельства остались вне поля зрения исследователей или не получили должной оценки.

На ряд моментов османской политики в Северном Причерноморье проливают свет недавно изданные материалы турецких архивов. Особенно важны документы, касающиеся финансовых дел османских владений в этом районе⁴.

Анализ указанных источников позволяет поставить вопрос о внешнеполитических предпосылках обращения адыгов к России сугубо конкретно, в связи с рассмотрением всего комплекса вопросов международного положения адыгских народов в первой половине XVI в.

С первых лет XVI в. начинается длительная борьба османских султанов с образовавшимся в Иране могущественным Сефевидским государством; во втором десятилетии XVI в. происходит первое открытое осmano-сефевидское военное столкновение, принесшее успех османам. Соображения борьбы с сефевидами с этого времени руководят османскими султанами и в их политике на Север-

ном Кавказе, представлявшем собой стратегически важный для наступления на Иран с севера район. Османские султаны, начавшие закрепляться на черноморском побережье Западного Кавказа⁵ сразу после подчинения Крымского ханства в 1475 г. (в 1475 и 1479 гг. состоялись первые походы на земли адыгов⁶), в первой половине XVI в. стремятся упрочить здесь свое влияние и распространить его вглубь западнокавказских земель. Для наступления на населявших их адыгов султаны используют главным образом силы своих вассалов – крымских ханов.

Одновременно с началом первой османо-иранской войны 1514–1516 гг. возобновляется наступление крымских ханов на адыгские земли. В грамоте русского посла В. Коробова (апрель 1515 г.), сохранившейся в «Турецких» посольских книгах, имеются сведения, что где-то в предшествующее пятилетие крымские «царевичи ходили Черкас воевати»⁷. Анонимная «История крымских ханов» XVIII в. сообщает, что крымский хан Менгли-Гирей «заставил... повиноваться и буйный от природы народ черкесский»⁸. В «Дневниках» секретаря венецианской Синьории Марино Сануто в записях 1516 г. упоминается некий черкесский правитель, оказавший помощь «государю своему султану»⁹. Все эти отрывочные данные позволяют предположить, что между 1510 и 1515 гг. крымский хан организовал поход на адыгов, в результате которого какая-то их часть подчинилась его власти (и соответственно, верховной власти его сюзерена – османского султана). Отметим, что часть адыгских племен оставалась независимой, о чем говорят последовавшие вскоре новые крымские походы на Западный Кавказ.

В июле 1518 г. сын крымского хана Мухаммед-Гирей Бахадыр-Гирей и племянник хана Геммет-Гирей писали в Москву, что они двинулись на Дон против пришедшего к Крыму астраханского ханьча Бибей, «недруга своего не нашли, да подумали есмь на Черкасы итти, да туде есмь и пошли»¹⁰. Бахадыр-Гирей к этому добавляет: «ино ежегодная у нас война Черкасы»¹¹. Вскользь брошенные слова последнего дают возможность рассматривать летний поход 1518 г. как звено в цепи крымских экспедиций на Западный Кавказ, которые, чтобы стать «ежегодными», должны были начаться минимум двумя годами раньше. Судя по тому, что крымское войско в 1518 г. двигалось степью через низовья Дона, оно направилось в сторону Кабарды, тогда как походы на западноадыгские земли совершались обычно через Таманский полуостров, с переправой через Керченский пролив. Поход 1518 г. закончился победой кабардинцев, в декабре этого года русский посол И. Челищев сообщал из Крыма: «Богатырь царевич был... в Черкасах и Черкасы его... побили; сказывают, толко треть людей вышла из Черкас»¹².

Несмотря на поражение крымского войска, значительная часть адыгов, а может быть, и все адыги, вскоре вступают в вассальные отношения к Крыму. Весной 1519 г. хан Мухаммед-Гирей писал великому князю Василию III: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подати; также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быти готовы. И яз к ним посла посылаю»¹³. По-видимому, адыгские правители сочли в это время более безопасным переход под сюзеренитет Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту от грабительских походов. Временное спокойствие, однако, обходилось адыгам недешево: они должны были откупаться от ханов богатыми подарками, и, что самое главное, рабами. Вполне возможно, что зафиксированный позднейшими источниками «обычай» преподнесения каждому вступающему на престол крымскому хану определенного количества черкесских мальчиков и девочек, отсылавшихся в Стамбул султанам¹⁴, восходит именно к первым десятилетиям XVI в.

Следствием утверждения крымского влияния на Западном Кавказе был важный шаг османов по укреплению своей власти в этом районе: здесь строятся новые османские крепости¹⁵. Весной 1519 г. из Москвы в Стамбул отправилось посольство Б. Голохвастова, одной из задач которого были переговоры с кафинским наместником (именуемым в русских источниках «санджаком»). 2 июня в Азове русскому послу сообщили, что «Сенчак ныне в Кубе, делает город от Черкас... а крымской ныне... в Перекопи, а присылал к нему турской, чтоб послал людей своих к Черкасам беречи людей его, которые город делают в Кубе, и... (хан. – А.Н.) посылает детей своих... отпускает восемь тысяч людей»¹⁶. Поскольку послу требовалось распоряжение об отправке в Стамбул, к наместнику был послан гонец: «ездил Темеш Кадышев к Темирь-Бугузу, где город делают от Черкас». Как сообщается далее, «Сенчак... сделав город от Черкас да в Кафу приехал месяца августа 26 день»¹⁷.

Таким образом, османская крепость строилась с весны по август 1519 г., строительство велось людьми султана, но охрану несло большое крымское войско. Речь идет о крепости Темрюк в устье Кубани (Куба здесь явно не город, а река Кубань); Темир-Бугуз¹⁸ – нынешний Темрюкский залив, отсюда и название «Темрюк». Османский автор XVII в. Эвлия Челеби относит начало строительства крепости Темрюк к 921 году хиджры (1515–1516 гг.). Далее Эвлия Челеби отмечает, что неподалеку от Темрюка, на острове Адахун, тогда же была построена крепость Кызыл-Таш («Красный камень»)¹⁹. Остров Адахун – территория, ограниченная Кубанью, рекой Адегум и черноморским побережьем, а об османской крепости и сейчас напоминает название Кизилташский лиман.

Следствием подчинения адыгов Крыму было обязательство выставлять вспомогательные адыгские отряды для участия в походах крымских ханов. Согласно составленной в середине XVI в. повести о походе хана Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г., вошедшей в «Шумиловский том» Лицевого свода середины XVI в. и Степенную книгу, с Мухаммед-Гиреем на Русь пришли и «черкасы»²⁰.

В 20-х гг. XVI в. адыги сохраняли зависимость от Крымского ханства. После вступления на престол крымского хана Саадет-Гирея (1523 г.) последний сообщил в Москву, что «с сию сторону Черкасы и Тюмень мои ж». О том же писали Василию III и крымские беи: что «ныне отвселе к нам грамоты пришли...», и от черкасов люди пришли», и что с ханом в братстве «казанская земля, и король, и черкасы, и тюменская земля»²¹. Отметим, что временное прекращение крымско-османского наступления на Западный Кавказ было связано с перерывом в осmano-иранских войнах.

Активизация осmano-сефевидской борьбы в 30-х гг. XVI в. повлекла за собой возобновление боевых действий крымских ханов и османских султанов в Северо-Восточном Причерноморье. Весной 1531 г., когда после очередного конфликта с ханом Саадет-Гиреем претендент на крымский престол Ислам-Гирей бежал из Крыма, ему вдогонку хан послал четверых сыновей с войском, наказав им: «Не доедете Ислама, и вы б пошли на Нагаи, которые на сей стороне Волги, или на Черкасы на пятигорские»²². Неизвестно, состоялся ли поход на земли «пятигорских черкесов» (т.е. кабардинцев), но сам факт, что он предполагался, говорит о стремлении крымских ханов возобновить прерванное наступление на адыгские земли. Не исключено, что их новые агрессивные замыслы были связаны с активизацией внешнеполитической деятельности адыгов, включившихся в борьбу вокруг астраханского престола. Как говорят русские летописи под 1532 г., «пришед ко Азторокани безвестно Черкасы да Астарахань взяли, царя

и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь; а на Азторохани учинился Аккубек царевич»²³.

Это событие сразу привлекло внимание соседей, в первую очередь ногаев. Еще 20 лет спустя, в 1551–1553 гг., ногайские мурзы, писали царю Ивану IV: «Аккубеку царю было прибежище в Черкасах, и они его дея посрамились, да Асторохань взяв и дали ему»; «Акобек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юрт его взяв дали»; «Ахкобек царь для своего юрта ездил в Черкасы, и юрт его взяв дали»²⁴. Ак-Кубек был сыном большеордынского хана Муртазы, бежавшего из Орды еще до ее падения и долгое время бывшего правителем княжества Тюменского²⁵. Именно через Тюмень, скорее всего, и установились связи претендента на астраханский престол с адыгами, причем речь идет наверняка о кабардинцах: им было проще всего организовать поход на Астрахань для возведения на престол свойственника одного из своих князей.

М.Г. Сафаргалиев, думается, был неправ, утверждая, что с воцарением Ак-Кубека в Астрахани стали хозяевами черкесы²⁶. летописи уточняют, что они «пошли прочь» после утверждения Ак-Кубека на престоле. В пользу того же свидетельствует и кратковременность правления Ак-Кубека: уже в 1533 г. он был свергнут, вероятнее всего, ногаями²⁷. Представляется, что с вмешательством кабардинцев в астраханские дела следует связывать также большой поход ногаев против черкесов весной 1535 г. В грамоте русского посла в Ногайской Орде Д. Губина, привезенной в Москву 2 мая этого года, сообщается, что «Кошум мурза, и Мамай мурза, и Смаил мурза, и Келмагмет и Урак и все мелкие мурзы собравши людей, сказали, пошли черкас воевать»²⁸. Похоже, что ногаи стремились лишить адыгов (кабардинцев) возможности участвовать в борьбе за ханский престол в Астрахани.

В 1533–1536 гг. османы осуществили широкое наступление на Иран, захватив обширные территории. Сефевидское государство, не имевшее достаточно сил для мощного контрудара, придерживалось оборонительной тактики. Воспользовавшись мирной передышкой, во второй половине 30-х гг., оно приступило к завоеваниям в Закавказье, которые велись шахами с перерывами еще с 1516 г. В 1538 г. войско шаха захватило Ширван, что стало поводом для крымско-османского похода на земли адыгов в следующем году.

Поход подробно описан Реммал-ходжой, принимавшим в нем участие. Автор датирует поход 946 годом хиджры (19 мая 1539 г. – 7 мая 1540 г.), указывая также, что крымское войско вернулось из адыгских земель за 4–5 месяцев до набега ханского сына Эмин-Гирея на Русь. Набег на русские земли был предпринят в конце октября 1539 г., следовательно, поход на адыгов состоялся весной этого года.

Поход был организован по указанию османского наместника Кафы Халиль-бея, предложившего хану Сахиб-Гирею наказать черкесов, которые напали на «Таманский остров» (т.е. полуостров) и отогнали скот от османских крепостей²⁹. Переправленное на судах в Темрюк 40-тысячное крымское войско включало находившихся при хане постоянно янычар, а также несколько сот человек из Кафы, присланных Халиль-беем. Перейдя Кубань, войско двинулось на юго-восток и прибыло к горе Хитибит, в которой нетрудно узнать г. Тхаб. Здесь к хану явился правитель адыгского племени Жане Кансавук, находившийся в зависимости от Крыма. Хан, считавший его изменником за то, что он допустил вторжение черкесов на Тамань, согласился помиловать князя за выкуп в 100 рабов лично хану и 200 рабов султану³⁰.

От г. Тхаб войско Сахиб-Гирея двинулось вдоль «гор Эльбрус» (т.е. Большого Кавказского хребта) и через 10 дней пути встретило первые черкесские селения

(«кабаки»), где стало известно, что черкесы ждут прихода крымского войска и возвели у берега Кубани укрепления – рвы с вбитыми в дно кольями. Еще через 4 дня Сахиб-Гирей добрался до черкесских селений у берега Кубани, однако укрепление оказалось непреодолимым, а попытка хана пройти обходным путем закончилась неудачей. Как отметил Реммал-ходжа, крымским беям с трудом удалось уговорить хана вернуться, так как войско было истощено, а угроза нападения ногаев на Крым требовала присутствия хана³¹. Из Темрюка Сахиб-Гирей отправил гонца к султану с сообщением о походе на адыгов³². Данные «Истории Сахиб-Гирай-хана» показывают, что поход 1539 г. был организован османами. Армия Сахиб-Гирея продвинулась далеко вглубь адыгских земель; судя по тому, что крымское войско шло вдоль Большого Кавказского хребта в направлении Кубани около двух недель, конечной целью похода был удар по адыгскому племени Бесленей. Племя Жане находилось в то время в вассальной зависимости от Крыма; его правитель Кансавук (или Кансаук) – отец известного по русским летописям жанеевского князя Сибока Кансаукова. Жанеевская княжеская фамилия Кансауковых и в дальнейшем неоднократно упоминается в русских источниках³³.

К 20-м – началу 40-х гг. XVI в. относится ряд документов из турецких архивов, связанных с упрочением османского влияния в Северном Причерноморье, в том числе и на Западном Кавказе. Материалы управления финансовыми делами османских крепостей (датируемые периодом 1525–1543 гг.) показывают, что Кафа, Тамань были центрами османо-адыгской торговли, причем адыги продавали в основном ткани, мед, икру, а также рабов, а покупали скот, зерно, фрукты, вина³⁴. С другой стороны, сохранившиеся реестры доходов и расходов всех османских владений в этом районе, составленные один не позднее 1519 г., другой – в 1542 г., позволяют сопоставить по некоторым пунктам бюджет колоний конца второго десятилетия и начала 40-х гг. XVI в. Один из таких показателей – доходы с местностей Западного Кавказа. Первый реестр дает общую цифру 95 тыс. османских аспров, а второй отдельно фиксирует доходы Тамани – 53219 аспров и доходы от продажи зерна, скота и от налогов на сельскохозяйственную продукцию черкесов – 31073 аспра (всего 84292 аспра)³⁵.

Таким образом, доходы таманской администрации за 20 лет сократились почти на 40%, что было связано, вероятнее всего, с уменьшением объема внешней торговли адыгов. Последнее свидетельствует об упадке адыгской торговли в период османского владычества. Зато в начале 40-х гг. появились новые статьи доходов и расходов: жалованье «черкесским беям» и подушная подать с черкесов (ежегодная сумма подушной подати – 34692 аспра)³⁶. Отсутствие этих пунктов в первом реестре показывает, что они появились позже: введение их в бюджет османских колоний связано с подчинением крымско-османской власти части адыгов.

В 1545 г. крымский хан предпринимает новое наступление на земли адыгов. В конце этого года русский гонец Б. Кийков сообщил в Москву из Крыма, что Сахиб-Гирей дважды за год отправлялся на «черкас»: весной на ближних Черкас», осенью – «на Черкас далних на Хабартку на Пятигорских», т.е. сначала на западных адыгов, затем на кабардинцев³⁷. Реммал-ходжа подробно описывает эти походы, но без указания дат, которые легко восстанавливаются путем сопоставления с русскими источниками. Инициатором весеннего похода был опять же османский наместник Кафы, приславший хану сообщение об отказе жанеевского князя Кансавука (Кансаука) от отправки султану установленного количества рабов³⁸. Войско Сахиб-Гирея переправилось через Керченский пролив на осман-

ских судах. 10-тысячное войско Кансаука после короткой схватки было рассеяно, причем решающую роль сыграло применение ханом артиллерии. После этого еще около двух месяцев длился грабеж жанеевских земель и охота за пленными для обращения в рабство³⁹. Часть пленных была, вероятно, продана в Крыму, а часть отправлена в Стамбул.

Некоторое время спустя в Крым прибыл кабардинский князь Элбозди (Элбозду). Его имя в форме «Елбозду, Албуздуй» хорошо известно по русским источникам⁴⁰. Он просил Сахиб-Гирея помочь ему в борьбе против двоюродного брата, изгнавшего Элбозди из Кабарды. Приближалось время жатвы, когда кабардинцы, по словам князя, приходят в определенный район собирать урожай. В той же местности свои поля убирают и люди племени Бужадук (т.е. западноадыгских бжедугтов). Внезапное нападение, предпринятое по совету Элбозди, принесло успех хану. У реки Белх (Балк, нынешней Малки) кабардинцы и бжедуги были разбиты⁴¹. Отметим, что использование сил крымских ханов в междоусобной борьбе и ранее, и впоследствии часто давало адыгским князьям перевес над их противниками; их действия были типичны для средневековых феодальных владетелей.

Во второй половине 40-х гг. вновь вспыхивает борьба вокруг Астрахани. Ханский престол захватил Ямгурчи, которого поддержали черкесы: в 1551 г. один из ногайских мурз писал в Москву, что Ямгурчи черкесам «в свойстве учинился», и они ему «юрт его взяв дали ж, добр деи»⁴². Вскоре Ямгурчи был свергнут войском Сахиб-Гирея, что вызвало недовольство ногаев, которые в ответ напали на Крым. Согласно данным Реммал-ходжи, после взятия Астрахани Сахиб-Гирей вернулся в Крым, где успешно отразил набег ногаев⁴³. Однако в письме самого Сахиб-Гирея в Москву (конец 1547 г.) после рассказа о разгроме Астрахани сообщается: «как отголе пошли есмя назад в свою землю, и заходили есмя на Кабантерские черкасы да и дань есмя на них положили и взяли дань, а опосле того ходили есмя на Кайтаки да и тех есмя данщики учинили и дань с них взяв слава Богу и в свое государство пришли есмя»⁴⁴.

Этот поход на Кабарду и Кайтагское владение в Дагестане Е.Н. Кушева относит к 1547 г.⁴⁵ «История Сахиб-Гирай-хана» позволяет уточнить эту дату. Реммал-ходжа указывает, что нападение ногаев на Крым произошло за 2 года до смерти казанского хана Сафа-Гирея, умершего, как мы знаем, в марте 1549 г.; следовательно, ногаи напали на Крым весной 1547 г. Длительный поход на Астрахань, Кабарду и Кайтагское владение не мог состояться зимой – крымскому войску нечем было бы кормить коней.

Значит, он имел место осенью 1546 г. Русско-крымские отношения с января по декабрь 1547 г. были прерваны, поэтому Сахиб-Гирей сообщил о походе лишь через год. Отсутствие сведений о походе на Кабарду у Реммал-ходжи объясняется, возможно, тем, что он не участвовал в этой экспедиции, тогда как обычно он сопровождал хана в походах.

Поход на Кабарду имел целью, вероятнее всего, наказать кабардинцев за поддержку Ямгурчи: очевидно, его, как когда-то Ак-Кубека, поддержали именно они. Уже в 1550 г. Ямгурчи вновь правит в Астрахани; но на этот раз его свергли русские казаки, о чем сообщается в начале 1553 г. в Литву: «Тому три года минуло, как Астарохань взяли государя нашего казаки, а царь астароханский Ямгурчей из Астарохани ушел был в Черкасы»⁴⁶. Последнее вновь подтверждает, что черкесы (вероятно, кабардинцы) поддержали Ямгурчи тремя-четырьмя годами раньше.

На 1548–1549 гг. приходится очередной этап османо-иранских войн, в результате которых османы захватили ряд территорий в Закавказье. Именно в связи с османо-сефевидской борьбой необходимо оценивать и кабардинский поход Сахиб-Гирея, который служил помимо прочего дальнейшему проникновению османов на Северный Кавказ. Отметим, что Сахиб-Гирею не удалось окончательно закрепить власть Крыма и османов над Кабардой: уже летом 1549 г. сторонник Москвы ногайский мурза Исмаил писал Ивану IV о том, что «Черкасы Кабартейские нам здалися»⁴⁷. Подчинившись ногаям, кабардинцы рассчитывали на защиту от крымских набегов.

В 1551 г. состоялся поход Сахиб-Гирея на адыгов, организованный опять же по приказу султана. Поводом явилось, по словам Реммал-ходжи, нападение черкесских правителей Эльока (очевидно, Алегука) и Антанука, сыновей Джанбека, на османских подданных под Азовом. Реммал-ходжа приводит гордые речи одного из братьев: «Хан, говорят, идет грабить нас, но мы поведем себя не как жанеевцы и кабардинцы. Он силен своими пушками, а мои пушки и пищади – крутые горы и быстрые кони»⁴⁸. Во-первых, здесь уместно вспомнить слова С. Герберштейна о черкесах: «В надежде на неприступность гор они не повинуются ни туркам, ни татарам»⁴⁹. Во-вторых, из приводимых Реммал-ходжой слов адыгского князя ясно, что речь идет не о жанеевцах и не о кабардинцах. В другом месте автор прямо называет Алегука и Антанука «дети Хантука (Хынтыка)»⁵⁰. Не вызывает сомнений, что «Хантук-Хынтык» Реммал-ходжи и «Хундуг» русских источников XVII в. – одно и то же. Как было доказано Е.Н. Кушевой, последний этноним обозначает западноадыгское племя Хатукай⁵¹. Известное упоминание В.Д. Смирнова о походе Сахиб-Гирея в 1551 г. на жанеевцев, сделанное на основании того же труда Реммал-ходжи⁵² и повторенное затем всеми последующими исследователями, представляет собой не что иное, как явное недоразумение.

Ожидая прибытия крымского войска, князя Алегук и Антанук со своими людьми скрылись в горах Бужадук (т.е. в землях бжедугот). Подчеркнем, что Реммал-ходжа везде четко различает людей Алегука – хатукаевцев – и бжедугот⁵³. На четвертый день похода войско Сахиб-Гирея пришло в эти места, адыгское укрепление было разгромлено, а окрестные селения хан приказал сжечь⁵⁴. Таким образом, кроме хатукаевцев в 1551 г. удар был нанесен и по бжедуготам.

К началу 50-х гг. XVI в. в Восточной Европе происходят серьезные перемены, связанные с борьбой Русского государства против Казанского ханства, в которой активно участвовали Крымское ханство и Османское государство. Дипломатическая борьба и военные действия периода «Казанской войны» основательно изучены советскими историками, и останавливаться на них нет необходимости.

Успехи Русского государства в борьбе с Казанским ханством и поддерживавшим последнее Крымским ханством сопровождались обращением ряда адыгских князей в Москву с просьбой принять их «на службу». Просьбы адыгских правителей были удовлетворены. Одним из главных пунктов договора между Иваном IV и адыгами была защита адыгов от крымских набегов. Действенность договора проявилась уже в ближайшее время⁵⁵. Укажем, что адыгским посольствам 1552–1557 гг. в Москву наверняка предшествовали какие-то первоначальные переговоры. Можно предположить, что контакты адыгов с Москвой были установлены через ориентировавшихся на Русь ногайских правителей. В пользу этого говорит упоминавшийся факт подчинения кабардинцев ногаям в 1549 г.

Подводя итоги, можно сказать, что в течение первой половины XVI в. Крымское ханство и Османское государство неуклонно наращивали силу и масштабы

наступления на адыгов. Походы Сахиб-Гирея явились в изучаемое время вершиной крымско-османской экспансии на Западный Кавказ. Конкретное рассмотрение международного положения адыгов в первой половине XVI в. наглядно демонстрирует, что крымско-османская экспансия на Западный Кавказ явилась одной из важнейших предпосылок обращения адыгов к Русскому государству. Восстановление прервавшихся после нашествия Батыея русско-адыгских контактов следует связывать с образованием и укреплением Русского централизованного государства, которое стало мощной силой, способной противостоять агрессии османских султанов и их вассалов. Главным, стержневым моментом истории адыгских народов последующего периода было неуклонное укрепление связей с Русским государством.

Примечания

1. См.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. II пол. XVI – 30-е гг. XVII в. М., 1963. С. 198–201; *История Кабарды с древнейших времен до наших дней.* М., 1957. С. 33–36; *История Карачаево-Черкесии.* Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 213–215.
2. См. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
3. См. TSGH.
4. См.: *Berindei M., Veinstein G.* Réglements de Süleyman I concernant le liva' de Kefe. CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1; *Idem.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. Ibid., 1979. Vol. XX. № 3–4.
5. Термином «Западный Кавказ» мы обозначаем территорию к северу от Главного Кавказского хребта, включающую западноадыгские земли и Кабарду.
6. Сведения о них имеются в османских хрониках Мехмеда Нешри и Ибн Кемаля. См.: *Neşri M.* Kitâb-ı Cihan-Nümâ. Cilt 2. Ankara, 1957. S. 827; *Ibn Kemal.* Tevarih-i âl-i Osman. VII defter. Ankara, 1957. S. 386, 467–468.
7. СИРИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 144.
8. *Нешри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 383–384. Менгли-Гирей умер 6 апреля 1515 г.
9. *Sanuto M.* I diarii. Venezia, 1888. Т. 22. Col. 546.
10. СИРИО. Т. 95. С. 517.
11. Там же. С. 516.
12. Там же. С. 607.
13. Там же. С. 635.
14. См.: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 348–350, 717.
15. Тамань как османская крепость уже существовала с рубежа XV–XVI вв.
16. СИРИО. Т. 95. С. 667–668.
17. Там же. С. 668, 671.
18. Турецкое Temir-Boğaz – «Железный залив».
19. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 46, 49.
20. ПСРЛ. М.–Л., 1965. Т. 13. С. 37; . СПб., 1908. Т. 21. Ч. II. С. 599.
21. РГАДА (до 1991 г. ЦГАДА – прим. составителя). Ф. 123. Кн. 6. Л. 9. 12 об., 13 об., 14 об.; «Тюмень» – княжество Тюменское в низовьях Терека.
22. РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 315.
23. ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 279; Т. 13. С. 60–61; Т. 20. СПб., 1910. С. 413.
24. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 12, 90, 197 об.; См. также: ПДРВ. СПб., 1793. Ч. 8. С. 229, 317; Ч. 9. С. 110.
25. СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 358; Т. 95. С. 145.
26. См.: *Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве. Мордовский гос. пединститут. Сборник статей преподавателей пединститута. Саранск, 1952. С. 42.

27. См.: ПСРА. Т. 8. С. 284; Т. 13. С. 72, 115; Т. 20. С. 441.
28. РГАДА. Ф. 127. Кн. 2. Л. 63 (ПДРВ. СПб., 1791. Ч. 7. С. 244).
29. См.: TSGH. S. 35–36.
30. См.: TSGH. S. 36–39.
31. См.: Ibid. S. 39–41.
32. См.: Ibid. S. 45.
33. См.: *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 150, 205.
34. См.: *Berindei M., Veinstein G.* Règlements de Süleyman I concernant le liva' de Kefe. P. 63, 66–67, 76, 79–80.
35. *Berindei M., Veinstein G.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. P. 418.
36. См.: Ibid. P. 414, 417.
37. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 15 об. – 16, 28, 56.
38. См.: TSGH. S. 72.
39. См.: Ibid. S. 75–80.
40. См.: *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 202–203, 205.
41. См.: TSGH. S. 88–93.
42. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 90 (ПДРВ. Ч. 8. С. 317).
43. См.: TSGH. S. 106–113.
44. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 57 об.
45. См.: *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 187.
46. СИРИО. СПб., 1887. С. 59, 375–376.
47. РГАДА. Ф. 127. Кн. 3. Л. 90. (В подлиннике ошибочно Л. 100. ПДРВ. Ч. 8. С. 127–128).
48. См.: TSGH. S. 122.
49. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 160.
50. См.: TSGH. S. 124.
51. См.: *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 137–138.
52. См.: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 421.
53. См.: TSGH. S. 125, 128, 129.
54. См.: Ibid. S. 128–130.
55. Подробнее см.: *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 202–206, 231–233.

Опубликовано: Известия Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы. Общественные науки. 1985. № 4. С. 45–50.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АДЫГОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА, НАКАНУНЕ ОБРАЩЕНИЯ К РОССИИ (итоги и перспективы изучения источников)

Одной из актуальных задач советской исторической науки является выяснение предпосылок вхождения в состав Российского государства различных народов. Эта проблема плодотворно разрабатывается применительно ко многим, ныне входящим в состав СССР, народам, в частности, народам Кавказа. Вместе с тем в изучении данной проблемы существуют серьезные пробелы; так, малоизученным является вопрос о предпосылках состоявшегося в 50-х годах XVI в. обращения к России адыгских народов Западного Кавказа¹. В нашей литературе в самой общей форме сформулирован тезис о крымско-османской экспансии, как одной из предпосылок этого обращения. Однако в качестве доказательства его обычно лишь перечисляются наиболее известные походы крымских ханов и османских султанов на Западный Кавказ в конце XV – первой половине XVI в. и в общем виде констатируются завоевательные устремления Османской империи и Крымского ханства в отношении народов Причерноморья и Западного Кавказа. Значительно полнее изучен последующий период, начиная с адыгских посольств в Москву в 1552–1557 гг.² Причина такого положения – в крайней скудности фактических данных по истории адыгских народов накануне их обращения к Русскому государству, особенно, данных по международному положению адыгов этого времени. Между тем представляется несомненным, что решающую роль в складывании прорусской ориентации адыгских народов сыграли факторы внешнеполитические.

При изучении данных сюжетов дореволюционными и советскими исследователями привлекались две группы источников: русские и иностранные нарративные источники (сюда входят русские летописи и записки иностранцев о Западном Кавказе) и русская посольская документация – «посольские книги».

Материалы первой группы изучены довольно обстоятельно. Немногочисленные летописные известия введены в оборот еще в прошлом веке. Тогда же исследователи впервые обратились к запискам иностранцев о Причерноморье и Западном Кавказе. Они неоднократно издавались и в советский период. Отметим, в частности, публикации этого вида источников в 70-е годы, которые получили широкую известность в кругу историков, занимающихся изучением средневекового Кавказа³.

Материалы второй группы использованы еще далеко недостаточно и, к сожалению, некоторые из них малоизвестны. Между тем русские «посольские книги» (крымские, турецкие, ногайские) конца XV – первой половины XVI в. являются богатейшим хранилищем данных по истории внешней политики Русского государства и соседних стран. Широта политического кругозора русских дипломатов проявлялась, помимо прочего, в пристальном интересе к любым сведениям, относящимся к международной жизни региона. Сообщавшиеся ими в Москву факты, подчас не имеющие прямого отношения собственно к миссии того или

иногo дипломата, служат ценнейшим материалом по истории многих стран и народов Восточной Европы, в том числе и народов Западного Кавказа.

Русское правительство до середины XVI в. не поддерживало непосредственных связей с адыгами – во всяком случае, в имеющихся источниках данных об этом нет. Однако материалы русско-крымских, русско-ногайских, русско-османских отношений содержат многочисленные сведения о политике Османской империи и ее крымских вассалов на Западном Кавказе, об отношениях адыгов с Крымским ханством, Большой Ордой, Ногайской Ордой. Благодаря русским дипломатам, в Москве имели отчетливое представление об активном участии адыгов в международной жизни. Без сомнения, это учитывалось правительством великого князя при выработке внешнеполитической линии в отношении Крыма, ногаев, Османского государства.

Именно эта группа материалов представляется в настоящее время наиболее перспективной для изучения затронутой темы. Несмотря на то, что неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах, изучались многими исследователями, в ряде случаев исследователи прошли мимо некоторых имеющихся в них важных сведений, а в ряде случаев привлекавшиеся к исследованию данные не получили должной оценки. Все это заставляет вновь обратиться к посольским книгам как к источнику по международному положению адыгов конца XV – первой половины XVI в.

Так, крымские посольские книги содержат довольно значительную информацию об участии адыгов в ослаблении и разгроме Большой Орды. Нападения большеордынских ханов на адыгские земли в начале 90-х годов XV в., встречали упорное сопротивление адыгов⁴. Одновременно адыги пытались наладить отношения с Ордой, отправив посольство к ханам Орды⁵. Военное давление на Большую Орду со стороны адыгов было одним из важных факторов ее окончательного разгрома в 1502 г.⁶

Крымские и османские походы на Западный Кавказ осенью 1498-го, весной 1501-го, летом 1502 годов не принесли хану и султану ощутимых результатов: адыги (западные адыги и кабардинцы) отбивали нападения и нанесли ответные удары крымско-османскому войску⁷. Намечавшийся на 1504 г. очередной османский поход на «пятигорских черкесов» (кабардинцев) не состоялся⁸. После этого в крымско-османских завоеваниях на Западном Кавказе наступает почти десятилетний перерыв, связанный, главным образом, с обострением внутривосточной политической борьбы в Османском государстве.

Наступление на земли адыгов возобновляется где-то в начале второго десятилетия XVI в., когда крымский хан отправил своих сыновей «Черкас воевати»⁹. Новый крымский поход 1518 г. и одновременное строительство османских крепостей Темрюк и Кызыл-Таш привели в конечном счете к тому, что адыги были вынуждены вступить в вассальную зависимость от крымского хана¹⁰. Эта зависимость сохранялась до начала 30-х годов XVI в.¹¹ Временное прекращение крымских и османских походов стоило адыгам недешево: как можно предполагать, им приходилось платить дань крымским ханам, причем главной ее статьей были невольники, отправлявшиеся в Турцию.

Материалы посольских книг проливают свет также и на участие адыгов в политической борьбе вокруг Астраханского ханства в 30–40-х годах XVI в. Так, поход ногаев на адыгские земли весной 1535 г. был, вероятно, следствием того, что адыги в 1532 г. посадили на астраханский престол неугодного ногаям хана¹². Еще 20 лет спустя ногайские мурзы упоминают в своих письмах и Москву об участии

адыгов в астраханских событиях начала 30-х годов XVI в.¹³ Отношения адыгов с ногаями ограничивались военными столкновениями. В 1549 г. кабардинцы на какое-то время признали свою зависимость от ногаев¹⁴, что приостановило крымские набеги на Кабарду. Возможно, именно через ногаев были установлены первоначальные контакты адыгов с Русским государством, которые не могли не предшествовать прибытию в Москву официальных адыгских посольств.

Таким образом, самый краткий обзор показывает, что русские посольские материалы содержат значительный объем данных по международному положению адыгов конца XV – первой половины XVI в. Задача исследователя состоит в тщательном выявлении всех имеющихся в них сведений и сопоставлений их с данными других источников.

До сих пор речь шла об уже известных источниках. Существуют, однако, материалы, которые до сих пор практически неизвестны советским исследователям или никогда не использовались в качестве источника по истории адыгских народов, хотя таковыми являются. Речь идет о таких источниках, как средневековые османские хроники, дипломатическая переписка и другие документы из османских архивов, а также материалы «Дневников» Марино Сануто, отражающих процесс дипломатического делопроизводства венецианской Синьории.

Ряд османских хроник XV–XVI вв. сообщает ценные сведения об адыгах. Среди них написанная в последней четверти XV в. хроника Мехмеда Нешри «Зеркало мира» и включившая в себя ее данные «История дома османов» Ибн Кемалья (Кемаль-паши-заде)¹⁵. Обе эти хроники¹⁶ содержат отсутствующие в других источниках и доныне не привлекавшиеся историками важнейшие данные об османских завоеваниях на Западном Кавказе в 1475–1479 гг. До сих пор считалось, что первые крымско-османские походы на земли адыгов состоялись в конце XV в. Сведения Нешри и Ибн Кемалья позволяют отодвинуть дату начала османской экспансии в этот район почти на четверть века назад. В 1475 г., после взятия османами Кафы и захвата южного побережья Крыма, повлекших за собой подчинение османским султанам Крымского ханства, состоялся поход османского войска в Приазовье. В хронике Мехмеда Нешри сообщается, что летом или осенью 1475 г. османы, «послав в ту сторону корабли, завоевали находящиеся на том берегу крепости Азак и Япу-кирман, дойдя до самой Черкесии». Ибн Кемаль сообщает более кратко: «Покорили находящиеся на другом берегу Черного моря земли до Черкесии»¹⁷. Очевидно, в 1475 г. османы ограничились захватом крепостей Азов (Азак) и Япу-кирман (вероятно, Копа) на границах земель адыгов и не предпринимали похода вглубь адыгских территорий. Окончательное оформление зависимости Крымского ханства от османов к концу 1478 г. (поставление ханом Менгли-Гирея) сразу повлекло за собой новые завоевания на Западном Кавказе. Ибн Кемаль подробно описывает османский поход 1479 г. на Черкесию¹⁸. В нем участвовало крымское войско: это было одним из условий вассальной зависимости ханства от османов. Одной из целей похода являлся захват пленных для продажи в рабство – Ибн Кемаль с удовлетворением сообщает, что воины султана пленили сотни черкесов. Султанское войско захватило также крепости Куба (Копа) и Анаба (Анапа) с прилежащими землями. Сюда затем переселилось много османских подданных для участия в дальнейших завоеваниях. Все это показывает, что султан Мехмед II имел вполне ясную цель – закрепиться на северо-восточном побережье Черного моря, распространить свою власть за пределы Крыма. Сообщения Мехмеда Нешри и Ибн Кемалья дают возможность проанализировать события 70-х годов XV в. в Причерноморье во всей полноте,

выявить тесную связь подчинения османам Крымского ханства с османской экспансией на земли адыгов.

К османским хроникам тесно примыкают крымско-татарские исторические сочинения. Исключительно важна «История Сахиб-Гирай-хана», написанная в 50-х годах XVI в. биографом-панегиристом крымского хана Сахиб-Гирея Кайсуни-заде Недаи, известным под прозвищем Реммал-ходжа. К настоящему времени известно 5 списков этой хроники, наиболее ранний из которых, выполненный в середине XVII в., хранится в Национальной библиотеке в Париже. Более поздняя рукопись (предположительно второй половины XVII в.) имеется в фонде восточных рукописей Библиотеки Ленинградского университета; ею пользовался в прошлом веке В.Д. Смирнов, приведший в своем труде несколько небольших отрывков, включая упоминание о походе Сахиб-Гирея на адыгов в 1551 г.¹⁹ До сих пор почти не изучены находящиеся в фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР еще три списка труда Реммал-ходжи, самый ранний из которых датирован 1763 г., а два других относятся к XIX в.²⁰ Недавно «История Сахиб-Гирай-хана» издана в Турции по парижской рукописи, сверенной с рукописью Ленинградского университета²¹. Эта публикация до настоящего времени практически неизвестна советским исследователям.

«История Сахиб-Гирай-хана» содержит ценнейшие данные о крымско-османских походах на адыгов 30 – начала 50-х годов XVI в. Автор хроники, лично участвовавший в походах своего патрона, подробно описал увиденное и услышанное; рассказ Реммал-ходжи о походах является поэтому свидетельством очевидца. Некоторые сведения «Истории Сахиб-Гирай-хана» проверяются сопоставлением с русскими посольскими материалами, при этом выявляется практически полное совпадение данных. Это, кстати, помогает восполнить такой недостаток труда Реммал-ходжи, как отсутствие дат. Исключительно важно то, что автор приводит имена адыгских правителей, различные топонимы и этнонимы Западного Кавказа. Это дает возможность четко проследить направления и даже маршруты походов.

В труде Реммал-ходжи описаны османские походы на адыгов весной 1539 г. (на западных адыгов), весной и осенью 1545 г. (на западных адыгов и кабардинцев), в 1551 г. (на западных адыгов). Поход 1551 г. состоялся, как следует из последнего издания источника, на племена хатукаевцев и бжедугтов, о чем говорится вполне определенно. Между тем В.Д. Смирнов на основании той же «Истории Сахиб-Гирай-хана», и притом ее списка, также использованного при подготовке последней публикации, писал о походе 1551 г. на племя Жане. Это было повторено затем всеми последующими авторами. Очевидно, что здесь имеет место явное недоразумение, которое при последующем использовании данного источника исследователи будут обязаны учитывать.

Важным источником по истории международных отношений в Северном Причерноморье являются документы XV–XVI вв. из архивов Турции, публикация которых осуществляется французскими историками в течение последних 20 лет²². Документы османских архивов наглядно показывают зависимость Крымского ханства от султанов, тесную связь османской политики в отношении Крыма с другими направлениями внешней политики османов. Сведений собственно об адыгах в османских документах сравнительно немного, но они освещают важные аспекты османской политики на Западном Кавказе. Так, документы, касающиеся финансовых дел османских владений в Северном Причерноморье, позволяют проследить процесс упрочения влияния османов в этом районе

Реестры доходов и расходов османских колоний, составленные один не позднее 1519 г., другой в 1542 г., дают возможность сопоставить по некоторым пунктам бюджет османских владений конца второго десятилетия и начала 40-х годов XVI в.²³ Доходы османской администрации от торговли с адыгами за 20 лет ощутимо сократились (приблизительно на 10%), что было связано с упадком адыгской торговли в период османского владычества. Зато к началу 40-х годов появляются новые статьи доходов и расходов: жалование «черкесским беям» и подушная подать с черкесов. Введение их в бюджет колоний было следствием подчинения крымско-османской власти ряда адыгских племен. При этом материалы таможенных дел османских крепостей за 1525–1543 гг. демонстрируют, что торговля адыгов с османами не прекращалась, хотя одной из важнейших ее статей стала продажа невольников²⁴.

Один из интереснейших источников по истории народов Восточной Европы, в том числе и Причерноморья, – «Дневники» Марино Сануто²⁵. Автор «Дневников», живший с 1466 по 1536 г., в течение почти 37 лет занимал пост секретаря венецианской Синьории, в силу чего в его руки попадала вся входящая и исходящая документация. Документы полностью или в изложении переносились Сануто в дневник, который вследствие этого стал своего рода развернутым и притом непрерывным описанием архива Синьории более чем за 36 лет (с 1496 по 1533 г.).

Состав «Дневников» определялся кругом политических контактов Венеции того времени, поэтому в них имеются сведения практически по всем странам и областям, так или иначе контактировавшим с Венецией или с ее партнерами. Через последних в Венецию доходила информация и о странах и народах Причерноморья и Западного Кавказа. «Дневники» Сануто являются уникальным источником, поскольку записи в них производились непрерывно, какой-либо отбор при этом практически исключался, и, наконец, они охватывают, по существу, весь известный в то время европейцам мир. Не все страны, однако, представлены в записях Сануто одинаково полно. Естественно, что преобладают сведения из стран Западной Европы, Венгрии, а также Османского государства, с которыми Венеция имела регулярную связь. Более отрывочны сообщения из стран Восточной Европы и Ближнего Востока, откуда информация приходила в Венецию чаще всего через вторые руки из Венгрии, Стамбула.

Основной вид документов, составивших «Дневники», – донесения венецианских послов в других странах. Ценную информацию передавали и секретные агенты, а также венецианцы, официально не являвшиеся дипломатами, но совмещавшие другие занятия – торговые и прочие – с дипломатическими, что было типично для средневековья. М. Сануто заносил в дневник также официальные грамоты, тексты договоров между государствами.

Неизбежно встает вопрос о достоверности сообщаемых Сануто сведений. Однако при ответе на него следует, во-первых, учитывать, что в Венеции хорошо была организована служба информации. Венецианские представители всегда были в числе наиболее осведомленных, а потому многие сведения удавалось проверить и уточнить по разным источникам; и таким образом, венецианцы имели возможность получать точную информацию. Во-вторых, Венеция поддерживала оживленные связи со многими странами, сама являлась активной участницей европейской политической жизни, а потому была прямо заинтересована в точности получаемых сведений, чтобы трезво оценить обстановку в мире²⁶.

Вместе с тем нельзя не отметить, что венецианцы нередко сообщали наряду с реальными фактами и всевозможные слухи, которые часто прини-

мались на веру. Это относится, главным образом, к наиболее удаленным от Венеции странам, в том числе к странам Восточной Европы и Ближнего Востока. Поэтому при работе с данными «Дневников», полученными явно не из первых рук, больше, чем когда бы то ни было, следует учитывать источник информации и стараться сопоставить сведения «Дневников» со сведениями других источников.

«Дневники» Сануто, изданные почти столетие назад, до сих пор не привлекли должного внимания историков. Появившиеся в последние годы работы А.Л. Хорошкевич свидетельствуют о плодотворности использования «Дневников» в качестве источника по истории народов восточноевропейского региона²⁷. А.Л. Хорошкевич особо выделила в них сведения по истории Русского государства и соседних с ним народов. Однако ее исследования отнюдь не исчерпали возможностей работы с «Дневниками», а, скорее наоборот, – помогли наметить пути их дальнейшего изучения.

Значительный интерес для рассмотрения международного положения адыгов представляют данные Сануто по истории Крымского ханства, османской политики в Причерноморье. Имеются в «Дневниках» и отдельные сведения собственно об адыгах. К числу наиболее любопытных относится полученное летом 1516 г. сообщение об участии какого-то черкесского правителя в боевых действиях против Сефевидского Ирана на стороне «своего государя» султана²⁸. Это известие нуждается в сопоставлении с другими материалами, но можно предположить, что речь идет все же об одном из адыгских князей, участвовавшем со своими воинами в османо-иранской борьбе. Во всяком случае, имеются некоторые данные, подтверждающие, что венецианцы могли в это время считать султана «государем» черкесов: вероятно, какая-то часть адыгских племен находилась тогда в зависимости от султанского вассала – крымского хана. О том, что хан Менгли-Гирей «заставил... повиноваться... народ черкесский», сообщает анонимная «История крымских ханов» XVIII в.²⁹ Может быть, речь идет о событиях конца правления Менгли-Гирея, умершего в 1515 г.

Таким образом, круг источников по истории адыгских народов накануне их обращения к Русскому государству можно существенно расширить за счет привлечения османских и итальянских материалов. В частности, изучение новых данных позволит рассмотреть вопрос о предпосылках обращения адыгов к России сугубо конкретно, наглядно показав неуклонное нарастание крымско-османского натиска на адыгские земли, начиная с последней четверти XV в. Более того, и в уже известных источниках, таких, как русские «посольские книги», при тщательном поиске можно выявить ценные сведения по рассматриваемой теме. В разных источниках отражены разные аспекты данной темы, поэтому только комплексный анализ разноязычных материалов, постоянное сопоставление и проверка содержащихся в них фактов позволят создать сравнительно полную, насколько это возможно сейчас, картину участия адыгских народов в международной жизни последней четверти XV – первой половины XVI в.

Примечания

1. Термином «Западный Кавказ» мы обозначаем территорию к северу от Главного Кавказского хребта, включающую западноадыгские земли и Кабарду; принятое в литературе обозначение «Северо-Западный Кавказ» обычно относится только к западноадыгским землям.

2. См. например: *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. II пол. XVI – 30-е гг. XVII в. М., 1963; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1; *Карданов Ч.Э.* У истоков дружбы. Нальчик, 1982.
3. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; АБКИЕА.
4. СИРИО. 1884. Т. 41. С. 111, 112, 149, 167, 211–212.
5. Там же. С. 175–176.
6. Там же. С. 255, 321, 323, 332–333, 358.
7. СИРИО. Т. 41. С. 263, 279, 357, 381, 433.
8. Там же. С. 519–520.
9. СИРИО. 1895. Т. 95. С. 144.
10. Там же. С. 635.
11. РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 9, 12 об, 13 об, 14 об.
12. Там же. Ф. 127. Кн. 2. Л. 63 (ПДРВ. 1791. Ч. 7. С. 244).
13. Там же. Ф. 127. Кн. 4. Л. 12, 90, 197 об. (ПДРВ. 1793. Ч. 8. С. 229, 317; Ч. 9. С. 110).
14. Там же. Ф. 127. Кн. 3. Л. 90, в подлиннике ошибочно Л. 100 (ПДРВ. 1793. Ч. 8. С. 127–128).
15. *Mehmed Neşri.* Kitâb-ı Cihan-Nüma, Neşri tarihi. Cilt 2. Ankara, 1957; *Ibn Kemal.* Tevarih-i âl-i Osman. VII defter. Ankara, 1957.
16. Подробно о них см.: *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Т. 1. С. 260, 266–267.
17. *Mehmed Neşri.* Op. cit. S. 827; *Ibn Kemal.* Op. cit. S. 386.
18. *Ibn Kemal.* Op. cit. S. 467–468.
19. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
20. ЛО ИВАН. Рукописный отдел. № В. 765, В. 766, В. 767.
21. TSGH.
22. О публикациях см.: *Некрасов А.М.* Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI века в зарубежной историографии. ИСССР. 1983. № 1.
23. *Berindei M., Veinstein G.* La présence ottomane au sud la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. CMRS, 1979. Vol. XX. № 3–4.
24. *Idem.* Règlements de Süleyman I concernant le liva' de Kefe. Ibid., 1975. Vol. XVI. № 1.
25. *Sanuto M.* I diarii. Т. 1–58. Venezia, 1879–1903.
26. См.: История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 200–207.
27. См.: *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
28. *Sanuto M.* Op. cit. Venezia, 1888. Т. 22. Col. 546.
29. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 383–384.

Опубликовано: Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 149–159.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XV–XVI ВЕКАХ

В 1395 г. Тимур разгромил Золотую Орду, что привело к окончательному ее распаду на отдельные части, каждая из которых стремилась играть главенствующую роль. Кочевая знать Крыма воспользовалась обстановкой для создания собственного государства. Длительная борьба между феодальными группировками закончилась в 1443 г. победой Хаджи-Гирея, основавшего независимое Крымское ханство. Столицей ханства во главе с династией Гиреев до конца XV в. оставался город Крым, затем на короткий срок она переносится в Кырк-Ер, а в XVI в. строится новая резиденция Гиреев – Бахчисарай. Территория государства включала Крым, причерноморские степи и Таманский полуостров. Обстановка в Крыму к этому времени значительно изменилась. С конца XIV в. прерываются все торговые отношения Крыма с Востоком. Генуэзское купечество пыталось поправить дела за счет продажи местных товаров – рыбы, хлеба, кожи, лошадей, а также рабов. Все большее число рядовых кочевников начинает переходить к оседлости, что вызывает появление многих мелких селений.

В 1475 г. войско турецкого султана Мехмеда II захватило генуэзские владения в Причерноморье. Крымское ханство во многом утратило свой суверенитет и попало в зависимость от осман, что было закреплено возведением на престол «из рук» султана сына Хаджи-Гирея – Менгли-Гирея. С начала XVI в. султаны держали в Стамбуле заложниками представителей рода Гиреев: в случае неповиновения хан мог легко быть заменен всегда находившимся под рукой «запасным» правителем.

Важнейшей обязанностью хана было выставление войска для участия в завоевательных походах османов. Татарские отряды регулярно воевали в Малой Азии, на Балканском полуострове. В начале XVI в. крымское ханство поддержало в борьбе за престол будущего султана Селима I. Есть сведения, что брат и главный соперник Селима Ахмед погиб от руки одного из сыновей Менгли-Гирея. Активное участие ханов в войнах османов с Польшей, Молдавией превратило ханство в проводника агрессивной политики султанов в Восточной Европе.

Связи крымских ханов с Русским государством установились еще до подчинения Крыма османам. Вплоть до падения Большой Орды – главного соперника Крыма – Менгли-Гирей поддерживал с Русью дружественные отношения. В основе русско-крымского союза лежали общие интересы борьбы с Ордой и ее союзником – Великим княжеством Литовским. После разгрома в 1502 г. Орды союз быстро сходит на нет. Начались регулярные набеги крымских отрядов, нередко доходивших до самой Москвы. В 1571 г. татары во время одного из набегов взяли и сожгли Москву. Агрессивность Крыма создавала постоянную угрозу для южных границ России. Вплоть до присоединения к России в 1552–1556 гг. Казанского и Астраханского ханств Крымское ханство претендовало на роль их покровителя. При этом ханы получали помощь и поддержку султанов. Непрестанные набеги феодалов с целью грабежа на русские, украинские, молдавские, адыгские земли приносили не только трофеи, скот, но и многочисленных пленников, которых обращали в рабов.

Определенные выгоды ханам и высшей знати приносили «поминки» (подарки) от русского и литовского правительств. Это была символическая форма

дани, оставшаяся в наследство от золотоордынских времен. Крымское ханство не было единым государством, а распадалось на владения отдельных могущественных беев – бейлики. От воли татарской знати зависели и сами ханы. Главную роль в политике играли члены нескольких знатных родов – Ширин, Барын, Аргын, Седжеут, Мангит, Яшлау, главы которых носили титул «карачи».

Образование Крымского ханства усилило процесс формирования крымских татар как народности¹. В XIII–XVI вв. население Таврического полуострова, издревле отличавшееся своей многоэтничностью, становится еще более сложным и неоднородным. Кроме обитавших здесь ранее греков, алан, русов, болгар, караимов, зихов, кипчаков появляются монголы, итальянцы, армяне. В XV в. и позднее сюда вместе с османскими войсками переселяется некоторая часть турок Малой Азии. Состав местного населения также пополняется за счет многочисленных пленных самого различного происхождения. В такой исторически сложной и этнически пестрой обстановке и происходило формирование народности крымских татар.

Антропологические исследования позволяют сказать, что средневековые обитатели полуострова жили компактными группами по этнической и религиозной принадлежности, но городское население выглядело более неоднородным, чем сельское. Происходило смешение между численно преобладавшим населением европеоидного типа и носителями монголоидного физического облика. Советские ученые (К.Ф. Соколова, Ю.Д. Беневоленская) считают, что ко времени появления монголов в Крыму уже сложился тип населения, близкий по своему составу к обитателям Приазовья и Нижней Волги. В своей преобладающей массе это были люди европеоидного типа, напоминавшие во многом кипчаков. Скорее всего на их основе и происходило в дальнейшем формирование северных групп крымских татар. В состав южнобережных татар вошли, по-видимому, главным образом потомки ряда проникших ранее на полуостров тюркоязычных и других народов. Материалы более поздних мусульманских захоронений, обследованные видным советским антропологом В.П. Алексеевым, позволяют думать, что процесс сложения доминирующего типа крымского населения завершился где-то в XVI–XVII вв., однако некоторые различия, особенно между городскими и сельскими жителями, сохранялись продолжительное время.

В силу особенностей происхождения, исторических судеб, диалектных различий крымские татары подразделились на три основные группы: первую из них составили так называемые степные (северокрымские), вторую – средние и третью – южнобережные татары. Между этими группами существовали определенные черты отличия в быту, обычаях, диалектах. Степные татары были довольно близки к тюркоязычным кочевым племенам северо-западной кипчакской группы. Южнобережные и значительная часть так называемых средних татар в языковом отношении принадлежали к юго-западной, или огузской, группе тюркских языков. Среди крымских татар выделяется и определенная часть, которая называлась «ногайлы». Очевидно, это было связано с переселением в Крым тюркоязычных кочевых ногайцев из причерноморских степей. Все это говорит о разнохарактерности этнических компонентов и сложности процесса формирования народности крымских татар в XIII–XVI вв.

Опубликовано: Крым: прошлое и настоящее. М., 1988. С. 21–23.

¹ В тексте о населении Крыма использованы материалы С.Г. Агаджанова (прим. автора).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКО-АДЫГСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVI ВЕКЕ

Сведения о прямых русско-адыгских контактах до середины XVI в., до обращения адыгских правителей в Москву с просьбой о принятии в русское подданство, в источниках фактически отсутствуют. Между тем этот период исключительно важен для понимания исторических предпосылок складывания прорусской ориентации адыгов. Помимо общих рассуждений о крымско-османской агрессии как главной ее предпосылке в исторической литературе не предпринималось до сих пор попыток серьезного освещения этого вопроса.

В основе добровольного обращения различных народов к Русскому государству обычно лежало стремление получить соответствующую помощь. Чаще всего такие обращения вызывались необходимостью защиты от вражеских нападений или стремлением освободиться от иноземного притеснения. В значительной степени это относится и к адыгам, обратившимся в середине XVI в. за помощью к Ивану IV. Для того, чтобы понять, какого именно результата могли ждать адыги от обращения в Москву, попытаемся осветить их внешнеполитическое положение накануне обращения к России.

Не вызывает сомнений, что крымско-османская агрессия была важнейшим фактором международного положения адыгов в конце XV – первой половине XVI в. Добавим лишь, что установление контактов адыгов с крымскими ханами относится еще к середине XV в. Однако только с подчинением крымского ханства Турции в 70-е гг. XV в. можно говорить об агрессии против адыгов со стороны поддержанного османами Крыма. Первые походы крымских татар на адыгские земли относятся к 1475 и 1479 гг., но их наступление возобновляется в конце XV – начале XVI в. Начинается полоса турецко-иранских войн, в которых северо-кавказский путь имел стратегическое важное значение.

Крымско-османские походы на адыгские земли, строительство здесь ряда османских крепостей приводит к тому, что к началу 20-х гг. XVI в. большинство адыгов временно подчиняется и платит дань крымским ханам.

В 30-е гг. XVI в. после перерыва возобновляется война между Турцией и Ираном. Одновременно предпринимаются карательные походы на адыгов, которые вышли из подчинения ханам Крыма. Активизация османо-иранских военных действий совпадает по времени с нападениями крымско-османских войск на земли адыгов, что, разумеется, не было случайным. Аналогичная ситуация сохраняется здесь и в 40-е гг. XVI в. В целом же к началу 50-х гг. XVI в. наблюдается резкое усиление крымско-османского натиска на земли адыгов¹. Все это создало, без сомнения, необходимые политические условия для обращения адыгов в Москву. В ходе завязавшихся переговоров важным их пунктом была проблема защиты адыгов московским правительством от турецко-крымских набегов.

Летописные известия о русско-адыгских переговорах 50-х гг. XVI в. крайне немногословны, и подробности этих переговоров практически неизвестны. Вместе с тем имеются определенные косвенные данные, позволяющие высказать

некоторые предположения об их содержании. Анализ этих данных позволяет с большой долей вероятности утверждать, что одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся тогда в Москве, было предоставление русским правительством адыгам огнестрельного оружия и артиллерии.

Согласно историческим источникам, с конца XV в. шло непрерывное увеличение количества османских войск, постоянно находившихся в Крыму. К 90-м гг. XV в. относятся первые сведения о прибытии в Крым турецких отрядов, вооруженных огнестрельным оружием. Эти отряды сопровождали сына османского султана Мухаммеда, который был назначен в качестве наместника Крыма.

Следует отметить, что соблюдение огнестрельным оружием сыграло решающую роль в турецко-иранских войнах. Османская артиллерия обеспечила перевес султанской армии над войсками иранского шаха. Иранский шах Исмаил, по некоторым сведениям, пытался получить поддержку Русского государства. Согласно русским источникам, в 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей уверял султана в том, что из Москвы к шаху отправлена артиллерия. Правда, турецкие источники свидетельствуют о связях самого Мухаммед-Гирея с Ираном, так что его уверения могли иметь целью ввести султана в заблуждение насчет собственных замыслов². Дальнейшие сведения о русско-иранских контактах относятся к 1552 г., но в любом случае ясно, насколько важным было для Ирана приобретение огнестрельного оружия.

В 1524 г. в Крым в сопровождении турецкого войска прибыл назначенный османским султаном на крымский престол хан Саадет-Гирей. Сведения о численности османских воинов различны, но ближе к истине, скорее всего, известие русского посла И. Колычева; он сообщает о прибытии 200 человек, в то время как сам крымский хан говорит хвастливо о 40 тысячах. В составе османских сил имелись артиллерия и «пищали»³. Наконец, в 1532 г. в Крым прибыл новый хан Сахиб-Гирей с 600 янычарами и артиллерией. Наиболее важно для нас выяснить, где же применялось это огнестрельное оружие – артиллерия, а также отряды «тюфекчи» («пищальников», по русским источникам).

В 1541 г. во время похода хана Сахиб-Гирея на Москву в нем участвовало 1000 османских «пищальников» и 60 пушек – легкая полевая артиллерия, так называемые «дарбузаны» (darbuzan, darbzen). Поход закончился перестрелкой на Оке и отступлением ханского войска, причем, согласно русским источникам, сказался перевес русской артиллерии. В 1546 г., Сахиб-Гирей предпринял поход на Астрахань, взяв с собой 60 пушек. Массированное применение артиллерии обеспечило хану полный успех.

Огнестрельное оружие применялось также во время турецко-крымских походов на адыгские земли. В походе на западных адыгов весной 1545 г. участвовало 1000 «пищальников» и 40 пушек. Османские хроники сообщают, что адыгское войско было полностью рассеяно после артиллерийских выстрелов. Применялось огнестрельное оружие и в других походах на адыгов. Назначенный султаном в 1551 г. в Крым новый хан Девлет-Гирей, который расправился с Сахиб-Гиреем, привел с собой тысячу османских воинов при 60 орудиях. Подчеркнем, что для боевых действий в горах более всего подходила легкая артиллерия⁴.

Огнестрельное оружие было крайне необходимо адыгам для успешного противостояния натиску ханов Крыма. Особенно наглядным это стало после крымско-османских походов 40-х гг. XVI в. Приобрести артиллерию в тогдашних условиях можно было адыгам только в Москве. Поэтому есть все основания

предположить, что как раз об этом могла идти речь на адыгско-русских переговорах 50-х гг. в Москве.

Вполне очевидным является также и то обстоятельство, что для прибытия в Москву представительных посольств адыгских князей, между адыгами и Русским государством должны были быть установлены какие-то предварительные контакты. В пользу такого предположения говорят некоторые косвенные факты. Известно, что летом 1549 г. ногайский правитель Исмаил сообщил Ивану IV о подчинении ногаям кабардинцев. Не исключено, что именно через ногаев, имевших оживленные связи с Москвой, и были установлены такие контакты.

В рассматриваемую пору боевое оружие во внешней торговле Руси значилось в числе «заповедных» товаров, для покупки которых требовалось специальное разрешение правительства. Известно и то, что в середине XVI в. (данные 1548–1550 гг. и позднее) оружие, в том числе огнестрельное, поставлялось из Москвы именно ногаям. Значит, ко времени подчинения кабардинцев ногаям в 1549 г. последние такое оружие уже имели⁵. Это может служить косвенным подтверждением того, что первоначальные контакты с адыгами осуществлялись через ногаев.

Подводя итог, можно сказать, что, кроме общего нарастания крымско-османской угрозы, в числе причин обращения адыгов в Москву, скорее всего, была и остро стоявшая необходимость получения огнестрельного оружия и артиллерии. Хотя прямых сведений об этом нет, но довольно успешные действия адыгов против крымского хана вскоре после отправления их посольств на Русь могли быть следствием получения такого оружия. Тем самым выявляются подробности русско-адыгских отношений в середине XVI в., имеющие определенное значение для понимания характера взаимоотношений России с народами Северного Кавказа.

Примечания

1. Подробнее см.: Некрасов А.М. Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав Русского государства в первой половине XVI в. ИСКНЦВШ. 1985. № 4. С. 45–50.

2. СИРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 706; РГАДА. Ф. 89. Кн. 1. Л. 191 об.; Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane (d'après un document inédit des Archives ottomans). CMRS. 1972. Vol. XIII. № 3. P. 321–337.

3. РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 4 об. 8–8 об., 10 об.–11.

4. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. *Inalcik H. Studies in Ottoman social and economic history*. L., 1985. P. 445–466 (впервые опублик. в 1980 г.).

5. ПДРВ. Ч. VIII. СПб., 1793. С. 86; Ч. X. СПб., 1795. С. 107.

Опубликовано: Общность судеб народов СССР: история и современность. Сборник научных трудов. М., 1989. С. 193–197.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А.М. Некрасов

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И НАРОДЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА**
(последняя четверть XV – первая половина XVI века)

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А.П. Новосельцев

Москва, Наука • 1990

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории формирования Российского многонационального государства является одной из наиболее актуальных задач советской исторической науки. Важнейший аспект данного вопроса – выяснение предпосылок вхождения в состав Российского государства разных народов. В рамках этой проблематики находится и тема настоящей работы, основное содержание которой касается международного положения адыгских народов Западного Кавказа¹ накануне обращения адыгов в Москву с просьбой о принятии в подданство – тогда, когда формировались предпосылки их сближения с Русским государством.

Нынешнее состояние источниковой базы таково, что изучение международного положения адыгов в последней четверти XV – первой половине XVI в. означает максимально полное, насколько это возможно сейчас, изучение политической истории адыгских народов того периода. Указанное положение связано с тем, что имеющийся в распоряжении исследователей материал за редким исключением ограничивается данными внешнеполитического характера.

Исследование исторических судеб адыгских народов в названное время не может проводиться вне изучения истории международных отношений в Восточной Европе. Только анализ всей системы международных отношений позволяет с максимальной полнотой выявить корни политических событий, участниками которых являлись адыги. При этом составными частями указанной системы были не только ближайшие соседи адыгских народов – Крымское ханство, Большая Орда, другие государства – преемники Золотой Орды, Русь, но и страны, политически контактировавшие с ними, т.е. в первую очередь Великое княжество Литовское, королевство Польское, Молдавия, Османская империя.

Особенности географического положения Кавказа определяют его специфическое место в международной жизни. С одной стороны, тесные контакты со странами и народами Восточной Европы включали народы Кавказа в контекст восточноевропейской политики. С другой – Закавказье с самого начала становится ареной османо-иранской борьбы, которая велась с перерывами на протяжении XVI в. В интересах господства в Закавказье и османские султаны, и иранские шахи стремились утвердиться на Северном Кавказе. Тем самым северокавказские народы, в том числе и адыги, оказывались в сфере воздействия политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Оба комплекса политических взаимоотношений – ближневосточный и восточноевропейский – были тесно связаны, главным образом через Османское государство, являвшееся составной частью и первого, и второго. Кавказ оказывается как бы промежуточным звеном, территориально их объединяющим. При этом в силу связи разных направлений османской внешней политики необходимо иметь в виду и еще один важнейший вопрос – взаимоотношения османов со странами Центральной, Южной и Западной Европы. Страны Восточной Европы, в свою очередь, также нельзя рассматривать вне их контактов с Западной и Юго-Восточной Европой.

Все сказанное определяет необходимость значительно более широкого взгляда на международное положение народов Кавказа (в частности, адыгов), чем это обычно делается в исторической литературе. В силу того, что европейский и ближневосточный регионы включают огромную территорию, исключительно растянутую с запада на восток, международные отношения в отдельных частях этих регионов долгое время рассматривались изолированно. А такой подход нередко приводил исследователей к односторонним заключениям.

В истории международных отношений Европы в конце XV в. наступает новый этап. К тому времени в основном завершается возникновение в Западной и Центральной Европе крупных государств, пришедших на смену мелким феодальным образованиям. Аналогичные процессы идут и в Восточной Европе. Европейские страны – Франция, Англия, Испания, империя Габсбургов – начинают длительную борьбу между собой, причем феодальные усобицы сменяют войны как за гегемонию в Европе, так и за преобладающее влияние в заморских колониях. В то же время на развитие международных отношений все сильнее воздействует такой фактор, как агрессия османских султанов². Первыми из крупнейших европейских правителей с османской агрессией столкнулись Габсбурги. Вместе с тем османская экспансия создавала угрозу всем государствам юга и юго-востока Европы, что особенно отчетливо проявилось в первой половине XVI в. Как отмечал Ф. Энгельс, «турецкое нашествие XV и XVI столетий представляло собой второе издание арабского нашествия VIII века»³. Важно подчеркнуть, что войны султанов велись под религиозным знаменем «борьбы с неверными». К. Маркс по этому поводу писал: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный – это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»⁴.

В.И. Ленин указал, что «...выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»⁵. Укрепление Османского государства шло параллельно и было тесно связано с захватническими войнами. Внешнеполитическая активность османов находилась в зависимости от характера социально-экономического строя, степени развития феодальных отношений, политической борьбы внутри страны. Захватнические войны с самого начала были одной из главных статей доходов османского господствующего класса. Складывание в середине XV в. единого государства, окончательное оформление его политической и социальной структуры способствовали изменению характера войн, которые постоянно велись султанами. С того времени постепенно «грабительские набеги отходят на второй план, уступая место в борьбе за политическое господство в Европе и Азии»⁶. Вместе с тем военная добыча, доходы с захваченных территорий оставались важным источником обогащения феодалов. Завоеванные же земли превращались в источник султанских земельных пожалований той связанной с тимарной системой части феодального класса, которая стала главной опорой власти султанов⁷.

Наступление османов на Западный Кавказ в последней четверти XV – первой половине XVI в. было наиболее существенным фактором международного положения адыгских народов. Поскольку решающую роль в обращении адыгов к Русскому государству сыграли, как нам представляется, внешнеполитические соображения, с проблемой османской политики тесно связана и проблема пред-

посылок их обращения к России. Это и определило хронологические рамки настоящей работы. Исходной точкой явилось подчинение османам Крымского ханства в 70-х годах XV в. С того времени начинается важный этап в истории адыгов, связанный с их борьбой против османской агрессии. Конечный рубеж исследования – обращение адыгских правителей к России в 50-х годах XVI в. Наряду с другими важными переменами в международной ситуации Восточной Европы, это событие положило начало следующему периоду, существенным моментом которого стало укрепление связей адыгов с Россией. В качестве вводной главы в работу включен общий очерк расселения и социально-экономического строя адыгских народов последней четверти XV – первой половины XVI в., который вместе с материалом основной части позволит читателю составить более полное представление о Западном Кавказе данного периода.

* * *

Специальных исследований непосредственно по изучаемой проблеме не существует. Однако в целом ряде работ по истории международных отношений Восточной Европы XV–XVI вв. рассматривались отдельные аспекты и конкретные моменты данной темы. Некоторые положения, развитые в настоящей работе, в общей форме сформулированы в литературе. Все это делает необходимым обзор важнейших трудов, в которых так или иначе затрагивались указанные вопросы.

Русские историки М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин упоминают впервые об адыгах в связи с обращением последних к Ивану IV с просьбой о покровительстве в 50-х годах XVI в.⁸ Вместе с тем надо отметить, что в их трудах пристальное внимание сосредоточено на отношениях Русского государства с соседними странами, в том числе с Крымским и Казанским ханствами, Ногайской Ордой. Ценность этих работ заключается во введении авторами в оборот новых источников, совершенно неизвестных ранее историкам; приоритетное место занимают материалы русских архивов, в том числе крымские, ногайские и турецкие посольские книги. «Выписки» М.М. Щербатова и «Примечания» Н.М. Карамзина, помещенные в каждом томе их трудов, включают отрывки из архивных документов, летописей, некоторых других источников, часть которых и поныне сохраняет свою ценность.

Крупнейший русский историк середины XIX в. С.М. Соловьев обращал особое внимание на внешнюю политику России, международное положение в различные ее периоды. Им подробно исследованы русско-крымские, русско-казанские, русско-османские, русско-ногайские отношения XV–XVI вв. Об адыгах С.М. Соловьев, как и его предшественники, впервые упоминает только в связи с событиями 50-х годов XVI в.⁹

В дореволюционный период был создан ряд специальных трудов по истории внешней политики России и международных отношений XV–XVI вв. На первом месте следует назвать работу В.В. Вельяминова-Зернова по истории Касимовского ханства¹⁰. В силу того, что история ханства была тесно связана с русско-ордынскими, русско-казанскими, русско-крымскими отношениями, автор приводит материалы и по этим темам. Наиболее важны отрывки из восточных, т.е. крымских и османских источников, вошедшие в данную работу. В некотором смысле продолжением исследований В.В. Вельяминова-Зернова явился труд В.Д. Смирнова по истории Крымского ханства, также основанный на ма-

териалах османских и крымско-татарских средневековых хроник¹¹. Всесторонне изучив доступные ему источники, ученый пришел к выводу о вассальной зависимости ханства от османских султанов: «Крымское ханство никогда за все время своего существования не жило вполне самостоятельной жизнью. Перемены в ханском персонале, непрерывные походы крымских полчищ, даже переселенческие движения кочевых элементов ханства совершались под влиянием намерений и планов Оттоманской Порты и временных заправил ее, производивших давление на Крым через посредство членов властвовавшей там династии Гераев и через собственных приставников, сидевших в Кафе и других укрепленных пунктах, железным кольцом оцеплявших центральную территорию ханства»¹². Как отмечает далее автор, «ханская власть в Крыму представляется только как бы отражением власти турецкого султана, только временным поручением, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику»¹³. Выводы В.Д. Смирнова, принятые большинством историков, имели большое значение для понимания крымской и османской политики в Восточной Европе. В труде В.Д. Смирнова имеются сведения по истории адыгов. На основании поздних (XVII–XVIII вв.) источников историк отмечает, что крымские походы против черкесов диктовались необходимостью приобрести рабов, отправляемых султанам, что зависимость черкесов от крымских ханов никогда не была окончательной, а временное подчинение отдельных адыгских племен Крыму не остановило борьбы остальных племен против ханских набегов¹⁴. Впервые использован В.Д. Смирновым важный источник по истории Крымского ханства второй четверти XVI в. – «История Сахиб-Гирай-хана» Реммал-ходжи; автором приведены из него отрывки, в том числе и о крымских походах на Западный Кавказ. Следует отметить, что труды В.В. Вельяминова-Зернова и В.Д. Смирнова, помимо историографического значения, имеют также значение источников, поскольку большинство использованных ими материалов до сих пор недоступно широкому кругу исследователей.

В работе С.А. Белокурова впервые рассмотрен вопрос об обращении черкесов в Москву в 1552–1557 гг. с просьбой о принятии в подданство. Автор подробно излагает события того времени, но о более раннем периоде не говорит почти ничего, за исключением упоминания об участии черкесов в борьбе за Астрахань в 1532 г.¹⁵ Собранные С.А. Белокуровым сведения впоследствии неоднократно использовались многими учеными.

Период складывания советской исторической науки отмечен, помимо прочего, интересом исследователей к истории народов нашей страны, в том числе народов Северного Кавказа. В 20–30-х годах появились работы, трактовавшие различные проблемы социального строя адыгских народов дооктябрьского периода. Эти проблемы решались на материалах XVII–XIX вв.¹⁶ Международным отношениям феодальной эпохи уделялось сравнительно мало внимания. Наиболее важны написанные в 30-е годы статьи В.В. Сыроечковского по истории русско-крымских отношений конца XV – начала XVI в.¹⁷ Широкое использование документов русских архивов позволило автору сделать ценные наблюдения относительно внешней политики Крымского ханства. Отметим, что он первым обратил внимание на сведения о роли черкесов в разгроме Большой Орды¹⁸.

В период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы оживляется интерес к истории международных отношений Восточной Европы феодальной эпохи. Е.Н. Кушева выступила с небольшой статьей о роли Северного Кавказа в международной политике. Отмечая, что в XVI–XVII вв. на Востоке шла ожесто-

ченная борьба Сефевидского Ирана и Османской Турции, автор подчеркивает, что «в этой борьбе, постоянным театром которой были Закавказье и западное побережье Каспийского моря, Северный Кавказ имел для той и другой стороны большое стратегическое и политическое значение. Союз с дагестанскими владельцами мог обеспечить Турции натиск на Иран с севера, влияние на черкесских и кабардинских владельцев могло открыть крымско-турецким войскам путь из Крыма через Северный Кавказ и «Железные ворота» (Дербент) в Закавказье... Северокавказский путь был важен для Турции и Крыма по их связям с ногаями, с Казанским и Астраханским ханствами – до их завоевания Москвою – и с узбеками Средней Азии, постоянными противниками Ирана на Востоке»¹⁹.

Работа Н.А. Смирнова по истории русско-турецких отношений явилась первым в советской историографии опытом исследования данного вопроса²⁰. Опираясь в основном на «крымские» и «турецкие» посольские книги, автор прослеживает историю отношений между двумя государствами на протяжении почти 200 лет. Многие вопросы османской политики в Восточной Европе до середины XVI в. Н.А. Смирновым не затронуты или описаны бегло в силу скудости имевшихся материалов. Вместе с тем он обобщил большой фактический материал и наметил направления дальнейшего изучения проблемы.

В работе Н.А. Смирнова, посвященной роли Кабарды в русско-турецких отношениях²¹, основное внимание обращено на период со второй половины XVI по XVIII в., но имеется и краткий обзор событий предшествующего времени. Автор подчеркивает, что Кавказ играл исключительно важную роль в политике султанов, которые свою власть на Черном море рассматривали прежде всего с точки зрения установления удобных стратегических коммуникаций для переброски войск в Закавказье. Однако начало проникновения османов на Кавказ автор относит лишь к 20-м годам XVI в., отмечая, что «до тех пор, пока Турция не овладела в 1514–1515 гг. Курдистаном и не подошла вплотную к преддверию Кавказа, вряд ли она могла серьезно думать о проникновении на Кавказ»²². При этом османское наступление на Кавказ, по мнению Н.А. Смирнова, началось с юга путем создания на Черноморском побережье крепостей. Имевшиеся в распоряжении автора источники (главным образом, документы русских архивов), как нам представляется, дают возможность отнести начало османского проникновения в этот район по крайней мере к рубежу XV–XVI столетий. Основные положения данной работы Н.А. Смирнова, относящиеся к периоду до середины XVI в., были позднее повторены автором, но уже в другой работе²³.

Одновременно с исследованиями Н.А. Смирнова увидела свет монография А.А. Новосельского о «южном» направлении внешней политики России²⁴. Хотя предметом изучения автор избрал первую половину XVII в., в книге имеется также очерк истории русско-крымских и русско-ногайских отношений предшествующего времени. Важны выводы ученого о корнях внешней политики Крымского ханства. Отмечая, что мнение о внешней политике Крыма, как форме османской агрессии, является односторонним, историк видит причины агрессивности Крымского ханства в отношении соседних стран в экономическом строе крымского общества: «Мы имеем документальные свидетельства, которые неоспоримо доказывают низкий уровень состояния производительных сил Крыма и медленность их развития... Однообразие форм феодальной эксплуатации сохранялось в неизменном виде на протяжении столетий. Земледелие не только оседлого, но и полuosедлого типа внедрялось среди татар поразительно медленно. Выход из хозяйственных затруднений татары находили не в развитии

производительных сил, а в отыскании сторонних источников средств, какими сделались для них беспрестанные войны с соседями и получение с них принудительных платежей. Эти статьи дохода с давних времен вошли в качестве органической части в состав средств, поддерживавших существование крымского населения... Так следует объяснять постоянную военную активность татар, с которой приходилось бороться их соседям. Стимулы к набегам рождались беспрестанно внутри самого Крыма²⁵. А.А. Новосельский отверг мнение о подчиненности внешней политики Крыма интересам Османского государства, но подчеркнул, что «вассальная зависимость от Турции представляла собой весьма важную опору для Крыма»²⁶.

С рецензией на монографию А.А. Новосельского выступил известный советский востоковед И.П. Петрушевский. Подчеркнув, что рецензируемый правильно выявил экономические мотивы захватнической политики Крымского ханства, он отметил, что автором совершенно обойден международный фактор. Это привело к преувеличению самостоятельности внешней политики ханства²⁷. Как справедливо указано в отзыве, в XVI в. в Османском государстве, как и в Крыму, был еще силен рабовладельческий уклад в хозяйстве. Поэтому завоевания рассматривались османами в значительной мере с точки зрения интересов работорговли: «Этим международным характером работорговли и объясняется ее выгода для татар. Можно сказать с уверенностью, что турецкое правительство всегда поощряло (явно или тайно) нападения татар на Россию, а в ряде случаев и само прямо вызывало их... Постоянные нападения крымских татар на Украину и Россию вызывались не столько потребностями экономики самого Крыма, сколько потребностями невольничьего рынка Турецкой империи... военная активность крымских татар нередко служила интересам турецкой политики»²⁸.

Большое значение для дальнейшей разработки проблем международной жизни Восточной Европы XV–XVI вв. имели работы И.И. Смирнова и К.В. Базилевича. В статье И.И. Смирнова впервые подробно исследованы русско-крымские, русско-казанские и русско-османские отношения первой трети XVI в.²⁹ Проанализировав обширный материал русских источников, автор детально рассмотрел различные моменты восточной политики Русского государства, четко проследил процесс постепенного ухудшения международной ситуации на южных и восточных рубежах Руси в первые десятилетия XVI в.

Фундаментальная монография К.В. Базилевича посвящена различным аспектам внешней политики Русского государства второй половины XV – начала XVI в.³⁰ Используя широкий круг источников, исследователь демонстрирует важнейшую роль Руси в международной жизни того времени, прослеживает процесс развития отношений Русского государства со странами Европы и Востока. К.В. Базилевич показал, что внешняя политика находилась в тесной связи с завершением процесса складывания централизованного государства на Руси. Автором наглядно показана взаимосвязь «западного», «южного» и «восточного» направлений внешнеполитической деятельности великокняжеского правительства: борьба за возвращение захваченных Великим княжеством Литовским русских земель требовала мира на южных и восточных рубежах, поэтому задача сохранения дружественных отношений с Крымским ханством и борьба с Большой Ордой являлась составной частью единой линии внешней политики Руси³¹.

В послевоенный период исследователи проявляют все больший интерес к проблеме образования Российского многонационального государства, к истокам связей русского народа с другими народами, ныне входящими в состав

СССР. Если работа Г.А. Кокиева о русско-кабардинских отношениях³² содержит материал по международному положению адыгов с середины XVI в., то обширная статья Е.Н. Кушевой всесторонне освещает этот вопрос за период с конца 40-х по 70-е годы XVI в.³³ Е.Н. Кушева связывает известные по русским источникам крымско-османские походы на Северный Кавказ – 1545 и 1547 гг., а также поход 1551 г. с османо-иранской борьбой на Ближнем Востоке. Как подчеркивает Е.Н. Кушева, подчинение черкесов было необходимо султанам для овладения стратегически важным путем в Закавказье³⁴. Однако успехи Русского государства в продвижении на юг помешали в то время султанам осуществить свой замысел. Связи адыгов с Русью сыграли важную роль в успехах восточной политики Москвы и оказали значительное влияние на позиции османов в войне с Ираном 1548–1555 гг.³⁵ Отметим, что детальный анализ русско-адыгских связей 50-х годов XVI в., их места в международной жизни Восточной Европы и Ближнего Востока был впервые сделан Е.Н. Кушевой.

В первой половине 50-х годов появился ряд работ Л.И. Лаврова, в которых рассмотрены социально-экономические отношения в адыгском обществе XV–XVI вв.³⁶ Исследования Л.И. Лаврова положили начало углубленному изучению этих вопросов применительно к данному периоду.

Большое количество исследований по истории адыгских народов XV–XVI вв. было опубликовано в связи с празднованием в 1957 г. 400-летнего юбилея присоединения Кабарды к Русскому государству. В работах Е.Н. Кушевой, Т.Х. Кумыкова, С.К. Бушуева продолжено изучение истории присоединения Кабарды к России, а также социально-экономической жизни кабардинского народа того времени³⁷. Небольшая статья Л.И. Лаврова посвящена существенному моменту русско-адыгских связей конца XV в. – переписке Ивана III с «таманским князем» Захарией де Гизольфи³⁸. Заметным событием был выход в свет «Очерков истории Адыгеи» и «Истории Кабарды»³⁹. Политическая история адыгов последней четверти XV – первой половины XVI в. изложена в этих трудах сравнительно коротко. Перечисляются известные по русским источникам походы крымско-османских войск на Западный Кавказ, а также говорится о строительстве османских крепостей на Черноморском побережье. Важнейшее значение имеет вывод авторов о крымско-османской экспансии на адыгские земли как об одной из главных предпосылок обращения адыгов к Русскому государству в 50-х годах XVI в.⁴⁰

Различные вопросы социально-экономической, этнической истории, культуры адыгских народов XIV–XVII вв. рассмотрены в работах Е.П. Алексеевой и Л.И. Лаврова⁴¹.

Результатом многолетней работы автора в области истории народов Северного Кавказа XVI–XVII вв. явилась монография Е.Н. Кушевой⁴². Книга состоит из двух частей, посвященных соответственно социально-экономическим отношениям народов Северного Кавказа и связям с Россией; статья 1950 г. в переработанном виде вошла во вторую часть монографии, которая до настоящего времени является наиболее полным исследованием истории адыгских народов рассматриваемого периода.

«История Кабардино-Балкарской АССР» и «Очерки истории Карачаево-Черкесии»⁴³ обобщают новые данные по социально-экономической, этнической истории адыгских народов. Однако описание в них международного положения адыгов в последней четверти XV – первой половине XVI в. основано на уже известных материалах и в основном повторяет выводы более ранних работ авто-

ров. В 70–80-х годах выходят в свет книги, продолжающие изучение социально-экономических проблем истории адыгов, а также русско-адыгских отношений после обращения адыгов к России⁴⁴.

В ряде работ И.Б. Грекова сделана первая в советской историографии попытка обобщения международной жизни Восточной Европы на протяжении XIV–XVI вв.⁴⁵ Автор предлагает новое решение многих вопросов этой большой темы. Следует остановиться на новой трактовке восточноевропейской политики Османского государства. Подчеркивая, что «Крым выступал вассалом Османской империи, послушным исполнителем ее воли», И.Б. Греков неизменно прослеживает в политике Крымского ханства направляющую руку османских султанов. Справедливо указывая на связь различных направлений османской внешней политики, автор полагает, что она выражалась в наличии у султанов четко оформленной системы воздействия на политику стран Восточной Европы. Данная система позволяла султанам маневрировать в интересах дальнейшей экспансии по всем направлениям. Одним из важнейших орудий при этом И.Б. Греков и считает Крымское ханство, осуществлявшее своей политикой захватнические устремления Османского государства в отношении Восточной Европы. Непосредственным выражением этого были как чередование дружественных и враждебных актов в отношении Руси и Великого княжества Литовского для разжигания между ними противоречий, так и организация крупных военных акций, прямо служивших ослаблению восточноевропейских стран. При этом, как подчеркивал И.Б. Греков, само султанское правительство оставалось в тени⁴⁶. Ряд положений концепции И.Б. Грекова встретил серьезные возражения исследователей⁴⁷. Основные ее моменты тем не менее развиты в коллективном труде по истории османской политики в Европе, вышедшем в 1984 г.⁴⁸

Более взвешенно оценивал внешнюю политику Османской империи В.Д. Королук, подчеркнувший существование определенной градации направлений османской экспансии. Стремление султанов продвинуться в Восточную Европу автор ставит на последнее, пятое место после основных задач османской политики – борьбы с Ираном, завоеваний на Балканах, в Средиземноморье и Центральной Европе⁴⁹.

А.Л. Хорошкевич продолжила изучение различных вопросов международной жизни Восточной Европы конца XV – первой трети XVI в.⁵⁰ Обращая основное внимание на связи Русского государства с западноевропейскими странами, автор привлекает новый материал, касающийся экономических, политических и культурных отношений Руси с другими государствами. Рассмотренные ею некоторые аспекты русско-крымских и русско-османских отношений исследуются главным образом в связи с западноевропейской политикой османских султанов. Важно отметить широкое использование автором такого источника, как «Дневники» Марино Сануто.

Обстоятельно изучены советскими историками вопросы международного положения Молдавского княжества в XV–XVI вв.⁵¹ В названном коллективном труде «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.» впервые собран и обобщен обширный фактический материал по широкому кругу вопросов османской политики в Европе.

История международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. привлекала внимание также зарубежных историков. Различные вопросы этой темы поднимались как англо-американскими, французскими авторами, так и турецкими историками. В их работах одно из главных мест отводится рассмотрению

внешней политики Русского государства, вхождению в его состав различных народов. Говорится о русско-турецких отношениях и политике Русского государства на Кавказе, что связано со стремлением выявить истоки возникновения «восточного вопроса». Как правило, корни его обнаруживаются в XVI в. и связаны, по мнению зарубежных авторов, с образованием многонационального Русского государства⁵². Вместе с тем многие исследования французских и турецких авторов основаны на привлечении новых ценных материалов.

В последние десятилетия французскими историками опубликованы документы XV–XVI вв. из государственных архивов Турции. Наряду с публикациями появились статьи по различным вопросам международных отношений в Восточной Европе первой половины – середины XVI в. В статье А. Беннигсена о крымско-османском походе 1569 г. на Астрахань⁵³ отмечено, что интересы Османского государства в Восточной Европе в XVI в. были второстепенными, и сам поход 1569 г. явился всего лишь экспедицией для овладения путем в Среднюю Азию, а не ударом по территории Русского государства⁵⁴.

Ш. Лемерсье-Кельеже снабдила вступительной статьей публикацию письма крымского хана Мухаммед-Гирея султану Сулейману I от 1521 г.⁵⁵ Письмо содержит ценные сведения о русско-крымских, русско-казанских отношениях того времени. Главное в документе – готовящийся крымский поход на Русь. Прокомментированы многие факты, но автором упущен важнейший момент – о подготовке совместного похода крымского и казанского ханов: в качестве основной причины похода Мухаммед-Гирей выдвигал необходимость оказать помощь казанскому хану в борьбе с Русским государством.

На основе данных, содержащихся в письме неизвестных крымских вельмож будущему крымскому хану Саадет-Гирею (1523 г.), написана статья А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Кельеже о политической организации Крымского ханства и его отношениях с Османским государством в начале XVI в.⁵⁶ Авторы доказывают почти полную независимость ханства от султанов вплоть до начала 20-х годов XVI в. По мнению историков, султан тогда рассматривался ханами лишь как верховный сюзерен, а его права призывать ханов с войском для участия в походах и назначать самих ханов были скорее «теоретическими»⁵⁷. Обращение к историкам показывает, что степень зависимости крымских ханов от султанов в конце XV – начале XVI в. при таком подходе оказывается все же преуменьшенной. Процесс складывания системы крымско-османских отношений в этот период не завершился. Тенденция к установлению зависимости Крыма от османов отчетливо прослеживается.

Аналогичная точка зрения развивается теми же историками и во вступительной статье к сборнику «Крымское ханство в архиве музея дворца Топкапы», где подчеркивается, что мнение советских историков о зависимости ханства от османских султанов является «односторонним», утверждается, что у Османского государства вплоть до XVII в. не было никаких собственных интересов в Восточной Европе, из чего следует вывод о самостоятельности внешней политики Крымского ханства. Султаны, полагают авторы, до XVII в. были заинтересованы лишь в сохранении важнейшего пути через нижнюю Волгу в Среднюю Азию, обеспечивавшего им связь с союзниками в борьбе с Ираном – узбекскими властителями. В то время в Восточной Европе происходила «борьба за золотоордынское наследство» между Крымом, Русью, Казанью, Великим княжеством Литовским, к чему Османское государство не имело никакого отношения⁵⁸. Так единый процесс развития международных отношений в Восточной Европе ис-

кусственно разрывается, что и позволяет практически исключить из него османов. Такая концепция создает неполное представление о системе международных отношений Восточной Европы XVI в.

Социально-политическим и религиозным отношениям народов Северного Кавказа в XVI в. посвящена работа Ш. Лемерсье-Келькеже, однако автор касается истории адыгов лишь после их обращения к Русскому государству в середине XVI в.⁵⁹

В послевоенные годы историками Турции также затрагивались некоторые аспекты данной темы. В первую очередь назовем статью Х. Иналджыка, в которой исследуются русско-османские отношения середины XVI в. Автор отмечает, что уже с середины XV в. Османское государство «проводило активную политику на севере», т.е. в Восточной Европе, причем до середины XVI в. эта политика была направлена на поддержание равновесия сил между Русским государством, Великим княжеством Литовским и Крымским ханством⁶⁰. Однако затем равновесие, как считает автор, было нарушено в пользу Русского государства. Крымское ханство потерпело неудачу. Начавшееся вслед за тем продвижение русских к Черному морю и Кавказу, говорит Х. Иналджык, уже создало угрозу непосредственно Османскому государству, однако в тот период оно не имело возможности немедленно отреагировать на события в Восточной Европе. Поход 1569 г. был предпринят в ответ на создавшуюся угрозу владениям султанов и явился, как подчеркивает автор, «проявлением активной османской политики на севере в новых условиях»⁶¹. Таким образом, Х. Иналджык, в отличие от большинства зарубежных историков, признает, что османские султаны еще до середины XVI в. проводили собственную политику в Восточной Европе. С тех же позиций он выступает и в своих статьях по истории Крымского ханства для англо-французского и турецкого изданий «Энциклопедии ислама»⁶².

С Х. Иналджыком полемизировал А.Н. Курат в своих вышедших в 60-е годы статье и монографии по истории астраханского похода 1569 г.⁶³ Он считал, что Османское государство в первой половине XVI в. не проводило никакой собственной политики в Восточной Европе и «не предпринимало никаких особых шагов, чтобы воспрепятствовать росту могущества Москвы, полагая, что крымские ханы всегда смогут укротить московитов»⁶⁴. По мнению Курата, вплоть до начала XVIII в. политика султанов в этом регионе не шла дальше охраны османских интересов на нижнем Дону и Северном Кавказе, поскольку, как подчеркивает автор, любое государство, владеющее обширными землями, должно свои владения защищать. Только в этом смысле Курат считает возможным говорить о проведении таким государством собственной политики. Главным принципом политики «защиты османских владений» Курат считает сохранение «статус-кво» на соседних территориях: после завоевания итальянских колоний в Причерноморье все прилежавшие к ним земли остались в руках прежних хозяев – крымских и ордынских ханов⁶⁵. Особенно острые возражения Курата вызвало заключение Иналджыка о том, что Османское государство принимало участие в русско-крымских и крымско-ордынских отношениях, поддерживало русско-крымский союз и тем самым в конечном счете способствовало усилению Русского государства. Характерно, что Курат ставит Х. Иналджыку в укор то, что в этом вопросе его взгляды совпадают со взглядами советских историков⁶⁶.

Монография А.Н. Курата до настоящего времени является наиболее крупной в турецкой историографии работой по истории международных отношений в Восточной Европе XV–XVI вв. Следует также отметить вышедшие в 70-х годах

исследования по истории Крымского ханства, в которых на основе не привлекавшихся ранее крымско-османских материалов изучены многие важные моменты истории Крыма XVI в.⁶⁷

Подводя итог обзору литературы, укажем, что в советской и зарубежной историографии основательно изучены многие аспекты международных отношений Восточной Европы последней четверти XV – первой половины XVI в., накоплен значительный материал по данной большой теме. Вместе с тем ряд вопросов не привлек должного внимания исследователей, некоторые моменты вызывают споры. Это заставляет вновь обратиться к проблемам международной жизни указанного периода.

Слабо изучена роль адыгов в международной жизни последней четверти XV – первой половины XVI в. Наиболее важно заключение советских исследователей о связи крымско-османской политики на Западном Кавказе с ирано-османской борьбой, а также сформулированный в общей форме вывод о крымско-османской агрессии как одной из основных предпосылок обращения адыгов к Русскому государству. Углубленное конкретное изучение различных вопросов международного положения адыгских народов в последней четверти XV – первой половине XVI в. до настоящего времени историками не предпринималось. Оно и составляет основную задачу настоящей работы, причем решение данной задачи немислимо без привлечения целого комплекса как новых, так и уже известных источников.

* * *

Использованные в настоящей работе источники можно условно разделить на две большие группы: 1) источники нарративные, к которым относятся русские летописи, средневековые османские хроники, записки иностранцев о Причерноморье и Западном Кавказе; 2) посольская документация, включающая русские «посольские книги», дипломатическую переписку XV–XVI вв. из архивов Турции, а также материалы «Дневников» М. Сануто, которые отражают процесс дипломатического делопроизводства венецианской Синьории. Существенной особенностью указанных источников является их разнотипность, причем они различаются по характеру, форме и содержанию не только по двум названным группам, но чаще всего и внутри самих групп. Это необходимо иметь в виду при их анализе.

Среди нарративных источников важное место занимают русские летописи. Хотя непосредственно к адыгам относятся лишь единичные летописные сообщения, без этого вида источников невозможно обойтись при анализе международных отношений региона в целом. В летописях имеется масса сведений об отношениях Руси с соседними странами, по истории этих стран. Часто при сопоставлении посольских материалов с летописными известиями удается восполнить пробелы, возникшие вследствие гибели значительной части «посольских книг». Сведения по истории Крыма, русско-крымским отношениям последней четверти XV в., борьбе Крымского ханства с Большой Ордой сохранились не во всех летописях. Интерес к такого рода фактам характерен в первую очередь для великокняжеских летописных сводов 70–90-х годов XV в. (таких, как свод 1479 г., Типографская летопись), положенных затем в основу официальных общерусских летописей XVI в. – Воскресенской, Никоновской⁶⁸.

В процессе работы над этими летописными известиями пришлось столкнуться с несколькими их вариантами, причем наиболее полные из них содержатся

в Типографской, Воскресенской летописях и Шумиловском томе Лицевого свода середины XVI в. Некоторые предположения о редакциях известий, сделанные в соответствующих местах, разумеется, не претендуют на бесспорность и являются рабочими гипотезами; однако мы все же сочли возможным высказать свои соображения на этот счет. К числу до конца не выясненных относится вопрос об источниках «Шумиловского тома» (охватывает 1425–1533 гг.)⁶⁹. Известно, что данный том представляет собой особую редакцию Никоновской летописи, дополненную по Воскресенской и некоторым другим летописям, а также по Степенной книге⁷⁰. Это вполне подтверждается, кстати, и анализом известий по истории международных отношений последней четверти XV – первой половины XVI в.

К первой группе источников относятся и средневековые османские хроники, к которым тесно примыкают крымско-татарские исторические сочинения. Ряд османских хроник XV–XVI вв. сообщает сведения об адыгах. В последней четверти XV в. была написана хроника Мехмеда Нешри «Зеркало мира», которую вскоре использовал при создании своей «Истории дома османов» Ибн Кемаль (Кемаль-паша-заде)⁷¹. Эти хроники⁷² содержат отсутствующие в других источниках и донныне не привлекавшиеся историками важнейшие данные об османских завоеваниях на Западном Кавказе в 1475–1479 гг. Благодаря сообщениям Мехмеда Нешри и Ибн Кемалья имеется возможность во всей полноте проанализировать события 70-х годов XV в. в Причерноморье, выявить тесную связь подчинения османами Крымского ханства с османской агрессией против адыгов.

Исключительно важна «История Сахиб-Гирай-хана», написанная в 50-х годах XVI в. биографом-панегиристом крымского хана Сахиб-Гирея Кайсуни-заде Мехмедом Нидаи, известным под прозвищем Реммал-ходжа («гадалыщик», «астролог»). К настоящему времени известно шесть списков этой хроники, наиболее ранний из которых, выполненный в 1651 г., хранится в Национальной библиотеке в Париже⁷³. Более поздняя рукопись (предположительно второй половины XVII в.) имеется в фонде восточных рукописей Библиотеки Ленинградского университета⁷⁴. Ею пользовался в прошлом веке В.Д. Смирнов, приведший в своем труде несколько отрывков.

До сих пор почти не изучены находящиеся в рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР еще четыре списка труда Реммал-ходжи, два из которых датируются XVIII в., а остальные относятся к XIX в.⁷⁵ Недавно «История Сахиб-Гирай-хана» издана в Турции по парижской рукописи, сверенной с рукописью Ленинградского университета⁷⁶. Эта публикация до настоящего времени оставалась практически неизвестной советским исследователям. В данной работе она впервые используется в отечественной историографии. Настоятельной остается задача критического издания источника с привлечением всех сохранившихся рукописей. «История Сахиб-Гирай-хана» содержит ценнейшие данные о крымско-османских походах на адыгов 30-х – начала 50-х годов XVI в. Автор хроники, лично участвовавший в походах своего патрона, подробно описал увиденное и услышанное. Поэтому рассказ Реммал-ходжи о походах является свидетельством очевидца. Укажем, что некоторые сведения «Истории Сахиб-Гирай-хана» проверяются сопоставлением с русскими посольскими материалами, налицо совпадение данных. Это, кстати, помогает восполнить такой недостаток труда Реммал-ходжи, как частое отсутствие дат. Исключительно важно и то, что автор приводит имена адыгских правителей, различные топонимы и этнонимы Западного Кавказа, что дает возможность проследить направления, а иногда и маршруты походов.

Помимо названных, использованы также отдельные сведения крымских и османских хроник XVII–XVIII вв. таких, как «История Кипчакской степи» Абдуллы ибн Ризвана (XVII в.)⁷⁷, анонимная «История крымских ханов» (середина XVIII в.)⁷⁸, отрывки из рукописей османских хроник, опубликованные В.В. Вельяминовым-Зерновым и В.Д. Смирновым в их трудах (наиболее важны сведения османского историка второй половины XVI в. Дженнаби).

Важным видом источников являются разнообразные сочинения иностранцев о народах Восточной Европы и, в частности, Западного Кавказа. Основная их часть уже неоднократно использовалась исследователями. Этот вид источников служит в основном созданию общей картины жизни адыгов в рассматриваемое время, и только отдельные данные могут быть использованы в плане изучения международного положения адыгов. К ним относятся известия И. Барбаро и А. Контарини⁷⁹. Записки И. Барбаро написаны на основании двух «путешествий» автора – в Тану в 1436–1452 гг. и в Персию в 1473–1479 гг. А. Контарини дважды побывал в Причерноморье и на Кавказе во время поездки в Персию в 1474–1477 гг.⁸⁰ Эти авторы приводят ценные сведения об отношениях адыгов с соседями – прежде всего с Большой Ордой.

В конце XV в. Западный Кавказ посетил итальянец Дж. Интериано, оставивший известные записки о «стране зихов» (т.е. адыгов). В этом труде подробно описаны жизнь, быт, нравы адыгов. Во второй половине XVI–XVII в. об адыгах писали такие авторы, как М. Броневский, А. Ламберти, Э. Дортелли д'Асколи, Дж. Лукка, Ж.-Б. Тавернье. Некоторые из сообщаемых ими фактов могут быть отнесены и к более раннему времени, как, например, сведения о религиозной принадлежности адыгов. Ряд касающихся Западного Кавказа отрывков из сочинений европейцев опубликован в специальном сборнике⁸¹.

В 1517 г. в Польше был издан «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского, ставший на долгое время для жителей Западной Европы источником сведений о Руси и народах Восточной Европы⁸². В нем имеется несколько упоминаний о черкесах, в том числе об их принадлежности к православию. Труд М. Меховского наряду с другими, как полагают, послужил источником «Записок о Московии» С. Герберштейна⁸³. Однако определенную часть материала для «Записок» автор почерпнул из собственных наблюдений и занятий в бытность свою имперским послом к Василию III в 1517 и 1526 гг. Поэтому кроме взятых, предположительно, у М. Меховского и других авторов сведений о черкесах, С. Герберштейн приводит и данные, которые он мог получить только в Москве. К ним следует причислить известия об отношениях черкесов с Крымом и османами. Подчеркнем, что труд С. Герберштейна в какой-то мере отражает степень осведомленности русского правительства о народах Западного Кавказа. Судя по «Запискам», она была довольно высокой.

К той же группе источников можно отнести и труд османского путешественника первой половины – середины XVII в. Эвлии Челеби⁸⁴. Его «Книга путешествия» является подробным дневником многочисленных поездок в Крым, Молдавию, на Кавказ. Кроме личных впечатлений, Эвлия Челеби использовал исторические сочинения османских авторов, как, впрочем, и устные рассказы, легенды, предания, к которым относился не критически, дополняя их подчас собственными домыслами. Поэтому «Книга путешествия» – материал сложный, требующий при работе с ним особой осторожности. Вместе с тем некоторые данные Эвлии Челеби, в частности, о строительстве османских крепостей на Западном Кавказе, можно считать достоверными, поскольку они подтверждаются более ранними сведениями.

В числе источников второй группы по объему извлеченного материала важнейшее место занимают русские дипломатические документы – «посольские книги» по сношениям Руси с Крымским ханством, Османским государством и Ногайской Ордой. Часть их опубликована в дореволюционный период⁸⁵. Не все публикации отвечают современным требованиям, а некоторые (особенно издание «Ногайских дел» конца XVIII в.) содержат неточности. Однако с учетом уже давно высказанных замечаний⁸⁶ публикации широко используются советскими исследователями. В ряде случаев издания приходится сверять с подлинниками. Неопубликованные «посольские книги» хранятся в Центральном государственном архиве древних актов⁸⁷. Материалы русских архивов, как опубликованные, так и неопубликованные, давно привлекали внимание историков, занимавшихся международными отношениями Восточной Европы. Советскими исследователями выработана и успешно применяется научная методика работы с этим видом материалов. «Посольские книги» последней четверти XV – первой половины XVI в. являются богатейшим источником данных по истории внешней политики Русского государства и соседних стран. Широта политического кругозора русских дипломатов проявлялась, помимо прочего, в пристальном интересе к любым сведениям, относящимся к международной жизни региона. Сообщаемые ими факты, подчас не имеющие прямого отношения собственно к миссии того или иного дипломата, дают ценнейший материал по истории многих стран и народов Восточной Европы. Именно так попадали в «посольские книги» данные о народах Западного Кавказа. Русское правительство до середины XVI в. не поддерживало непосредственных связей с адыгами (своеобразное исключение – переписка Ивана III с «таманским князем» Захарией де Гизольфи). Однако материалы русско-крымских, русско-ногайских, русско-османских отношений рассматриваемого периода содержат многочисленные сведения о политике крымских ханов и османских султанов на Западном Кавказе, об отношениях адыгов с Крымским ханством, Большой Ордой (до 1502 г.), Ногайской Ордой. Благодаря русским дипломатам в Москве имели отчетливое представление об активном участии адыгов в международной жизни. Без сомнения, это учитывалось великокняжеским правительством при выработке внешнеполитической линии в отношении Крыма, ногаев, Османского государства. Поскольку сведения одних русских дипломатов нередко дублировались сообщениями других, имеется возможность проверить достоверность получаемых в Москве данных.

На некоторые сведения «посольских книг» об адыгах исследователи уже обращали внимание. Часть использованных в настоящей работе данных привлечена впервые.

Ко второй группе источников относятся также материалы дипломатических отношений Руси с Великим княжеством Литовским и Польской Короной – «книги польского двора» из русских архивов (за 1487–1557 гг. изданы целиком)⁸⁸, а также «книги посольские» Литовской Метрики. Из последних нами привлекались лишь опубликованные⁸⁹. Эти материалы необходимы для создания целостного представления о системе международных отношений Восточной Европы. Они содержат сведения об отношениях Великого княжества Литовского не только с Русью, но и с Крымским ханством, османскими султанами, позволяющие проследить связь разных направлений внешней политики великих князей литовских и королей польских. Имеются здесь и отдельные данные об адыгах.

Широко привлекаются в работе опубликованные дипломатические документы из архивов Турции. Еще в конце 30-х – начале 40-х годов нынешнего сто-

летия турецкие историки Ф. Куртоглу и А.Н. Курат издали несколько документов второй половины XV в., касающихся Крымского ханства⁹⁰.

В первой половине 60-х годов французские историки А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и другие занялись выявлением материалов, касающихся России и других стран и народов Восточной Европы, в архивах Турции. Эта работа легла в основу вышедших впоследствии многочисленных публикаций⁹¹. Архивы Турции представляют собой интерес прежде всего потому, что это одна из немногих стран Востока, в которой почти целиком сохранились государственные архивы начиная с XVI в. В последней четверти XV в. в орбиту османской политики попадают Крымское ханство, Западный Кавказ, тогда же устанавливаются русско-османские связи. Все это обусловило приток в архивы Османского государства значительного количества документов, так или иначе связанных с народами Восточной Европы. Документы XV–XVI вв. сосредоточены в архивах кабинета министров и музея дворца Топкапы в Стамбуле. К периоду до середины XVI в. относятся преимущественно материалы архива музея-дворца Топкапы, включающего личные фонды османских султанов⁹².

В 60-х–70-х годах опубликован ряд документов первой половины XVI в. из турецких архивов. Среди них письмо крымского хана Мухаммед-Гирея султану Сулейману I от 1521 г.⁹³, письмо неизвестных крымских вельмож будущему хану Саадет-Гирею от 1523 г.⁹⁴, документы, касающиеся финансовых дел османских владений в Северном Причерноморье и на Западном Кавказе⁹⁵.

Наиболее крупной работой французских историков по материалам архивов Турции является сборник документов «Крымское ханство в архиве музея дворца Топкапы»⁹⁶, включающий документы с середины XV до конца XVIII в. К последней четверти XV–первой половине XVI в. относится почти 40 документов, большинство из которых опубликовано впервые. Они представлены в фотокопиях и в переводе со староосманского на французский, часть – в изложении. Материалы сборника включают переписку султанов с крымскими ханами и крупными крымскими владетелями, а также переписку ханов с османскими сановниками. Документы снабжены комментариями. Материалы сборника содержат ценнейшие, подчас уникальные данные по истории международных отношений Восточной Европы. В сопоставлении с другими источниками эти сведения проливают свет на многие донные неизвестные факты и события.

Во вторую группу источников можно включить и материалы «Дневников» Марино Сануто⁹⁷. Автор «Дневников», живший с 1466 по 1536 г., в течение почти 37 лет занимал пост секретаря венецианской Синьории, в силу чего в его руки попадала вся входящая и исходящая документация, которая либо полностью, но чаще в изложении переносилась Сануто в дневник, который вследствие этого стал своего рода развернутым и притом непрерывным описанием архива Синьории более чем за 36 лет (с 1496 по 1533 г.).

Состав «Дневников» определялся кругом политических контактов Венеции того времени, поэтому в них имеются сведения практически по всем странам и областям, так или иначе контактировавшим с Венецией или ее партнерами. Через последних сюда доходила информация о странах и народах Причерноморья и Западного Кавказа. «Дневники» Сануто являются уникальным источником, поскольку записи в них производились непрерывно, а охватывали, по существу, весь известный в то время венецианцам мир. Не все страны, однако, представлены в записях Сануто одинаково полно. Естественно, преобладают сведения из стран Западной Европы, Венгрии, а также Османского государства, с которыми

Венеция имела регулярную связь. Значительно более отрывочны сообщения из стран Восточной Европы: информацию оттуда в Венеции получали чаще всего не из первых рук.

Основной вид документов, составивших «Дневники», – донесения венецианских послов. Ценную информацию передавали и секретные агенты, а также венецианцы, официально не являвшиеся дипломатами, но совмещавшие другие занятия – торговые и прочие – с дипломатическими, что было характерно для средневековья. Известно, что Венеция была одним из первых государств Европы, создавших специальную дипломатическую службу⁹⁸.

Непростым является вопрос о достоверности имеющихся у Сануто сведений. Венеция поддерживала оживленные связи со многими странами, сама являлась активнейшей участницей европейской политической жизни, а потому, естественно, была заинтересована в аутентичности получаемых сведений. Хорошо организованная служба информации была в состоянии обеспечить эту точность в достаточной мере⁹⁹. Вместе с тем венецианцы часто сообщали наряду с реальными фактами и всевозможные слухи, непроверенные данные. Разумеется, это относится в наибольшей степени к отдаленным от Венеции областям, в том числе странам Восточной Европы, Ближнего Востока. Поскольку для настоящей работы важны в первую очередь именно такие материалы, приходится быть максимально осторожным, учитывать источник информации и постоянно сопоставлять сведения «Дневников», если это возможно, со сведениями других источников.

Нельзя считать, что «Дневники» Сануто, изданные столетие назад, не привлекали внимания историков. Их материалы использовались для изучения международных отношений в Западной Европе, османо-иранских войн¹⁰⁰. Недавно переизданы отрывки из «Дневников», касающиеся Сефевидского Ирана¹⁰¹. Вместе с тем сведения по истории народов Восточной Европы до недавнего времени не получали должной оценки. Работы советского историка А.Л. Хорошкевич свидетельствуют о возможности использования «Дневников» в качестве источника по истории международной жизни в Восточной Европе¹⁰².

В настоящей работе использован главным образом не привлекавшийся до настоящего времени исследователями материал «Дневников» по истории стран Восточной Европы, а также османской внешней политики. Среди выявленных данных имеются сведения по истории народов Западного Кавказа, однако отрывочность их требует особенно тщательного учета свидетельств других источников.

Таким образом, значительная доля источников вводится в оборот впервые – речь идет об османских хрониках, дипломатических документах из архивов Турции и целом ряде известий из «Дневников» М. Сануто. Да и многие известные исследователям источники до сих пор изучались в связи с иной тематикой, вследствие чего немалая часть имеющейся в них информации не получила должной оценки.

Отметим, что в разных источниках отражены разные аспекты избранной темы. При этом материал приходилось собирать буквально по крупицам, а потому он не может не быть несколько отрывочным. Вместе с тем комплексный анализ различных источников, постоянное сопоставление и проверка содержащихся в них данных позволяют создать сравнительно полную, насколько это возможно сейчас, картину участия адыгов в международной жизни последней четверти XV – первой половины XVI в. Нередко приходилось ограничиваться гипотезами, предположениями. Окончательно подтвердить или опровергнуть их можно лишь путем дальнейшего поиска новых источников по данной теме.

* * *

В ходе обсуждения текста данной работы и отдельных его частей ценные замечания и советы высказали Д.Ю. Арапов, С.П. Карпов, М.С. Мейер, А.П. Новосельцев, А.Л. Хорошкевич, а также С.И. Лучицкая и И.Р. Сони́на. Автор считает своим приятным долгом принести им искреннюю благодарность. Столь же признателен автор своим коллегам по отделу общих проблем истории народов СССР Института истории СССР АН СССР за неизменную поддержку в работе.

Примечания

1. Термином «Западный Кавказ» мы определяем территорию к северу от Большого Кавказского хребта, включающую западноадыгские земли и Кабарду. Под «Северо-Западным Кавказом» обычно подразумеваются только западноадыгские земли.
2. См.: Сказкин С.Д. Международные отношения в Европе в конце XV и I половине XVI в.; Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981. С. 143–144, 149–150; Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984. С. 4–8, 67–93.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 180.
4. Там же. Т. 10. С. 167.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.
6. Мейер М.С. К периодизации истории Турции эпохи феодализма. Вестн. МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1977. № 4. С. 10.
7. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 40.
8. См.: Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. СПб., 1786. Т. 5. Ч. 1. С. 11; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 8. С. 226–227.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. Т. 6. С. 489.
10. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863–1868. Ч. 1–4.
11. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
12. Там же. С. XXX–XXXI.
13. Там же. С. 306.
14. Там же. С. 348–350, 717–718.
15. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613. ЧОИДР. 1888. М., 1889. Кн. 3 (146). С. XXXIX–XLIX.
16. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963. С. 25–26.
17. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. ИА-НООН. 1932. № 3. С. 200–235; Он же. Мухаммед-Герай и его вассалы. Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 61. С. 3–71.
18. Сыроечковский В.Е. Пути и условия... С. 203.
19. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв.: Обзор материалов русских архивов. ИЖ. 1943. № 1. С. 60–68.
20. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1–2.
21. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948.
22. Там же. С. 5–6.
23. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
24. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948.
25. Там же. С. 6. 417–419.
26. Там же. С. 422.

27. *Петрушевский И.П.* [Рецензия]. История и филология стран Востока. Л., 1952. Вып. 3. С. 231–232. Рец. на кн.: *Новосельский А.А.* Указ. соч.
28. Там же. С. 234–236.
29. *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III. ИЗ. 1948. Т. 27. С. 18–66.
30. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.
31. Там же. С. 15–18, 101.
32. *Кокиев Г.А.* Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. ВИ. 1946. № 10. С. 44–60.
33. *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. ИЗ. 1950. Т. 34. С. 236–287.
34. Там же. С. 239, 242, 254.
35. Там же. С. 286–287.
36. *Лавров Л.И.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. МИЗ. М., 1952. Вып. 1; *Он же.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. ССИК. Нальчик, 1954. Вып. 3; *Он же.* Адыги в раннем средневековье. Там же. Нальчик, 1955. Вып. 4.
37. *Кумыков Т.Х.* К вопросу присоединения Кабарды к России. Там же. Нальчик, 1956. Вып. 5; *Кушева Е.Н.* Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI–XVII вв. Там же. *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956; *Кумыков Т.Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957.
38. *Лавров Л.И.* К истории русско-кавказских отношений XV в. УЗАНИИ. 1957. Т. 1. С. 17–26.
39. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. Авторы разделов по XV–XVI вв. Е.С. Зевакин, С.К. Бушуев; История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. Авторы разделов Е.Н. Кушева, Т.Х. Кумыков.
40. Очерки истории Адыгеи. Т. 1. С. 120–125; История Кабарды с древнейших времен до наших дней. С. 36.
41. *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957; *Она же.* Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. ТКНИИ. 1959. Вып. 3; *Лавров Л.И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. СЭ. 1957. № 4; *Он же.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
42. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963.
43. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. Авторы разделов по XV–XVI вв. Л.И. Лавров, Е.Н. Кушева; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. Авторы разделов Е.П. Алексеева, Е.Н. Кушева.
44. См.: *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии: Вопросы этнического и социально-экономического развития. М., 1971; *Вилинбахов В.Д.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977; *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; *Он же.* Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII–XVI вв. История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981; *Карданов Ч.Э.* У истоков дружбы. Нальчик. 1982.
45. *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; *Он же.* К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV–XVI вв. Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 150–156; *Он же.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв.: По данным Э. Челеби. Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 299–314.
46. См.: *Греков И.Б.* Очерки по истории... С. 148, 151–156, 233–235, 242–248, 294–295.
47. См.: *Бурдей Г.Д.* Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV–XVI вв. Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 192–212; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 242, 280–281.
48. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Отв. ред. И.Б. Греков; Авт. кол.: И.Б. Греков, С.Ф. Орешкова, Г.Г. Литаврин и др. М., 1984.

49. Королук В.Д. Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI–XVII вв.). Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 147–148.
50. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
51. Семенова Л.Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 207–234; Она же. Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV в. СС. 1984. № 5. С. 37–50; Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984; Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества: Последняя треть XIV – начало XIX в. Кишинев, 1987.
52. См.: Ибрагимбейли Х.М. Россия и Северный Кавказ в XVI – первой половине XIX в. в освещении современной буржуазной историографии. ИСССР. 1982. № 2. С. 185–199; Некрасов А.М. Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России в XVI в. в зарубежной историографии. ИСССР. 1983. № 1. С. 195–202.
53. Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569. CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3. P. 427–446.
54. О походе см.: Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962. С. 3, 43.
55. Lemerrier-Quelquejau Ch. Les Khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521. CMRS. 1971. Vol. XII. № 4.
56. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejau Ch. Le khanat de Crimée au début du XVI-e siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane (d'après un document inédit des Archives ottomans). CMRS. 1972. Vol. XIII. № 3.
57. Ibid. P. 322, 327.
58. КСАМРТ. Р., 1978. P. 2–3, 14–15.
59. Lemerrier-Quelquejau Ch. La structure sociale, politique et religieuse du Caucase du Nord au XVI siècle. CMRS. 1984. Vol. XXV. № 2–3. P. 125–148.
60. Inalcık H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü. BTTK. 1948. Cilt 12. № 46. S. 353. В настоящее время Х. Иналджык работает в США.
61. Ibid. S. 352, 362–363.
62. Inalcık H. Giray. Islam ansiklopedisi. 1948. Cilt 4. Cüz 38. S. 785; *Idem*. Kırım. Ibid. 1954. Cilt 6. Cüz 64. S. 747; *Idem*. Giray. Encycl. Islam. 1965. Vol. 2. Fasc. 40. P. 1112–1113.
63. Kurat A.N. The Turkish expedition to Astrakhan in 1569 and the problem of the Don–Volga canal. SEER. 1961. Vol. 40. № 94; *Idem*. Türkiye ve Idil boyu: 1569 Astarhan seferi, Ten–Idil kanalı ve 15–17 yüzyıl osmanlı–rus münasebetleri. Ankara, 1966.
64. Kurat A.N. The Turkish expedition to Astrakhan... P. 10.
65. Kurat A.N. Türkiye ve Idil boyu... S. 1, 46–48.
66. Ibid. S. 15, 48.
67. Gökbilgin O. 1532–1577 yılları arasında Kırım Hanlığının siyasî durumu. Ankara, 1973; Inalcık H. The Khan and the Tribal Aristocracy: the Crimean Khanate under Sahib Giray I. HUS, 1979–1980. Cambridge, 1980. Vol. 3–4. Pt 1. P. 445–466.
68. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 232, 242.
69. Зимин А.А. Указ. соч. С. 40.
70. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 209.
71. Mehmed Neşri. Kitâb-ı Cihan-nüma: Neşri tarihi. Ankara, 1957. Cilt 2; *Ibn Kemal*. Tevarih-i âli-i Osman. VII defter. Ankara, 1957.
72. Подробно о них см.: Новичев А.Д. История Турции. Л., 1963. Т. 1. С. 260, 266–267.
73. Bibliothèque Nationale. Manuscrits orientaux. Suppl. turc. № 164. См.: Gökbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray I, khan de Crimée. CMRS. 1970. Vol. XI. № 3. P. 462–469.
74. Библиотека ЛГУ. Восточные рукописи. № 488.
75. Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.И. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. М., 1965. Т. 1. С. 124–126; М., 1975. Т. 2. С. 48.
76. TSGH.
77. Zajaczkowski A. La chronique des steppes Kipchak «Tevarih-i deşt-i Qırçaq» du XVII siècle. Warszawa, 1966.

78. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 379–392.
79. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст. и подгот. текстов Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
80. Там же. С. 12–17 и след.
81. АБКИЕА. Нальчик, 1974.
82. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936.
83. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
84. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. М., 1961. Вып. 1; 1979. Вып. 2; 1982. Вып. 3.
85. СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. СПб., 1895. Т. 95. Вошли: «Дела Крымские». Кн. 1–5 за 1474–1519 гг.; «Дела Турецкие». Часть кн. 1 за 1512–1521 гг.; «Дела Ногайские». Кн. 1 за 1489–1509 гг.; *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. Прил.: «Турецкие дела». Кн. 1 (Л. 206–337 об., за 1522–1533 гг.); ПДРВ. СПб., 1791. Ч. VII; 1793. Ч. VIII, IX. Выборочно «Ногайские дела». Кн. 2–4 за 1533–1556 гг.
86. *Веселовский Н.И.* Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами. ЖС. 1909. Вып. 2–3. С. 237–268.
87. С 1991 г. – Российский государственный архив древних актов (*прим. составителя*).
88. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1, 2. СИРИО. СПб., 1882. Т. 35. СПб., 1887, Т. 59.
89. Литовская Метрика. РИБ. СПб., 1910. Т. 27; Юрьев, 1914. Т. 30; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846–1848. Т. 1, 2; Сборник князя Оболенского № 1. М., 1838; *Довнар-Запольский М.В.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской, 1502–1509. ИТУАК. 1898. № 28. С. 1–91; и др.
90. *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. ВТТК. 1937. Cilt 1. № 3–4. S. 641–655; *Idem.* Son Altın Ordu hükümdarının Osmanlı hükümdarı Mehmed IIye bir mektubu. Ibid. 1938. Cilt 2. № 5–6. S. 247–250; *Kurat A. N.* Topkapı sarayı arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940.
91. Обзор части этих публикаций см.: *Некрасов А.М.* Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. в зарубежной историографии. ИСССР. 1983. № 1. С. 197–201.
92. *Lemercier-Quelquejey Ch.* Les bibliothèques et les archives de Turquie en tant que sources de documents sur l'histoire de Russie. CMRS. 1964. Vol. V. № 1. P. 105–140.
93. *Lemercier-Quelquejey Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521. CMRS. 1971. Vol. XII. № 4.
94. *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejey Ch.* Le khanat de Crimée au début du XVI-e siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane (d'après un document inédit des Archives ottomans). CMRS. 1972. Vol. XIII. № 3.
95. *Berindei M., Veinstein G.* Règlements du Süleyman I concernant le liva' de Kefe. CMRS. 1975. Vol. XVI, № 1; *Idem.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane. Turcica. P. Strasbourg, 1976. T. VIII–2; *Idem.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. CMRS. 1979. Vol. XX, N 3–4.
96. КСАМРТ...
97. *Sanuto M.* I diarii. Venezia, 1879–1903. Т. 1–58.
98. *Ивонин Ю.Е.* У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984. С. 11, 17.
99. История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 200–207.
100. См.: *Babinger F.* Marino Sanuto's Tagebücher als Quelle zur Geschichte der Safawijja. *Babinger F.* Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südosteuropas und der Levante. München, 1962. Bd. 1. S. 378–395. Впервые опубли. в 1922 г.; *Fisher S.N.* The Foreign Relations of Turkey, 1481–1512. Urbana, 1948.
101. Şah İsmail I nei «Diarii» di Marin Sanudo. Roma, 1979. Т. 1: Testi.
102. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Московия: Из истории политико-географической терминологии. Acta baltico-slavica. Wrocław, 1976. Т. 10. P. 47–57; *Она же.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

Глава первая

НАРОДЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Представление о расселении, племенном делении, социально-экономическом строе адыгских народов последней четверти XV – первой половины XVI в. можно составить по отрывочным сведениям западноевропейцев, посетивших Западный Кавказ в конце XV в. (И. Барбаро, Дж. Ингриано). Учитывая консерватизм общественного строя адыгов феодального периода, замедленность в развитии основных социально-экономических процессов, сообщаемые ими факты в ряде случаев допустимо дополнить путем сравнения с данными авторов, писавших об адыгах в более позднее время (Э. Дортелли д'Асколи, Дж. Лукка, Ж.-Б. Тавернье, Эвлия Челеби и др.). Исследования советских археологов дали богатый материал для изучения общественно-экономического строя адыгов, однако вместе с тем многие моменты остаются невыясненными. Имеющиеся материалы позволяют дать лишь наиболее общую картину внутренней жизни адыгов в рассматриваемое время.

В последней четверти XV – первой половине XVI в. адыги населяли обширную территорию. С запада она ограничивалась Черноморским побережьем и приблизительно до начала XVI в. включала восточное побережье Азовского моря к юго-западу от устья Дона. В первой половине XVI в. адыги, вероятно под давлением крымских ханов, уходят из Приазовья на юг. Во всяком случае, позднее конца XV в. в этом районе они уже не фиксируются. Самой южной точкой расселения народа на побережье Черного моря Лукка называет Кудесчио – пункт, который Л.И. Лавров отождествляет с мысом Кодош в районе современного Туапсе¹. Есть основания полагать, что в рассматриваемый период земли простирались приблизительно до этих мест. Северной границей была Кубань, в районе Пятигорья – Кума и далее Терек. В верхнем течении Терека и Сунжи лежали крайние адыгские области на востоке. На юге же их земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту. Отметим, что на указанной территории в последней четверти XV – первой половине XVI в. жили и другие народы – абазины, татары, балкарцы и карачаевцы, армяне, а также некоторые другие. На побережье Черного моря находились османские крепости Темрюк, Тамань, Суджук-Кале, Келенчик и др. В этих городах имелось и местное население. Ближайшим соседом адыгов на западе было Крымское ханство. В степях к северу от Кубани и Кумы кочевала Большая Орда, территория которой после ее разгрома в начале XVI в. была занята Ногайской Ордой. Восточными соседями являлись феодальные владения Дагестана, самыми крупными из которых шамхальство Казикумухское и княжество Тюменское. Здесь же, в верховьях Терека, к землям адыгов примыкали территории, населенные осетинами. По Большому Кавказскому хребту адыги граничили с грузинскими княжествами, на Черноморском побережье – с Абхазией.

В рассматриваемое время адыги четко разделяются на две группы – западные и восточные адыги (кабардинцы). В дальнейшем они оформляются в родственные адыгские народности. В XV–XVI вв. этот процесс был далеко не завершен. Можно, однако, отметить, что у кабардинцев процесс формирования народности происходил интенсивнее².

По археологическим памятникам прослеживается различие погребального обряда и инвентаря двух групп адыгских курганов XV–XVI вв. – Кабардино-Пятигорской и Белореченской. По мнению Е.П. Алексеевой, различие между этими двумя группами этническое и связано с процессом оформления двух адыгских народностей³. Граница между Кабардой и Западной Черкесией проходила приблизительно от Эльбруса на север к верховьям Кумы и Подкумка.

Необходимо остановиться на вопросах этнической терминологии. Название «Кабарда» появляется безусловно ранее рассматриваемого времени: впервые оно упоминается у Барбаро в форме «Кевртеи» уже как устоявшееся название народа⁴. Таким образом, в последней четверти XV – первой половине XVI в. восточные адыги четко выделяются под единым названием кабардинцев. Х. Иналджык включал Кабарду в середине XV в. в состав владений крымского хана на основании тарханного ярлыка хана Хаджи-Гиреям 1453 г. В нем перечислены области, где ярлык должен действовать, в том числе область, название которой Х. Иналджык передавал как «Каба» и считал Кабардой. Аналогично это название транскрибировано в работах М.А. Усманова и французской публикации документов османских архивов по Крыму⁵. Полагаю, что здесь речь идет о крепости Копе (тюркское «Куба»), находившейся у устья Кубани, на р. Протоке. Такое чтение более соответствует и смыслу текста, где пункты названы в следующей последовательности: Кыркор, Крым, Кафа, Керчь, Тамань, «Каба» – Копа, Кипчак (т.е. кипчакская степь), иначе говоря, перечисление идет с запада на восток до степей Приазовья. М.А. Усманов указывал, что сохранившийся список ярлыка – позднего происхождения и сильно искажен⁶, что тем более затрудняет окончательное восстановление имевшихся в ярлыке топонимов. Поэтому, кроме труда Барбаро, мы не имеем других источников этого времени, где название «Кабарда» отнесено наверняка к адыгам.

Собирательное название всех адыгских народов, употреблявшееся как в русских, польских, так и в турецких источниках, – «черкесы» («черкасы»). Черкесами называли иногда только западноадыгские племена: кабардинцев русские и западноевропейские источники чаще именуют «пятигорскими черкесами», но так называют иногда и западных адыгов. Все эти названия давались адыгам другими народами, сами же они отчетливо сознавали свое этническое единство и сохраняли общее самосознание. Дж. Интериано указывал: они «сами себя называют адыга»⁷. Еще с XIII в. итальянцы называли адыгов «зихами»; это наименование в источниках иногда сохраняется и в XVI в. Спорным остается вопрос об этническом отношении адыгов и днепровских казаков, нередко именовавшихся «черкасами». Существующие материалы пока не позволяют определить это соотношение⁸. Впрочем, в источниках контекст чаще всего позволяет разобраться, о каких «черкасах» идет речь.

Если кабардинцы, жившие в последней четверти XV – первой половине XVI в. в междуречье Терека и Малки по рекам Баксан, Чегем, Черек, Урух и частично на правом берегу Терека до р. Сунжи, составляли в то время относительно единую этническую группу, то для западных адыгов было характерно устойчивое деление на племенные группы⁹. Это отметил еще Барбаро, перечисливший ос-

новы́е ады́гские племена: кремук, кипке, собай, кевертей. Дж. Интериано называет область Кремук наиболее населенной¹⁰. Название «Кремук» («Кромук») предположительно связано с названием «Крым». Судя по расположению, оно обозначает местообитание, возможно, одного из самых многочисленных и древних западноадыгских племен – Жане. Жанеевцы обитали в нижнем течении Кубани примерно по рекам Адегум, Абин, Хабль. Расшифровка названия «кипке» до сих пор вызывает споры. Собай – это, по мнению Л.И. Лаврова, одно из древнейших западноадыгских племен, обитавшее восточнее жанеевцев и уже в XVII в. влившееся в состав соседнего племени Хатукай¹¹. Племя Хатукай обитало в низовьях рек Шебш, Псекупс. К югу от хатукаевцев, в предгорьях, жили бжедуги. Восточнее хатукаевцев, по р. Белой до Лабы, находились земли племени Кемиргой (Темиргой). Самым близким к Кабарде западноадыгским племенем было племя Бесленей, занимавшее междуречье Лабы и верхнего течения Кубани¹². Вопрос о существовании в рассматриваемый период других зафиксированных позднейшими (XVII–XVIII вв.) источниками адыгских племен является спорным.

Основными занятиями адыгов, живших на равнинных землях и в предгорьях, были скотоводство и земледелие, однако в Кабарде, по-видимому, скотоводство играло большую роль, чем земледелие, тогда как у западных адыгов, по мнению ряда исследователей, соотношение было обратным¹³. При этом Кабарда в целом являлась более развитой в экономическом отношении. Хозяйство адыгов было безусловно оседлым, что подтверждается, в частности, археологическими материалами: только оседлым народом могли быть оставлены на сравнительно небольшой территории столь многочисленные курганные захоронения¹⁴. Средневековые авторы, говоря об адыгах, отмечали, что «живут они деревнями, и по всей стране нет ни одного города или укрепленного стенами места», «нет ни одной, даже самой маленькой, крепости во всей той стране», что у адыгов «во всей стране нет ни городов, ни крепостей»¹⁵. Поселения адыгов («кабаки»), состоявшие из глинобитных домов, не были постоянными, жители часто переходили на новые места. Эта подвижность населения не имела ничего общего с кочевничеством. Она вызывалась политическими причинами – угрозой со стороны врагов, междоусобными войнами и не была связана с нуждами скотоводства¹⁶. Оно было не кочевым, а отгонным. Адыги разводили крупный рогатый скот, овец, коз. В зависимости от его количества измерялась и зажиточность людей. Эвлия Челеби специально разъясняет, что «богатые» у адыгов – это «владеющие животными»¹⁷. Важнейшей отраслью хозяйства было коневодство: черкесские лошади славились своей красотой и выносливостью, о чем говорят Барбаро, Интериано, Лукка, Тавернье¹⁸. Земледелие у адыгов имело давние и богатые традиции¹⁹. Оно было пахотным: Интериано упоминает быков и, скорее всего, как тягловый скот²⁰. О наличии переложной системы земледелия у адыгов свидетельствует Тавернье²¹. Основной земледельческой культурой было просо, для лошадей сеяли ячмень. Свои потребности в хлебе адыги удовлетворяли полностью: еще Барбаро писал, что «хлеба в той стране много»²². Важной отраслью хозяйства адыгов, в особенности в Западной Черкесии, было рыболовство. Подсобное значение имела охота. Значительного развития достигло ремесло, существовавшее в основном в виде домашнего производства. Эвлия Челеби неоднократно подчеркивает, что у адыгов много ремесленников, работающих дома. У племени адами (одна из групп кемиргоевцев), по его словам, «все население – народ ремесленный», примерно то же сказано и о жителях селения Субай в земле хатукаевцев²³.

Адыги оживленно торговали с соседями. В силу наличия натурального хозяйства внутреннего обмена почти не было. Торговля носила меновой характер. Интериано сообщает, что «так как в этой стране не употребляется и не имеется в хождении никакая монета (деньги), особенно внутри страны, то их сделки совершаются на бокасины, т.е. куски полотна на рубаху»²⁴. В XIII–XV вв. адыги торговали с жителями итальянских факторий на Черноморском побережье (Матрега, Копа, Мапа и др.). Итальянцы покупали рыбу, мех, хлеб, воск, однако главной статьей вывоза с Западного Кавказа были рабы. Генуэзские купцы захватывали или покупали их у адыгской знати, которая часто продавала взятых в плен в междоусобицах соотечественников. Рабы черкесского происхождения среди привезенных в Европу работниками выходцев с Кавказа составляли одну из самых многочисленных групп. Рабы-черкесы и в особенности рабыни-черкешенки ценились очень высоко²⁵. Известно, что египетские мамлюкские султаны династии Бурджи (правила с 1382 по 1517 г.) вышли из невольников-черкесов, составлявших основу мамлюкской гвардии²⁶. После захвата османами итальянских колоний в Причерноморье объем внешней торговли адыгов сократился, но о прекращении торговых связей со сменившими генуэзцев османами говорить не приходится. Недавно опубликованные документы из архивов Турции, касающиеся финансовых дел турецких владений в Северном Причерноморье второй половины 20-х начала 40-х годов XVI в., сообщают о продаже адыгами жителям османских крепостей рыбы, икры, меда, некоторых видов шерстяных тканей. В свою очередь, адыги покупали зерно, скот, ткани. По-прежнему вывозились невольники²⁷. Они находили спрос не только в османских владениях, но и на всем Ближнем Востоке, особенно в Египте²⁸. Непрерывный спрос на вывезенных из Причерноморья рабов в Османской империи был одной из причин постоянных набегов крымских ханов на соседние земли, в том числе адыгские. Пленные были главной статьей вывоза из Крыма, поэтому османские султаны всячески поощряли крымские набеги. Людские потери, которые несли адыги, не поддаются подсчету. Отметим, что черкешенки из числа захваченных в плен были женами многих крымских ханов и османских султанов²⁹. Крымские набеги с целью захвата рабов являлись для адыгов источником бедствий вплоть до конца XVIII в., когда Крымское ханство перестало существовать.

Вопрос об общественном строе адыгских народов в XV–XVII вв. является дискуссионным³⁰. К настоящему времени подавляющее большинство исследователей признают наличие у адыгов того периода классового феодального общества. Вместе с тем указывается, что феодальное общество у адыгов, в частности, в Кабарде, хотя и было одним из наиболее развитых на Северном Кавказе, находилось в процессе эволюции, и в нем сохранялись многие пережитки патриархально-родового строя³¹. К последним относились кровная месть, куначество, левират, гостеприимство, аталычество, зафиксированные Интериано и другими авторами³². Особо следует сказать об аталычестве у адыгов. Аталычеством именуется «порядок, основная сущность которого состоит в том, что ребенок вскоре после рождения переходит на некоторое, более или менее продолжительное время в другую семью, а затем возвращается к своим родителям»³³. Этот обычай был весьма развит у адыгских народов вплоть до XIX в. Особенно важно отметить, что отношениями аталычества адыги были связаны с татарами Крымского ханства; согласно позднейшим источникам, племя Бесленей обладало правом воспитания у себя детей крымских ханов³⁴. Связи с аталыками сохранялись в течение всей жизни. Отношения аталычества были важным сред-

ством, использовавшимися крымскими ханами для утверждения своего влияния на Западном Кавказе.

Наличие патриархально-родовых пережитков не меняло общего феодального облика адыгского общества. У адыгов имелась вполне оформившаяся феодально-иерархическая лестница, о существовании которой впервые упоминает Интериано³⁵. Сословие феодалов источники того времени называют «знатными людьми», в числе которых выделялись знатные наиболее древних родов и «царского рода»³⁶. Эта группа феодалов именовалась в русских документах князьями, иногда мурзами (сыновья князей), в турецких – беками, адыгский термин для обозначения этого слоя – «пши». Следующими после князей в системе иерархии стояли уздени (дворяне, в османских источниках «беи»). Дворянство считалось родовым. По словам д'Асколи, «чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание»³⁷.

Основную часть населения составляли крестьяне (адыгское название – тльфокотли). Крестьяне резко отличались по своему как правовому, так и имущественному положению. Различалась одежда, украшения, пища крестьян и феодалов, о чем свидетельствуют данные д'Асколи, Тавернье, Эвлии Челеби³⁸. Средневековые источники чаще всего объединяют и свободных, и крепостных крестьян у адыгов в одну группу, но еще Интериано выделял среди прочих социальных групп адыгского общества «сервов». Как справедливо полагает Е.П. Алексеева, этим привычным ему термином он обозначает феодально-зависимых крестьян³⁹. Имелось у адыгов и определенное количество рабов (унаутов), но они применялись в основном в домашнем хозяйстве, рабовладение имело патриархальный характер. Основную роль играла продажа невольников на внешний рынок.

Дискуссионным является вопрос о существовании у адыгов в тот период феодальной собственности на землю. Большинство авторов склоняется к тому, что она у адыгов существовала. Л.И. Лавров, однако, в своих последних работах отошел от этой точки зрения, которой ранее также придерживался⁴⁰. Это вызвало возражения у ряда исследователей⁴¹. В любом случае можно утверждать, что в связи с подвижностью адыгских поселений феодальное владение не было твердо установленной территорией. Оно включало не столько определенные земли, сколько зависимое от князя население (узденей, крестьян), а затем уже земли⁴².

Централизованного государства у адыгов не было. Однако при отсутствии единой власти имелись сложившиеся формы обычного права. Они возникли еще при родовом строе, но в эпоху феодализации перерождались, наполняясь феодальным содержанием, превращались в институт классового общества⁴³.

Нельзя не остановиться на вопросе о христианстве у адыгов и распространении ислама на Западном Кавказе. О том, что адыги были православными христианами, свидетельствуют большинство авторов XV–XVII вв., такие, как И. Шильтбергер, И. Барбаро, Дж. Интериано, М. Меховский, С. Герберштейн, А. Ламберти⁴⁴. Опубликованная Л.И. Лавровым надгробная надпись 1553 г. с шамхальского кладбища в Кумухе называет черкесов «неверными», т.е. немусульманами⁴⁵. «Неверными» названы черкесы и в «Истории Сахиб-Гирай-хана» (середина XVI в.)⁴⁶. При этом многие из авторов отмечают, что адыги, признавая православие своей официальной религией, в действительности плохо исполняли церковные предписания. Упадок православия явился следствием ослабления связей с другими народами, исповедовавшими православие, и в первую очередь с Русью⁴⁷. Однако традиционное православие фиксируется у адыгов вплоть до XVIII в. Отметим, что у них сохранялись и значительные пережитки языческих верований⁴⁸.

Проникновение ислама на Северный Кавказ началось еще в домонгольское время. Во второй половине XVI в. русские источники уже констатируют, что адыгские князья присягали по «мусульманскому закону». По-видимому, распространение ислама шло быстрее в среде князей и знати⁴⁹. Вместе с тем Эвлия Челеби сообщает, что черкесы и кабардинцы стали мусульманами лишь недавно. Дж. Лукка указывает, что «одни из них магометане, другие следуют греческому обряду», а Ж. Тавернье вообще говорит, что «эти народы, собственно говоря, ни христиане, ни магометане, и вся их религия заключается, собственно, в нескольких обрядах»⁵⁰.

Все это показывает, что распространение ислама среди адыгов в XV–XVII вв. не было успешным. Проникновение мусульманства на Западный Кавказ было теснейшим образом связано с распространением на этот регион крымско-османского влияния. Поэтому медленное утверждение здесь новой религии свидетельствует о сопротивлении адыгов распространению на них господства Крымского ханства и Османского государства.

Таковы основные черты внутренней жизни адыгских народов последней четверти XV – первой половины XVI столетия.

Примечания

1. АБКИЕА. С. 70; *Лавров Л.И.* «Обезы» русских летописей. СЭ. 1946. № 4. С. 165.
2. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 130; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая истории Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 205.
3. *Алексеева Е.П.* Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. ТКНИИ. 1959. Вып. 3. С. 19–24; *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик, 1968. С. 5; См. также: *Нагоев А.Х.* Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1987. Т. 3. С. 207–218.
4. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 153.
5. *İnalçık H.* Yeni vesikalara göre Kırım hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi ve ahidname meselesi. ВТТК. 1944. Cilt 8. № 30. S. 193; *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 65; КСАМРТ. Р., 1978. Р. 34.
6. *Усманов М.А.* Указ. соч. С. 65–66.
7. АБКИЕА. С. 46.
8. См.: *Лавров Л.И.* До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки. Нар. творчість та етнографія. 1961. № 3. С. 62–66; *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. СЭ. 1982. № 3. С. 96–107.
9. Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 611; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М. 1963. С. 94–95, 136.
10. Барбаро и Контарини о России. С. 153; АБКИЕА. С. 47.
11. *Лавров Л.И.* Исчезнувшее адыгское племя собай. Из истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1970. С. 451.
12. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 136–141.
13. *Лавров Л.И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. СЭ. 1957. № 4. С. 13; *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. С. 50; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 81.
14. *Лавров Л.И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. С. 14; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 158–159; *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик, 1981. С. 55.
15. АБКИЕА. С. 47, 51, 76.
16. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 230–231.

17. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 64.
18. Барбаро и Контарини о России. С. 153; АБКИЕА. С. 47, 72, 74.
19. *Лавров Л.И.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. МИЗ. М., 1952. Вып. 1. С. 207–209.
20. АБКИЕА. С. 47.
21. Там же. С. 74.
22. Барбаро и Контарини о России. С. 153.
23. *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 56, 69.
24. АБКИЕА. С. 48.
25. *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955. Т. 1. P. 340–347, 786–788; *Gent*, 1977. Т. 2. P. 224–227, 303–308, 468–469, 486–487, 604–618; *Лущицкий И.В.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886. С. 19.
26. *Hitti Ph.* History of the Arabs. 6th ed. L., 1956. P. 672.
27. *Berindei M., Veinstein G.* Règlements de Süleyman I concernant le liva' de Kefe. CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1. P. 63, 67, 79, 80.
28. *Верлинден Ш.* Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г. М., 1970. С. 8–11.
29. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 150–151, 201.
30. См.: *Кумыков Т.Х.* К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 180–190.
31. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 108; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. С. 82; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 239; *Кушева Е.Н.* О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 184.
32. АБКИЕА. С. 48, 50–51.
33. *Косвен М.О.* Аталычество. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа, М., 1961. С. 104.
34. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 225, 349.
35. АБКИЕА. С. 47.
36. Там же. С. 49.
37. Там же. С. 63, 65.
38. Там же. С. 63, 81; *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 61.
39. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 245.
40. *Лавров Л.И.* Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе. Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 15; *Он же.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 26–27.
41. *Налоева Е.Д.* Об особенностях кабардинского феодализма. Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 5–27; *Кумыков Т.Х.* Основные этапы и некоторые особенности феодализма у адыгских народов. Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 46.
42. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 115.
43. *Кушева Е.Н.* О некоторых особенностях генезиса... С. 187; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 244.
44. АБКИЕА. С. 38, 47, 59; Барбаро и Контарини о России. С. 157; *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936. С. 63; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 181.
45. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Т. 1. С. 149.
46. TSGH. S. 72, 122.
47. *Лавров Л.И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. С. 20.
48. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований М., 1959. С. 194.
49. *Лавров Л.И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. С. 21.
50. *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 67, 84–86; АБКИЕА. С. 70, 76.

Глава вторая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЕ ОСМАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В 1475–1479 ГОДАХ

70-е годы XV в. составляют рубеж в международной жизни Восточной Европы. В то время на регион распространяется внешнеполитическая активность Османского государства: османам подчиняется Крымское ханство, начинается их планомерное наступление на Молдавское княжество. Проникновение османского влияния в Северное Причерноморье оказало непосредственное воздействие на жизнь народов Западного Кавказа, оказавшихся по соседству с подчинившимся султану Крымским ханством и одновременно с ним попавших в сферу завоевательных интересов османских султанов.

Подчинение Крымского ханства османам не было единовременным актом и выражалось не только в захвате турками итальянских колоний на побережье Черного моря. Этот процесс занял несколько лет и завершился утверждением на ханском престоле зависимого от султана Менгли-Гирея.

К истории установления зависимости крымских ханов от султанов обращались многие отечественные и зарубежные исследователи. Наиболее важны работы В.Д. Смирнова, К.В. Базилевича, а также статья турецкого историка Х. Иналджыка и сравнительно недавняя работа румынского исследователя М. Мехмеда¹.

Итальянские (генуэзские и венецианские) колонии на Черном море возникли еще в XIII в. Главную роль играла Генуя, которой принадлежали как центр черноморских владений итальянцев – Кафа, так и менее крупные поселения и небольшие фактории – Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава), Воспоро (Керчь) в Крыму, Матрега (Тамань), Копа (Копарио), Мапа (Анапа), Бата (Суджук-Кале) на Кавказском побережье и др. В Тане (нынешний Азов) наряду с генуэзской существовала и венецианская фактория. Состав населения итальянских городов, а в особенности Кафы, был крайне неоднородным, сами итальянцы составляли меньшинство. Здесь жили греки, армяне, татары, русские, поляки. Значительную часть населения составляли адыги, жившие как в Матреге, Копе, Мапе, так и в самой Кафе².

Владетелем Матреги был князь Захария де Гизольфи, по происхождению полугенуэзец, полуадыг. Копа управлялась совместно генуэзским консулом и местным адыгским князем. В первой половине 1475 г. адыгский князь начал строить в Копе крепость. Это вызвало резкое недовольство генуэзских властей, которые собирались для уничтожения крепости войти в тайные сношения с другими адыгскими князьями³. Свое намерение генуэзцы, вероятно, не осуществили в связи с нападением османов. Администрация колоний стремилась поддерживать мирные отношения с крымскими ханами. В Кафе даже существовал особый ханский наместник (тудун), которому принадлежала власть над татарским населением города.

Кроме итальянских колоний, на юго-западе Крыма было самостоятельное христианское княжество Феодоро (Мангуп), управлявшееся греческими князьями. Известно, что мангупский князь Исайко в 1474–1475 гг. сватал дочь за сына Ивана III⁴. После смерти Исайка в начале 1475 г. князем Мангупа стал Александр, женатый на сестре молдавского господаря Стефана.

После взятия османами Константинополя в 1453 г. положение итальянских колоний стало ухудшаться, поскольку турки всячески препятствовали сношениям итальянцев с черноморскими факториями. Генуя пыталась вернуть себе прежние позиции, передав управление колониями Банку Сан-Джорджо, но это не поправило дела. Как верно отметила Е.Ч. Скржинская, после 1453 г. существование итальянских колоний было «не более чем только доживанием»⁵. В 1458–1463 гг. были завоеваны все бывшие византийские владения на Балканах, в 1463 г. османы подчинили себе Боснию. Одновременно с наступлением на Балканы шло продвижение и по Черноморскому побережью. В 1461 г. был захвачен Трапезунд и ликвидирована Трапезундская империя – последний осколок былого могущества Византии в Малой Азии⁶. Завоевание Трапезунда открыло османам путь на Кавказ.

Линию на захват итальянских колоний в Причерноморье султан Мехмед II стал проводить сразу после взятия Константинополя. В 1454 г. была организована османская экспедиция к берегам Крыма. Осада Кафы имела в значительной степени характер военной демонстрации и не привела к ее взятию. Важно отметить, что, по некоторым данным, действия турецкого флота поддержал крымский хан Хаджи-Гирей⁷. Первые контакты султана с крымским ханом, следовательно, были установлены более чем за 20 лет до подчинения ханства османам. От Кафы турецкий флот двинулся на запад и осадил молдавскую крепость Монкастро (Белгород) в устье Днестра. Это предприятие также оказалось неудачным, но молдавское правительство вынуждено было уплатить дань султану. В 1465 г. султан нападает на другую молдавскую крепость на Черном море – Килию. Взять ее не удалось, но размер ежегодно выплачиваемой Молдавией дани повысился⁸. В последующее десятилетие нажим Мехмеда II на Молдавию продолжался.

Не предпринимая в Северном Причерноморье вплоть до 1475 г. серьезных военных действий, султанское правительство вместе с тем внимательно следило за положением дел в Крымском ханстве, Молдавии и итальянских колониях. Основные силы османов были заняты в тот период войнами на Балканах, а также в Малой Азии, где султану противостоял последний мощный противник – правитель Караманского бейлика. В результате 12-летней войны караманскому бею в 1473 г. было нанесено серьезное поражение, после которого он подчинился султану; окончательно Караман вошел в состав Османского государства позднее, в конце XV – начале XVI в.⁹

Одновременно Мехмед II вел длительную борьбу с правителем государства Ак-Коюнлу (на территории Ирана) Узун-Хасаном. Узун-Хасан потерпел сокрушительное поражение, а в 1475 г. испытал новый мощный удар, в результате которого были захвачены его владения в Малой Азии¹⁰. Итогом этих войн стало объединение всей Малой Азии в составе Османского государства. Успехи на Балканах и в Малой Азии позволили султану вернуться к решению поставленной ранее задачи полного утверждения на всем Черном море.

К тому времени обострилась политическая ситуация в Крыму. Еще В.Д. Смирнов отметил, что у османов было достаточно собственных причин для вторжения в Крым, и подчеркнул, что политическая борьба в Крыму никак не связана

с османским вторжением¹¹. Со вторым замечанием целиком согласиться нельзя, хотя первое бесспорно. Точнее будет сказать, что Мехмед II, имея целью утверждение своей власти в Крыму, воспользовался удобным случаем: в создавшихся условиях задача существенно облегчалась. Отметим, что междоусобная борьба в Крыму началась сразу после смерти в 1466 г. хана Хаджи-Гирея. Однако султан не принимал практически никакого реального участия в делах ханства до тех пор, пока не были созданы указанные выше внешнеполитические предпосылки.

Коротко рассмотрим основные моменты политической истории Крымского ханства накануне 1475 г. В борьбе сыновей Хаджи-Гирея за ханский престол первоначально победил старший сын Нур-Девлет, однако в 1468 г. он был свергнут младшим братом Менгли-Гиреем. Нур-Девлет, скрывшийся, по некоторым данным, в Зихии (т.е. в Черкесии), не прекращал борьбы за ханский трон, опираясь на поддержку части татар Крымского ханства. Однако уже в 1471 г., как сообщил в апреле того года в Геную вице-консул (впоследствии консул) Кафы Филиппо Кьявройя, Нур-Девлет был заключен в одну из башен кафинской крепости¹².

Неустойчивость внутриполитической ситуации в Крыму в 60-е – начале 70-х годов XV в. усугублялась сложным внешнеполитическим положением Крымского ханства, которое стремилось к первенству среди других государств-осколков Золотой Орды. Главным соперником Крыма в этом была Большая Орда, ханы которой считали себя прямыми наследниками власти золотоордынских ханов. Несмотря на поражение, нанесенное Большой Орде Хаджи-Гиреем в 1465 г.¹³, борьба не прекратилась, и крымский хан должен был постоянно учитывать опасность нападения со стороны большеордынских ханов. В начале 70-х годов силы Большой Орды были временно отвлечены от Крыма: хан Большой Орды Ахмат (Ахмед) организовал в 1472 г. большой поход на русские земли, причем, по данным русской летописи, в союзе с Ахматом был и польский король и великий князь литовский Казимир¹⁴. Угроза со стороны Большой Орды одновременно Русскому государству и Крымскому ханству создала почву для их сближения: в 1473 г. в Москву прибыл посол Менгли-Гирея Хаджи-Баба (Ази-Баба по русским источникам) с предложением «братства и дружбы». Ответное посольство Никиты Беклемишева имело целью заключение союза, направленного, с одной стороны, против Ахмата, с другой – против Казимира¹⁵. Хотя первоначально текст договора не соответствовал во всем желаниям Ивана III, он все же должен был быть утвержден, хотя и без точного поименования врагов хана и великого князя¹⁶. Результаты отправленного с этой целью в Крым в марте 1475 г. посольства Алексея Старкова неизвестны, но факт сближения Менгли-Гирея с Иваном III еще до 1475 г. является бесспорным.

События, непосредственно предшествовавшие османскому вторжению в Крым, излагаются источниками по-разному. Исследователи располагают несколькими версиями: рассказом Иосафата Барбаро, генуэзскими документами и несколькими вариантами описания событий, сообщаемыми турецкими историками XVI–XVIII вв.

Прежде всего отметим, что источники расходятся в главном: что именно послужило поводом к вмешательству Мехмеда II в крымские дела. Сходясь чаще всего в том, что османский поход в Кафу был предпринят после обращения к султану кого-то из верхушки Крымского ханства, источники неодинаково рисуют политическую ситуацию в Крыму накануне 1475 г. Турецкие историки описывают вражду Менгли-Гирея с братьями из-за ханского престола, тогда как итальянские материалы обращают внимание на борьбу крымских феода-

лов за должность кафинского тудуна. Ибн Кемаль говорит, что Менгли-Гирей соперничал со своим братом Нур-Девлетом, но успеха не добился и вынужден был бежать в Кафу, которую вскоре взяли турки¹⁷. Дженнаби сообщает, что над Менгли-Гиреем «одержал верх... один из братьев его», после чего хан бежал в Мангуп, где и находился до взятия его турками¹⁸. О призвании турок он не говорит. Автор «Истории Кипчакской степи» Ибн Ризван указывает, что «Менгли-Гирей имел счастье взойти на трон, но его братья позволили ему править лишь несколько месяцев. Под их натиском он бежал в Мангуп, принадлежавший тогда неверным, чтобы получить у них помощь и вновь завладеть тронном». Султан Мехмед, «узнав о всех этих событиях», послал свое войско на Кафу¹⁹. Анонимный автор истории крымских ханов XVIII в. сообщает, что сам Менгли-Гирей обратился к султану с просьбой прислать ему на помощь войско, чтобы отобрать крепости у неверных, т.е. у генуэзцев²⁰.

И. Барбаро, а также и документы генуэзского архива дают другую версию. В 1473 г. умер татарский князь Мамак, занимавший должность тудуна в Кафе. Унаследовать эту должность полагалось его брату Эминеку, главе одной из крупнейших татарских фамилий Ширин. Однако тудуном при помощи генуэзского консула Кафы стал сын Мамака Сей-так (Сартак)²¹. Как сообщил в Геную кафинский казначей Оберто Скварчафико в письме от 20 февраля 1475 г., Эминек был вынужден бежать – предположительно в Зихию. О том же писал консул Антониотто Кабелла в письме от 12 февраля. Из этой переписки становится также ясно, что на утверждение Сейтака и отстранение Эминек Менгли-Гирей дал согласие только под сильным давлением генуэзских властей²². Сопrotивление хана вполне объяснимо, поскольку Эминек был в числе сторонников Менгли-Гирея²³. В частности, согласно Дженнаби, Эминек еще в 1468 г. помог Менгли-Гирею свергнуть Нур-Девлета²⁴. Не исключено, что генуэзцы шантажировали хана, используя то, что Нур-Девлет находился в их руках. Но если это и так, то уступка не помогла Менгли-Гирею: известно, что вскоре Нур-Девлет одержал над ним победу. Согласно сообщению И. Барбаро, изгнанный Эминек обратился за помощью к султану, предлагая отдать ему Кафу, «которой тот хотел овладеть. Оттоман, который весьма желал этого, послал флот и в короткое время взял город»²⁵. Последнее указание Барбаро весьма знаменательно – обращение Эминек было для султана лишь поводом. О том, что Эминек обратился к султану, говорится и в упомянутых письмах Кабеллы и Скварчафико.

Все эти сведения объединяются в общую картину, если не отдавать предпочтения какой-то одной версии, а попытаться критически их соотнести. В этом случае можно утверждать, что неустойчивость политического положения в Крыму накануне 1475 г. была вызвана многими причинами, главными из которых являлись борьба сыновей Хаджи-Гирея за ханский престол и соперничество крымских феодалов, стремившихся занять важную административную должность. Закономерно предположить, что раз в этих событиях участвовали в общем одни и те же люди (претенденты на ханский престол, крымские феодалы и представители генуэзских властей), то и сами события были тесно связаны между собой, и не всегда их причины и следствия можно было четко разграничить. Этим объясняется появление различных толкований политической борьбы в Крыму в рассматриваемое время. По частным моментам заметим следующее. Эминек и Менгли-Гирей, скорее всего, не были врагами. В этом убеждает весь дальнейший ход событий. К султану обратился почти наверняка Эминек, а не Менгли-Гирей. В архивах Турции сохранилась переписка Эминек с Мехме-

дом II за последующие годы, причем первое из сохранившихся писем Эминек (1476 г.) не открывало, а продолжало переписку. Менгли-Гирей же вряд ли имел возможность обратиться к Мехмеду II, так как находился не на свободе, а в заточении, о чем он впоследствии и сообщил султану.

Вероятно, в начале 1475 г. Нур-Девлет все же одержал победу над Менгли-Гиреем и постарался изолировать своего противника. Что касается Эминек, то необходимо прежде всего выяснить ту первостепенную роль, которую он играл в политической жизни Крымского ханства. И тогда, и в дальнейшем крымским ханам приходилось считаться с крупными татарскими феодалами. Не случайно русский посол Никита Беклемишев еще в 1474 г. имел задание установить дружественные отношения с князьями Именек (Эминек) и Авдулой (Абдула, глава татарского рода Барын)²⁶. Если и до событий 1475 г. Эминек был одним из наиболее влиятельных крымских феодальных владетелей, то понятно, почему в последующие несколько лет султан Мехмед II входил в сношения прежде всего с ним.

События самого османского похода на Кафу в 1475 г. отражены в источниках сравнительно полно. Султан собрал в Стамбуле огромный по тем временам флот – почти 300 военных кораблей²⁷. О значении, которое придавалось походу, свидетельствует то, что во главе флота был поставлен сам великий визирь Гедик Ахмед-паша. По сведениям венецианских «наблюдателей» (шпионов), одновременно с отплытием кораблей в сторону Валахии сухопутным путем двинулось османское войско. Таким образом, Мехмед II запланировал мощное наступление на север, притом сразу с двух сторон²⁸. Как сообщалось в анонимном сообщении из Перы от 26 июня 1475 г., сохранившемся в миланском архиве, к осадившему Кафу османскому войску присоединились и татары во главе с Эминеком²⁹.

Кафа была для своего времени довольно мощной крепостью и могла выдержать длительную осаду. В архиве дворца Топкапы сохранилось «победное послание» (фетх-наме) султана Мехмеда II от конца июня – начала июля 1475 г., извещавшего неизвестного адресата о взятии Кафы. Судя по тому, что послание написано на персидском языке, возможным адресатом являлся Узун-Хасан³⁰. Язык послания пышный, цветистый, оно полно восхвалений османскому войску. Но даже при этом нельзя не увидеть, что осада Кафы потребовала много сил турок, которым пришлось применить артиллерию и зажигательные снаряды³¹. Город был взят штурмом на пятый день осады, 7 июня³². Взятие Кафы было облегчено тем, что буквально до последнего дня в городе кипела борьба двух группировок генуэзской административной верхушки, одна из которых тайно сносила с осаждавшими³³.

Кафа подверглась разграблению, значительная часть ее населения была обращена в рабство. В генуэзских архивах сохранилось письмо неизвестного тосканца, описавшего взятие Кафы. В письме между прочим говорится: «7 и 8-го числа месяца (июня. – А.Н.) все валахи, поляки, русские, грузины, зихи и всякие другие христианские нации, кроме латинян, были схвачены, лишены одежд и частью проданы в рабство, частью закованы в цепи»³⁴. О том, что в Кафе в то время торговало много черкесских и русских купцов, особо говорит Ибн Кемаль: «На том берегу был прекрасный торговый город, приезжали купцы с моря и суши, из степей и с гор; там во множестве торговали татары Крымского государства и неверные Черкесии и Руси»³⁵. Таким образом, жившие в Кафе адыги первыми из своих соплеменников столкнулись с османским нашествием.

На судьбу «латинян», которых тосканский аноним особо выделяет, проливают свет акты генуэзской фактории Перы. Согласно этим документам, все «латиняне» Кафы были переселены по приказу Мехмеда II в Стамбул³⁶.

Мехмед Нешри сообщает о взятии Кафы: «Жителей этого города, богатых и бедных, женщин и мальчиков, собрали всех вместе и переписали, взяли и упаковали достойные падишаха вещи, с Божьей помощью забрали имущество, имевшееся в крепости»³⁷.

После занятия Кафы были захвачены остальные генуэзские города на Крымском побережье – Солдайя, Воспоро и др. Дольше всех сопротивлялся османам Мангуп: по-видимому, защитникам Мангупа оказал помощь молдавский господарь Стефан. Во всяком случае, одним из поводов к османскому походу на Молдавию в 1476 г. османский хронист Турсун-бек, автор «Истории Мехмеда-завоевателя», считает помощь Стефана своему родственнику – мангупскому князю, оказанную годом раньше³⁸. Как сообщал в Венецию председатель городского совета Рагузы (Дубровника) в письме от 1476 г., Мангуп сопротивлялся до декабря 1475 г. и был взят измором, а князь Александр попал в плен и был казнен в Стамбуле³⁹.

Еще до падения Мангупа, т.е. летом или осенью 1475 г., османы предприняли рейд в сторону Дона и Приазовья, где захватили Тану, Матрегу, Копу, причем в Копе погиб и местный черкесский князь⁴⁰. Нешри сообщает об этом следующее: «Послав в ту сторону корабли, завоевали находящиеся на том берегу крепости Азак и Япу-кирман, дойдя до самой Черкесии». Опиравшийся на Нешри Ибн Кемаль говорит несколько иначе: «Завоевав другой берег Черного моря до Черкесии, захватили также находящуюся, как говорят, в той земле крепость Азак»⁴¹. Азак – это Тана (Азов), а под названием Япу-кирман (дословно «городок-крепость»), возможно, подразумевается Копа. Указание Нешри и Ибн Кемалья на то, что экспедиция дошла «до Черкесии», показывает, что османы в 1475 г. ограничивались захватом крепостей и не предпринимали похода в глубь адыгских земель.

Таким образом, в руках султана оказались все южное побережье Крыма, Азов и города-крепости на северо-восточном побережье Черного моря. Центром османских владений стала Кафа, где находился султанский наместник.

Поход османского войска сухопутным путем в сторону Валахии и Молдавии, о начале которого весной 1475 г. сообщали венецианские «наблюдатели» из Стамбула, не состоялся. В упоминавшемся письме в Венецию из Рагузы причиной этого названа возникшая опасность нападения на османов со стороны Венгрии⁴². События в Крыму, последовавшие за взятием Кафы, отражены в источниках крайне неполно и противоречиво. Скудость фактических данных, равно как и возможность толковать некоторые материалы неоднозначно, лежит в основе давно ведущихся вокруг события 1475–1479 гг. дискуссий. Попробуем соотнести разные точки зрения, привлекая как уже известные, так и новые данные.

Пожалуй, главный предмет спора в этом вопросе – время восхождения Менгли-Гирея на ханский престол в качестве османского вассала. Как исходные данные, исследователи брали сведения документов турецких архивов, крымско-османских хроник и русских летописей. Историки сходятся на том, что окончательное утверждение Менгли-Гирея на крымском престоле относится к 1478–1479 гг. При этом К.В. Базилевич, Х. Иналджык и в целом следовавший за Х. Иналджыком М. Мехмед доказывали, что первоначально Менгли-Гирей летом 1475 г. сразу после взятия Кафы был возведен султаном на престол, а затем на какое-то время лишился его. В.Д. Смирнов же в свое время полностью поддерживал данные османских хроник о пребывании Менгли-Гирея после падения Кафы вплоть до 1478 г. в османском плену. Решение этого вопроса невозможно без обращения к источникам. В первую очередь это сохранившаяся в архивах

Турции переписка султана Мехмеда II и высших османских властей с крымскими ханами и вельможами.

Первый из относящихся к интересующему нас периоду документов – письмо Менгли-Гирея неизвестному османскому сановнику от первой половины июля 1475 г.⁴³ Подпись отсутствует, но авторство Менгли-Гирея на основании имеющейся печати доказано А.Н. Куратом. Помимо прочего, в письме сказано следующее. «Кафа сделалась исламским городом. Мы благодарим Бога, что освободились из темницы и вошли в милость падишаха, в состав государства его... Мы подчинены и послушны падишаху и благодарны ему и заключили с Ахмед-пашой договор и условия быть падишаха другу другом и его врагу врагом. Мы будем верны этому договору. Наших врагов много, мы боимся, как бы они нам не устроили западни, распуская ложные слова. Вы не верьте их словам, пока от нас не получите точных сведений»⁴⁴.

К.В. Базилевич на основании данного письма заключал, что Менгли-Гирей был освобожден из заточения в Мангупе. Представляется, однако, что имеющаяся в письме дата (июль 1475 г.) исключает это: Мангуп был захвачен османским войском лишь через несколько месяцев. Не исключено, впрочем, что первоначально хан, как сообщают Дженнаби и Ибн Ризван, находился в темнице в Мангупе, а незадолго до османского вторжения был перевезен в Кафу. В любом случае в руки Гедик Ахмед-паши он попал в Кафе.

Указание на заключенные Менгли-Гиреем с Гедик Ахмед-пашой «договор и условия» обычно рассматривается историками как доказательство возведения Менгли-Гирея султанской властью на престол сразу после падения Кафы, в качестве османского вассала. Как основной аргумент против такого заключения приводятся рассказы османских хроник о пленении Менгли-Гирея. Полагаю, что противоречие устранимо. Во-первых, в письме Менгли-Гирея вовсе не говорится о восхождении его на ханский престол, а лишь о принесении им клятвы верности султану. Во-вторых, речь идет о договоре между Гедик Ахмед-пашой и Менгли-Гиреем, а не о договоре последнего с султаном. В-третьих, в своем письме к кому-то из представителей высшей османской администрации (не к Ахмед-паше, о котором говорится в третьем лице) Менгли-Гирей просит защиты от недоброжелателей и заступничества перед султаном. Можно допустить, что заключенный Ахмед-пашой договор действовал лишь до тех пор, пока о нем не было сообщено султану, который данный договор не санкционировал. Султан, вероятно, приказал отправить Менгли-Гирея в Стамбул, в результате чего последний и оказался в плену. Иначе говоря, интриги «многих врагов» Менгли-Гирея увенчались успехом. Под «врагами» подразумеваются вовсе не правители Большой Орды, как полагал К.В. Базилевич, а кто-то в Стамбуле.

Предположение о том, что Менгли-Гирей первоначально попал в немилость у султана, в какой-то мере согласуется с рассказанной Дженнаби весьма романтической историей о спасении взятого в плен Менгли-Гирея от плахи, когда султан в последний момент «одумался» и помиловал его⁴⁵. Этот сюжет, скорее всего, является плодом воображения автора, стремившегося продемонстрировать великодушные Мехмеда II (которым последний, кстати сказать, вовсе не отличался). При этом не исключено, что в основе рассказа лежат какие-то реальные события: «враги» Менгли-Гирея из числа приближенных султана могли желать смерти пленника и постарались очернить его перед Мехмедом.

Все сказанное выше позволяет со значительной долей вероятности утверждать, что Менгли-Гирей в 1475 г. не был поставлен султанской властью ханом в

Крым, а оказался в плену. На ханский престол в таком случае взошел кто-то другой. Полагаю, что предположение А.Н. Курата и современных французских исследователей справедливо: это был Нур-Девлет⁴⁶. Сохранилось письмо Нур-Девлета Мехмеду II от 15 мая 1477 г., в котором выражаются верноподданные чувства к султану⁴⁷. Кроме того, согласно «Истории Польши» Я. Длугоша, в марте 1478 г. к польскому королю Казимиру прибыло посольство от «кесаря татар Нардулаба». Нардулаб – Нур-Девлет, так он назван Длугошем и в других местах, где речь идет бесспорно о нем. В сочинении другого польского историка – М. Кромера (XVI в.) «О начале и деяниях польского народа» также упомянуто о посольстве от «властителя татар Нурдуулада»⁴⁸. В относящемся к 1476–1477 гг. письме к хану Большой Орды Ахмату из собрания Феридун-бея (см. ниже) Мехмед II упоминает некоего Мюбаризуддин-Девлет-хана. По мнению Х. Иналджыка, это не что иное, как прозвище Нур-Девлета⁴⁹, однако такое заключение не бесспорно.

Датированным свидетельством пребывания Менгли-Гирея на ханском престоле вплоть до 1476 г. является стоящее особняком известие русских летописей⁵⁰. Под 1476 г. в Воскресенской и Типографской летописях и Шумиловском томе Лицевого свода середины XVI в. сообщается, что напавший в том году на Крым хан Большой Орды «Менгли-Гирея согна, его же турки посадиша»⁵¹. Известие о нападении Орды на Крым подтверждено другими источниками, чего нельзя сказать относительно второй части сообщения об участии османов. В.Д. Смирнов считал ее анахронизмом⁵². Имеются основания с ним согласиться. Большинство исследователей приводили летописный текст в качестве доказательства своих соображений, но никто не попытался сопоставить все имеющиеся варианты сообщения. Взятие Кафы османами в 1475 г. в большинстве летописей описано кратко: «Того же лета турецкой салтан посылае рать в кораблих и в катаргах на Кафу и, пришедши, взяша ю, месяца июня, и ины грады поимаша в Кафинской Перекопи». Этот текст с незначительными различиями в словах имеется в Софийской I, Никоновской, Симеоновской, Ермолинской, Вологодско-Пермской, Уваровской и некоторых других летописях⁵³.

Софийская II и Львовская летописи дают еще более краткий вариант: «Того же лета царь турецкой взя град Кафу и Крым»⁵⁴. Между тем только в Воскресенской, Типографской летописях и Шумиловском томе под 1475 г. помещен пространный рассказ. «Того же лета туркове взяша Кафу и гостей московских много побиха, и иных поимаша, и иных пограбив, на окуп подаваша; Ази-Гирееву Орду, Крым и Перекоп, осадиха дань давати и посадиша у них меншего сына Ази-Гиреева Менгли-Гирея. А два брата их Ази-Гиреевых же детей убежаша; а приходил воевода, а сам царь не бывал»⁵⁵.

Обращает на себя внимание факт бегства двух братьев Менгли-Гирея. Ни один из источников не сообщает, что оно имело место в 1475 г. Зато хорошо известно, что в 1479 г. братья Менгли-Гирея Нур-Девлет и Хайдар бежали в Киев. Еще В.Д. Смирнов указал, что помещенное под 1475 г. в ряде летописей сообщение объединяет события 1475 и 1479 гг.

Можно предположить, что сохранившееся в большинстве летописей краткое известие о взятии Кафы было не ранее 1479 г. переработано и дополнено сообщением об утверждении Менгли-Гирея и бегстве его братьев. Эта редакция отразилась в Воскресенской и Типографской летописях, которые, в свою очередь, были использованы при составлении Шумиловского тома. Вероятнее всего, было дополнено также сообщение о нападении Большой Орды на Крым

в 1476 г., в результате чего и появилось известие о свержении Менгли-Гирея в 1476 г., логически вытекавшее из дополненного сообщения 1475 г.

Таким образом, свидетельство русских летописей не бесспорно и не может служить аргументом против высказанного предположения о судьбе Менгли-Гирея в 1475–1478 гг.

Весной 1476 г. началась подготовка к османскому походу на Молдавию. Основные силы Мехмеда II должны были двигаться с юга, с другой же стороны намечался удар крымского войска. Приглашение участвовать в походе было направлено султаном Эминеку, а также, возможно, Нур-Девлету. В своем ответном письме от первой половины мая 1476 г. Эминек выразил готовность двигаться с войском на Молдавию. В октябре того года Эминек направил султану еще одно письмо, в котором содержатся подробности похода⁵⁶. Крымское войско было разбито молдавским господарем уже на обратном пути в Крым: «Неверные напали на нас, нанесли нам тяжкие потери. Два моих брата погибли мученической смертью. Мы потеряли много людей, лошадей и оружия. Я сам едва спасся с одним единственным конем»⁵⁷. Однако разгром войска Эминек не принес победы Стефану: Молдавия была разорена османским войском, а молдавское войско разбито в битве при Разбоенах. Как сообщает молдавская летопись, «в лето 6984 (1476) месяца юля 26... прииде сам царь турский, нарицаеми Мехмет бег, с всеми своими силами и... плениша земля и приидоша до Сучави, и место пожегоша»⁵⁸. Поход 1476 г. был серьезным успехом Мехмеда II в продвижении на север, в Восточную Европу. Участие в нем крымского войска демонстрирует тесную связь османской политики в отношении Крымского ханства, с одной стороны, и Молдавии – с другой.

Вместе с тем разгром войска Стефана не означал подчинения Молдавии османам, поскольку из-за неудачной осады Сучавы и применявшейся Стефаном тактики выжженной земли османское войско было вынуждено отступить⁵⁹. Борьба Молдавии против натиска османов продолжалась и в дальнейшем.

Помимо дел, связанных с молдавским походом, письма Эминек содержат ценнейшую информацию о борьбе между Крымским ханством и Большой Ордой. В мае 1476 г. Эминек писал султану: «Мой враг (брат Хаджике) и Абдулла восстали и соединились с Джанибек-султаном. Они двинулись на моих подданных. Я жил тогда с семьей и детьми в городе Крым (Старый Крым, Солхат. – А.Н.). Они отняли у меня половину подданных. Потом с войском в тысячу готовых к бою людей они напали на город Крым, и я бился с ними несколько раз. Потом нам помог Аллах, Хаджике, Абдулла и Джанибек ушли в степь, как и наш главный враг – хан Орды. Потом они направились в местность вблизи Орды и, как сообщают, соединились с войском Орды, и никто из их людей не был отвергнут. Они вновь начали войну и теперь находятся очень близко отсюда»⁶⁰.

Как раз когда Эминек находился в Молдавии, последовало второе нападение на Крым, что побудило Эминек срочно возвращаться. В это время его и настиг Стефан. В своем втором письме Эминек сообщал: «Враг преследовал нас со своими лучшими воинами и захватил наши города. Мы укрылись, наконец, в городе Крым, и у нас не было больше коней для вылазок. Враг хотел захватить город Крым, но не добился ничего»⁶¹. Хотя это сообщение следует без перехода сразу за приведенным рассказом о нападении Стефана, речь идет, разумеется, о нападении Ахмата. Молдавское войско наверняка вернулось в Молдавию, где еще шла борьба с османами. Кроме того, воины Стефана везде названы «неверными», а «врагом» именуется только хан Большой Орды.

Таким образом, в 1476 г. войско Большой Орды дважды вторгалось в Крым, притом в союзе с татарскими феодалами Хаджике (Азика русских источников) и Абдуллой – главой рода Барын. Весной главные силы Ахмата оставались в степи, а на Крым ходили Хаджике и Абдулла вместе с воинами Джанибека. Личность Джанибека до сих пор остается загадочной. Во всяком случае, сыном Ахмата он не был, но наверняка был его родственником (возможно, племянником), т.е. членом ханской фамилии: в списке посольства А. Старкова Джанибек назван ордынским «царевичем»⁶².

В Воскресенской, Типографской летописях и Шумиловском юме под 1476 г. говорится: «Посла царь Ахмат ординьский сына своего с татары и взя Крым и всю Ази-Гирееву Орду»⁶³. Продолжение этого известия о свержении Менгли-Гирея, как уже сказало, мы считаем вставленным в текст позже, но само известие вполне согласуется с письмами Эминека. Очевидно, в летописи речь идет о летнем походе Ахмата, описанном во втором письме, когда на Крым вместе с Хаджике и Абдуллой пошло уже основное войско Орды. Во время весеннего похода ситуация была иной. Хотя Джанибек и воспользовался тогда междоусобицами крымских феодалов, но решающего успеха не добился – в противном случае Эминек не был бы в состоянии идти с войском на Молдавию. Второй поход оказался более удачным, Эминек лишился людей и лошадей и спасся лишь за стенами крепости. Кто из сыновей Ахмата ходил в поход, точно не известно. Однако результатом похода было временное утверждение на ханском престоле в Крыму именно Джанибека. Не исключено, что Нур-Девлет и Джанибек какое-то время правили одновременно в разных частях ханства. Во втором письме Эминек сообщает, что вплоть до октября 1476 г. он не имел возможности отправить гонца к султану. В октябре опасность миновала, и такая возможность появилась. Можно предположить, что ордынское войско с наступлением осени прекратило осаду Старого Крыма и ушло в степь. Последующие месяцы Эминек, вероятно, использовал для накопления сил и подготовки к дальнейшей борьбе с Джанибеком.

Уже весной или летом 1477 г. Джанибек прислал в Москву посла с просьбой к великому князю предоставить ему убежище в случае необходимости. Ответное посольство к «крымскому царю Зенебеку» отправилось 5 сентября 1477 г. Великий князь обещает принять Джанибека⁶⁴. Просьба, с которой обратился в Москву Джанибек, показывает, насколько непрочным было его положение. Не исключено, что в момент отправления русского посольства Джанибек уже лишился власти. Весной 1480 г. Иван III сообщал в Крым о том, что Джанибек взят им к себе, как о давнишнем деле⁶⁵.

Обострение борьбы между Крымским ханством и Большой Ордой в 1476–1477 гг. находилось в тесной связи с международной обстановкой в Восточной Европе. В частности, вовлечение Орды в борьбу с Крымом вынудило Ахмата на некоторое время ослабить давление на Русское государство. Это, в свою очередь, было одной из предпосылок последовавшего вскоре отказа Ивана от уплаты дани Орде⁶⁶. Именно отказ от уплаты дани был поводом для появления известного «ярлыка» Ахмата Ивану III, сохранившегося в единственном списке «Синоподальной рукописи» XVII в. Датировка «ярлыка» вызывает споры, поэтому не лишне на этом остановиться. Относя «ярлык» к 1480 г., К.В. Базилевич, а в последнее время В.Д. Назаров отмечали, что Ахмат выразил в нем «чувства ярости и бессильного гнева», владевшие им после поражения на Угре⁶⁷. Иначе говоря, ярлык Ахмата расценивается лишь как злобная демонстрация посрамленного завоевателя. Другая точка зрения, сформулированная в свое время М.Г. Сафар-

галиевым и убедительно аргументированная недавно А.П. Григорьевым⁶⁸, относит ярлык к 1476 г., для чего, как нам представляется, есть веские основания. Основной тезис Ахмата – его недавний успех в борьбе с «недругом»: «Кто нам был недруг, что стал на моем царстве копытом, и аз на его царстве стал всеми четырьмя копыты; и того Бог убил своим копием, дети ж его по ордам разбежались; четыре карачи в Крыму ся от меня отсидели»⁶⁹. Совершенно очевидно, что «недруг» не кто иной, как крымский хан (вероятно, Хаджи-Гирей). Описанные в документе: события отражают реалии 1476 г., когда состоялся победоносный поход ордынского войска на Крым, когда дети Хаджи-Гирея «по ордам разбежались». К 1480 г. успех Ахмата в Крыму давно перестал быть актуальным, ханская власть в Крыму уже прочно утвердилась. Даже в качестве пустой угрозы напоминание об утерянных позициях в Крыму противоречит здравому смыслу. Наоборот, в 1476–1477 гг. такой аргумент был достаточно сильным и вполне мог быть использован для подкрепления требования об уплате дани. Слова Ахмата «а нынеча есми от берега пошол, потому что у меня люди без одеж, а кони без попон», относимые К.В. Базилевичем к отходу Ахмата от Угры в 1480 г., не могут быть безусловно привязаны к этим событиям: нет доказательств, что речь идет о берегу Угры, а не, скажем, о берегу моря. В последнем случае отход «от берега» – это может быть и уход на зиму в степь от пределов Крымского ханства.

Независимо от решения вопроса о подлинности «ярлыка» несомненно усиление позиций Ахмата после успеха летнего похода 1476 г. на Крым. Это не осталось незамеченным в Стамбуле. В составленном в середине XVI в. «Собрании писем султанов» Ахмеда Феридун-бея Руксан-заде⁷⁰ имеется текст письма Мехмеда II Ахмату на персидском языке, в котором султан извещает хана о взятии Кафы и выражает желание установить с ним дружественные отношения. Отрывки из письма опубликованы В.Д. Смирновым⁷¹. По форме это «фетх-наме», аналогичное уже упоминавшемуся посланию султана 1475 г. Исследователями уже доказано, что Феридун-бей включил в свое собрание много фальшивых документов, что крайне затрудняет исследование этих материалов. Что же касается данного письма, то в пользу его подлинности говорит довольно точное совпадение содержания документа с реальными фактами. С одной стороны, в письме упомянут османский поход на Молдавию, состоявшийся уже после взятия Кафы. С другой – в сохранившемся в султанском архиве письме Ахмата султану от начала июня 1477 г. прямо говорится о недавней присылке султаном в Орду своего посла Карач-багатура. Письмо Ахмата отправлено в Стамбул с племянником хана Азиз-Ходжой в ответ на посольство Мехмеда⁷². Письмо Мехмеда из собрания Феридун-бея может относиться, таким образом, к концу 1476 – началу 1477 г. Представляется вполне возможным согласиться с мнением В.Д. Смирнова и Х. Инаджыка о его подлинности⁷³.

В своем ответе султану Ахмат проявляет желание установить с ним дружбу и братство: «Впредь милостью Бога между Вами и нами установившаяся дружба этим путем пусть умножится, так что, если угодно будет Богу всевышнему, в последующие времена среди друзей и врагов имя этой дружбы путь останется. Далее, в какую сторону Вы направитесь и походом пойдете, мы также с этой стороны готовы усилить Вас»⁷⁴.

Бросается в глаза, что общий тон письма дружественный, но в целом довольно противоречивый: то Ахмат называет Мехмеда «господином султанов», «властелином», а то адресуется к нему: «Великий государь, брат мой Султан Мехмед Блаженный». А.Н. Курат справедливо указывал, что, употребляя обращение

«брат мой», «Ахмат хотел одновременно показать и дружеские чувства к османскому государю, и то, что он сам правитель большого государства»⁷⁵.

Как нам представляется, К.В. Базилевич недооценивал осведомленность османских политиков о положении дел в Восточной Европе, говоря, что «при дворе султана Мухаммеда недостаточно ясно представляли степень обособленности Крыма от остальных частей Джучиева улуса» и «считали золотоордынского хана верховным главою Крымского ханства»⁷⁶. Наоборот, в Стамбуле имели возможность получать достаточно точную информацию: приведенные письма Эминика, как мы видели, дают ясную картину борьбы Крымского ханства с Большой Ордой. «Наш край» в письме Ахмата К.В. Базилевич безоговорочно отождествляет с Крымом⁷⁷, хотя оснований для этого никаких нет. Еще В.Д. Смирнов справедливо отметил, что упоминание о Крыме содержится лишь в заголовке письма Мехмеда к Ахмату из собрания Феридун-бея, где составитель озаглавливал документы произвольно, исходя из своих представлений о давних событиях. В письме же Ахмата под «нашим краем» подразумевается, вероятнее всего, Причерноморье вообще и ничего более.

Полагаю, что К.В. Базилевич прав в другом – в Стамбуле заняли выжидательную, осторожную позицию. Султанское правительство еще не определило окончательно, на кого из мусульманских правителей Восточной Европы следует дать ставку в деле утверждения своего влияния в регионе: «В Константинополе... выбирали из претендентов того, кто менее способен был проявить самостоятельность и больше должен был чувствовать власть и покровительство падишаха»⁷⁸. В этом плане ответ Ахмата не мог устроить Мехмеда: вряд ли его устраивало обращение большеордынского хана с собой как с равным. Поэтому не вызывает удивления отсутствие сведений о сношениях Стамбула с Большой Ордой после 1477 г.

Неудача с Ахматом, скорее всего, и предопределила решение султана ориентироваться на крымского хана. Последовавшие вскоре события подтверждают это. Сохранилось письмо Менгли-Гирея Мехмеду от конца мая 1478 г., в котором бывший хан жалуется султану на плачевное состояние края, в котором султан определил ему жить. В жалобах на бедность и разорение этих мест проглядывает завуалированное ходатайство о назначении нового местожительства⁷⁹. Скорее всего, правы составители французской публикации архивных документов, предположившие, что письмо отправлено не из Крыма, как считалось ранее, а из какой-то отдаленной области Османского государства, куда был отослан пленный Менгли-Гирей. В послании из Крыма, отправленном султану через год, Менгли-Гирей говорит о своем государстве совершенно в других выражениях, о жалобах нет и речи⁸⁰.

Отсутствие Менгли-Гирея в Крыму еще осенью 1478 г. подтверждается письмом Эминика Мехмеду II от начала октября того года, в котором сказано следующее: «Нур-Девлет и Хайдар приносят много огорчений. Они не желают примириться друг с другом и не слушают моих советов. У нас нет ни людей, ни предводителя для того, чтобы воевать. Наши люди стали бездельниками, их силы растрачиваются на пустыки, можете быть в этом уверены. Ныне все беи и все наши люди желают иметь предводителем Менгли-Гирея, поскольку, из-за того что те двое не мирятся, вся земля разорена... Если Вы немедленно пришлете к нам Менгли-Гирея, Вы восстановите порядок в нашей стране, и Аллах Вас за это наградит. Народ и беи Крыма не желают Нур-Девлета, он не годится ни на что... мы хотим, чтобы Вы дали Менгли-Гирею такой совет: «заботься о нуждах страны и не пренебрегай советами Эминика»⁸¹. Кратко, но довольно точно смысл это-

го письма передает Дженнаби⁸². Таким образом, крымские феодалы во главе с Эминекком перед лицом постоянных усобиц Нур-Девлета и Хайдара вынуждены были обратиться к султану с просьбой о возведении на престол Менгли-Гирея. Любопытно, что в начале своего письма Эминек оправдывается перед султаном: Мехмеду, как следует из письма, сообщили, что Эминек «восстал», т.е., надо думать, перестал выполнять волю султана⁸³. Эминек заверяет, что это клевета, но некоторые основания обвинить его в непокорности все же были, 15 мая 1477 г. Нур-Девлет в своем уже упоминавшемся нами письме султану всячески выражал свою покорность Мехмеду и просил «не слушать наполненных ядом слов» в свой адрес⁸⁴. Скорее всего, уже тогда Нур-Девлет восстановил против себя крымскую знать. Опасаясь султанского гнева, он спешит заранее оправдаться, но недовольство им в Крыму, очевидно, растет; именно в этом смысле следует понимать «восстание» Эминекка – ведь Нур-Девлет был поставлен ханом почти наверняка султанской властью. В своем письме султану Эминек объясняет, что им движет забота о государстве, а не стремление ослушаться султанской воли.

Просьба Эминекка соответствовала уже определенному к тому времени решению Мехмеда II опираться в своей восточноевропейской политике на Крым, а не на Большую Орду. Менгли-Гирей был возведен на ханский престол в качестве вассала османского султана. Переписка султана с Эминекком в 1476–1478 гг. показывает, что Эминек играл в те годы едва ли не главную роль в делах ханства. Не случайно султан сносился именно с ним – это было, вероятно, надежнее всего⁸⁵.

Уже в конце 1478 г. Менгли-Гирей прислал двух послов в Москву с известием о занятии им ханского престола и подтверждением прежней дружбы и братства⁸⁶. Перед лицом дальнейшей борьбы с Большой Ордой Менгли-Гирей стремился сохранить Ивана III своим союзником. Нур-Девлет и Хайдар бежали в литовские земли, а затем Иван III по просьбе Менгли-Гирея пригласил их в Москву⁸⁷. Султану Менгли-Гирей отправил письмо с известием о восхождении на престол лишь несколько месяцев спустя, 18 сентября 1479 г. Он всячески извинялся перед Мехмедом за задержку и рассыпался в благодарностях за оказанную ему милость⁸⁸. Предпочтение Ивана III султану, из рук которого получена власть, выглядит более чем странно. Впрочем, свои незаурядные дипломатические способности, хитрость и изворотливость Менгли-Гирей не раз проявил впоследствии.

Поставление Менгли-Гирея ханом «из рук султана» оформляло новую систему отношений между Османским государством и Крымским ханством – отношений господства и подчинения. Х. Иналджык и М. Мехмед вслед за некоторыми историками XVIII–XIX вв. полагают, что между Мехмедом II и Менгли-Гиреем был заключен письменный договор, определивший эти отношения. Думаю, что ближе к истине В.Д. Смирнов, отрицавший наличие договора⁸⁹. При этом общие основы взаимоотношений, конечно, были определены заранее как условие посылки Менгли-Гирея на ханство. К. Маркс, обративший в своих «Хронологических выписках» особое внимание на османские завоевания в Причерноморье в 70-х годах XV в., отмечал, что после взятия Кафы «существовавшее в этих краях татарское царство подчинилось османам», а Менгли-Гирей «воцарился там в качестве турецкого вассала»⁹⁰.

Утверждение Менгли-Гирея знаменовало собой завершение первого этапа османского проникновения в Северное Причерноморье и в целом в Восточную Европу. Последствия этого не замедлили сказаться. В 1479 г. османы предприняли поход на земли адыгов. Возобновление военных действий в Причерноморье облегчалось изменением международной обстановки в пользу Османского го-

сударства. В 1479 г. султаном был заключен мир с Венецией, завершивший продолжавшуюся с перерывами с 1463 г. затяжную войну; условия мира означали для Венеции провал ее борьбы с османами за господство в Средиземноморье⁹¹.

Единственный источник сведений о походе на Черкесию – труд Ибн Кемалья. Этот материал оставался до сих пор вне поля зрения исследователей. Указывая дату 880 г.х. (25 марта 1479 – 13 марта 1480 г.), Ибн Кемаль приводит следующий текст (нами опущены характерные для восточного стиля многословные пышные обороты, цветистые эпитеты, не несущие смысловой нагрузки): «По приказу государя-завоевателя мира... люди победоносного войска прошли горы... во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В той стране каждый день гордые храбрецы своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно борющимся против газиев; изрубив на куски... тех нечестивцев, бросали их на съедение воронам; опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне. В каждом селении страны черкесов пленили по 50–100... красавиц, обратили в рабство множество пленников... Пришедшие в ту страну храбрецы неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав взятых в добычу красавиц. Захватив Кубу, которая является одной из знаменитейших крепостей, со всеми окружающими землями... разгромили владения черкесов, очистили саблей ту страну, копьями подведя черту под жизнь бунтовщиков и тамошних мятежников. Присоединив к Кубе также и Анабу, уничтожили злосчастных врагов, денно и ночью испытывавших ненависть к находившимся в тех краях сыновьям ислама и татарам. С покорением указанных краев вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истинной веры Мухаммеда... Для поднимающихся на газават та земля стала передним краем... Каждому человеку, ищущему дело... открылась возможность заняться в том краю газаватом и приобрести множество драгоценностей и трофеев. Названные области расцвели, благоустроились, оделись камнем, там выросло число воинственных тружеников и храбрецов...»⁹².

Рассказ Ибн Кемалья позволяет заключить следующее. Войско переправилось в Черкесию по морю прямо с берегов Малой Азии, а не из Крыма. Поход на западноадыгские («находящиеся на побережье») земли состоялся, вероятнее всего, не в зимнее время, следовательно, события относятся не к началу 1480 г., а к 1479 г. Одной из целей похода был увод пленных для продажи в рабство, и Ибн Кемаль с удовлетворением сообщает, что такая цель была достигнута. Из захваченных в 1475 г. крепостей Коба (Куба) и Анапа (Анаба) местным населением, по-видимому, были изгнаны османские гарнизоны, иначе крепости не пришлось бы завоевывать вновь. Не вполне ясное упоминание татар позволяет все же допускать, что в походе 1479 г. участвовало и крымское войско. В результате в крепости переселилось много османских подданных для участия в дальнейших завоеваниях. Это доказывает, что Мехмед II имел ясную цель – закрепить на северо-восточном побережье Черного моря, распространить свою власть за пределы Крыма.

События 1479 г. завершают определенный этап развития международных отношений в Восточной Европе. Через полтора года после них, в 1481 г., умирает Мехмед II, прозванный Фатихом (Завоевателем). При его сыне Баязиде II активность Османского государства в Восточной Европе не ослабевает, но основные силы турок переключаются в борьбу с Молдавским и Польским государствами. Крымское ханство участвует в то время в борьбе между Русским государством, Великим княжеством Литовским и Большой Ордой, сохраняя подчинение султану.

Подводя итог, можно сказать, что 1475–1479 годы были временем постепенно-го утверждения османского владычества над Крымским ханством. В тот период османское правительство искало оптимальные пути упрочения своего влияния в Восточной Европе. Результатом поисков было поставление ханом Менгли-Гирея, ставшего вассалом султана. Решение султана ориентироваться на Крымское ханство как на свою опору в Северном Причерноморье сразу же повлекло за собой другое важнейшее мероприятие по закреплению османской власти в этом районе – поход на адыгские земли. События 1479 г. показывают, что Османское государство с самого начала проводило захватническую политику на Западном Кавказе. События 1475–1479 гг. открывают серию османских завоевательных походов на Кавказ. Одновременно шло наступление с юга, начавшееся после разгрома турками Трапезундской империи.

Примечания

1. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; *Базилевич Д.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. Вестн. МГУ. 1948. № 1. С. 29–46; *Он же.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952; *Inalcik H.* Yeni vesikalara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi ve ahidname meselesi. ВТТК. 1944. Cilt 8. № 30. S. 185–229; *Mehmed M.A.* La politique ottomane à l'égard de la Moldavie et du khanat de Crimée vers la fin du règne du sultan Mehmed II "Le conquérant". Rev. Roum. hist. 1974. T. 13. № 3. P. 509–533.
2. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. ИЗ. 1938. Т. 3. С. 82, 124–125.
3. Там же. С. 83, 104–105.
4. СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 12–13.
5. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 50; см. также: *Бадян В.В., Чиперис А.М.* Торговля Каффы в XIII–XV вв. Феодалная Таврика. Киев, 1974. С. 187.
6. *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Т. I. С. 52.
7. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 244.
8. *Гонца Г.В.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 18–19.
9. *Новичев А.Д.* Указ. соч. С. 52.
10. Там же.
11. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 268–269.
12. Цит. по: *Колли Л.П.* Падение Каффы. ИТУАК. 1918. № 54. С. 135. В литературе отмечалось, что работы Л.П. Колли изобилуют ошибками, поэтому использовать содержащиеся в них отрывки генуэзских документов приходится с большой осторожностью. См. об этом: *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. ИЗ. 1940. Т. 7. С. 3.
13. *Назаров В.Д.* Конец золотоордынского ига. Вопр. истории. 1980. № 10. С. 108.
14. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 99–101.
15. СИРИО. Т. 41. С. 1–6.
16. Там же. С. 9–10.
17. *Ibn Kemal.* Tevarih-i âl-i Osman. Ankara, 1957. S. 389.
18. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах СПб., 1863. Ч. 1. С. 101.
19. *Zajaczkowski A.* La chronique des steppes Kipchak. Warszawa, 1966. P. 82. Фр. пер. С. Делоне, выполненный в 1737 г.
20. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 382–383.

21. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 265–266.
22. Цит. по: Колли Л.П. Падение Каффы. ИТУАК. 1918. № 55. С. 162, 166.
23. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 267; Негри А. Указ. соч. С. 382.
24. Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. С. 101.
25. Барбаро и Контарини о России. С. 155.
26. СИРИО. Т. 41. С. 6.
27. Neşri M. Kitâb-ı Cihan-nüma. Ankara, 1957. Cilt 2. S. 823.
28. Гонца Г.В. Указ. соч. С. 21. Попытка нанести удар по Молдавии была предпринята еще в конце 1474 г., но 10 января 1475 г. в битве на р. Бырлад османское войско потерпело поражение.
29. Цит. по: Колли Л. П. Исторические документы о падении Каффы. ИТУАК. 1911. № 45. С. 14–15. Док. V.
30. См. об этом: КСАМРТ. Р. 51. Жанр «фетх-наме» весьма характерен для османского (и не только османского) средневековья.
31. КСАМРТ. Р. 46–51; впервые опубликовано: *Cazacu M., Kévonian K.* La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents. CMRS. 1976. Vol. XVII. № 4. P. 506–511.
32. В разных источниках дата падения Каффы различается в пределах 3–4 дней. В любом случае речь идет о первой неделе июня 1475 г.
33. Чиперис А.М. Борьба народов Юго-Востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50–70-х годах XV в. УЗТУ. 1960. Вып. 17. С. 148–149, 155.
34. Пер. по: Эрнст Н.Л. Конфликт Ивана III с генуэзской Кафой. Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии. 1927. № 1 (58). С. 179.
35. *Ibn Kemal*. Op. cit. S. 384.
36. См.: *Roccatagliata A.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Pera e Mitilene. Genova, 1982. Т. I. Р. 228–233. Дос. 105–106. Указанием на эту публикацию автор обязан С.П. Карпову.
37. Neşri M. Op. cit. S. 827.
38. The history of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg. Minneapolis; Chicago, 1978. P. 61.
39. Цит. по: Колли Л.П. Исторические документы о падении Каффы. С. 17. Док. VII.
40. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний... С. 128.
41. Neşri M. Op. cit. S. 827; *Ibn Kemal*. Op. cit. S. 386.
42. Цит. по: Колли Л.П. Исторические документы о падении Каффы. С. 16. Док. VII.
43. КСАМРТ. Р. 55–57; впервые опубликовано: *Kurat A.N.* Topkapı sarayı Müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. S. 87–90. (Далее: *Kurat A.N.* Topkapı sarayı).
44. Привожу перевод, имеющийся в работах К.В. Базилевича «Ярлык Ахмед-хана Ивана III» (С. 37), «Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в.» (С. 111), как довольно точный. Перевод во французской публикации оставляет возможность различного толкования отдельных мест (см.: КСАМРТ. Р. 57).
45. Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. С. 101–102.
46. *Kurat A.N.* Topkapı sarayı. S. 115; КСАМРТ. Р. 40, 67, 317.
47. *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. ВТТК. 1937. Cilt. 1. № 3–4. S. 647–648; КСАМРТ. Р. 67 (в изложении).
48. Цит. по: Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. С. 124–125. Кроме того, скорее всего, опирался на Длугоша.
49. *Inalcık H.* Yeni vesikalara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi ve ahidname meselesi. ВТТК. 1944. Cilt 8. № 30. S. 214–215.
50. В османских хрониках нет даты утверждения Менгли-Гирея на ханском престоле.
51. ПСРЛ. Т. VIII. С. 183; Т. XII. С. 168; Т. XXIV. С. 195.
52. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 283–286.
53. ПСРЛ. Т. VI. С. 32; Т. XII. С. 157; Т. XVIII. С. 250; Т. XXIII. С. 161; Т. XXVI. С. 254; Т. XXVIII. С. 309; См. также: Т. XXV. С. 303–304; Т. XXVIII. С. 138.
54. ПСРЛ. Т. VI. С. 200; Т. XX. Ч. 1. С. 302.
55. ПСРЛ. Т. VIII. С. 181; Т. XII. С. 158; Т. XXIV. С. 194–195.
56. КСАМРТ. Р. 61–63, 64–65; второе письмо опубликовано: *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. S. 642–645; *Kurat A.N.* Topkapı sarayı. S. 101–106.

57. КСАМРТ. Р. 65.
58. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976. С. 29, 51, 65.
59. Гонца Г.В. Указ. соч. С. 22–23.
60. КСАМРТ. Р. 62.
61. Ibid. Р. 65.
62. СИРИО. Т. 41. С. 9.
63. ПСРЛ. Т. VIII. С. 183; Т. XII. С. 168; Т. XXIV. С. 195.
64. СИРИО. Т. 41. С. 13–14.
65. Там же. С. 17.
66. Мнения на этот счет см.: *Базилевич К.В.* Внешняя политика... С. 118–119; *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 114; *Он же.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 42.
67. *Базилевич К.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. С. 45–46; *Назаров В.Д.* Конец золотоордынского ига. С. 120.
68. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 270–271; *Григорьев А.П.* Время написания «ярлыка» Ахмата. Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1987. Вып. 10. С. 28–89. Обстоятельная, основанная на тщательном анализе источников работа А.П. Григорьева выводит изучение «ярлыка» на качественно новый уровень. Мнение Э. Кинана о том, что «ярлык» – поздний поэтический памфлет русского происхождения, – хотя и остроумная, но неверная гипотеза (*Keenan E.L.* The Jarlyk of Ahmed-Xan to Ivan III: A new reading. Intern J. Slavic Linguistics and Poetics. 1966. Vol. 12. P. 33–47).
69. *Базилевич К.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. С. 31.
70. *Ahmed Feridun-bey.* Mecmu'a-i Münşeat al-selâtin. Istanbul, 1274 (1857). Cilt 1. S. 289–290.
71. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 270–272.
72. *Kurat A.N.* Торкарı sarayı. S. 48–51; впервые опубли.: *Kurtoğlu F.* Son Altın Ordu hükümdarının Osmanlı hükümdarı Mehmed II'ye bir mektubu. ВТТК. 1938. Cilt 2. № 5–6. S. 247–250.
73. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 270–272; *Inalcık H.* Yeni vesikalara. S. 214.
74. Перевод А.Н. Кононова. См.: *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов. ТС. 1975. М., 1978. С. 244.
75. Там же. С. 243.
76. *Базилевич К.В.* Внешняя политика... С. 111–112.
77. *Базилевич К.В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. С. 40.
78. Там же. С. 41.
79. *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. S. 648–649; КСАМРТ. Р. 70. (в изложении).
80. *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. S. 650–651; различна и терминология: в первом случае говорится о «стране» (крае), во втором – о «государстве» (memleket – devlet).
81. КСАМРТ. Р. 71.
82. *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. С. 102.
83. КСАМРТ. Р. 70.
84. *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. S. 647–648.
85. Интересно, что все три письма Эминека написаны на разных языках – арабском, турецком с татарскими диалектизмами, турецком. Это, конечно, свидетельствует не о языковых познаниях автора, а о писцах, бывших в его распоряжении в разное время.
86. СИРИО. Т. 41. С. 15.
87. *Базилевич К.В.* Внешняя политика... С. 116–117.
88. *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. S. 650–651.
89. См.: *Inalcık H.* Yeni vesikalara. S. 223–229; *Mehmed M.A.* Op. cit. P. 525; *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 294–301.
90. *Маркс К.* Хронологические выписки. Арх. Маркса и Энгельса. Т. 7. С. 203–204.
91. *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 1. С. 50.
92. *Ibn Kemal.* Op. cit. S. 467–468.

Глава третья

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И АДЫГИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

Последнее двадцатилетие XV в. и первые годы XVI в. – период постепенного изменения политической карты Восточной Европы. Главным содержанием этого процесса явилось усиление Русского государства, вступившего после победы над Большой Ордой в открытую борьбу с Великим княжеством Литовским за возвращение захваченных последним русских земель. Одновременно продолжалось османское продвижение в Восточную Европу, которое осуществлялось теми же путями, что и в предшествующий период: с одной стороны, закрепляется зависимость Крымского ханства от султана, с другой – османы усиливают нажим на Молдавию, а также вступают в открытую борьбу с Польским королевством. Задачи османской политики в Восточной Европе определялись в тот период нуждами политики султана в Центральной Европе, где основными противниками его становятся венгерский король, Габсбурги и польские Ягеллоны, с 1490 г. занявшие также чешский и венгерский престолы. Стремясь ослабить Ягеллонов, султан уже в конце XV в. наносит прямые удары по землям польской короны.

Наряду с борьбой против Ягеллонов султанское правительство не отказывалось от политики упрочения своей власти на Западном Кавказе, хотя в рассматриваемый период наблюдается ослабление османской активности в этом районе (почти на 20 лет). Вместе с тем адыгские народы принимают непосредственное участие в международной жизни Восточной Европы, в частности, в борьбе против Большой Орды.

Как уже отмечалось, во второй половине 70-х годов XV в. происходит активизация Большой Орды. Это неизбежно влекло за собой решающее военное столкновение ее с Русским государством. Для обеих сторон насущным был вопрос о союзниках. Иван III стремился к закреплению союза с Менгли-Гиреем, однако он сложился далеко не сразу. Договор, заключенный в результате переговоров 1479–1480 гг.¹ не означал оформление союза: одновременно с этим крымский хан вступил в активные сношения с Казимиром. Не позже августа 1480 г. хан прислал королю грамоту о дружбе и союзе². Вскоре последовали посольства Ивана Глинского в Крым и Байраша к Казимиру, подтвердившие «приязнь и братство» короля польского и великого князя литовского с Менгли-Гиреем³. Посольская книга Литовской Метрики свидетельствует об оживленном обмене послами между Казимиром и Менгли-Гиреем, продолжавшемся вплоть до нападения хана на Киев в 1482 г. В этих условиях можно говорить лишь о том, что Ивану III удалось нейтрализовать крымского хана. Ни о какой помощи последнего против Казимира не могло быть тогда и речи. Краткий по времени набег хана на Подолию 1480 г. нельзя считать содействием Ивану III⁴. Заметим здесь, что опасность союза Крымского ханства с Большой Ордой против Руси в 1480 г., о которой говорит В.В. Каргалов⁵, вряд ли существовала. Нет никаких сведений

о том, что давняя вражда Менгли-Гирея и Ахмата ослабла к тому времени. Более реальной была угроза объединения Ахмата с Казимиром⁶.

Итогом дипломатической борьбы и развития событий внутри указанных государств явилось то, что осенью 1480 г. Русь и Большая Орда остались практически без союзников. Казимир не пришел на помощь Ахмату из-за обострения политической борьбы в Великом княжестве Литовском⁷. Единственной «заслугой» Казимира перед Ахматом можно считать то, что король постарался не допустить выступления Менгли-Гирея на стороне Руси. К участию в походе 1480 г. на Русское государство Ахмату удалось привлечь только астраханского хана Касима⁸.

Итог событий 1480 г. хорошо известен. Победа Ивана III подорвала силы Большой Орды, нанесла решающий удар по давнему противнику Руси. В Орде начались усобицы, в которых в 1481 г. погиб сам Ахмат. Его сыновья еще более 20 лет боролись между собой за власть, но были уже не в состоянии достичь былого могущества. Вместе с тем Большая Орда все те годы оставалась важнейшим компонентом международной политики в Восточной Европе, определяя отношения между собой остальных восточноевропейских государств. Главной антиордынской силой становится Крымское ханство. При этом в его борьбе с Ордой участвуют как Русь и Великое княжество Литовское, так и Османское государство.

Борьба Ивана III и Казимира за влияние на Крымское ханство продолжалась до осени 1482 г., когда Менгли-Гирей организовал поход на Киев, завершившийся разгромом города. Стало ясно, что Казимир проиграл: после таких событий союз с Менгли-Гиреем становился невозможным. Иван III в течение 1481–1482 гг. побуждал хана к боевым действиям против Великого княжества Литовского⁹. Летописи сообщают, что «по слову великого князя ивана Васильевича» Менгли-Гирей «землю Киевскую учинил пусту за неисравление королевское, что приводил царя Ахмата Болшиа Орды со всеми силами на великого князя»¹⁰. Поход 1482 г. продемонстрировал, что Менгли-Гирей сделал выбор в вопросе о союзнике. При этом не может не броситься в глаза отсутствие упоминаний о столь крупном походе в материалах русско-крымских отношений того времени. Только в 1495 г. Менгли-Гирей напомнил о нем Ивану III¹¹. Можно полагать, что связь похода 1482 г. с просьбами великого князя московского в действительности не была столь прямой и непосредственной, как это представлено в летописях.

События 1482 г. способствовали окончательному укреплению русско-крымского союза, с самого начала направленного против Большой Орды, с одной стороны, и Великого княжества Литовского – с другой, которые, в свою очередь, объединяются против Руси и Крыма¹². С того времени до начала XVI в. в Восточной Европе действуют две враждебные группировки, каждое из государств – участников группировок преследовало собственные цели. После смерти Мехмеда II в 1481 г. на османский престол вступил его сын Баязид. Другим претендентом был брат Баязида Джем, однако при поддержке корпуса янычар Баязиду удалось одержать победу. В 1482 г. побежденный Джем вынужден был прекратить борьбу и бежать в Египет, оттуда на Родос, а затем во Францию и Италию. Вплоть до смерти Джема Баязид II не мог быть уверен в своей безопасности, поскольку европейские державы использовали Джема в борьбе против османов. В конце концов папа римский согласился за 300 тыс. дукатов избавить султана от соперника, и в 1494 г. по его приказу Джем был отравлен в Неаполе¹³.

После бегства Джема в Египет султан постарался установить мирные отношения с европейскими государствами, и это ему удалось: в 1483 г. были заключены договор на два года с Венгрией и перемирие с Венецией¹⁴. Временное пре-

кращение боевых действий в Центральной Европе и Средиземноморье позволило Баязиду II продолжить наступление в Восточной Европе: в 1484 г. был принят большой поход на Молдавию, целью которого был захват важнейших в стратегическом отношении крепостей Килии и Белгорода (Монкастро). Есть сведения, что главную роль в походе играло не османское, а крымское войско во главе с самим Менгли-Гиреем¹⁵. В любом случае ясно, что войско крымского хана действовало в соответствии с приказом Баязида II и координировало свои акции с османским войском. Налицо тот же план боевых действий, который был осуществлен османским и крымским войском в 1476 г. Килия и Белгород были взяты штурмом при ожесточенном сопротивлении их защитников. Захват крепостей отрезал Молдавию от Черного моря и окончательно ликвидировал молдавский торговый путь¹⁶. Наиболее важным результатом похода было утверждение османской власти на границах Молдавии и в непосредственной близости от границ королевства Польского и Великого княжества Литовского. Кроме того, султан получил прямую сухопутную связь с Крымским ханством, которая с тех пор уже не прерывалась. Захват Килии и Белгорода создал важнейшую предпосылку для последующей экспансии Османского государства в отношении Восточной Европы. В 1485 г. Стефан попытался вернуть захваченные крепости, но потерпел неудачу, и опять же из-за удара крымских войск.

Стефан III был вынужден искать союзников против османов. По указанию султана Менгли-Гирей постарался воспрепятствовать объединению Стефана с Казимиром. Сохранилось письмо хана султану, описывающее переговоры Менгли-Гирея с послами Казимира: хан требовал от короля не заключать союза с Молдавией и «стать другом» султану, в противном случае угрожая Казимиру враждебными действиями¹⁷. Письмо не датировано, но относится к середине 80-х годов. Несколько позже, в 1489 г. король, однако, сам подписал перемирие с османами¹⁸. Впоследствии оно продлевалось. Указанные соглашения с султаном явились, помимо прочего, результатом победоносного похода Баязида в 1484 г. Одновременно Молдавия заключает договор с Русским государством, действовавший до начала XVI в. Этот союз, как справедливо отмечал Н.А. Мохов, не мог быть антиосманским – слишком далеко отстояли от Молдавии русские границы, чтобы Русь могла оказать реальную помощь Молдавии против османов¹⁹. Кроме того, в 1489 г. (по другой версии, в 1486 г.) Стефан заключил мир с султаном, обязавшись платить ежегодную дань²⁰. Русско-молдавский союз был направлен прежде всего против Казимира, с которым Стефан расторг договор после заключения польско-турецкого перемирия 1489 г. В том же году, «в рамках политики маневрирования между Польшей и Венгрией» Стефан признал суверенитет Венгрии²¹. Договоры султана с Молдавией и Польским королевством почти на 10 лет приостанавливают военное наступление османов в этом направлении.

Наряду с тем султан по-прежнему принимает участие в делах Крыма, в первую очередь в борьбе ханства с Большой Ордой. После событий 1485 г. Большая Орда переживает период усобиц и только к 1485 г. вновь набирает достаточно сил, чтобы начать активные действия против крымского хана. Зимой 1485 г. хан Большой Орды Муртаза²² перекочевал в Крым, где был захвачен в плен Менгли-Гиреем. На помощь Муртазе пришел его брат Сейид-Мухаммед, напавший на Менгли-Гирея. Крымский хан вынужден был скрыться с поля боя, после чего, как сообщают Софийская II, Воскресенская, Уваровская и Никоновская летописи, Менгли-Гирей «посла к турецкому, турецкой же силы ему посла и к Нагаем посла, велел им Орду воевати»²³. В.Д. Смирнов считал это летописное сообщение

не заслуживающим доверия, поскольку оно является, по его мнению, анахронизмом и содержит описание событий 1502 г.²⁴ Однако В.В. Вельяминов-Зернов и К.В. Базилевич обратили внимание на сходство летописного сообщения с рассказом И. Барбаро о борьбе Менгли-Гирея с «Мордасса-ханом»²⁵. Поскольку труд Барбаро был написан в 1487 г., причем события последних лет автор излагает по устным рассказам, то его сообщение о войне крымского хана с «Мордассой» (Муртазой)²⁶ относится ко времени, безусловно, до 1487 г. Поэтому у нас нет оснований не доверять данному сообщению летописей. Самое важное в нем – это факт помощи султана Менгли-Гирею против Большой Орды, причем Баязид II считал возможным призвать на помощь своему вассалу даже ногайских мурз.

Мы не знаем, откликнулись ли они на призыв султана, но Менгли-Гирей, опираясь на османское войско, сумел отбить удар Сейид-Мухаммеда. Помощь султана Менгли-Гирею была, очевидно, действенной. Во всяком случае, через год Ивану III было сообщено, «что деи Муртоза и Седехмат цари и Темир князь хотят итти на Менли-Гирея на царя, только не будет у него турецкого помочи; а будут деи турки у него, и им деи на него не итти, турков деи блюдутся добре»²⁷.

Хотя русское войско, посланное в 1485 г. на помощь Менгли-Гирею, по-видимому, полностью своих задач не выполнило²⁸, связи Руси с Крымом укреплялись, и притом усилиями Ивана III. Это было особенно важно, поскольку ханы Большой Орды искали помощи Казимира: летом 1484 г. до Москвы дошел слух о приезде в Орду послов короля²⁹, а в течение 1484–1486 гг. к Казимиру прибыло несколько послов от сыновей Ахмата (посольские грамоты сохранились в Литовской Метрике³⁰). Сношения Казимира с «Ахматовыми детьми» продолжались и в дальнейшем: в 1486 и 1487 гг. Менгли-Гирей сообщал Ивану III о том, что ордынские ханы готовят поход на Крым, причем именно король наводит их на Менгли-Гирея³¹. По просьбе крымского хана Иван III посылал тогда войско на Орду³².

Новым моментом восточноевропейской дипломатической жизни были шаги к установлению дружественных отношений с Русским государством, предпринятые Баязидом II. В конце 1485 г. русский посол Федор Курицын, возвращавшийся из Венгрии, был задержан в Кафе турецкими властями. Османские паши – по их словам, согласно приказу султана – сообщили русскому послу, что султан «хочет дружбы» с Иваном III, и велели Курицыну передать это своему государю. Весной 1486 г. в Крым отправилось посольство боярина Семена Борисовича, которому было поручено в числе прочего узнать у Менгли-Гирея, «каковы дружбы... хочет турецкой»³³. Хан ответил осенью того же года, что «турецкой по тому хочет дружбы и братства, как яз с великим князем живу. А что Федору паши говорили от Турского, а то говорили с его слова». Однако самому Менгли-Гирею султан, по-видимому, точных инструкций не дал. Хан сообщал в Москву, что им к султану отправлен человек «о том деле», и, как только он вернется с письмом или с человеком Баязида, Менгли-Гирей сразу же известит великого князя³⁴. Уже весной следующего, 1487 г. Иван III спрашивал Менгли-Гирея о результатах посылки в Стамбул; больше всего Ивана заинтересовало сообщение хана о том, что «салтан турецкой королю литовскому недрут»³⁵. В марте 1488 г. Менгли-Гирей ответил, что «турецково слово таково: коли князь велики тебе Менли-Гирею друг да брат, и яз потомуже хочю с ним быти в дружбе и братстве»³⁶. После этого почти на четыре года контакты Руси с Османским государством прекращаются: ни одна из сторон не выражает стремления их продолжить. По-видимому, Баязид хотел в этот раз только выяснить отношение великого князя к возможному установлению дружественных связей с султаном.

Получив нужные сведения, а именно что Иван III расположен к дальнейшим связям, Баязид решил переждать и не форсировать сближения со все усиливающейся Русью.

Что касается Ивана III, то ему тем более некуда было спешить. Он хотел предварительно получить точную информацию о политике султана: практически каждый из русских послов в Крым получал наказ присылать сведения «о турецком». Кроме того, в то время внимание русского правительства было отвлечено на другие вопросы. Летом 1487 г. русскому войску после почти двухмесячной осады сдалась Казань, казанским ханом стал зависимый от Руси Мухаммед-Эмин. Этот важнейший внешнеполитический успех Ивана III был подготовлен пятилетней борьбой Русского государства за влияние на Казанское ханство. Значение его было исключительно велико: почти на 20 лет Казань стала из врага союзником Руси. С того времени великие князья стали считать Казань своей вотчиной³⁷ (хотя формально ханство не вошло в состав Русского государства). Следствием подчинения Казани было и установление дружественных русско-ногайских связей, инициатором которых были ногаи³⁸.

Одновременно с подчинением Казани Русское государство начинает с Великим княжеством Литовским войну за возвращение русских земель, которая, однако, не была объявлена и имела особый пограничный характер³⁹. В этих столкновениях, продолжавшихся до 1494 г., Русь добилась значительных успехов: были присоединены Вязьма, «верховские княжества» и ряд других земель⁴⁰.

Союзником Руси в войне 1487–1494 гг. с Великим княжеством Литовским было Крымское ханство. Русское государство, в свою очередь, поддерживало Крым против ханов Большой Орды, борьба с которыми обострилась в конце 80-х – начале 90-х годов. Осенью 1489 г. Менгли-Гирей писал Ивану III, что ордынские ханы Муртаза и Сейид-Ахмед идут на Крым. Весной следующего года по просьбе крымского хана против Орды было отправлено русское войско во главе с племянником Менгли-Гирея царевичем Сатылганом, служившим московскому великому князю. Однако царевич «учинил молододою мыслью» не по приказу великого князя и вернулся обратно, не воевав Орду⁴¹. Иван III осенью 1490 г. прислал в Крым посольство Василия Ромодановского с извинениями и обещаниями следующей весной вновь послать войско против «Ахматовых детей». Сообщал он также, что отправил посла к ногайскому мурзе Мусе о союзе против Орды⁴².

Однако Большая Орда не преминула воспользоваться оплошностью союзника Менгли-Гирея. 2 сентября 1490 г. в Крым прибыли послы Сейид-Ахмеда и Шейх-Ахмеда, которые заключили с Менгли-Гиреем мирный договор. Полагаясь на это, крымский хан распустил войско, а вскоре ордынские ханы напали на Крым, опустошили земли Барыньских «князей» (беев), а затем ушли в степь⁴³. Несмотря на крупные потери, Менгли-Гирей сумел той же зимой нанести Орде сильный удар, побив много людей и отогнав коней. Отметим, что второе было не менее важно, чем первое, так как наличие запасных коней определяло боеспособность ордынского (как и крымского и любого кочевого) войска. Этому успеха Менгли-Гирей добился исключительно благодаря султану, который «тысячу своих холопов янычар ратью в десяти судех прислал». Весной 1491 г. крымский хан послал в Стамбул своего брата Ямгурчи просить еще войска, которое на этот раз должно было идти сухим путем через Белгород⁴⁴. Можно предположить, что Менгли-Гирей рассчитывал при помощи султана нанести летом 1491 г. решающий удар Орде. Однако это ему не удалось благодаря хитрости Муртазы, который сам отправил к султану

посла с просьбой не посылать войска. Посол Муртазы убедил Баязида в том, что война шла между Менгли-Гиреем и Сейид-Ахмедом, теперь же ханом стал вместо Сейид-Ахмеда Муртаза, который с Крымом «в братстве да в миру». Султан отменил отправку войска. Узнав об этом, Менгли-Гирей вновь послал к Баязиду Ямгурчи, справедливо предостерегая султана: «Переступят цари меня, ино от них будет и тебе недобро». На этот раз войско было отправлено, причем султан, по словам Менгли-Гирея, из-за этого даже отложил поход в Египет⁴⁵.

Ордынские ханы, будучи уверены в успехе своего маневра, готовились к походу на Крым. Их союзником был астраханский хан Абдул-Керим, рассчитывали они и на помощь ногаев. В мае 1491 г. Менгли-Гирей прислал Ивану III предостережение, что «Ахматовы дети» намерены напасть и на русские земли. К.В. Базилевич считал, что хан таким образом стремился ускорить присылку русского войска⁴⁶. Насколько сообщение хана соответствовало действительности, судить трудно, так как набег на русские земли не состоялся. Заметим все же, что весной 1492 г. Иван III напоминал Менгли-Гирею: «Ведаешь сам, как наш недруг король нам недружбу учинил, наших недругов Ахматовых детей на нас навел и каково как тебе наши недрузи Ахматовы дети лихое дело учинили и нам хотели чинити»⁴⁷. Не исключено, что намерение идти на Русь у ордынских ханов все же было. В любом случае, не подлежит сомнению, что этим они сыграли бы на руку Казимиру. Можно предположить, что существовала договоренность ханов с Казимиром о посылке части войск на Русь, как это было сделано через год, летом 1492 г. Летопись сообщает, что 10 июня того года под Алексин приходили ордынские казаки, но были отбиты русскими воеводами⁴⁸.

Согласно договоренности с Менгли-Гиреем, в начале июня Иван III отправил на Орду войско. Одновременно по его приказу войско послал Мухаммед-Эмин. Переговоры Ивана III с ногаями о союзе против Орды также были успешными – через Волгу переправилось войско ногайских мурз Мусы и Ямгурчи⁴⁹. Известно, что ногаев на свою сторону пытался привлечь Муртаза, но безуспешно. Конец похода на Орду летописи описывают следующим образом: «Слышавши цари и ордынские силу много великого князя в Поли и убояшеса; възвратишася от Перекопи»⁵⁰. Удар русского войска считает причиной отступления Орды В.В. Каргалов⁵¹. Думается, что не следует забывать о помощи султана – как военной, так и дипломатической. Военная помощь Баязида оказалась гораздо скромнее, чем рассчитывал Менгли-Гирей, – вместо ожидавшихся 40 или даже 70 тыс. пришло всего 2 тыс. пеших воинов (хотя они наверняка имели огнестрельное оружие). Важнее было другое – то, что «турской послал посла ко царем в Орду о том, чтобы цари с того поля пошли прочь». Посол султана встретился с Муртазой в Азове и вместе с ним прибыл в Орду, где Муртаза «с коня ссел», т.е. прекратил военные действия⁵². Русское войско на обратном пути столкнулось с войском Абдул-Керима и разбило его, сам хан был ранен и бежал в Астрахань.

Поражение Большой Орды в 1491 г. привело к росту в ней усобиц: «Орда... замешалася добре, Мангитове пошли по Днепру вверх»⁵³. Мангиты были одним из крупных татарских родов, часть которого входила в Большую Орду и затем в Ногайскую Орду, а часть переселилась в Крым⁵⁴. Представляется не случайным, что Мангиты, вступив в конфликт в Ордой, отправились к границам Великого княжества Литовского. Стремясь укрепить влияние на Большую Орду, король мог предоставить Мангитам кочевья в Поднепровье.

Таким образом, столкновение Большой Орды с Крымским ханством в 1491 г. привело к победе Крыма благодаря поддержке, оказанной Менгли-Гирею как

Русским, так и Османским государствами. Ивану III необходимо было сохранить союзника в борьбе с Великим княжеством Литовским, а султан не мог допустить поражения своего вассала.

Существенным фактором борьбы с Большой Ордой было участие в ней адыгских народов. В мае 1491 г. Василий Ромодановский сообщал в Москву о слухах, что Орде «было... итти за Донец да и за Дон; да итти им было к Черкасом». В связи с этим Ромодановский настаивал, чтобы Менгли-Гирей отправил войско на литовские земли: «пойдут, господине, цари к Черкасом, у тобя, господине, отдалеют, нелзе ти будет на Орду итти... и ты бы шол на королевскую землю». Хан ответил, что «даст Бог управимся с большими своими недруги, а королевской земли от нас не отдалети»⁵⁵. Кроме того, вскоре выяснилось, что Орда идет на Крым. Однако нельзя исключить, что какая-то часть Орды (один из «улусов») все же направлялась в сторону Черкесии; вероятней всего, это мог быть «улус» одного из враждовавших между собой сыновей Ахмата, который откочевал от Орды из-за усобиц. Мы не знаем, произошло ли в том году нападение ордынцев на Черкесию, но в самом факте нападения ничего нового не было. Еще А. Контарини, проезжавший через земли Кавказа и Астрахань в 1476 г., писал, что татары, «которые живут в степях Черкесии и около Таны», «пользуются славой безумных храбрецов, потому что делают набеги и грабят черкесов и русских»⁵⁶. Надо думать, что набеги Большой Орды на черкесов были частыми и в последующие годы.

Весной 1492 г. русский посол Иван Лобан-Кольчев сообщил из Крыма, что «Орда пашню пахала на Куме, а пошла, сказывают, на Черкасци воевати»⁵⁷. Осенью того же года он прислал более подробные сведения: «Орда была, сказывают, покочевала к Пятма Горам; ино, сказывают, улусы за Ордою не покочевали, а покочевали, сказывают, к Волзе; ино, сказывают, Орда за улусы ж пошла к Волзе. А нынеча... сказывают, Орда голодна добре, хлеб ся у них не родил, и они сказывают, тово дея к Волзе пошли, чтобы им чем было прокормитца; а живот, сказывают, у них вытерлся»⁵⁸. Отметим, что бедственное состояние Орды было в значительной мере результатом ее неуспеха в борьбе с Крымом годом раньше. Налицо также раздоры между ханами («Ордой») и татарскими феодалами (правителями «улусов»). Ясно, что весной Орда все же была в районе Пятигорья (на Куме), где пахала пашню, но неурожай заставил ее перекочевать севернее. Приход Орды к Пятигорью не мог не повлечь за собой столкновений с местным адыгским населением. Можно предполагать поэтому, что сопротивление адыгов наряду с голодом было одной из важных причин ухода Орды от границ Черкесии.

Косвенным доказательством того, что адыгские земли подверглись в 1492 г. нападению, служит грамота Менгли-Гирея от 9 октября 1492 г., полученная в Москве в январе 1493 г. В ней хан сообщает, что он послал Мамышека (сына Муртазы, перешедшего служить в Крым) на разведку в степь – выяснить, на какой стороне Волги будет зимовать Орда. «И Мамышек царевич шодши к Ших-Ахмету да к Сеит-Махмуту; ино шли черкасских князей с поминки, которые шли поминки их поимал, а послов побил, и куны их поимал»; вскоре на Мамышека напали служилые казаки великого князя и отняли добычу, в том числе «9 голов черкасского полону». Хан просит вернуть добычу и полон⁵⁹. Несмотря на плохой перевод, смысл сообщения совершенно ясен: в поле были захвачены послы черкесских князей, направлявшиеся куда-то с «поминками». Если бы они пошли в Крым или Москву, то их злключения – из крымского плена попали в русский – объяснить трудно; остается предположить, что посольство было отправлено в Большую Орду. Целью посольства было, очевидно, установление мирных отно-

шений с Ордой, для чего ханам отправлялись богатые поминки (куны). Задаривать ордынских ханов черкесским правителям не было необходимости, если бы они не опасались нового набега на свои земли. Вероятнее всего, посольство было следствием нападения Орды на адыгов весной или летом 1491 г. Факт посольства вместе с фактом ухода Орды на Пятигорья свидетельствует о том, что адыги, с одной стороны, оказывали Орде вооруженное сопротивление, а с другой – пытались наладить с ней отношения дипломатическими средствами.

Говоря о роли адыгов в международной жизни Восточной Европы 80–90-х годов XV, нельзя не остановиться на столь важном эпизоде русско-адыгских отношений, как переписка Ивана III с «таманским князем» Захарьей Гуйгурсисом. Ф.Д. Бруном и Л.И. Лавровым доказано, что Захарья Гуйгурсис и хорошо известный по генуэзским материалам владетель Матреги князь Захария де Гизольфи – одно лицо⁶⁰. Захария был сыном знатного генуэзца Винченцо ди Гизольфи и дочери адыгского князя Берозоха (Базрука?) Бики-ханум. Женитьба на Бике-ханум (1419 г.) дала Гизольфи в удел принадлежавший Берозоху город Матрегу (Тамань). С того времени Матрега находилась в двойном подчинении – генуэзским властям и адыгским князьям, но при этом сохранила значительную самостоятельность⁶¹. В 1475 г. Матрега была взята турками, Захария бежал и направился в Геную. По дороге он был задержан Стефаном Молдавским, после чего вернулся к себе на Таманский полуостров. В 1482 г. Захария направил в Геную письмо с просьбой прислать денежную субсидию, так как он собрал у себя уже около 180 семейств из числа жителей бывших генуэзских городов и мечтал, как можно понять, восстановить свои права при помощи Менгли-Гирея. Деньги требовались для уплаты отступного адыгским князьям, которым Захария не мог отказать: «если им не давать, то станут врагами, а мне нужно во всяком случае их иметь на своей стороне»⁶².

Положительного ответа из Генуи Захария не получил и решил обратиться к Ивану III. Дважды (в 1483 и 1487 гг.) он отправлял в Москву с проезжавшими через Кафу русскими купцами грамоты с предложением перейти на русскую службу. Оба раза великий князь посылал ему приглашения приехать в Москву (первая грамота Ивана III не дошла по назначению)⁶³. 8 июня 1487 г. Захария, еще не получив ответа на второе письмо, отправил в Москву своего человека с грамотой, в которой подробно описывал свои злключения и вновь просил принять его на службу. Отметим, что грамота написана в Копарио, которым тогда Захария, вероятно, уже владел⁶⁴. Великий князь в марте 1488 г. направил в Крым русскому послу Дм. Шеину приказ всячески способствовать переезду Захарии на Русь. Он велел просить Менгли-Гирея послать «в Черкасы к тому Захарьи своих двух человек, которые знают от Черкас полем к Москве, а велел бы там своим людям того Захарью таманского князя из Черкас приводить до меня»⁶⁵. Очевидно, у Шеина ничего не получилось, так как в сентябре 1489 г. Иван III отправил к Захарии посла Никифора Доманова и назначил место и время, где Захарию будут ждать люди великого князя⁶⁶.

В мае 1491 г. из Крыма пришли вести, что Доманов не смог выполнить приказа Ивана III, так как «нелзе Захарье ехати, замытия у них велика; а нелзе тому и свестися, человек... Захарья тяжел, семья велика, подниматися ему надобе тяжело, нолны бы... Менги-Гирею царю к себе его выпроводить, тебе государю дружачи, ино... царю того учинить не сметь, турьскому Захарья великой грубник»⁶⁷. Независимая позиция Захарии по отношению к султану, таким образом, не позволила великому князю воспользоваться услугами Менгли-Гирея для пре-

провожения князя в Москву. Можно предполагать, что Баязид дал Менгли-Гирею специальные инструкции насчет Захарии. Главным в них было, очевидно, требование не допустить переезда Захарии на Русь. После 1491 г. Захария уже не предпринимал попыток перебраться в Москву. В 1500 г. русскому послу Ивану Кубенскому было велено вновь предложить Захарии служить великому князю. Однако Захария в то время уже перешел на службу к Менгли-Гирею и, вероятно, изменил свое отношение к султану⁶⁸. До 1505 г. Захария упоминается среди крымских «князей», которым посылались литовские поминки. Это свидетельствует о том, что он занимал при дворе Менгли-Гирея высокое положение. Одновременно упоминается его сын Винченцо («Вицент»), несколько раз ездивший послом к великому князю литовскому. Последний раз о Винченцо говорится в письме короля и великого князя Сигизмунда крымскому хану Менгли-Гирею от 1521 г. Вероятно, сын Захарии стал профессиональным дипломатом и принимал активное участие в сношениях с Великим княжеством Литовским⁶⁹.

Переписка Ивана III с Захарией демонстрирует явную заинтересованность Ивана в привлечении к себе на службу бывшего князя Матреги. Как справедливо отметил Л.И. Лавров, «дальновидный Иван III, охотно принимавший к себе на службу иноземных князей, был заинтересован в Захарье как деятельном и образованном человеке, имеющем связи в Западной Европе, в Крыму и на Северо-Западном Кавказе и хорошо знающем крымско-турецко-кавказские дела»⁷⁰. Иван III отлично представлял себе, кто такой Захария: в грамотах великого князя он зовется не только «таманским князем», «фрязином», но и «черкасином», «черкашенином». Иначе говоря, Иван III понимал, что речь шла о связях с адыгами⁷¹. Поэтому переписку Ивана III с Захарией де Гизольфи можно считать звеном в цепи русско-адыгских связей.

После поражения Большой Орды в 1491 г. Менгли-Гирей активизирует борьбу против Великого княжества Литовского. В 1492 г. на Днепре у перевоза в районе Тягинки хан построил крепость⁷², которая стала опорным пунктом для наступления на литовские земли. Момент был выбран удачно – 7 июня 1492 г. умер король польский и великий князь литовский Казимир, польско-литовская уния временно нарушилась. Литовские пань поспешили 30 июля избрать на литовский престол Александра Казимировича⁷³. Выборы нового великого князя, естественно, отвлекли внимание от пограничных дел. Иван III со своей стороны активизировал боевые действия на литовской границе и постарался ускорить поход Менгли-Гирея. При участии Ивана в 1492 г. был заключен союзный договор Крыма с Молдавией⁷⁴. В начале 1493 г. поход крымских войск на киевские и черниговские земли состоялся. На помощь Менгли-Гирею по его просьбе из Белгорода было прислано вспомогательное османское войско во главе с Месих-пашой⁷⁵. Участие султана в походе 1493 г. не ограничилось помощью Менгли-Гирею. В том же году Баязид дважды посылал войско на Подолию, причем Стефан по договоренности с султаном пропускал османские войска через свои владения. Одновременно на Подолию ходили и войска самого Стефана⁷⁶, что было следствием его договора с султаном и Менгли-Гиреем. К тому времени окончательно оформился и русско-молдавский союз. События 1493 г. демонстрируют его антигеллонскую направленность.

Летом 1493 г. Александр сумел нанести Менгли-Гирею ответный удар, захватив вновь построенную на Днепре крепость и разрушив ее. Тогда крымский хан продолжил набеги, используя в качестве опорного пункта принадлежавший османам Белгород (Ак-Керман). Не имея достаточно сил для отражения нападений, Алек-

сандр и польский король Ян Ольбрахт в 1494 г. направили к султану посольство со следующим предложением: «Которые в Белгороде Мегли-Гиреевы царевы казаки, и ты бы их отослал; а из Бела бы города наших людей ходя не воевали, молве, полчетвертатцать тысяч золотых выходу дадим, молвили»⁷⁷. Султан принял выкуп и заключил договор с польским и литовским правителями. Одновременно он дал Менгли-Гирею недвусмысленные инструкции, чтобы хан из Белгорода своих людей увел, «а сам ся с ними, как хочешь воевати, то ты ведаешь». Крымские силы из Белгорода ушли, а по дороге совершили набег на земли Александра⁷⁸. Указания Баязида Менгли-Гирей, таким образом, выполнил в точности.

В Большой Орде и после событий 1491–1492 гг. продолжались усобицы. Весной 1494 г. после кратковременного нахождения на ордынском троне был свергнут Шейх-Ахмед, ханами вновь стали Сейид-Мухаммед и Муртаза. Причиной свержения Шейх-Ахмеда было то, что он установил связи с враждебными Орде ногаями, женившись на дочери мурзы Мусы. Вскоре, однако, Муртаза тоже был свергнут, и Сейид-Мухаммед сделал своим соправителем Шейх-Ахмеда. 4 июня 1494 г. Менгли-Гирей сообщил Ивану III, что они «покочевали под Черкасы»⁷⁹. По-видимому, Большая Орда почти каждую весну передвигалась к границам адыгских земель. Одной из причин этого было то, что здесь она становилась практически недостижимой для крымских войск. По-прежнему ордынские ханы поддерживали тесные связи с Великим княжеством Литовским. Осенью 1495 г. Менгли-Гирей известил Ивана III, что «Шиг-Ахмет Даирова сына Исупа к литовскому послу прикошовав отпустил; слышали есми, наших недругов ордынских на нас ведет, лихо хотя чинити»⁸⁰.

Середина 90-х годов – новый этап в укреплении османской власти над Крымским ханством. В 1495 г. в Кафу в качестве наместника был прислан сын султана Баязида II (шахзаде) Мухаммед. До этого какое-то время обязанности кафинского (или белгородского?) султанского наместника выполнял Месих-паша, впоследствии ставший великим визирем. Он неоднократно упоминается в материалах русско-крымских сношений как представитель султана⁸¹. Значение присылки шахзаде в Крым трудно переоценить. Как отметил В.Д. Смирнов, «присутствие султанского сына в новоприсоединенной области должно было сильнее способствовать бесповоротному слиянию ее с Оттоманской державою»⁸².

Отправление в Крым Мухаммеда было использовано Баязидом для возобновления контактов с Русским государством. Почва для этого подготавливалась еще с 1492 г., когда султан через Менгли-Гирея стал предпринимать шаги к упорядочению русско-османской торговли. В ответ на запрос кафинского наместника Иван III отправил султану осенью 1492 г. грамоту со списком обид, нанесенных русским купцам в османских владениях⁸³. Ответ на нее не приходил долго, пока наконец султан в 1494 г. не обещал прислать своего посла. Посол прибыл в Кафу с Мухаммедом, вместе с ними пришли люди от наместника Анатолии Пири Ахмед-паши Хасан-бек («Асан Бен»), Иван Сербин и др. Все они вместе с крымскими послами отправились в Москву через Киев, так как мирный договор Руси и Великого княжества Литовского 1494 г. предусматривал свободный проезд послов в Москву через земли Александра. Тем не менее Александр пропустил только крымских послов, а послов султана и Пири Ахмед-паши задержал в Киеве⁸⁴. Узнав об этом, Иван III потребовал пропуска османских послов, но Александр отказал, ссылаясь на то, что их уже отправили обратно, «абы таки послы наших земель государьских не пересматривали»⁸⁵. К.В. Базилевич справедливо отмечал, что «при дворе Александра Казимировича правильно поняли

политические последствия, вытекавшие из установления дипломатических связей между султаном и великим княжеством Московским, которые выходили за рамки экономических интересов обеих сторон»⁸⁶.

Александр не удалось предотвратить установления русско-османских связей: осенью 1496 г. сам Иван III отправил в Стамбул посольство Михаила Плещеева, вернувшееся зимой 1498 г. Несмотря на то, что Плещеев вел себя гордо и не выполнил требований посольского этикета, султан все же прислал с ним грамоты, и которых выражалось желание быть с Иваном III «в любви и дружбе»⁸⁷. Помимо прочего, султан обещал прислать вскоре своего посла, но так и не прислал⁸⁸. Не дождавшись посла, Иван III отправил в 1499 г. к султану посольство Александра Голохвастова, с которым Баязид также прислал грамоты о дружбе и любви, но без каких-либо конкретных обещаний⁸⁹. Таким образом, официальное оформление русско-османских дипломатических отношений затянулось почти на полтора десятилетия. Как подчеркивал К.В. Базилиевич, «Иван III и Баязид осторожно присматривались друг к другу»⁹⁰. Русское государство было заинтересовано в расширении торговли с Османским государством, и также в известной мере рассчитывало опереться на султана в борьбе с Великим княжеством Литовским. С османской стороны интересы торговли также играли существенную роль⁹¹, но не они лежали в основе султанской инициативы. Делая шаги к установлению связей с Русью, Баязид II, без сомнения, желал выяснить отношение усиливавшегося Русского государства к османским завоеваниям в Восточной Европе.

Наступление османов на королевство Польское возобновляется в последние годы XV в. Это происходит в условиях обострения польско-молдавской борьбы, когда король Ян Ольбрахт, стремившийся подчинить Молдавию, начал против нее военные действия. Летом 1497 г. Ян Ольбрахт объявил поход за возвращение захваченных османами Килии и Белгорода. Молдавский господарь Стефан пропустил польские войска через свою территорию, но они неожиданно стали опустошать молдавские земли и осадили Сучаву. Тогда Стефан обратился за помощью к Баязиду II. По данным османских источников, султан прислал отряд в несколько сот человек. По сведениям молдавских летописей, его численность достигла двух тысяч⁹². Данные М. Сануто позволяют уточнить вопрос о роли османских войск. В августе 1497 г. в Венеции из разных мест были получены сообщения о сборе большого османского войска для похода в сторону Молдавии. В октябре пришли сведения, что отправленное войско насчитывало 80 тыс. человек⁹³. Данные М. Сануто о численности войск редко заслуживают доверия, но ясно, что султан собрал значительные силы. В результате действий молдавского и османского войска Ян Ольбрахт потерпел поражение. На помощь королю должно было выступить также войско великого князя литовского, но Иван III решительно потребовал от Александра отказаться от участия в походе, того же потребовал и Менгли-Гирей⁹⁴. Александр вернул главные силы, но все же послал несколько отрядов. Русские летописи сообщают, что «Александр сотворил лесть: сам возвратился, а князей русских с силою послал на помощь брату своему Альбрехту»⁹⁵. Вероятно, с этим нужно связывать и сообщение Сануто о том, что султан выступил «против валахов, черкас и других»⁹⁶. Речь идет, конечно, не о черкесах, а подданных Александра – жителей Черкасского городка на Днепре, которые во главе с черкасским воеводой могли участвовать в боевых действиях.

На следующий год османское наступление на польские земли было продолжено. Дважды, в мае и ноябре 1498 г. османское войско во главе с силистрийским пашой Бали-беем Малкоч-оглу опустошало польскую территорию. В июле

1498 г. на королевские земли напал Менгли-Гирей⁹⁷. Сведения о крымском походе имеются в сообщении, отправленном в Венецию из Стамбула 29 января 1499 г.⁹⁸ Помощь османскому войску в 1498 г. оказал и молдавский господарь. Однако уже через год, в 1499 г. следуя политике лавирования между Польшей, Венгрией и Османским государством с целью использования противоречий между ними в своих интересах, Стефан присоединился к заключенному в 1498 г. польско-венгерскому антиосманскому союзу⁹⁹. Перемена ориентации Стефана повлекла за собой ослабление на некоторое время прямого натиска османов на Молдавию и Польское королевство. В связи со сближением Молдавии с Ягеллонами в начале XVI в. временно сходит на нет и русско-молдавский союз.

В конце 90-х годов начинается последний этап борьбы вокруг Большой Орды. В июле 1498 г. русский посол Борис Челищев сообщал из Крыма, что «приходили Черкасы на Большую Орду, да побиили... сказывают, татар Большой Орды добре много. И царю деи... Маахмату (Сейид-Мухаммеду. – А.Н.) под Черкасы прожити не мочно, он деи... мыслит пойти на сю сторону Дону». Что касается Менгли-Гирея, то он «выступил со всеми людми; а идет... искати большой Орды»¹⁰⁰. Таким образом, мощный удар, нанесенный адыгами, заставил Орду передвинуться ближе к Крыму, где она становилась досягаемой для Менгли-Гирея.

Одновременно к крымскому хану обратился один из черкесских князей, прося поддержки войском, – вероятно, в междоусобной борьбе с другими адыгскими князьями. Менгли-Гирей писал в Москву об этом: «Черказской князь Антонон приехал был, тому рать кошевавши хотел есми отпустить в его землю, а в ту пору человек приехал на Стефана воеводу многая рать княжа Александрова идет, а от турецкого салтана многая рать идет, молвя, сказать нам приехали; и мы на его сторону сами пошли»¹⁰¹. Иначе говоря, Менгли-Гирей также принял участие в походе 1498 г. на земли Ягеллонов, что не позволило ему тогда двинуться ни в Черкесию, ни на Большую Орду. Но уже в октябре того года Менгли-Гирей вернулся в Крым и написал Ивану III, что «опроче Черкас дела нам нет; а и сами ведаете, Аитек в головах, черкасские князи и люди приехали и поминки привезли. Божиим милосердием то наше дело делается»¹⁰². Данное сообщение подтверждает предыдущее: часть адыгских князей во главе с князем Айтеком («Антононом») использовала силы крымского хана в междоусобной борьбе; впоследствии это случилось все чаще. Из второго сообщения следует, что поход крымских войск на Черкесию осенью 1498 г. все же состоялся. Это стало возможным из-за того, что Орда вновь ушла от Крыма. В Орде опять начался голод, Шейх-Ахмед пошел «под Шамахайскую сторону», а Сейид-Мухаммед со своими людьми к Астрахани, но астраханский хан Абдул-Керим не пустил его в город, и они «за городом стоят, слуги их голодны и пеши и безсилны стоят»¹⁰³. Отметим, что передвижение части Орды в сторону Дербента и Шемахи («под Шамахайскую сторону») не было случайным. Связи Орды с ширваншахами, по-видимому, поддерживались уже в течение долгого времени. Во всяком случае, в середине 80-х годов Сейид-Мухаммед женился на дочери «Шированшага князя», о чем было сообщено Казимиру¹⁰⁴. В 1499 г. Большая Орда продолжала получать сильные удары со стороны адыгов и Ногайской Орды. Летом 1500 г., Шейх-Ахмед, ставший главным правителем Орды, прислал в Кафу к Мухаммеду (шахзаде) посла Куюка с просьбой разрешить ему перекочевать с Ордой к Днепру, поскольку за Доном «нам недобро кочевать, многие с нами брани чинят от Нагай и от Черкас». На это Мухаммед ответил, что «то земли и воды не мои, а земли и воды водного человека царя Менгли-Гирея;... а яз тебе не велю кочевать

к Непру, а то ведает отец мой»¹⁰⁵. Попытка Шейх-Ахмеда получить поддержку османских властей против Менгли-Гирея и прекратить голод в Орде, перекочевав на плодородные земли Приднепровья, окончилась провалом. Орда была вынуждена остаться в Предкавказье, голод в ней все усиливался; русский посол Иван Кубенский сообщал, что «Орду... сказывают в Пяти горах под Черкасы, а голодну кажут и безконну добре; а между себя деи царь не мирен с братьею»¹⁰⁶.

Менгли-Гирей тем временем, так как «Орда была далеко», отправил сыновей в набег на польские земли. В донесении в Венецию из Кракова от 29 июня 1500 г. сообщалось, что крымское войско дошло до Люблина и Сандомира и переправилось через Вислу, опустошив окрестные земли¹⁰⁷. В связи с этим походом венецианские представители в Венгрии указывали, что «татары в союзе с турками», что поход на земли Яна Олбрахта совершен «по наущению султана», что «татары – воины султана»¹⁰⁸. Действительно, в событиях рубежа XV–XVI вв. походы крымского хана выступают важным элементом османского наступления на Польское королевство. Вместе с тем следует подчеркнуть, что участие в нападениях на польские земли в тот период вполне отвечает собственным интересам Менгли-Гирея и является составной частью его борьбы против Орды, которую поддерживали польские и литовские Ягеллоны.

Ориентируясь по-прежнему на союз с Большой Ордой, в которую в 1498 и 1500 гг. отправлялись послы, великий князь литовский Александр в ноябре 1500 г. попытался установить союз с Менгли-Гиреем. Послу Дмитрию Путятичу был дан секретный наказ попытаться привлечь крымского хана к борьбе с Русью¹⁰⁹. Вопрос о союзниках был особенно важен для Александра в связи с начавшейся войной с Русским государством. Однако Менгли-Гирей, борьба которого с Большой Ордой вступила в решающую фазу, не был склонен тогда нарушать союз с Иваном III¹¹⁰.

Весной 1501 г. Шейх-Ахмед в последний раз попытался добиться помощи от султана против Менгли-Гирея. В Стамбул был отправлен посол с той же просьбой, с какой хан обращался к шахзаде. Однако «турецкой на том поле Ши-Ахметю кочевать не велел и посла... Ши-Ахметева не чтив отпустил»¹¹¹. Орда доживала свой век, и Баязиду незачем было отдалять ее окончательный разгром. Последней крупной акцией Шейх-Ахмеда была попытка нанести поражение Крыму, построив крепость на Дону. Но усиление вражды с братьями и разорение Орды не позволили хану добиться сколько-нибудь заметного успеха. Отметим также, что и на Дон Орда перекочевала под давлением обстоятельств. Русский посол Ф. Ромодановский писал в июле 1501 г. из Крыма, что Шейх-Ахмед с Ордой «без воли прикочевали к Дону за тем, что Муртоза ныне в Тюмени... а Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвселе блюдет»¹¹². Таким образом, адыги выступили против Шейх-Ахмеда в союзе с Тюменским княжеством, где в то время уже правил Муртаза (он оставался тюменским князем до 1515 г.)¹¹³. Эти согласованные действия привели к тому, что Орда уже не имела возможности вернуться в степи Предкавказья.

В конце мая 1502 г. Менгли-Гирей разгромил Шейх-Ахмеда. Султан предлагал крымскому хану помощь, но хан отказался, так как, очевидно, располагал вполне достаточным войском¹¹⁴. Поражение Большой Орды в 1502 г. было окончательным. В декабре того года венецианский врач М. Муриано, оказавшийся в Молдавии, подробно описал в своем письме в Венецию борьбу Крыма с Большой Ордой («правителя Крыма» и «правителя Волги»). Муриано особо отметил, что «правитель Волги – друг его величества короля Польши, а правитель

Крыма – друг князя Московии». Неожиданное нападение «правителя Крыма», разгромившего своего противника, заставило «правителя Волги» бежать к своему родственнику «правителю Нагала» (т.е. ногаев)¹¹⁵. Действительно, после разгрома 1502 г. Шейх-Ахмед попытался опереться на одного из ногайских князей. Еще около двух лет Шейх-Ахмед старался собрать остатки сил, но безуспешно. В 1504 г. он вынужден был сдаться в плен великому князю литовскому, где пробыл около 20 лет и там же умер¹¹⁶.

Разгром Большой Орды в 1502 г., которому способствовали и активные боевые действия адыгских народов, сыграл решающую роль в изменении расстановки сил в Восточной Европе. Был ликвидирован один из важнейших компонентов, определявших систему международных отношений в данном регионе. Это не могло не повлечь за собой важных сдвигов в политике других государств Восточной Европы – Крымского ханства, Великого княжества Литовского, Руси. В первую очередь следует сказать здесь о последовавшем вскоре отходе крымского хана от союза с Русью.

В начале XVI в. возобновляется османское наступление на Западный Кавказ. Опорным пунктом его становится вновь построенная османами на рубеже веков крепость Тамань, которая являлась с того времени, по словам В.Д. Смирнова, «главным местом переправы крымцев в пределы черкесские»¹¹⁷. В 1502 г. Тамань уже существовала как портовый город с османской администрацией и пункт сбора пошлин¹¹⁸. Отметим, что почти одновременно Менгли-Гирей с помощью султана строит крепости Очаков (Озю) у устья Днепра, Ислам-Кермен (Инкерман) на Таванском перевозе через Днепр и Феррах-Керман на Перекопе¹¹⁹. С построением Тамани был, без сомнения, связан поход османских войск на адыгские земли весной 1501 г. Ф. Ромодановский так описал этот поход: «Сын турецкого Махмет Салтан кафинской сее весны посылал ратью людей своих на Черкасы триста человек, да двесте человек Черкас с ними ж ходили, которые у кафинского служат; а царев Муртозин сын (Мамышек. – А.Н.) с Азовскими казаки с ними ж ходил вместе на Черкасы; и Черкасы Турков всех да и Черкас тех кафинского салтана людей побили; а Муртозин сын утек, а людей у него многих побили»¹²⁰.

Первый после долгого перерыва османский поход на адыгов кончился, таким образом, поражением османов. Часть адыгов, как видим, служила в Кафе и выступила против своих соплеменников. В средние века это было обычным явлением – достаточно вспомнить действия князя Айтека в 1498 г. Осенью 1501 г. адыги нанесли еще один ощутимый ответный удар османам: «К Азову... сказывают, приходили Черкасы с четыреста человек... И Черкасы пришед к городу за пять верст, да стали втаи, а тридцать человек к городу послали. И те, ехав под Азов, да животину отгнали. И Азовские казаки Ауз Черкас и Карабай, а всех их человек с двесте, да за теми Черкасы в погоню пошли, которые у них животину отгнали; и те их примчали на своих товарищов, где они стояли; и Черкасы Азовских казаков побили сказывают человек с тридцать... а Узь Черкас и Коробая сказывают тут же убили»¹²¹. Отметим, что Угуз-Черкес и Карабай – те самые азовские казаки, которые в 1500 г. ограбили в степи русского посла Ивана Кубенского¹²².

Летом 1502 г. шахзаде Мухаммед, вероятнее всего по приказу отца, организовал новый поход на адыгов. Русский посол А. Заболоцкий писал, что «кафинской... салтан присылал ко царю к Менгли-Гирею посла своего просити людей, а валчит с Черкасы. И царь ему... людей не дал, а отвечал его послу: «послал есми детей своих со всеми своими людьми на своего недруга на Литовского»¹²³. Как видим, хан ответил наместнику хотя и вежливым, но все же отказом. О безуспеш-

ловном повиновении хана османским властям в данном случае говорить не приходится. Из приведенного сообщения ясно, что боевые действия против адыгов в любом случае велись. Можно лишь предположить, что они без поддержки крымского хана вновь оказались неудачными для Мухаммеда.

Не лишне сопоставить сведения об османском походе на адыгов с данными, которые приводит в своем втором письме в Венецию (январь 1503 г.) уже упоминавшийся врач М. Муриано. Наряду с прочими новостями, полученными им в Молдавии из Стамбула, Муриано сообщает: «Также с ними воюет и доставляет с той стороны много беспокойства Караман; и правитель Гургугура, черкес, также ведет с ними войну»¹²⁴. Сообщение не поддается однозначному толкованию, так как, во-первых, из текста нельзя бесспорно заключить, кто такие «они» – османы или подданные иранского шаха (по тексту подходят оба толкования). Во-вторых, неясна личность «правителя Гургугуры», названного черкесом. По первому пункту можно все же предполагать толкование «их» как османов, поскольку именно султан вел в тот период борьбу с караманским беём. Об этом, кстати, сообщал в Москву и русский посол в Крыму И. Мамонов в 1501 г.¹²⁵ Что касается «правителя – черкеса», то его имя больше всего напоминает имя правителя грузинского княжества Самцхе-Саатабаго (юго-западная Грузия) Кваркваре II (правил с 1451 по 1498 г., по другим данным, по 1500 г.). В форме «Горгора», «Горбола» его упоминает А. Контарини¹²⁶. Княжество Самцхе-Саатабаго первым из грузинских государств подверглось нападению османов. Наиболее вероятно, что венецианец назвал грузинского правителя черкесом по ошибке. При этом нельзя полностью исключить и то, что в основе сообщения Муриано могли лежать какие-то сведения о нападении османов на адыгские земли. Независимо от решения вопроса о достоверности сообщения Муриано возобновление османского наступления на Западный Кавказ в первые годы XVI в. несомненно. Не прекратились в тот период враждебные действия крымского хана против польского короля и великого князя литовского. По сообщению А. Заболоцкого, в 1502 г. состоялся поход крымских царевичей Фетх-Гирея и Бурнаш-Гирея на польские и литовские земли. О том же сообщал М. Муриано в Венецию¹²⁷.

Всплеск османской активности на Западном Кавказе в начале XVI в. не был долгим. Весной или летом 1504 г. предполагалось организовать еще один поход на адыгов (кабардинцев): как сообщил Менгли-Гирей, «у меня Шихзада царевичь просил силы на Пятигорских Черкас, и мне ся ему не хотело дати»¹²⁸. Этот поход, вероятнее всего, не состоялся, так как вскоре султанский сын Мухаммед, который, кстати, собирался жениться на дочери Менгли-Гирея, был отравлен в Кафе по приказу Баязида¹²⁹. В условиях борьбы сыновей султана за титул наследника престола Баязид решил избавиться от неудобного наследника. Менгли-Гирей в вопросе об организации похода на адыгов вновь не подчинился приказу османской администрации.

В начале XVI в. происходят важные перемены в международной жизни Европы и Ближнего Востока. Уже с первого десятилетия XVI в. Османское государство вступило в длительную борьбу с образовавшимся в Иране Сефевидским («кызылбашским») государством¹³⁰. Задачи ближневосточной политики заставили султана пойти на временное прекращение активных действий в Европе: в 1503–1504 гг. были заключены десятилетнее перемирие с Венецией и мир с Венгрией, велись мирные переговоры и с Польским королевством¹³¹. По-видимому, аналогичными были причины прекращения наступления на Западном Кавказе. В общем русле падения активности османской политики в Европе в начале

XVI в. следует рассматривать и прекращение почти на 10 лет обмена послами между Русью и Османским государством. Прибывшие летом 1500 г. в Кафу султанские послы Кемаль-бек и Давид задержались там, а затем вернулись обратно, после чего связи Москвы со Стамбулом прервались, если не считать посольства от кафинского шахзаде в 1501 г. о торговых делах¹³².

Одновременно с переменами в политике Османского государства происходит серьезное изменение международной ситуации и в Восточной Европе. В войне 1500–1503 гг. с Русским государством Великое княжество Литовское потерпело поражение. Оно потеряло огромную территорию, отошедшую к Руси, – Северскую, Брянскую земли и некоторые другие¹³³. Как уже отмечалось, с разгромом Большой Орды началось ухудшение русско-крымских отношений. Уже летом 1503 г. крымские отряды напали на вошедшие в состав Руси Черниговские земли¹³⁴. Этот набег был первым из серии недружественных по отношению к Москве акций Крымского ханства. Иначе говоря, соотношение сил в Восточной Европе меняется, начинается складывание новой системы взаимоотношений между основными восточноевропейскими государствами. Следовательно, начало XVI в. является рубежом в международных отношениях Восточной Европы.

Примечания

1. СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 17–21.
2. Литовская Метрика. РИБ. СПб., 1910. Т. 27. С. 329–330.
3. Там же. С. 330–333; Казимир IV Ягеллон остается до 1492 г. королем польским и великим князем литовским; в 1492–1501 гг. – польско-литовская личная уния не существует – королем польским являлся сын Казимира Ян Ольбрахт, а великим князем литовским – его брат Александр. В 1501 г. последний становится королем польским; с этого времени уния уже не нарушается вплоть до образования в 1569 г. Речи Посполитой.
4. Сафаргалиев М.Г. Разгром Большой Орды. Зап. Мордов. НИИ. 1949. № 11. С. 91.
5. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 78.
6. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 147.
7. Сафаргалиев М.Г. Разгром Большой Орды. С. 91; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 149–151.
8. Сафаргалиев М.Г. Разгром Большой Орды. С. 87; Он же. Заметки об Астраханском ханстве. Сборник статей преподавателей. Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 1952. С. 39; События 1480 г. мы подробно не рассматриваем, поскольку это сделано в работах: Базилевич К.В. Указ. соч. С. 134–168; Назаров В.Д. Конец золотоордынского ига. ВИ. 1980. № 10; Он же. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. Древнерусское искусство, XIV–XV вв. М., 1984. С. 283–312; Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л, 1989 и др.
9. СИРИО. Т. 41. С. 29, 33, 35.
10. ПСРЛ. Т. VI. С. 234; Т. VIII. С. 214; Т. XII. С. 215; Т. XVIII. С. 270; Т. XXIII. С. 194.
11. СИРИО. Т. 41. С. 218.
12. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 68–69.
13. Новичев А.Д. История Турции. Л., 1963. Т. 1. С. 70; Fisher S.N. The Foreign Relations of Turkey. Urbana, 1948. P. 27.
14. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 93–94; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 112, 123. (Далее: Османская империя).
15. Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. ЗОИИД. 1844. Т. 1. С. 383.

16. Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 33–34; Мохов Н.А. Молдавский торговый путь в XIV–XV вв. Польша и Русь. М., 1974. С. 306.
17. КСАМРТ. Р. 81. Впервые опубликовано: *Kurtoğlu F.* İlk Kırım hanlarının mektupları. ВТТК. 1937. Cilt 1. № 3–4. С. 645–647; *Kurat A.N.* Topkapı sarayı müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. С. 92–93. Датировка 70-ми годами XV в. неверна. Подробный разбор письма см.: *Григорьев А.П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486 г.). Учен. зап. ЛГУ. Востоковедение. 1987. № 419. С. 128–143.
18. Гонца Г.В. Указ. соч. С. 38.
19. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 197.
20. Гонца Г.В. Указ. соч. С. 37.
21. Там же. С. 38.
22. После смерти Ахмата в Орде осталось несколько его сыновей. Старшими были: Муртаза, Сейид-Ахмед, Сейид-Мухаммед и Шейх-Ахмед.
23. ПСРЛ. Т. VI. С. 237; Т. VIII. С. 216; Т. XII. С. 217; Т. XXVIII. С. 318; в сообщении Львовской летописи отсутствует вся последняя фраза о посылке «к Турскому»: Там же. Т. XX. С. 350.
24. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 292.
25. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 117–119; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 209.
26. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 156.
27. СИРИО. Т. 41. С. 53.
28. Там же. С. 44.
29. Там же. С. 43.
30. Литовская Метрика. С. 348–357.
31. СИРИО. Т. 41. С. 55, 60.
32. *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 213.
33. СИРИО. Т. 41. С. 47.
34. Там же. С. 51.
35. Там же. С. 58.
36. Там же. С. 74.
37. *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. С. 189.
38. СИРИО. Т. 41. С. 82–84.
39. *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 89.
40. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 102–103.
41. СИРИО. Т. 41. С. 78, 88, 98.
42. Там же. С. 99.
43. Там же. С. 108–109.
44. Там же. С. 105, 110–111.
45. Там же. С. 111–112.
46. *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 215.
47. СИРИО. Т. 41. С. 136.
48. ПСРЛ Т. VIII С. 224–225; Т. XII. С. 233; Т. XX. С. 357; Т. XXIV. С. 210; Т. XXVII. С. 363.
49. СИРИО. Т. 41. С. 114, 123.
50. ПСРЛ. Т. VI. С. 38; Т. VIII. С. 223; Т. XII. С. 229; Т. XVIII. С. 274; Т. XX. С. 356; Т. XXIV. С. 208; Т. XXVIII. С. 321.
51. *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 116–118.
52. СИРИО. Т. 41. С. 118.
53. Там же. С. 118–119.
54. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 61. С. 32, 34.
55. СИРИО. Т. 41. С. 111, 112.
56. Барбаро и Контарини о России. С. 220, 223.
57. СИРИО. Т. 41. С. 149.
58. Там же. С. 167.

59. Там же. С. 175–176.
60. Брун Ф.К. Черноморье. Одесса, 1879. Т. 1. С. 214–216; Лавров Л.И. К истории русско-кавказских отношений XV в. Учен. зап. Адг. НИИ яз., лит. и истории. 1957. Т. 1. С. 17–26.
61. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. Ист. зап. 1938. Т. 3. С. 80, 106; Лавров Л.И. Указ. соч. С. 17.
62. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Указ. соч. С. 128–129.
63. СИРИО. Т. 41, С. 41, 71.
64. Там же. С. 72.
65. Там же. С. 73.
66. Там же. С. 77.
67. Там же. С. 114.
68. Там же. С. 309.
69. Там же. С. 441; Довнар-Запольский М.В. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. ИТУАК. 1898. № 28. С. 38, 43, 47, 49, 55, 60, 84.
70. Лавров Л.И. Указ. соч. С. 25.
71. Там же. С. 17, 26.
72. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. ИА-НООН. 1932. № 3. С. 220.
73. Базилевич К.В. Указ. соч. С. 298–299.
74. Гонца Г.В. Указ. соч. С. 40–41.
75. СИРИО. Т. 41. С. 182–183, 187.
76. Там же. С. 181.
77. Там же. С. 209.
78. Там же.
79. Там же. С. 211–212.
80. Там же. С. 218; «прикошевать» – от тюркского «кошмак» – давать в сопровождение, присоединять.
81. Там же. С. 105, 172, 183, 187, 188, 235.
82. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. С. 362.
83. СИРИО. Т. 41. С. 155, 162–163.
84. Там же. Т. 35. С. 171–172 (сноска).
85. Там же. С. 213, 215; Т. 41. С. 224–225.
86. Базилевич К.В. Указ. соч. С. 422.
87. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 71–72.
88. СИРИО. Т. 41. С. 249.
89. Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 72.
90. Базилевич К.В. Указ. соч. С. 431.
91. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 54–55.
92. Семенова Л.Е. Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 43; Гонца Г.В. Указ. соч. С. 47.
93. Sapito M. I diarii. Т. 1–58. Venezia, 1879–1903. Т. 1. Col. 740, 756, 800, 809.
94. СИРИО. Т. 35. С. 233; Т. 41. С. 242.
95. ПСРЛ. Т. VI. С. 42; Т. VIII. С. 233–234; Т. XII. С. 245; Т. XX. С. 365; Т. XXVIII. С. 329.
96. Sapito M. Op. cit. Т. 1. Col. 809.
97. Семенова Л.Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 230.
98. Sapito M. Op. cit. Т. 2. Col. 544.
99. Гонца Г.В. Указ. соч. С. 48–49; Османская империя... С. 125.
100. СИРИО. Т. 41. С. 255.
101. Там же. С. 263.
102. Там же. С. 279.
103. Там же. С. 277, 279.
104. Литовская Метрика. С. 352.

105. СИРИО. Т. 41. С. 321, 323.
106. Там же. С. 323, 332–333.
107. *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 548.
108. Ibid. Col. 288, 867, 883, 1163–1164 (1500 г.).
109. СИРИО. Т. 41. С. 342, 333; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 1. С. 210–214.
110. СИРИО. Т. 41. С. 355–356.
111. Там же. С. 354.
112. Там же. С. 358.
113. Там же. Т. 95. С. 145.
114. Там же. Т. 41. С. 418.
115. *Sanuto M.* Op. cit. Т. 4. Col. 736–737; см. также: КСАМРТ. Р. 323–324.
116. *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 505–508.
117. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 338.
118. СИРИО. Т. 41. С. 408.
119. *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. ИАНООН. 1932. № 3. С. 222; *Он же.* Мухаммед-Герай и его вассалы... С. 5, 7.
120. СИРИО. Т. 41. С. 357.
121. Там же. С. 381.
122. ПСРЛ. Т. VI. С. 44; Т. VIII. С. 238; Т. XII. С. 251; Т. XX. С. 369; Т. XXVIII. С. 333.
123. СИРИО. Т. 41. С. 433.
124. *Sanuto M.* Op. cit. Т. 4. Col. 805.
125. СИРИО. Т. 41. С. 357.
126. Барбаро и Контарини о России. С. 214, 216.
127. СИРИО. Т. 41. С. 469; *Sanuto M.* Op. cit. Т. 4. Col. 736.
128. СИРИО. Т. 41. С. 519–520.
129. *Sanuto M.* Op. cit. Т. 4. Col. 737; Т. 6. Col. 141.
130. *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 1. С. 81. *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю. Петрушевский И.П.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. С. 253–254.
131. Османская империя... С. 126.
132. СИРИО. Т. 41. С. 322, 329, 362, 391–394.
133. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 194–195.
134. СИРИО. Т. 41. С. 487–488.

Глава четвертая

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА

Произошедшее в начале XVI в. изменение соотношения сил в Восточной Европе предопределило характер международных отношений в регионе в последующие полвека. Королевство Польское и Великое княжество Литовское неизменно выступают враждебной Русскому государству силой. Русь, в свою очередь, по-прежнему ищет опоры в борьбе с Ягеллонами среди прочих государств региона. В первые два десятилетия XVI в. русское правительство пыталось вернуться к прежней политике союза с Крымским ханством, однако этот путь был заранее обречен. Интересы Руси и Крыма, совпадавшие прежде из-за совместной борьбы против Большой Орды, теперь расходятся, и в политике Крыма по отношению к Руси все более усиливается агрессивное начало. Надо отметить, что от набегов крымского войска страдали и польско-литовские земли: Важным аспектом отношений Крыма как с Русью, так и с Великим княжеством Литовским была уплата «поминков», являвшаяся по сути данью, откупным за отказ от крымских набегов на пограничные земли. При этом все же можно указать на явственно проявившуюся в первой половине XVI в. общую тенденцию сближения на антирусской почве крымской и литовской внешней политики.

Политика Османского государства в Восточной Европе уже с первого десятилетия XVI в. определяется затяжной борьбой османских султанов с шахами Сефевидского Ирана. Начавшиеся вскоре османо-сефевидские войны с перерывами шли вплоть до 1639 г. Уже в 1501–1502 гг. шах Исмаил поддержал противника султанов караманского бей, а в 1508–1509 гг. происходят первые эпизодические османо-иранские военные столкновения в районах Байбурта и Эрзинджана (запад Армянского нагорья)¹. В основе османо-сефевидского соперничества лежало стремление обеих могущественных держав к установлению своего господства на Ближнем Востоке, к овладению важнейшими транзитными торговыми путями. Войны шли под знаменем сохранения «чистоты веры» в форме ожесточенной борьбы османов-приверженцев ислама суннитского толка против шиизма, ставшего государственной религией Сефевидов.

Османская политика в Крыму в первом десятилетии XVI в. была тесно связана с борьбой сыновей Баязида II за престол. Главными претендентами были Ахмед и Селим, причем сам Баязид прочил себе в наследники Ахмеда, своего любимца, который получил пост губернатора Анатолии с резиденцией в Амасье. Селима султан назначил губернатором отдаленной от столицы провинции Трапезунд (Трабзон). Сын Селима Сулейман по настоянию Ахмеда был отправлен Баязидом еще дальше – наместником в Кафу, где он около 1505 г. занял место своего дяди Мухаммеда, убитого по приказу Баязида. Сохранилось письмо Менгли-Гирея Сулейману, относящееся, очевидно, ко времени прибытия последнего в Крым. Получив весть о приезде принца в Ак-Керман (Белгород), хан обещает торжественно встретить Сулеймана во вновь построенной крепости Феррах-Керман на Перекопе². Помимо соображений удаления из столицы сына

Селима, Баязид, как можно предположить, руководствовался по-прежнему желанием иметь наместником в Крыму представителя правящего дома.

Находясь в Трапезунде, Селим добивался назначения губернатором Румелии, чтобы быть ближе к Стамбулу, но безуспешно. Весной 1510 г. он покинул Трапезунд и под предлогом свидания с сыном отправился в Кафу. На самом же деле он рассчитывал опереться на крымского хана в борьбе против отца. Согласно сообщению венецианского представителя в Стамбуле от 21 мая 1510 г., Селим не позволил отправить в столицу деньги, полученные кафинскими властями в качестве налогов³, и, надо думать, воспользовался этими средствами для собственных целей. Деньги пошли на военные нужды – Селим готовил поход против Баязида. Султан был серьезно обеспокоен этими приготовлениями. В конце 1510 г. Менгли-Гирею был прислан фирман, в котором ему предлагалось передать Селиму требования Баязида немедленно вернуться в Трапезунд. В ответ Селим заявил: «Даже если бы наградой была вечная жизнь, даже если бы каждый камень Трапезунда был драгоценным, я и тогда бы не согласился вернуться туда. Если же мне предложат другую провинцию, а доходы с нее будут меньше доходов провинции, подвластной Ахмеду, хоть на один акче, то и тогда моего согласия не последует». Все это Менгли-Гирей сообщил в своем ответном письме великому визирю Хадим Ахмед-паше⁴. Нельзя не отметить, что общий тон письма при тщательном соблюдении необходимого этикета благожелательный к Селиму. Хан, без сомнения, поддержал его в борьбе против отца, но на случай провала постарался соблюсти формальный нейтралитет. Отнюдь не случайным было и то, что именно в то время Менгли-Гирей и Селим договорились о женитьбе Сулеймана на дочери хана, той самой, которую Менгли-Гирей собирался ранее выдать за шахзаде Мухаммеда⁵. Правда, в письме великому визирю хан сослался на то, что он «не имеет возможности не подчиниться требованию» Селима. В действительности же расчетливый Менгли-Гирей стремился обеспечить свою выгоду на случай любого исхода борьбы Селима.

В 1511 г. Селим двинулся из Крыма в сторону Румелии во главе войска, основную часть которого составляли силы крымского хана. Столкновение с войском Баязида не принесло успеха Селиму, и он был вновь вынужден вернуться в Кафу, о чем в октябре – ноябре 1511 г. сообщили венецианцы из Стамбула⁶. Менгли-Гирей по-прежнему поддерживал Селима и даже обратился к Баязиду с просьбой предоставить Селиму в управление румелийские вилайеты. Хан уверял султана, что тот начал боевые действия исключительно вследствие слухов о стремлении Ахмеда завладеть всей Анатолией, а вовсе не из желания воспротивиться воле отца⁷. В январе 1512 г. Баязид пригласил Селима занять пост наместника одного из румелийских вилайетов, и Селим вместе с трехтысячным войском, наполовину состоящим из татар Крымского ханства, двинулся в Румелию. Вскоре, 25 апреля 1512 г., опираясь на поддержку корпуса янычар, Селим захватил султанский престол. Сразу после этого он вызвал в столицу из Кафы своего сына Сулеймана, чтобы тот занимался государственными делами в отсутствие отца, отправившегося на подавление восстания своего брата Ахмеда⁸. В разгроме Ахмеда весной 1513 г. существенную роль сыграло крымское войско, а сам он, по некоторым сведениям, погиб от руки одного из сыновей Менгли-Гирея⁹. Впоследствии османские султаны неоднократно использовали в своих военных походах крымские войска¹⁰. Таким образом, опора на Крымское ханство, дипломатическая и военная помощь Менгли-Гирея сыграла едва ли не решающую роль в победе Селима, что было отмечено К. Марксом¹¹. Это имело важное значение в плане повышения роли Крыма в политической системе Османского государства.

Изменение позиции Крымского ханства в отношении России четко проявилось в русско-литовской войне 1507–1508 гг. Летом 1507 г. Менгли-Гирей заключил мир со вступившим после смерти Александра на престол королем польским и великим князем литовским Сигизмундом (Жигимонтом) I¹². Примечательно, что в знак мира и союза хан послал Сигизмунду ярлык о пожаловании последнему русских земель – Киева, Смоленска, Рязани, Тулы, Пскова, Великого Новгорода и др.¹³ Понятно, что хан не мог подкрепить «пожалования» не принадлежавших ему земель ничем реальным, но обращение к старинным золотоордынским приемам демонстрирует стремление Менгли-Гирея подтолкнуть Сигизмунда к началу военных действий против Руси. Одновременно летом того же года крымские отряды напали на русские земли в районе Белева, Одоева и Козельска, но были сравнительно легко отбиты¹⁴. Отметим, что это был второй после набега 1503 г. враждебный Руси акт крымских войск. Условием крымско-литовского союза было повторение крымского нападения на русские земли в 1508 г. Оно не состоялось вследствие удара в тыл Менгли-Гирею ногайских войск¹⁵, что было следствием русско-ногайских переговоров весной и летом 1508 г.¹⁶ Не подлежит сомнению, что с политикой Крыма было тесно связано и обострение русско-казанских отношений в 1505–1507 гг.¹⁷ Казанский хан Мухаммед-Эмин одновременно с заключением крымско-литовского союза также вступил в 1507 г. в контакт с Литвой¹⁸. Показательно, что причиной своего отхода от дружбы с Москвой в письме к Сигизмунду Менгли-Гирей называет конфликт Русского государства с Казанью¹⁹.

Война 1507–1508 гг. не принесла победы Сигизмунду, который в конце концов вынужден был заключить мир с Русским государством. В ответ на это Менгли-Гирей вновь устанавливает дружественные отношения с великим князем Василием III (правил с 1505 по 1533 г.) Осенью 1510 г. был совершен набег на литовские земли²⁰, а уже в следующем году – на русские, в район Тулы²¹. В 1512 г. крымское войско четыре раза нападало на русские области. Это было тесно связано с новым обострением русско-литовских отношений. Вести о том, что вторжения совершены «по наводу» Сигизмунда, послужили главным поводом к началу русско-литовской войны 1512–1514 гг.²² Результатом ее, как хорошо известно, было вхождение Смоленска в состав Русского государства.

В декабре 1512 г. Василий III отправил к Селиму I посольство М.И. Алексева с поздравлениями по случаю восхождения на трон и предложением быть в дружбе, как Иван III с Баязидом II²³. Вместе с Алексеевым весной 1514 г. в Москву прибыл султанский посол Кемаль-бек (Камал) Феодорит. Посольство Кемаль-бека показывает, что Селим, как и Баязид II, не желал излишнего сближения с Русью, ограничиваясь лишь формально дружественными заверениями. Заявляя на словах о стремлении султана к дружбе с Василием III, Кемаль-бек категорически отказался подкрепить это каким-либо документом. Не согласился он и четко называть друзей и врагов Селима²⁴, без чего не могло быть речи о каком-либо официальном договоре. Кроме того, через своего посла Селим попытался вмешаться в отношения Руси с Казанью и Крымом. В своей грамоте он потребовал освободить и отпустить в Крым пасынка Менгли-Гирея, бывшего казанского хана Абдул-Латифа²⁵. Сын жены Менгли-Гирея Нур-Салтан от ее первого брака с казанским ханом Ибрагимом, Абдул-Латиф (брат Мухаммед-Эмина), в 1496–1502 гг. занимавший казанский престол в качестве вассала Русского государства, был свергнут и с тех пор находился в Москве. Менгли-Гирей неоднократно обращался к Ивану III с просьбой отпустить Абдул-Латифа в Крым, но московское правительство неизменно отвечало вежливым, но твердым отказом; отказ был смягчен передачей

Абдул-Латифу «в кормление» Юрьева, а затем Каширы. Летом 1512 г. бывший хан был посажен в темницу, что следует связывать с резким ухудшением русско-крымских отношений из-за набегов на Русь²⁶. В случае прибытия Абдул-Латифа в Крым хан получил бы в свои руки реального претендента на казанский престол, поэтому требование Селима в конечном итоге было направлено на подчинение Казанского ханства Крыму. Кемаль-беку было сказано, что Абдул-Латифа выпустили из темницы, но вопрос о его отъезде в Крым остался открытым²⁷. Впоследствии крымский хан упорно настаивал на отпуске Абдул-Латифа.

В марте 1515 г. вместе с Кемаль-беком к султану отправился русский посол В.А. Коробов, который должен был передать Селиму жалобу на непрекращавшиеся набеги крымских «царевичей», а также попытаться заключить с султаном официальный договор о дружбе и братстве²⁸. Отправляя Коробова обратно, султан дал ему грамоту к Василию III. В ней он подтверждал свою «любовь и приятельство», но этим и ограничился. Посол, которого султан обещал прислать вслед за Коробовым, так и не был отправлен до конца жизни Селима I, несмотря на напоминания со стороны Василия III.

После вступления на престол Селима, в апреле 1514 г., начинается первая из серии осmano-иранских войн. Сразу обнаружился военный перевес османской армии, имевшей, в отличие от сефевидской, артиллерию и огнестрельное оружие. В битве при Чалдыране 23 августа 1514 г. шах Исмаил потерпел сокрушительное поражение, войско Селима заняло шахскую столицу Тебриз, и только волнения среди янычар вынудили султана отступить²⁹. Кызылбаши перешли в наступление, но уже через полтора года в мае 1516 г., были вновь разбиты при Кочхисаре³⁰. Победы над шахом позволили Селиму I приступить к завоеванию Сирии и Египта, входивших в состав государства мамлюков. Разбив мамлюкское войско, османы 31 января 1517 г. заняли Каир. Многих мамлюкских беев, в том числе последнего султана династии Бурджи султан приказал казнить. В результате завоеваний 1514–1516 гг. в состав Османского государства вошла огромная территория, увеличившая его размеры почти вдвое. Султан овладел западной Арменией и северным Курдистаном на востоке, а также Сирией, Палестиной, Ливаном, Египтом и западной Аравией³¹. Впоследствии, в XVIII в., родилась легенда, что разгром мамлюкского государства дал Селиму право на титул халифа – верховного покровителя и духовного главы всех мусульман. В основе легенды лежит рассказ о якобы имевшей место передаче халифата Селиму попавшим в плен к османам последним аббасидским халифом Мутеваккилем³².

Сефевидское государство было сильно ослаблено и приостановило на некоторое время широкие наступательные действия против османов, не прекращая, однако, проводить захватническую политику в Закавказье. В связи с возобновлением в начале 20-х годов XVI в. османских войн в Европе в ирано-турецких войнах наступает перерыв почти на 15 лет. Кроме того, после смерти шаха Исмаила (1524 г.) и провозглашения шахом его малолетнего сына Тахмаспа внутри кызылбашской верхушки начинаются длительные распри, временно отодвинувшие внешнеполитические проблемы на второй план³³.

Ко времени начала египетского похода Селима I относится любопытное сообщение венецианского представителя в Стамбуле от 23 июня 1516 г.: ссылаясь на великого визиря Пири-пашу, он передал, что «Черкес отправился к Черному морю против Софи, чтобы помочь государю своему Турку»³⁴. Само по себе участие какого-то черкесского правителя в войне султана против шаха («Софи», т.е. Сефи) вполне допустимо. Другое дело, что это за правитель. Французский историк Ж. Баке-Граммон, первым обративший внимание на данное известие, счи-

тал, что речь идет о правителе грузинского княжества Самцхе-Саатабаго Кваркваре III (1516–1535)³⁵. «Черкесами» венецианцы часто называли мамлюкских правителей Египта из династии Бурджи. В данном случае имеются в виду явно не они: именно отказ мамлюкских султанов принять участие в борьбе с Ираном послужил поводом для войны османов против Египта³⁶.

Ряд косвенных данных все же позволяет предполагать, что речь могла идти об одном из адыгских правителей. В сообщении Сануто султан назван «государем» черкесов. Как раз в данный период для этого имелись существенные основания. Анонимная «История крымских ханов» XVIII в. сообщает, что хан Менгли-Гирей «заставил... повиноваться и буйный от природы народ черкесский»³⁷. В грамоте русского посла в Стамбул В. Коробова (апрель 1515 г.) имеются сведения, что незадолго до этого состоялся крымский набег на адыгские земли. На Дону посол и его спутники взяли в плен двух людей крымского хана Карачуру и Мухаммеда. О них Коробов сообщил в Москву следующее: «Карачюра, взяв у Менгли-Гирея царя грамоту, да ходил с сыном в Нагаи жениться, пошел из Крыму тому пять лет, а Магмедь пошел из Крыму, коли царевичи ходили Черкас воевати, да в Азове годовал, да ходил в Нагаи казаковать, да стался с Карачюрою и пошел из Нагай с ним»³⁸. Таким образом, где-то в 1510–1515 гг. состоялся поход сыновей Менгли-Гирея («царевичей») на черкесов. Турецкий историк XIX в. Ахмед Джевдет-паша сообщает черкесское предание о подчинении адыгских племен Кермирой и Бесленей крымскому хану в эпоху султана Баязида II (1481–1512 гг.)³⁹. Необходимо учитывать резко антирусскую направленность труда этого историка, специально обосновывавшего законность претензий Турции на земли Кавказа в борьбе против России, однако сопоставление всех приведенных сведений все же позволяет предположить, что незадолго до 1516 г. крымский хан, организовав поход на адыгов, подчинил себе какую-то их часть. Венецианцы, рассматривавшие крымских ханов исключительно как султанских вассалов, могли считать султанскими вассалами и подчинившихся Крыму адыгских правителей.

Упоминание о том, что черкесский правитель двинулся «к Черному морю», также вернее заставляет думать об адыгах, чем о правителях Самцхе-Саатабаго: боевые действия против шаха велись в то время на юго-восточных границах грузинских земель, а не на побережье.

Таким образом, гипотеза о достоверности сообщения Сануто и, следовательно, об использовании султаном адыгских отрядов в боевых действиях против шаха имеет определенное право на существование.

После смерти Менгли-Гирея в апреле 1515 г. крымским ханом стал его сын Мухаммед-Гирей. Он правил по сравнению с отцом недолго, всего восемь лет, но именно к тому времени относятся существенные изменения в политике Крымского ханства. Среди них резкое ухудшение русско-крымских отношений, а также стремление хана ослабить свою зависимость от Османского государства.

Еще при жизни Менгли-Гирея между Селимом и Мухаммед-Гиреем возникла враждебность. Причиной тому была позиция Мухаммед-Гирея в борьбе Селима за султанский престол, когда ханский сын, бывший и официальным наследником престола (калгой), поддержал соперника Селима Ахмеда. Последний обращался к Менгли-Гирею с просьбой удержать Селима в Крыму и не дать ему тем самым возможность бороться против отца и брата⁴⁰. Естественно, что после восшествия на султанский престол Селим этого не забыл, и его отношения с Мухаммед-Гиреем оставались враждебными. Учитывая преклонный возраст Менгли-Гирея, после смерти которого ханом должен был стать Мухаммед-Гирей, Селим I принял меры по упрочению зависимости Крыма от османов. Важнейшую

роль сыграл переезд младшего сына Менгли-Гирея Саадет-Гирея по требованию султана в Стамбул, чтобы жить там в качестве заложника. В.Д. Смирнов считал, что этот шаг имел смысл лишь при жизни Менгли-Гирея, который очень любил младшего сына⁴¹. Представляется, что дело здесь не столько в родственных чувствах, сколько в реальном политическом расчете. Постоянное присутствие в Стамбуле одного или нескольких (как это было впоследствии) претендентов «на ханский престол из династии Гиреев – так сказать, «запасных ханов» – давало султанам возможность не только менять ханов по своему усмотрению, но и служило неким рычагом давления на ханов, находившихся на крымском престоле. Кстати, об этом в другой связи говорит и сам В.Д. Смирнов⁴². В правление Мухаммед-Гирея, кроме Саадет-Гирея, в Стамбуле находились также его брат Мубарек-Гирей, а затем племянник Геммет-Гирей⁴³.

В отличие от своего отца Селим I, как и его преемники, не считал нужным делать наместником Кафы кого-то из своих родственников. Его сын Сулейман вместе с отцом занимался государственными делами в столице. Не исключено, что, памятуя об истории собственной борьбы за престол, Селим опасался давать кому-то из возможных претендентов на султанский трон административные посты вдали от Стамбула. На должность кафинского наместника, именовавшегося с тех пор санджак-беем (в русских источниках санджак, санчак), Селим I назначил Мухаммед-пашу, который с 1515 г. упоминается в сохранившихся русских дипломатических документах⁴⁴. Само назначение, вероятно, состоялось еще раньше, в 1512–1513 гг.

Агрессивный курс по отношению к Руси Мухаммед-Гирей полностью воспринял и продолжил, с первым же посольством новый хан потребовал от Василия III возвращения Великому княжеству Литовскому Смоленска, ссылаясь на упомянутый выше ярлык Менгли-Гирея, «пожаловавшего» Смоленск и другие русские земли королю⁴⁵. Одновременно Мухаммед-Гирей требовал отпустить в Крым Абдул-Латифа, а также оказать помощь Крыму в борьбе против Астрахани, где правили потомки ханов Большой Орды. Последние два пункта крымский хан настойчиво повторял и в дальнейшем, в особенности после начала борьбы за казанский престол в 1517–1518 гг. Это означало стремление Крыма подчинить себе Казанское и Астраханское ханства, что, естественно, противоречило интересам Руси. Твердая позиция русских дипломатов помешала Мухаммед-Гирею добиться своего: казанским ханом после смерти Мухаммед-Эмина (1518 г.) стал русский ставленник Шах-Али, а с Астраханью Василию III удалось установить дружественные отношения⁴⁶.

Поддержка литовских претензий на русские земли Мухаммед-Гиреем не ограничилась одними требованиями. В разгар русско-литовской войны 1517–1518 гг. крымские отряды напали на тульские земли, но были разбиты русскими воеводами⁴⁷.

После смерти Менгли-Гирея внутри Крымского ханства началась острая борьба разных группировок крымских феодалов. Это обстоятельство, наряду с натянутыми отношениями с султаном, делало положение Мухаммед-Гирея довольно непрочным. Весной 1516 г. Аппак, один из влиятельных крымских владетелей, придерживавшийся промосковской ориентации, писал Василию III: «Царь наш охочь пити, да не ведаю, как ему царство держати, а турецкого велми блюдетца, а у турецкого два царевича царю нашему брата, а со царем ся ссылают, велят старых людей отца своего беречи, а мы деи под тобою не хотим государства искати. И царь их речем не верит, а людей своих блюдетца, не верит им, и царь нынча людей своих крепит»⁴⁸.

В правление Мухаммед-Гирей не ослабевает активность Крымского ханства на Западном Кавказе. Летом 1518 г. крымское войско двинулось на адыгские земли. В июле того года сын Мухаммед-Гирея Бахадыр-Гирей («Богатырь-царевич» по русским источникам) и племянник хана Геммет-Гирей писали в Москву, что они двинулись на Дон против пришедшего к Крыму астраханского ханыча Бибея, «и... недруга своего не нашли, да подумали есмь на Черкасы итти, да туде есмь и пошли»⁴⁹. Бахадыр-Гирей к этому добавляет: «ино ежегодная у нас война Черкасы»⁵⁰. Вскользь брошенные слова ханского сына дают возможность рассмотреть летний поход 1518 г. как звено в цепи крымских экспедиций на Западный Кавказ, которые, чтобы стать ежегодными, должны были начаться минимум двумя годами раньше. Судя по тому, что крымское войско в 1518 г. двигалось степью через низовья Дона, оно направилось в сторону Кабарды, тогда как походы на западноадыгские земли совершались обычно через Таманский полуостров, с переправой через Керченский пролив. Поход 1518 г. закончился победой кабардинцев, в декабре того года русский посол И. Челищев сообщал из Крыма: «Богатырь царевич был... в Черкасех, и Чаркасы его... побили; сказывают... только треть людей вышла из Черкас, а два жеребья (две трети. – А.Н.) людей побита»⁵¹.

Несмотря на поражение крымского войска, значительная часть адыгских племен (возможно, все западные адыги) вскоре вступает в вассальные отношения к Крыму. Весной 1519 г. Мухаммед-Гирей писал Василию III: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать; также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быти готовы. И яз к ним посла посылаю; также и из Тюмени и оттоле к нам люди пришли, и тех людей речи таковы ж»⁵². По-видимому, многие адыгские правители сочли более безопасным переход под сюзеренитет Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту от грабительских крымских походов. К тому же решению пришел и правитель Тюменского княжества, ранее, возможно, враждебного Крыму. В отличие от адыгов он мог опасаться еще и кзылбашей, которые в конце второго десятилетия XVI в. захватили большие территории в Закавказье. Признание зависимости адыгов от Крыма действительно более чем на 10 лет приостановило крымские набеги в этот район. Логично предположить, однако, что временное спокойствие обошлось адыгам недешево. Они должны были откупаться от крымских ханов богатыми подарками и в первую очередь рабами. Позже, в XVII в., существовал обычай преподнесения каждому вступающему на престол крымскому хану определенного количества черкесских мальчиков и девочек, которые отсылались ханом в Стамбул султану⁵³. Вполне возможно, что такой порядок восходил именно к началу 20-х годов XVI в.

В это же время султан делает следующий шаг по укреплению своей власти на Западном Кавказе – там строятся османские крепости. Их создание, без сомнения, было следствием утверждения здесь крымского влияния. Весной 1519 г. из Москвы в Стамбул отправилось посольство Б.Я. Голохвостова, одной из задач которого были переговоры с кафинским наместником. Прибыв 2 июня в Азов, русский посол узнал от местных властей, что «Сенчак ныне в Кубе, делает город от Черкас... а крымской... в Перекопи, а присылал к нему турской, чтоб послал людей своих к Черкасам беречи людей его, которые город делают в Кубе, и... посылает детей своих, Казы-Гирея да Бабея, да Темошь-мурзу Мамешева сына Ширина, а с ними... отпускает восемь тысяч людей»⁵⁴. Поскольку Голохвостову требовалось распоряжение наместника о его отправке в Стамбул, к «санчаку» был послан московский служилый татарин: «с грамотою к Сенчаку ездил Темеш Кадышев к Темирь-Бутузу, где город делают от Черкас»⁵⁵. Как сообщает далее

Голохвастов, «Сенчак... сделав город от Черкас да в Кафу, приехал месяца августа 26 день» и сразу препроводил русского посла в Стамбул⁵⁶.

Таким образом, османская крепость возводилась с весны до августа 1519 г., строительство велось людьми султана, но охрану несло довольно большое крымское войско. Географические названия, упоминаемые Голохвастовым, позволяют точно установить, что речь шла о крепости Темрюк в устье Кубани (Куба здесь явно не город, а река Кубань). Темир-Бугуз⁵⁷ – это нынешний Темрюкский залив, отсюда и название Темрюк. Эвлия Челеби относит закладку крепости Темрюк к 921 г.х. (15 февраля 1515 – 4 февраля 1516 г.) и добавляет, что она, согласно надписи на воротах, была достроена позже, в 925 г.х. (1519 г.), при Сулеймане I⁵⁸. Упоминание Сулеймана, правившего с 1520 г., – явный анахронизм, вместо него должен быть Селим, но в целом данные Эвлии Челеби представляются достоверными. Далее Эвлия Челеби отмечает, что в тех же краях была построена и крепость Кызыл-Таш («Красный Камень»): «и ее также построил в 921 г. Селим-шах I, так как в те времена черкесы-разбойники много раз нападали на этот остров и совершали грабежи и погромы, и потому был указ Селим-хана о возведении этой крепости»⁵⁹. Далее автор уточняет, что Кызыл-Таш находится на острове Адахун неподалеку от Темрюка. Локализовать эту крепость также нетрудно. Остров Адахун – территория, ограниченная Кубанью, рекой Адегум и морским побережьем, причем об османской крепости и сейчас напоминает находящийся как раз в этом районе Кизилташский лиман.

Мухаммед-Гирей не случайно безоговорочно выполнил требование султана о присылке войска в Темрюк. В Крыму шла упорная борьба хана с братом Ахмед-Гиреем и ширинскими владельцами. После совершенного по приказу хана убийства Ахмед-Гирея сын последнего Геммет-Гирей бежал в Стамбул под защиту султана. Присутствие в Стамбуле минимум двух претендентов на крымский престол (Саадет-Гирея и Геммет-Гирея) заставляло Мухаммед-Гирея быть осторожным. Как сообщил в Москву Б. Голохвастов, «турской грамоту прислал ко царю Махметю о царице Ахматове, да и детях о меньших, чтоб им никоторого лиха не учинил. А крымской... бережется от турецкого, потому что (султан. – А.И.) тех царевичев жалует»⁶⁰. Таким образом, при всей своей враждебности к Селиму I крымский хан был связан по рукам и ногам: внутриполитические распри в Крыму давали султану возможность держать Мухаммед-Гирея под своим контролем.

1521 год ознаменовался резким переломом в русско-крымских отношениях. Впервые за 40 лет, прошедшие после похода Ахмеда на Русь в 1480 г., русские земли подверглись нападению огромного крымского войска. Оно не шло ни в какое сравнение с отдельными крымскими набегами предшествующего двадцатилетия, поскольку целью похода являлось нанесение Русскому государству сокрушительного удара вплоть до захвата Москвы. В результате похода русским землям был нанесен колоссальный ущерб, что привело Русь на некоторое время к пассивности по отношению к Великому княжеству Литовскому⁶¹. В 1522 г. было заключено русско-литовское перемирие, которое впоследствии несколько раз продлевалось.

Поскольку многие моменты событий 1521 г. вызывают споры, на них не лишне специально остановиться. Так, нет единого мнения в вопросе об участии в походе 1521 г. казанского хана. Весной 1521 г., свергнув подчиненного Москве Шах-Али, казанским ханом при поддержке Крыма стал брат крымского хана Сахиб-Гирей. С. Герберштейн свидетельствует, что летом 1521 г. он вместе с братом вел боевые действия против Руси⁶². Косвенным подтверждением сообщения Герберштейна служат сведения о походе казанского хана на Русь в 1521 г., содержащиеся в Про-

должении Хронографа редакции 1512 г., но здесь нет указания на одновременное выступление Крыма и Казани⁶³. Опираясь на данные Галицкого летописца, в котором имеется упоминание об участии в походе 1521 г. «крымского царевича», И.И. Смирнов доказал, что под этим «царевичем» подразумевается Сахиб-Гирей, поэтому сообщение Герберштейна заслуживает доверия⁶⁴. А.А. Зимин, ссылаясь на «туманное», по его собственным словам, сообщение так называемого Пафнутьевского летописца, утверждал, что это не так, поскольку «крымский царевич» – это Саадет-Гирей, который на короткое время сменил Сахиб-Гирея на казанском престоле, но затем вновь вернулся в Крым⁶⁵. Но, во-первых, по свидетельству многих крымских и турецких источников, Саадет-Гирей находился в Стамбуле непрерывно с 1514 вплоть до 1524 г., когда он был посажен султаном на крымский трон⁶⁶. В сохранившихся русских дипломатических материалах – турецких посольских книгах вплоть до июня 1521 г. неоднократно говорится, что Саадет-Гирей проживает у султана, а «опасная» грамота Василия III Саадет-Гирею, упомянутая А.А. Зиминим, была послана вовсе не в Казань, а в Стамбул с русским послом Т. Губиным⁶⁷. Во-вторых, М.Н. Тихомиров, опубликовавший Пафнутьевский летописец, подчеркивал, что это не летопись, а политическое сочинение, написанное в летописной форме. При изложении событий автор не пользовался какой-либо официальной летописью, а приводил факты по памяти, часто путая хронологию⁶⁸. Поэтому сообщение данного источника о прибытии Саадет-Гирея в Казань вряд ли можно считать достоверным.

В архиве музея-дворца Топкапы сохранился документ, непосредственно связанный с походом 1521 г., – написанное весной того года послание Мухаммед-Гирея султану. В нем говорится, что хан готовит поход на Москву с целью оказать помощь своему брату – казанскому хану, который не в силах противостоять давлению русских войск на Казань⁶⁹. Это дает основание предполагать, что планировался совместный поход крымского и казанского ханов. В.В. Каргалов справедливо указывает, что упомянутое Вологодско-Пермской летописью разорение Владимирской земли, куда войска Мухаммед-Гирея не дошли, можно объяснить только одновременным нападением Сахиб-Гирея⁷⁰.

Таким образом, мы можем утверждать, что в походе 1521 г. казанские войска участвовали. Кроме казанских войск, в походе участвовало литовское войско под командованием Е. Дашковича⁷¹. Согласно составленной в середине XVI в. повести о походе 1521 г., вошедшей в Шумиловский том Лицевого свода и Степенную книгу, с Мухаммед-Гиреем пришли «и Литовская сила, и Черкасы, и нагайских татар»⁷². В походе на стороне Крыма участвовал, таким образом, вспомогательный адыгский отряд. Отказался присоединиться к походу астраханский хан⁷³.

И.И. Смирнов, подробно изучивший события 1521 г., считал поход акцией Мухаммед-Гирея, которую не одобрял османский султан⁷⁴. Точку зрения И.И. Смирнова разделял В.В. Каргалов⁷⁵. И.Б. Греков высказал мнение, что поход 1521 г. был организован османским султаном⁷⁶. А.А. Зимин решительно отверг такую гипотезу, отметив, что «никаких оснований в пользу подобной вольной интерпретации фактов у автора нет»⁷⁷.

Известно, что предприятие Мухаммед-Гирея не вызвало поддержки османского правительства. Об этом сообщали в Москву азовский «бурган» и наместник Кафы Мухаммед-паша. В грамоте, привезенной Василию III 24 июня 1521 г., «бурган» сообщал: «Крымский царь на конь всел, на тебе на самого хотел итти и многую свою рать собирал и счастливый хандикерь (султан. – А.Н.) чауша посылал, чтоб деи еси на Московскую землю, да на Черного Богдана (Молдавию. – А.Н.) не ходил, а опричь того, куды захочешь, поиди»⁷⁸. В пришедшей тогда же гра-

моте Мухаммед-паша сообщает подробности: «Приказал... великий государь ко царю Магмед-Гирею: слышали есмь, что хочешь пойти на Московскую землю, и ты ся береги на свой живот и не ходи на московского, занже ми есть друг велик, а пойдешь на московского, и яз пойду на твою землю. И царь осердился, а рать его собрана, а злобен добре, и государствие бы твое берег свою землю»⁷⁹.

После ухода Мухаммед-Гирея из русских земель азовский «бурган» прислал еще одну грамоту Василию III, называя себя «служебником» великого князя и сообщая, что «наш государь не велел крымскому царю на тебя ходити, и он не послушал нашего государя, а так и пошел... А крымской послал к нашему государю посла Одрахман-бия, и наш государь Одрахман-бию приказал, чтоб воротился крымской, и крымской так и не послушал пошел»⁸⁰. О том же в октябре 1521 г. писал в Москву из Азова Т. Губин, ссылаясь на слова приехавшего из Кафы «турчанина»⁸¹. Отправленный в ноябре 1521 г. к султану Иван Лазарев имел задание сообщить Сулейману, что в Москве знают о его запрете хану идти на Русь⁸².

Довольно заманчиво считать сообщение османских властей из Азова и Кафы сознательной дезинформацией, как это делает И.Б. Греков. Однако отсутствие хоть сколько-нибудь похожих действий как в предшествующей, так и в последующей практике русско-османских отношений не позволяет выбрать такой маловероятный вариант. Полагаю, что дело обстоит значительно проще: как справедливо указал Н.А. Смирнов⁸³, передача в Москву сведений политического характера свидетельствовала о продажности османских чиновников, их стремлении заработать не только на своих прямых обязанностях, но и на обладании информацией. Русское правительство, конечно, не оставляло своих информаторов без вознаграждения.

Сохранившееся в османских архивах письмо Мухаммед-Гирея султану Сулейману (1521 г.) является исключительно важным документом, раскрывающим характер отношений между ханом и султаном как раз накануне подхода Мухаммед-Гирея на Москву⁸⁴. После прихода к власти Сулеймана I (1520–1566) возобновляется османское наступление в Центральной Европе. В 1521 г. состоялся поход на Белград, который был взят османами в конце августа того года. Падение Белграда открывало путь во владения венгерского короля и Габсбургов⁸⁵. Уже после выступления в поход султан прислал Мухаммед-Гирею не дошедшее до нас письмо; известно только, что в нем содержался приказ двинуться на земли польского короля, выступившего в союзе с венгерским королем против Сулеймана. В своем ответе хан выражает готовность выполнить приказ, но называет ряд причин, препятствующих этому. Выступление против Сигизмунда, пишет Мухаммед-Гирей, вызовет столкновение с ширинскими владетелями, поскольку сын одного из Ширинов (Девлетека) – Эвлия-мурза находится у короля в качестве заложника и будет убит в случае войны. Кроме того, король может освободить давнего врага Крыма – бывшего ордынского хана Шейх-Ахмеда.

Главное в письме – готовящийся поход на Русь, причем часть войска, по словам хана, уже в степи и в силу своей кочевнической природы откажется вернуться. Наконец, Мухаммед-Гирей опасается выступления астраханского хана. Таким образом, в послании хана содержится вежливый, хорошо обоснованный отказ выступить против польского короля. Какова была реакция Сулеймана, точно не известно. Возможно, именно в ответ на него последовал упоминавшийся запрет идти на Москву. Если информация о запрете верна, то в основе его лежало вовсе не желание султана помочь Руси, а недовольство Сулеймана отказом хана участвовать в европейской компании османского войска. В этом случае тем более очевидно неподчинение Мухаммед-Гирея султанскому приказу.

Летом 1520 г. в Азов прибыли три османских военных корабля под командованием Синан-аги. На каждом из них было 80 человек, 50 пушек и 50 пищалей. Официально их задачей была охрана донского пути «от лихих людей» для безопасного проезда послов между Москвой и Стамбулом. Василию III было об этом сообщено грамотами азовского «бургана» и самого Синан-аги⁸⁶. Весной 1521 г. Сулейман прислал Синан-аге приказ двинуться вверх по Дону к Переволоке – «чтоб лихих людей не было». Чуть позже азовские власти предлагали Василию III привести суда на реку Воронеж и оставить их там зимовать⁸⁷. Еще Н.А. Смирнов замечал, что, поскольку русские посольства ездили к султану не каждый год, а султанские послы в Москву – и того реже, официально объявленная цель данного мероприятия выглядит сомнительной⁸⁸. При этом рассматривать его как часть готовившегося похода крымского хана на Москву также нет оснований: никакого участия в событиях 1521 г. османские воины не приняли. Даже если преследовалась цель только продемонстрировать поддержку султана, то это тем более никак не согласуется с заверениями азовского «бургана» и кафинского наместника в осуждении султаном похода на Москву. По-видимому, посылка судов на Дон преследовала совершенно самостоятельную цель усиления азовского гарнизона, которому досаждали донские казаки. Кстати, об опасности со стороны «банды казаков» писал в своем разобранном выше письме и Мухаммед-Гирей⁸⁹. Когда же султан решил поддержать крымского хана военной силой (а это произошло вскоре, в 1524 г.), в Крым был вполне официально направлен отряд янычар, и насчет его предназначения никто не питал иллюзий.

Мухаммед-Гирею не удалось закрепить достигнутый в 1521 г. успех. Намеченный на 1522 г. очередной поход на Москву сорвался из-за обострения борьбы Крыма с Астраханским ханством и ногаями, в которой крымский хан в конце концов погиб весной 1523 г.⁹⁰ Любопытно имеющееся в «Истории Кипчакской степи» Ибн Ризвана указание на то, что Мухаммед-Гирей погиб в войне «с черкесами и дадианами»⁹¹. Упоминание «дадианов» пока объяснению не поддается. Что же касается черкесов, то они, возможно, объединились с астраханским ханом против Крыма.

Важной причиной гибели Мухаммед-Гирея было и то, что он окончательно лишился поддержки крымских феодалов. Об этом свидетельствует письмо крымских владетелей в Стамбул Саадет-Гирею, написанное незадолго до рокового для хана похода на Астрахань⁹². Автором письма, вместе с которым свои подписи поставили еще два крымских владетеля (подписи неразборчивы), является, скорее всего, один из ширинских беев – это мог быть Мамыш (Мемеш), сын Девлетека, или его брат Бахтияр. В письме говорится, что ханом недовольны большинство крымских феодалов, имена которых перечислены. По именам легко определить, что против Мухаммед-Гирея выступили феодальные фамилии Ширин, Мангит, Седжеут и Кипчак, отсутствуют только Аргыны и Барыны. Выражая желание иметь ханом в Крыму Саадет-Гирея, автор говорит о Мухаммед-Гирее с презрением и ненавистью: «Он проводит дни и ночи в компании еретиков-персов... и пьет не переставая». Далее сообщается: «Он отправил двух послов к кызылбашам. Кроме нас, об этом никто не знает. Он также хочет вывести через Перекоп из Крыма всех людей, так как желает захватить Астрахань, взойти на ее престол и соединиться с кызылбашами. Мы на это никогда не согласимся: наши отцы и деды никогда не ходили в эту сторону»⁹³. Переговоры Мухаммед-Гирея с кызылбашами показывают, что он стремился полностью выйти из-под контроля султана. Интересно, что, по сообщениям русских дипломатов из Азова, Мухаммед-Гирей в 1521 г. заверял султана в установлении русско-иранских

связей: «Московский князь великий стоит на тебя содного с кизылбашом, прислал к нему кизылбаш посла своего, и князь великий дал кизылбашу пушек много и мастеров и доспехов»⁹⁴. Других сведений о шахском посольстве в Москву в 1521 г. нет, но несомненно, что одной из главных задач для Ирана в тот период было получение огнестрельного оружия, жизненно необходимого для борьбы с османами. Независимо от того, соответствовало сообщение Мухаммед-Гирея действительности или нет, хан пытался таким путем отвлечь внимание султана от собственных планов в отношении Ирана.

Политика Османского государства и Крыма в 20-х годах XVI в. изучена хорошо, поэтому остановимся только на ключевых моментах. После гибели Мухаммед-Гирея Сулейман I сделал крымским ханом Саадет-Гирея, который прибыл в Крым в сопровождении османского войска с пушками и пищальями⁹⁵. В Крыму было беспокойно из-за постоянной угрозы нападения ногаев. Кроме того, поддержка нового хана, очевидно, вовсе не была столь прочной, как писали ему крымские беи. Уже в 1524 г. долгую борьбу против Саадет-Гирея за власть в Крыму начинает его племянник Ислам-Гирей. Поэтому вплоть до конца 20-х годов XVI в. крымский хан, занятый внутренними неурядицами, почти не предпринимал каких-либо крупных внешнеполитических шагов⁹⁶.

Как сообщают русские источники, только поддержка султана позволяла Саадет-Гирею удерживаться на ханском троне. Однако Османское государство в 20-х годах было занято войнами в Европе, кульминацией которых был разгром османами венгерского войска при Мохаче в 1526 г., после чего Венгрия теряет самостоятельность. Военные действия в Европе продолжались до начала 1530-х годов, но дальнейшие успехи султана были значительно скромнее победы 1526 г.⁹⁷

Участие Сулеймана в восточноевропейских делах в 20-е годы XVI в. ограничилось неудачной попыткой вмешаться в казанские дела (1524 г.). Тогда, по словам прибывшего в Москву османского посла, «Саип Гирей присылал ко государю нашему сее весны бити челом, а заложился за государя нашего, и князь бы великий Казани рати не посылал». На это послу было отвечено: «Посылал Саип Гирей царь к салтану, ино то он ведает, а то изначала юрт государя нашего»⁹⁸. Вскоре после этого русское войско предприняло поход на Казань. Сахиб-Гирей бежал в Крым, а казанским ханом стал его племянник Сафа-Гирей. Тем самым подчинение Казани султану аннулировалось. Сафа-Гирей вынужден был формально признать зависимость от Москвы. Успех политики Руси связан в первую очередь с тем, что крымский хан не имел возможности оказать помощь Сахиб-Гирею⁹⁹.

В 20-х годах XVI в. между Москвой и Стамбулом шел регулярный обмен послами¹⁰⁰. Однако, несмотря на словесные заверения в дружбе, приезжавший несколько раз султанский посол Искандер (Скиндер) категорически отказывался заключить с Василием III от имени султана какой-либо официальный договор¹⁰¹. Есть основания полагать, что Искандер выполнял не столько посольские, сколько шпионские задания. Русское посольство Ивана Брюхова (Морозова) к султану (1523–1524 гг.) также ничего не смогло добиться. Дело ограничилось обменом ни к чему не обязывающими грамотами. В «Дневники» М. Сануто дважды включен итальянский перевод письма, написанного якобы Василием III султану Сулейману¹⁰². Действительно, отдельные части официального формуляра грамоты¹⁰³ совпадают с соответствующими компонентами известных нам грамот Василия III султану, написанных в тот же период (грамота датирована апрелем 1523 г.). Однако сам текст грамоты вызывает много вопросов, поэтому с небольшими сокращениями приведем его здесь: «Мое императорское величество послало в это вре-

мя в Белград двух вельмож моей страны лицезреть твое Величество, с дарами и радостью. Искренно направил я их подножью тени твоей поклониться, изъявить знак доброй любви, и изложить то, что им приказано, с повелением вернуться в мое государство через три луны, не имея препятствий от твоих людей. Прошло время, и в стране твоего Величества они затерялись, из-за чего моя светлейшая корона затуманилась и лицо потемнело... Посылаем это письмо твоему Величеству, чтобы ты отыскал моих людей... иначе мы соберем нашу мощь и призовем силы, находящиеся под моей властью, вместе с нашими могучими соседями и союзниками, и пошлем их отомстить, чтобы лицо мое вновь стало белым, а корона светлой. Хорошо известна твоей милости заповедь пятая твоего великого Пророка, говорящая, что господин, кто убьет во гневе, по справедливости не попадет... на небо, если не покается в грехе своем.. Прошу ради подтвержденного клятвой мира и договора между нами исполнить сказанное, иначе нарушу закон Пророка... но грех этот будет па душе того, кто тому причиной».

Материалы русско-османских отношений первой половины 20-х годов XVI в. сохранились очень хорошо. Среди них целый ряд официальных великокняжеских грамот султану, в том числе датированных апрелем 1523 г. Ни одна из них не имеет ничего общего с приведенным текстом¹⁰⁴.

Понятно, что после двойного перевода (с оригинала на старовенецианский и обратно) первоначальный текст искажен, и судить о нем трудно. Все же можно с уверенностью утверждать, что стиль приведенной Сануто грамоты резко отличен от всех известных документов русско-османских отношений. Ни в одной имеющейся в «Турецких делах» того времени грамоте великий князь не обращался к султану столь агрессивно и непримиримо. Это понятно, поскольку русское правительство стремилось к поддержанию с султанами добрых отношений. Послания великого князя обычно сугубо деловые, лапидарные, в них почти нет места пышным восхвалениям и цветистым фразам, свойственным скорее посланиям восточных властителей.

Многословно переданную библейскую заповедь «не убий»¹⁰⁵ неизвестный автор текста приписывает чужому, а не своему «пророку». Получается, что пишет об этом не христианин, а, похоже, мусульманин.

В материалах посольств И. Лазарева и И. Брюхова (Морозова), относящихся к 1521–1524 гг., нигде не упомянуты «пропавшие двое вельмож», хотя имеется множество ссылок на дела русских купцов, испытывавших различные затруднения во владениях султана. В качестве вывода остается признать, что «грамота Василия», приведенная Сануто, в лучшем случае недоразумение, в худшем – подделка. Опровергнуть такой вывод позволит лишь обнаружение подлинника грамоты (если он существует) или хотя бы выявление стиливых и содержательных аналогий в других документах.

Таким образом, мы видим, что в 20-х годах XVI в. по инициативе султана происходит постепенное свертывание русско-османских политических контактов. В дальнейшем официальный дипломатический обмен между Москвой и Стамбулом почти не выходит за рамки торговых отношений.

Адыгские народы в 20-х годах по-прежнему сохраняли зависимость от Крымского ханства. После вступления на престол Саадет-Гирей сообщил в Москву, что «с сю сторону Черкасы и Тюмень мои ж». О том же писали Василию III и крымские беи, что «ныне отвселе к нам грамоты пришли... и от черкасов люди пришли», «ис черкас и ис Тюмени к нему (Саадет-Гирею. – А.Н.) люди пришли»; что с ханом в братстве «и казанская земля, и король, и черкасы, и тюменская земля»¹⁰⁶. По-видимому, адыги прислали послов к новому хану, чтобы подтвердить свою зависимость. Это

на некоторое время оградило их от крымских набегов. В 1527 г., согласно грамотам от крымских владетелей, Ислам-Гирей был отправлен «на черкасы» (в другом месте сказано – «на черкасскую украину воевати»), но не пошел¹⁰⁷. Думаю, что речь идет о походе на литовские земли под Черкасский городок; применительно к адыгским территориям слово «украина» не используется нигде, по отношению же к русским и литовским пограничным землям оно употреблялось на Руси и в Крыму постоянно.

Начало 30-х годов XVI в. ознаменовалось активизацией османо-иранской борьбы. С этим было связано и возобновление после более чем десятилетнего перерыва крымско-османского наступления на Западный Кавказ, которое явилось основным содержанием политики Османского государства и Крыма в данном районе в 30-х – начале 50-х годов XVI в.

Примечания

1. Зулалян М.К. Армения в первой половине XVI в. М., 1971. С. 61–64.
2. КСАМРТ. Р. 85.
3. *Sanuto M. I diarii*. Т. 1–58. Venezia, 1879–1903. Т. 10. Col. 667.
4. КСАМРТ. Р. 91–92.
5. КСАМРТ. Р. 92; *Sanuto M. Op. cit.* Т. 11. Col. 810; Т. 12. Col. 508.
6. *Sanuto M. Op. cit.* Т. 13. Col. 342, 358.
7. КСАМРТ. Р. 93–94.
8. Там же. Р. 99.
9. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 377.
10. См., напр.: *Sanuto M. Op. cit.* Т. 12. Col. 236; Т. 13. Col. 521; Т. 15. Col. 358; Т. 24. Col. 171; Т. 25. Col. 485; Т. 28. Col. 602; Т. 53. Col. 254, 457 (1512–1530 гг.).
11. *Маркс К.* Хронологические выписки. Арх. Маркса и Энгельса. Т. 7. С. 205.
12. Сборник князя Оболенского № 1. М., 1838. С. 30–35.
13. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. С. 4–5 (датирован 21 сафара 913 г. х. = 31 июля 1507 г.).
14. *Каргалов В.В.* На степной границе. М., 1974. С. 38–39; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 84–85.
15. Сборник князя Оболенского № 1. С. 70, 71, 84, 85; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 120.
16. СИРИО. Т. 95. С. 1–7.
17. *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III. Ист. зап. 1948. Т. 27. С. 22–23.
18. Сборник князя Оболенского № 1. С. 33, 37–39, 43–44; *Довнар-Запольский М.В.* Скарбовая книга Метрики Литовской. ИТУАК. 1898. № 28. С. 52, 55.
19. Сборник князя Оболенского № 1. С. 22–23.
20. *Sanuto M. Op. cit.* Т. 11. Col. 673.
21. *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 42.
22. ПСРЛ. Т. VI. С. 253; Т. VIII. С. 253; Т. XIII. С. 15; Т. XX. С. 385–386; СИРИО. Т. 35. С. 498; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 149–150.
23. СИРИО. Т. 95. С. 84–86.
24. Там же. С. 98–99.
25. Там же. С. 97.
26. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 149.
27. *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 74.
28. СИРИО. Т. 95. С. 107–118.
29. *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. С. 254; *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Т. 1. С. 82.
30. *Чочиев В.Г.* Международные отношения Ближнего Востока в XVI–XVIII вв. в свете ирано-турецких мирных договоров: Автореф. дис. д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972. С. 11.

31. Новичев А.Д. Указ. соч. С. 82–83; Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 28–34 и след.
32. Бартольд В.В. Халиф и султан. Соч. М., 1966. Т. 6. С. 66–67.
33. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П. и др. Указ. соч. С. 257.
34. Sapito M. Op. cit. Т. 22. Col. 546; «Турок» (il Turco) – обычное обозначение султана в венецианских документах, соответственно «Черкес» (il Zerchasso) – некий правитель черкесов.
35. Vasquié-Gratmont S. Notes et documents sur les Ottomans, les Salavides et la Géorgie, 1516–1521. CMRS. 1979. Vol. XX. № 2. P. 248, 265–266; к тому же цитата приведена не вполне точно, что существенно меняет ее смысл.
36. Иванов Н.А. Указ. соч. С. 23–27.
37. Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 383–384. Менгли-Гирей умер 6 апреля 1515 г.
38. СИРИО. Т. 95. С. 144.
39. Джевет-паши. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи с 1192 по 1202 г. х. (1775–1784). РА. М., 1888. Кн. 1. С. 373; См. также: Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 247.
40. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 374–376.
41. Там же. С. 385.
42. Там же. С. 396.
43. СИРИО. Т. 95. С. 304, 476, 619.
44. Там же. С. 227–229, 335–336, 667 и др.
45. Там же. С. 152–153.
46. Смирнов И.И. Указ. соч. С. 23–24.
47. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 182–183.
48. СИРИО. Т. 95. С. 272.
49. Там же. С. 517.
50. Там же. С. 516.
51. Там же. С. 607.
52. Там же. С. 635.
53. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 348–350, 717.
54. СИРИО. Т. 95. С. 667–668.
55. Там же. С. 668.
56. Там же. С. 671.
57. Temir-Boğaz – Железный залив.
58. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 46. Отнесение первого достоверного упоминания г. Темрюка в источниках к середине XVI в. (см.: Воронов А.А., Паромов Я.М. Локализация средневекового города Темрюка. СА. 1987. № 4. С. 88) неверно.
59. Там же. С. 49.
60. СИРИО. Т. 95. С. 670; см. также: Смирнов И.И. Указ. соч. С. 30–32.
61. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 130.
62. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 173.
63. ПСРЛ. Т. XXII. С. 518; Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. ИА. 1951. Т. 7. С. 280.
64. Смирнов И.И. Указ. соч. С. 39–42.
65. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 241, 246.
66. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 385, 394.
67. СИРИО. Т. 95. С. 678, 705.
68. Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 158.
69. КСАМРТ. Р. 111.
70. Каргалов В.В. Указ. соч. С. 61.
71. Смирнов И.И. Указ. соч. С. 42–43.
72. ПСРЛ. Т. XIII. С. 3, 7; Т. XXI. Ч. 2. С. 599; о «повести» см.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 246–247.

73. Сафаргалиев М.Г. Заметки об Астраханском ханстве. Сборник статей преподавателей. Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 1952. С. 39.
74. Смирнов И.И. Указ. соч. С. 37.
75. Каргалов В.В. Указ. соч. С. 57–61.
76. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 243–244; см. также: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 143–144, 157. (Далее: Османская империя).
77. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 242.
78. СИРИО. Т. 95. С. 681; «Бурган» («диздербурган») из русских источников – азовский градоначальник (по официальной османской терминологии – диздар), где «бурган» – возможно, испорченное *turhan* – дворянин, вождь, князь (предположение высказано М.С. Мейером – прим. автора). О должности диздара см.: Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978. С. 96, 133.
79. СИРИО. Т. 95. С. 682.
80. РГАДА. Ф. 89. Кн. 1. Л. 190.
81. Там же. Л. 190 об.
82. Там же. Л. 198.
83. Смирнов И.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. С. 81.
84. КСАМРТ. Р. 110–114; впервые опубли.: CMRS. 1971. Vol. XII. № 4. Р. 486–490. Документы султанского архива в любом случае не были призваны дезинформировать кого-либо из европейских правителей, поскольку не предназначались для внешнего пользования.
85. Новичев А.Д. Указ. соч. С. 84; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 209.
86. СИРИО. Т. 95. С. 671, 672.
87. Там же. С. 675, 680; грамоты привезены в Москву 22 апреля и 10 мая 1521 г.
88. Смирнов И.А. Указ. соч. С. 80.
89. КСАМРТ. Р. 114.
90. Смирнов И.И. Указ. соч. С. 44–47.
91. *Zajaczkowski A.* La chronique des steppes Kipchak. Warszawa, 1960. P. 35, 82.
92. КСАМРТ. Р. 106–107; впервые опубли.: CMRS. 1972. Vol. XIII. № 3. P. 335–337.
93. КСАМРТ. Р. 106.
94. РГАДА. Ф. 89. Кн. 1. Л. 191 об.; см. также: СИРИО. Т. 95. С. 706.
95. РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 4 об., 8–8 об., 10 об. – 11. По словам русского посла в Крыму И. Кольчева, с Саадет-Гиреем прибыло янычар «человек двести», а сам хан позже писал Василию III уже о 40 тысячах.
96. Смирнов И.И. Указ. соч. С. 47–52, 60–61.
97. Новичев А.Д. Указ. соч. С. 86–88; Османская империя. С. 115, 201–204.
98. Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в М., 1916. С. 77.
- Прил.
99. Смирнов И.И. Указ. соч. С. 53–56; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 261–266.
100. Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 84–87. Правда, сообщение М. Сануто о прибытии в Стамбул в мае 1528 г. «посла от короля московитов» (*Sanuto M.* Op. cit. Т. 48. Col. 131) никакими другими источниками не подкреплено.
101. Дунаев Б.И. Указ. соч. С. 72, 73, 77.
102. *Sanuto M.* Op. cit. Т. 40. Col. 5–6 (1525 г.); Т. 53. Col. 306 (1530 г.).
103. А именно богословие и обозначение адресата и адресанта, т.е. *invocatio, intitulatio, inscriptio*.
104. См.: РГАДА. Ф. 89. Кн. 1. Л. 196–197, 229 об.–256; Дунаев Б.И. Указ. соч. С. 43–55.
105. См.: Исход. 20:13; Второзаконие. 5:17; Матфей. 5:21–22.
106. РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 9, 12 об., 13 об., 14 об. – грамоты Девлет-Бахты Барына, Абдур-Рахмана и Мемеша Ширина.
107. Там же. Л. 165 об., 167 об.

Глава пятая

УСИЛЕНИЕ КРЫМСКО-ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В 30-х – НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ XVI ВЕКА

Заключительный этап рассматриваемого нами исторического периода отмечен усилением агрессии Османского государства и Крымского ханства в Восточной Европе. Это наступление шло по разным направлениям: на Русь, Молдавию, земли адыгов. На Западном Кавказе оно было непосредственно связано с возобновлением осmano-иранской борьбы, которая велась тогда уже непосредственно в Закавказье. О наличии связи свидетельствует совпадение по времени крымско-османских походов на Западный Кавказ с военными действиями в тех или иных районах Закавказья.

С начала 30-х годов XVI в. вновь обостряются русско-крымские отношения. Нападения на русские земли становятся почти ежегодными¹. Как указывал К. Маркс, во второй четверти XVI в., «все еще происходили набеги татар; завоевывать они больше уже не могли, но производили опустошения»². Казанское ханство в 1532 г. удалось подчинить московскому влиянию, но уже в 1535 г. московский ставленник Джан-Али был убит, на казанский престол вернулся Сафа-Гирей. После этого возобновляются и набеги на Русь из Казани, причем крымский и казанский ханы координировали свои действия³. В Крыму долгая борьба Саадет-Гирея с Ислам-Гиреем кончилась тем, что первый в 1532 г. оставил престол и уехал в Стамбул, тогда как второй так и не стал ханом. Вместо него крымским ханом Сулейман I поставил бывшего казанского хана Сахиб-Гирею. Вместе с ним было отправлено около тысячи янычар, поступивших в распоряжение хана и обеспечивших ему победу над Ислам-Гиреем⁴. Кроме войска, султан предоставил Сахиб-Гирею пушки и пищали, которые впоследствии были пущены в ход в походах на Русь и на адыгов. Опора на османов позволила Сахиб-Гирею в 1534 г. открыто заявить о своей враждебности к Руси и поддержать претензии короля Сигизмунда на русские земли⁵. В 1537 г. после очередного обострения русско-казанских отношений Сахиб-Гирей прислал Ивану IV откровенно угрожающее письмо, в котором требовал помириться с Сафа-Гиреем, иначе «меня на Москве смотри, а не помысли себе того, что с одними татары буду», «будет со мною сто тысяч турецкой рати да пять тысяч янычен; так бы еси ведал»⁶. Конечно, для пущего устрашения хан сильно преувеличил размер османского войска, которое могло быть ему прислано, но сама угроза показывает, что Сахиб-Гирей видел свою силу в помощи султана. Ислам-Гирей не желал признавать своего поражения и продолжал бороться против Сахиб-Гирея. Сулейман I приложил немало усилий для восстановления порядка в Крымском ханстве, о чем свидетельствуют сохранившиеся в османских архивах документы⁷. Однако конец междоусобной борьбе положила только смерть Ислам-Гирея, который в 1537 г. был убит мангитским владетелем Бақы-беєм⁸.

Уже в самом начале 30-х годов крымские правители возвращаются к политике наступления на Западный Кавказ. В материалах русско-крымских отношений сохранились сведения, что весной 1531 г., когда после очередного конфликта с Саадет-Гиреем Ислам-Гирей бежал из Крыма, ему вдогонку хан послал четверых сыновей с войском, наказав им: «не доедете Ислама, и вы б пошли на Нагаи, которые на сей стороне Волги, или на Черкасы на пятигорские»⁹. Мы не знаем, состоялся ли поход на земли «пятигорских черкесов» (т.е. кабардинцев), но сам факт его предположения говорит о стремлении крымских воинов возобновить прерванное наступление на адыгские земли. В 1533 г. крымское войско во главе с Сафа-Гиреем двинулось на Русь. Некоторое время спустя вслед за ним отправился Ислам-Гирей. Последний, как политический авантюрист крупного масштаба, еще с середины 20-х годов, помимо официальных сношений ханского двора, поддерживал связи с Москвой, стремясь любыми средствами занять ханский престол. Это не мешало ему, впрочем, участвовать в набегах на Русь. Точно так же и в 1533 г. Ислам-Гирей сообщил в Москву, что идет за Сафа-Гиреем, «чтоб Сафа Кирей... на великого князя украины не ходил, а пошел бы на Черкасы или Литовского»¹⁰. Однако уже через несколько дней оба крымских «царевича» опустошали рязанские земли. Ясно, что упоминание черкесов было для Ислам-Гирея отговоркой, но оно еще раз подтверждает, что в Крыму в то время планировались набеги на адыгов.

Не исключено, что новые агрессивные замыслы крымских феодалов были в тот период как-то связаны с активизацией внешнеполитической деятельности адыгов, включившихся в борьбу вокруг астраханского престола. К 938 г.х. (15 августа 1531 – 2 августа 1532 гг.) относится сохранившееся в музее дворца Топкапы письмо правителя одного из ханств Восточной Европы Сулейману I. Автор называет султана «братом», что было не принято в переписке с крымскими ханами. Следовательно, автором не могли являться Саадет-Гирей и тем более казанский хан Сафа-Гирей. Публикаторы письма, принимая во внимание это соображение, а также позднейшую архивную пометку о том, что данное письмо отправлено астраханским ханом, считают его автором астраханского хана Касима (внука хана Большой Орды Ахмеда, сына Сейид-Ахмеда). Автор письма сообщает султану о своих усилиях установить в Астрахани порядок, что очень трудно, «когда в стране множество разбойников». Кроме того, хан обещает жить в дружбе с султаном и теми, кто ему подчиняется¹¹. Таким образом, если автор письма – Касим, то он ориентировался в своей политике на султана. Кстати сказать, именно в Астрахань в 1531 г. бежал Ислам-Гирей, чтобы собрать силы для борьбы с Саадет-Гиреем¹². Возможно, именно сторонников Ислам-Гирея автор назвал «разбойниками». 21 июля 1532 г. в Москву прибыло посольство от Касима, а вскоре после этого была получена весть о его свержении. Как говорят летописи, «пришед ко Азторокани безвестно Черкасы да Астрахань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь. А на Азторохани учинился Аккубек царевич»¹³. Это событие сразу привлекло внимание соседей, в первую очередь ногаев.

Еще 20 лет спустя, в 1551–1553 гг., ногайские мурзы писали Ивану IV, что «Аккубеку царю было прибежище в Черкасах, и они его дея посрамились, да Астрахань взял и дали ему»; что «Акобек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юрт ево взял дали»; что «Ахкобек царь для своего юрта ездил в Черкасы, и юрт его взял дали»¹⁴. Ак-Кубек был двоюродным братом Касима – сыном Муртазы, который, как мы помним, долгое время являлся правите-

лем княжества Тюменского. Скорее всего, именно через Тюмень первоначально и установились связи претендента на астраханский престол с адыгами. В данном случае речь идет наверняка о кабардинцах. Именно они в первую очередь имели возможность организовать поход на Астрахань для возведения на престол свойственника одного из своих князей¹⁵. Свержение лояльного султану Касима демонстрирует и внешнеполитическую ориентацию поддержавших Ак-Кубека кабардинцев; уничтожение Касима и его сторонников было по отношению к Сулейману враждебным актом. М.Г. Сафаргалиев, думается, был неправ, утверждая, что с воцарением Ак-Кубека в Астрахани стали хозяевами черкесы¹⁶. В летописном известии специально уточняется, что они «пошли прочь» после возведения Ак-Кубека на престол. В пользу того же свидетельствует и кратковременность правления Ак-Кубека: уже в 1533 г. он был свергнут – вероятно, ногаями, – и ханом стал Абдул-Рахман¹⁷. В 1537 г. ногаи сместили его и сделали ханом Дервиш-Али, но уже с 1539 г. летописи вновь называют Абдул-Рахмана «царем астраханским»¹⁸.

Именно с вмешательством кабардинцев в астраханские дела следует, как нам кажется, связывать большой поход ногаев против черкесов весной 1535 г. В материалах русско-ногайских отношений имеется грамота от русского посла в Ногайской Орде Д. Губина, привезенная в Москву 2 мая 1535 г.; в ней, в частности, сообщается, что «Кошум мурза, и Мамай мурза, и Смаил мурза, и Келмагмет и Урак и все мелкие мурзы, собравши людей, сказали, пошли черкас воевать»¹⁹. Ногайские посольские книги за 1510–1533 гг. не сохранились, так что мы не знаем, был ли это первый ногайский поход на адыгов, или такие походы уже предпринимались раньше. Но свержение посаженного черкесами Ак-Кубека и нападение на черкесов менее чем двумя годами позже, несомненно, связаны между собой. События начала 30-х годов в Астрахани показывают, что кабардинцы поддерживали контакты с определенными группировками в Астраханском ханстве. Если предположить, что эти связи были установлены десятью годами раньше, то приведенное выше сообщение Ибн Ризвана о гибели Мухаммед-Гирея «в войне с черкесами» получает косвенное подтверждение.

В 1533 г. Сулейман I заключил договор с австрийским императором Фердинандом I Габсбургом о фактическом разделе Венгрии: Фердинанд и ставленник султана Янош Заполяи объявлялись равными по рангу правителями Венгрии²⁰. Хотя этот договор действовал недолго, он все же позволил султану временно ослабить свою активность в Европе и начать широкие наступательные операции на Ближнем Востоке. Захватив южный Азербайджан с Тебризом, османское войско в 1534 г. заняло Багдад. Правда, новый поход на Тебриз в следующем году не принес османам успеха: они были вытеснены шахом из Азербайджана. Однако в результате войны 1533–1536 гг. Ирак Арабский вошел в состав Османского государства²¹. В 1538 г. состоялся поход османского войска на Молдавию, явившийся результатом сложной дипломатической борьбы султана и польского короля за влияние в Молдавском княжестве. Поражение Молдавии в 1538 г. фактически поставило ее в положение зависимого от османов вассального государства, хотя формально независимость княжества не была ликвидирована. Отметим, что в походе 1538 г. участвовало и крымское войско²². Подчинение Молдавии султану означало, что османские владения вплотную соприкоснулись с землями польской короны и Великого княжества Литовского, а также Крымского ханства.

Сефевидское государство, не имевшее достаточно сил для мощного контрудара по османской территории, в открытой борьбе с Сулейманом I придержи-

валось оборонительной тактики. При этом оно воспользовалось наступившей в 1536 г. мирной передышкой и продолжало завоевания в Закавказье. В 1538 г. кызылбаши разбили войско ширваншаха и захватили Ширван. Первым беглярбеком (наместником) Ширвана стал брат шаха Тахмаспа Алкас-мирза²³.

Таким образом, под властью шаха оказались земли в непосредственной близости от территории Северного Кавказа, в том числе Дербент – ключевой пункт на северокавказском пути к Черному морю.

Состоявшийся вскоре крымско-османский поход на адыгские земли явно был призван противопоставить успехам кызылбашей расширение влияния Крыма и османов на Западном Кавказе. Поход подробно описан Реммал-ходжой, который сам принимал в нем участие. Приводится дата – 946 г. х. (19 мая 1539 – 7 мая 1540 гг.). Поскольку имеется указание, что войско Сахиб-Гирея вернулось в Крым за 4–5 месяцев до состоявшегося в октябре 1539 г. набега на Русь²⁴, нападение на адыгов можно точно датировать маем–июнем 1539 г. Поход был организован по распоряжению кафинского наместника Халиль-бея, сообщившего Сахиб-Гирею о нападении черкесов на османские крепости «Таманского острова» (т.е. полуострова)²⁵. Османский наместник предоставил хану суда для переправы войска через Керченский пролив в Темрюк, а также около сотни воинов-янычар. Ханское войско насчитывало около 40 тыс. человек. Как сообщает далее Реммал-ходжа, хан переправился через Кубань и прибыл к горе Хитибит (т.е. горе Тхаб), где к нему явился крымский вассал, правитель племени Жане Кансавук. Вероятно, эта зависимость установилась значительно раньше, в результате одного из предшествовавших походов на адыгские земли или была следствием подчинения адыгов ханам еще в 20-е годы XVI в. Обвинив адыгского правителя в потворстве нападению на османские крепости, Сахиб-Гирей согласился помиловать Кансавука лишь за выкуп в общей сложности в несколько сот невольников в пользу хана, султана и лично наместника Халиль-бея²⁶. От горы Тхаб войско Сахиб-Гирея двинулось вдоль «гор Эльбрус» (т.е. Большого Кавказского хребта), через 10 дней пути встретило черкесские селения («кабаки»), где был захвачен пленный, оказавшийся знаменитым разбойником. Пленный рассказал, что черкесы ждут прихода крымского войска и возвели неподалеку от берега Кубани укрепления: выкопали у самого обрыва рвы и забили в них колья. Черкес добровольно вызвался провести армию Сахиб-Гирея горными тропами в обход укрепления к селению Оргун. Оставив основные силы в срочно разбитом лагере, Сахиб-Гирей с 10 тыс. воинов двинулся дальше в горы. Еще через четыре дня крымское войско оказалось поблизости от черкесского селения, однако спуститься с высокого обрыва не удалось. Хан в ярости собственноручно расправился с проводником. Крымским беям с трудом удалось уговорить хана возвращаться: войско было истощено. Кроме того, угроза нападения ногаев требовала присутствия Сахиб-Гирея в Крыму. Пригрозив еще вернуться в эти места, хан с войском двинулся обратно²⁷.

Прибыв в Темрюк, хан получил обещанных Кансавуком рабов, а по возвращении в Крым отправил к султану гонца с известием о походе²⁸. Следовательно, султан явно был заинтересован в состоявшейся экспедиции. Войско Сахиб-Гирея продвинулось далеко вглубь адыгских земель – путь в одну сторону занял более двух недель. Локализовать упомянутое Реммал-ходжой селение Оргун пока не удастся, ясно только, что оно находилось на левом берегу Кубани. Учитывая продолжительность похода, можно высказать предположение: удар намечалось нанести по кемиргоевцам или бесленеевцам. Как бы то ни было, своей цели по-

ход не достиг. Правитель племени Жане Кансаук (Кансавук) – отец известного с 1552 г. по русским летописям жанеевского князя Сибока Кансаукова. Жанеевская княжеская фамилия Кансауковых и в дальнейшем неоднократно упоминается в русских источниках²⁹.

Через несколько месяцев после возвращения из Черкесии, как уже было сказано, крымский хан организовал нападение на русские земли. Во главе войска он поставил своего сына Эмин-Гирея. Летописи сообщают, что Эмин-Гирей пришел под Каширу в конце октября 1539 г., русские воеводы бились с ним, но «царевичу» все же удалось захватить много пленных³⁰. Набег на Русь подробно описывает и Реммал-ходжа³¹. В фонде Литовской Метрики сохранилось письмо Сахиб-Гирею от короля Сигизмунда, который выражает хану благодарность за то, что тот «хотячи... знамя братское приязни своею нам оказати, сына своего Емин-Кгерей з войском у землю того неприятеля нашего Московского воевати послал»; письмо датировано 10 января 1540 г.³² Последующие события также показывают, что на рубеже 30–40-х годов крымское наступление на русские земли продолжалось при поддержке Сигизмунда. Летом 1541 г. Сахиб-Гирей предпринял новый поход на Русь – на этот раз целью был захват Москвы. Войско было собрано огромное. Летописцы сообщали, что «с царем... многих орд люди, Турского царя люди, и с пушками и с пищалями, да из Нагай Бакий-князь с многими людьми, да Кафинцы, и Азтороканцы, и Азовцы, и Белгородцы»³³. Литовские силы в походе не приняли участия, но поощрение его королем не вызывает сомнений: вскоре после похода был заключен договор между Сигизмундом и Сахиб-Гиреем, причем последний обязался вернуть королю утерянные им русские города. Как раз во время похода на Русь, в июле 1541 г., Сигизмунд запретил наместникам Киева и Черкасс нападать на крымские земли³⁴. Активное участие в подготовке крымского похода и в самом походе принимал бежавший в 1534 г. из Москвы авантюрист князь С.Ф. Бельский. Кстати, еще весной 1537 г. русский посол сообщил из Крыма, что Бельский обязался служить султану, и тот обещал ему поддержку в борьбе против Руси³⁵. Известна также переписка Бельского с Сигизмундом 1540–1541 гг.: король благодарит князя за услуги, оказанные последним в борьбе против Русского государства³⁶. Как уже отмечалось, официально между Русью и Великим княжеством Литовским в 1522 г. было заключено перемирие, продлевавшееся затем в 1526, 1533, 1537, 1542 и 1549 гг. Система перемирий существовала вплоть до Ливонской войны и в рассматриваемое нами время прерывалась только конфликтом 1534–1537 гг.³⁷ Однако перемирие означало, что у сторон оставались друг к другу претензии, и король, как видим, продолжал вести закулисную борьбу против Руси. Поход на Москву 1541 г. провалился. Реммал-ходжа отметил, что причиной тому был заговор Бакы-бея против Сахиб-Гирея³⁸. Русские летописи сообщают, что хан был вынужден отступить из-за урона, нанесенного крымскому войску русской артиллерией³⁹. Вероятно, хан не сумел должным образом использовать османскую артиллерию.

Русско-османские дипломатические контакты, как уже говорилось, со второй половины 20-х годов ослабевают и сводятся лишь к обмену формальнодружественными, но ни к чему не обязывающими грамотами, привозимыми обычно османскими купцами. Последние не имели никаких дипломатических поручений и лишь вручали послания султана. С ними же султану отправлялись из Москвы ответные грамоты великого князя. «Турецкие дела» русских архивов содержат данные о приездах османских купцов в 1532, 1542, 1544, 1549, 1550, 1554 гг.⁴⁰ По неизвестным причинам в посольской книге имеется перерыв за 1533–1541 гг.

Между тем, по данным летописей, приехавший в 1538 г. купец Андриан привез грамоту султана с напоминанием о том, что великий князь Иван IV до сих пор не прислал своего посла «о любви и о добром согласии». Вскоре в Стамбул отправился Ф.Г. Адашев, вернувшийся в 1539 г. с ярлыками «о дружбе и братстве». О посольстве Ф. Адашева упоминается и в делах посольства к султану И.П. Новосильцева (1569 г.)⁴¹. Посольство Ф. Адашева, по-видимому, имело столь же формальный характер, как и все последующие сношения с султаном. Однако ясно, что Сулейман заботился о том, чтобы официальные отношения с Москвой внешне были дружественными.

К 30-м – началу 40-х годов XVI в. относится ряд документов турецких архивов, связанных с упрочением османского влияния в Северном Причерноморье, в том числе и на Западном Кавказе. Материалы управления финансовыми делами османских крепостей (датируемые 1525–1543 гг.) показывают, что Кафа, Тамань, Копа (Темрюк?) были центрами османо-адыгской торговли, причем адыги продавали в основном ткани, мед, икру, а также рабов, а покупали скот, зерно, фрукты, вина⁴². Азов в отличие от названных городов был местом торговли с Астраханью, ногаями. В относящихся к Азову документах адыги не упоминаются⁴³. Это подтверждает, что в первой половине XVI в. адыгских поселений в Приазовье уже не было. Сохранившиеся реестры доходов и расходов всех османских владений в этом районе, составленные один не позднее 1519 г., другой в 1542 г., позволяют сопоставить по некоторым пунктам бюджет колоний конца второго десятилетия и начала 40-х годов XVI в. Один из таких показателей – доходы с местностей Западного Кавказа. Первый реестр дает общую цифру 95 тыс. османских аспров, а второй отдельно фиксирует доходы Тамани – 53 219 аспров и доходы от продажи зерна, скота и налогов на черкесские товары (31 073 аспра)⁴⁴. При этом в 40-е годы появились новые статьи доходов и расходов: жалованье «черкесским беям» и подушная подать с черкесов (ежегодная сумма подати 34 692 аспра)⁴⁵. Таким образом, структура бюджета за 20 лет существенно меняется. Доходы от торговли, по-видимому, сокращаются, что свидетельствует об уменьшении объема внешней торговли адыгов в условиях усиления крымско-османского влияния. Включение же новых статей бюджета, не отмеченных в первом реестре, с торговлей не связано. Очевидно, они появились позже 1519 г., а введение их в бюджет османских владений связано с подчинением крымской и османской власти значительной части адыгов.

В 1545 г. крымский хан предпринимает новое широкомасштабное наступление на земли адыгов. В начале октября в Крым прибыл русский гонец Беляк Кийков. Он сообщил в Москву, что «царя в те поры в Крыме не было, ходил на Черкас на далних на Хабартку на Пятигорских, и стоял в те поры идучи назад из Черкас у перевоза против Керчи, затем что было возити нельзе, ветры велики»⁴⁶. Кроме того, Кийков рассказал, что в Крыму находился литовский посол, приехавший «безо царя, как ходил на ближних Черкас, в великое говенье за три недели до велика дни год будет»; этого посла хан отпустил, «идучи сего лето на далних Черкас на Хабартку»⁴⁷. Таким образом, Сахиб-Гирей дважды за один год был в походе на адыгов – весной и осенью 1545 г., в первом случае – на западных адыгов («ближних Черкас»), во втором – на кабардинцев. Подробное описание походов на жанеевские земли и Кабарду имеется у Реммал-ходжи, но оно не датировано. Х. Иналджык и О. Гекбильгин по не вполне ясным соображениям датируют поход на жанеевцев один 1543 г., другой – 1542⁴⁸. Между тем на сведения русских архивов впервые ссылалась Е.Н. Кушева еще в 1950 г.⁴⁹ Поскольку канва

событий совпадает с рассказом Реммал-ходжи, есть все основания считать, что речь идет об одних и тех же событиях.

По сообщению Реммал-ходжи, поводом для нового похода на жанеевцев послужило опять же письмо кафинского наместника, известившего Сахиб-Гирея об отказе Кансаука (Кансавука) прислать султану установленное количество невольников. Хан немедленно двинулся к Керчи, где наместником уже было приготовлено 300 грузовых судов для переправы через пролив. В составе ханского войска были янычары, вооруженные огнестрельным оружием, и артиллерия⁵⁰. Как сообщили хану, черкесы подготовились к приходу крымского войска, разделили свои 10-тысячные военные силы на несколько частей и собрались в укрепленных местах, подходы к которым защищали рвы со вбитыми в дно кольями. У дорог черкесами были расставлены засады. Удар Сахиб-Гирея по жанеевцам был успешным, решающую роль сыграла артиллерия, с помощью которой адыгское войско было рассеяно⁵¹. Кансауку с небольшим обрядом удалось скрыться. После этого больше двух месяцев продолжалось разорение жанеевских земель и охота за пленными, которых захватили несколько тысяч. По возвращении в Крым Сахиб-Гирей, как и в 1539 г., известил султана о результатах похода⁵².

Некоторое время спустя, согласно рассказу Реммал-ходжи, в Крым приехал кабардинский правитель по имени Элбозду. Имя этого князя в форме «Елбозду, Албуздуй» хорошо известно по русским источникам⁵³. Кабардинский князь, по его словам, потерпел поражение в борьбе со своим двоюродным братом и вынужден был бежать из Кабарды. Теперь он обращался к хану с просьбой помочь ему вернуться к власти. Сам Элбозду вызвался быть проводником⁵⁴. Воспользовавшись случаем, Сахиб-Гирей вновь собрал войско в 60–70 тыс. человек, включившее и янычар, и двинулся через Азов степями на Кабарду. Элбозду выбрал для нападения удобный момент – приближалось время жатвы, когда, как он рассказал, множество кабардинцев приходит под охраной воинов в определенный район собирать урожай. Кроме кабардинцев, сообщил князь, в этой же местности собирают урожай со своих полей и люди племени бжедуг. Речь идет о западноадыгском племени бжедугов. Эвлия Челеби дает сходное написание этого этнонима – «бузудук»⁵⁵. Около восьми дней потребовалось крымскому войску, чтобы дойти до указанной Элбозду местности. Кабардинцев удалось застать врагсплох, но бжедуги, насчитывавшие 10 тыс. человек, узнали о нападении заранее и решили пойти на хитрость – начать переговоры с ханом, а ночью напасть на крымский лагерь. Войско Сахиб-Гирея расположилось, по словам Реммал-ходжи, у реки Белх (Балк, нынешней Малки). Свой план бжедугам осуществить не удалось, так как хан с помощью Элбозду разгадал их замысел. Ночная атака на лагерь Сахиб-Гирея закончилась разгромом бжедугов, хотя Реммал-ходжа особо отмечает их стойкость и отвагу⁵⁶. Как нам известно из сообщения русского гонца, возвращался Сахиб-Гирей с войском и пленными через Темрюк и Керчь, а значит, через западноадыгские земли, которые почти наверняка вновь подверглись разорению. Итак, в 1545 г. был нанесен сильный удар как по западным адыгам (жанеевцам и бжедугам), так и по кабардинцам. Инициатива весеннего похода принадлежала султанской администрации. Действия кабардинского князя Элбозду были типичны для мелких средневековых владетелей, не выбиравших средств в борьбе за власть. У этого князя, согласно позднейшим родословным, было два двоюродных брата – Конук (Конуко) и Елбутдуко⁵⁷. Кто из них в 1545 г. одержал верх над Элбозду, неизвестно. Весьма любопытно сообщение Реммал-ходжи о ежегодном приходе бжедугов в Кабарду для ведения полевых работ.

Согласно более поздним данным, бжедуги жили в горах южнее хатукаевцев, т.е. на значительном расстоянии от Кабарды. Дважды в год отправляться туда для весеннего сева и осеннего сбора урожая бжедугов заставляла, вероятно, нехватка пахотных земель в тех местах, где они жили постоянно.

В 1546–1547 гг. вновь вспыхивает борьба вокруг Астрахани. У Реммал-ходжи говорится, что «Ямгурчи напал на Ак-Кубека, хана астраханского, и захватил титул хана»⁵⁸. О том, что Ак-Кубек уже в 1545 г. опять был астраханским ханом, нам известно из русских источников⁵⁹. Есть сведения, что черкесы теперь поддерживали не его, а Ямгурчи – в 1551 г. один из ногайских мурз писал в Москву, что Ямгурчи, как когда-то Ак-Кубек, черкесам «в свойстве учинился», и они «ему братство учинили, юрт его взяв дали ж, добр деи»⁶⁰. Получив известие о свержении Ак-Кубека, Сахиб-Гирей двинулся с войском на Астрахань и захватил ее. Главную роль сыграло применение ханом артиллерии⁶¹. Ямгурчи спасся бегством. В письме Ивану IV, полученном в декабре 1547 г., Сахиб-Гирей сообщал: «На недруга своего на Астраханского ходили есмя, и... взяли есмя, и юрт его хотели есмя держати, да затем покинули, что место недобро. И мы того для людей их и улусов их там не оставили, всех пригонили к себе»⁶². Разгром Астрахани и вывод ее жителей в Крым вызвали резкое недовольство ногаев, которые прислали гонца к Сахиб-Гирею «с тем, про што деи еси Астрахань разорил, мы, деи, и преж тобе Астрахань взяли, да не розорили»⁶³. Вскоре после возвращения Сахиб-Гирея из Астрахани ногаи, по сведениям Реммал-ходжи, напали на Крым, но были отбиты⁶⁴.

Нападение ногаев на Крым было следствием разорения Сахиб-Гиреем Астрахани. Упоминание о взятии ногаями Астрахани «преж» Сахиб-Гирея дает основание полагать, что именно с их помощью Ак-Кубек в середине 40-х годов вновь занял ханский престол. Кто правил Астраханью сразу после разгрома 1547 г., неизвестно, но около 1550 г. там вновь воцарился Ямгурчи. Русскому послу Н. Суццеву, прибывшему к великому князю литовскому в начале 1553 г., был дан наказ сообщить: «Тому три года минуло, как Астрахань взяли государя нашего казаки; а царь астраханский Ямгурчей из Астрахани ушел был в Черкасы, да из Черкас присылал государю нашему бити челом, чтоб его государь пожаловал, посадил опять на Астрахани. И государь его пожаловал, посадил опять на Астрахани»⁶⁵. В летописях также отмечено, что осенью 1551 г. в Москву прибыли послы от Ямгурчи, просившие посадить его в Астрахани в качестве вассала Ивана IV, и их просьбу удовлетворили⁶⁶. Впрочем, уже в 1554 г. Ямгурчи стал союзником Крыма и был свергнут русским войском. Это явилось первым этапом присоединения Астраханского ханства к Русскому государству. Бегство Ямгурчи к черкесам в 1550 г. (очевидно, в Кабарду) подтверждает, что именно они помогли ему тремя годами раньше свергнуть Ак-Кубека.

Согласно данным Реммал-ходжи, Сахиб-Гирей после взятия Астрахани сразу вернулся в Крым. Однако в уже цитировавшемся нами письме хана Ивану IV после сообщения о разгроме Астрахани говорится. «И как оттоле пошли есмя назад в свою землю, и заходили есмя на Кабантерские черкасы да и дань есмя на них положили и взяли дань, а опосле того ходили есмя на Кайтаки, да и тех есмя данщики учинили, и дань с них взяв слава Богу и в свое государство пришли есмя»⁶⁷. Поход на Кабарду и «кайтаков» (т.е. Кайтагское владение в Дагестане) Е.Н. Кушева относит к 1547 г.⁶⁸ Эту дату можно уточнить. Реммал-ходжа отмечает, что известие о смерти казанского хана Сафа-Гирея (умер в марте 1549 г.) было получено в Крыму в 956 г. х. (30 января 1549 – января 1550 г.), «на третий

год после разгрома ногаев»⁶⁹. Следовательно, ногаи напали на Крым в начале 1547 г. В этом случае взятие Астрахани Сахиб-Гиреем относится к 1546 г., а последующий поход на Северный Кавказ можно довольно точно датировать концом 1546 г. Сахиб-Гирей сообщил о нем в Москву только в конце следующего года из-за перерыва в русско-крымских отношениях с января по декабрь 1547 г., который зафиксирован в крымских посольских книгах. Отсутствие сведений о кабардинском походе 1546 г. у Реммал-ходжи объясняется, вероятнее всего, тем, что он не участвовал в этой экспедиции.

Во второй половине 40-х годов XVI в. возобновляется осmano-иранская борьба в Закавказье. В 1546 г. шах Тахмасп двинулся с войском на земли Грузии. В ответ на это султан Сулейман вскоре предпринимает поход на Азербайджан, во время которого был занят Тебриз. Поход 1548–1549 гг. явился очередным этапом осmano-иранских войн и привел к отторжению османами новых территорий в Закавказье. Так, на захваченных землях Самцхе-Саатабаго был создан Грузинский вилайет, ставший плацдармом для дальнейшего продвижения в Грузию⁷⁰. Однако Сахиб-Гирей отказался предоставить султану крымское войско для участия в войнах против Ирана, мотивируя это ослаблением боевой мощи Крыма после столкновения с ногаями. Как указывает Реммал-ходжа, отказ имел роковые последствия для Сахиб-Гирея: это было одной из причин смещения хана с престола и убийства его по приказу султана в 1551 г.⁷¹

Поход Сахиб-Гирея на Кабарду 1546 г. не привел к закреплению власти Крыма над ней. Уже летом 1549 г. сторонник Москвы ногайский мурза Исмаил писал Ивану IV, что «Тюмень и Черкасы Кабартейские нам здалися»⁷². Подчинившись ногаям, кабардинцы, скорее всего, рассчитывали на защиту от крымских набегов.

В 1551 г. состоялся поход Сахиб-Гирея на западных адыгов, организованный по приказу султана. Поводом явилось, по словам Реммал-ходжи, нападение черкесских правителей Эльока (вероятно, Алегука) и Антанука, сыновей Джанбека, на османских подданных под Азовом. Реммал-ходжа приводит гордые речи одного из братьев: «Хан, говорят, идет грабить нас, но мы поведем себя не как жанеевцы и кабардинцы. Он силен своими пушками, а мои пушки и пищади – крутые горы и быстрые кони»⁷³. Во-первых, здесь уместно вспомнить слова С. Герберштейна о черкесах: «Полагаясь на неприступность гор, они не подчиняются ни туркам, ни татарам»⁷⁴. Во-вторых, из приписываемых Реммал-ходжой адыгскому князю слов ясно, что речь идет не о жанеевцах и не о кабардинцах. В другом месте автор прямо называет Алегука и Антанука «дети Хантука (Хынтыка)»⁷⁵. Не вызывает сомнений, что «Хантук – Хынтык» Реммал-ходжи и «Хундуг» русских источников XVII в. – одно и то же. Как было доказано Е.Н. Кушевой, этот этноним обозначает западноадыгское племя Хатукай⁷⁶.

Ожидая прибытия крымского войска, князя Алегук и Антанук со своими людьми скрылись в горах Бужадук (т.е. в земле бжедугов). Подчеркнем, что Реммал-ходжа везде четко различает людей Алегука (хатукаевцев) и бжедугов⁷⁷. На четвертый день похода войска Сахиб-Гирея пришло в те места, адыгское укрепление было окружено и захвачено после ожесточенного сражения. Антанук попал в плен, селения адыгов хан приказал сжечь⁷⁸. Таким образом, кроме хатукаевцев, в 1551 г. удар был нанесен и по бжедугам.

Всеми исследователями было принято утверждение В.Д. Смирнова о том, что в 1551 г. состоялся поход на племя Жане⁷⁹. Точной ссылки на источник автором не дано, но основной фактический материал по истории правления Сахиб-Гирея он черпал из хроники Реммал-ходжи. Поэтому в свое время автор настоящей работы счел упоминание В.Д. Смирновым названия «Жане» недоразумением⁸⁰.

Как оказалось, дело обстоит сложнее, поскольку В.Д. Смирнов в данном случае предпочел рассказу Реммал-ходжи версию другого источника – сочинения Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет в известиях о царях татарских» (первая половина XVIII в.). В этом труде как раз и говорится о том, что Сахиб-Гирей получил от султана приказ «идти войной на племя Жане Черкесского рода»⁸¹. Такая традиция представлена и в некоторых других источниках, в частности, в цитированной О. Гекбильгином анонимной рукописи конца XVIII в. по истории Крыма, хранящейся в Париже⁸². В известном сочинении Халим-Гирея «Розовый куст ханов» (начало XIX в.), впрочем, вообще почти отсутствуют подробности похода на черкесов⁸³. Из всех перечисленных хроник труд Реммал-ходжи является древнейшим. Риза, к примеру, имел его в числе своих источников. Кроме того, уже говорилось, что рассказ Реммал-ходжи – это в большинстве случаев рассказ очевидца. Название Жане – ближайшего к Крыму адыгского племени – хорошо известно многим крымским авторам, но названия, приводимые Реммал-ходжой, не встречаются ни в каких иных крымских источниках. Предполагать, что он их просто выдумал, нет оснований, поскольку они переданы максимально точно По-видимому, должным образом оценить сведения Реммал-ходжи по истории Западного Кавказа В.Д. Смирнову не позволила слабая изученность истории адыгов в прошлом веке. Данные «Истории Сахиб-Гирай хана» о походе 1551 г., несомненно, заслуживают доверия.

Поход 1551 г. оказался роковым для Сахиб-Гирея. В отсутствие хана из Стамбула по приказу Сулеймана прибыл племянник Сахиб-Гирея Девлет-Гирей и провозгласил себя крымским ханом. По возвращении из Черкесии Сахиб-Гирей был убит. Однако в отношениях с соседями Девлет-Гирей продолжал политику своего предшественника.

К началу 50-х годов XVI в. в Восточной Европе происходят серьезные перемены, связанные с борьбой Русского государства против Казанского ханства. В ней принимали активное участие Крымское ханство, Ногайская Орда, Османское государство. Крымский хан стремился помешать переходу Казани под власть Москвы. Дипломатическая борьба и военные действия периода Казанской войны (1545–1552 гг.) основательно изучены советскими историками⁸⁴, и останавливаться на них нет необходимости. Укажем только, что сообщение «Казанской истории» об участии черкесов во взятии Казани в 1552 г., принятое, в частности, Ч.Э. Кардановым⁸⁵, не соответствует действительности. Как отметила комментировавшая данный источник Г.Н. Моисеева, разряд войск, отправленных, согласно «Казанской истории», под Казань, соответствует не событиям 1552 г., а времени Ливонской войны. В этом источнике, созданном в 60-х годах XVI в., в силу политических соображений (казнь многих участников казанского похода и т.д.), многие факты даны по реальности 60-х годов⁸⁶.

Показателем укрепления международного положения Русского государства на рубеже 40–50-х годов XVI в. было прибытие в Москву в 1552 г. посольства Сейид-Хосейна от иранского шаха. По сохранившимся неполным сведениям, целью посольства было установление дипломатических отношений с Россией⁸⁷. Если приводившееся выше сообщение крымского хана Мухаммед-Гирея султану о прибытии в 1521 г. в Москву иранского посла соответствует действительности, то первые шаги к установлению русско-иранских связей были сделаны еще отцом шаха Тахмаспа Исмаилом.

Успехи Русского государства в борьбе с Казанью и Крымом сопровождалось обращением ряда адыгских князей в Москву с просьбой принять их «на службу» к Ивану IV. Первое посольство от западноадыгских племен Жане, Бесленей и, воз-

можно, некоторых других прибыло в Москву в ноябре 1552 г. Отправилось оно, следовательно, еще до падения Казани 2 октября этого года. Следующие посольства – 1555 и 1557 гг. от кабардинцев и западных адыгов вновь продемонстрировали решение значительной части адыгов ориентироваться на Русское государство⁸⁸. Адыгским посольствам в Москву, скорее всего, предшествовали какие-то первоначальные переговоры. Можно предположить, что контакты адыгов с Москвой были установлены через ориентировавшихся на Русь ногайских правителей. В пользу этого говорит факт подчинения кабардинцев ногаям в 1549 г. Кроме кратких сообщений летописей, в распоряжении исследователей нет материалов, позволяющих судить о деталях русско-адыгских переговоров в Москве. Известно только, что речь шла о защите от крымских набегов. Некоторые предположения все же высказать можно. Весьма вероятно, что одним из важных моментов переговоров было предоставление адыгам огнестрельного оружия. Как отмечалось в настоящей работе, решающий перевес в силах крымскому войску над адыгами (как и, скажем, над астраханским ханом в 1546 г.) давало обладание именно огнестрельным оружием и артиллерией⁸⁹. Получены они были ханом от султана. Единственным путем приобретения такого оружия для адыгов было обращение к России. Оружие являлось «заповедным товаром» во внешней торговле Русского государства, для его покупки нужна была санкция правительства. Известно, что огнестрельное оружие поставлялось из Москвы в середине XVI в. в Ногайские орды⁹⁰. Возможно, полученная от ногаев информация сыграла свою роль в решении адыгских правителей обратиться к Ивану IV. Во всяком случае, известно, что помощь адыгам в борьбе против Крыма была оказана русским правительством сразу же после заключения русско-адыгского договора⁹¹.

Анализ событий 30-х – начала 50-х годов XVI в. показывает, что Крымское ханство и Османское государство неуклонно наращивали силу и масштабы наступления на адыгов. Походы Сахиб-Гирея явились в данный период вершиной наступления на Западный Кавказ. Последовавшее в 50-е годы обращение адыгов к Русскому государству с просьбой о покровительстве изменило положение этих народов перед лицом крымской и османской агрессии. С того времени история адыгов становится все более связанной с историей России.

Примечания

1. *Каргалов В.В.* На степной границе. М., 1974. С. 80–93.
2. *Маркс К.* Хронологические выписки. Арх. Маркса и Энгельса. Т. 8. С. 163.
3. *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III. Изд. 1948. Т. 27. С. 65–66.
4. TSGH. S. 20; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 404; РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 352.
5. ПСРЛ. Т. XIII. С. 82–83; Т. XXIX. С. 12.
6. РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 419–421 об.
7. КСАМРТ. Р. 124–125, 127–129.
8. РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 360, 402 об.
9. Там же. Кн. 6. Л. 315.
10. Там же. Кн. 7. Л. 58 об.
11. КСАМРТ. Р. 119–120.
12. РГАДА. Ф. 123. Кн. 6. Л. 314 об., 317 об.
13. ПСРЛ. Т. VIII. С. 279; Т. XIII. С. 60–61; Т. XX. С. 413.
14. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 12, 90, 197 об.; ПДРВ. СПб., 1793. Ч. VIII. С. 229, 317; Ч. IX. С. 110.

15. См.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI в. – 30-е годы XVII в. М., 1963. С. 187.
16. *Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве. Сборник статей преподавателей. Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 1952. С. 42.
17. ПСРЛ. Т. VIII. С. 284; Т. XIII. С. 72, 115; Т. XX. С. 441.
18. ПСРЛ. Т. XIII. С. 120, 130, 134, 143; Т. XX. С. 444, 451, 454, 457, 461; Т. XXIX. С. 31, 35, 37.
19. РГАДА. Ф. 127. Кн. 2. Л. 63 (ПДРВ. Ч. 7. С. 244).
20. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 204.
21. *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 1. Л., 1963. С. 91; *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. С. 259.
22. *Гонца Г.В.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 97–104.
23. *Эфендиев О.А.* Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку, 1981. С. 79.
24. TSGH. S. 46.
25. Ibid. S. 35–36.
26. Ibid. S. 38–39.
27. Ibid. S. 40–43.
28. Ibid. S. 44, 45.
29. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 150, 205.
30. *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 93.
31. TSGH. S. 46–50.
32. Литовская Метрика. РИБ. Юрьев, 1914. Т. 30. Стб. 59.
33. ПСРЛ. Т. XIII. С. 100–101; Т. XX. С. 457; Т. XXIX. С. 40, 135.
34. РИБ. Т. 30. Стб. 77–79, 82–83; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. СПб., 1863. С. 109–111.
35. РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 415–415 об.
36. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб., 1848. С. 372–378.
37. Очерки истории СССР. Период феодализма: Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 153–154.
38. TSGH. S. 63–66.
39. *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 94–100.
40. *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. С. 91–92; РГАДА. Ф. 89. Кн. 1. Л. 341–342, 365–366 об., 386–389, 393–394 об., 400 об. – 404.
41. ПСРЛ. Т. XIII. С. 122, 126, 131; Т. XX. С. 446, 449, 452; Т. XXIX. С. 32, 34, 36; Т. XXXIV. С. 181 – ошибочно под 1547 г.; РГАДА. Ф. 89. Кн. 2. Л. 4; см. также: СИРИО. Т. 59. С. 163.
42. *Berindei M., Veinstein G.* Règlements de Süleyman I concernant le liva' de Kefe. CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1. P. 63, 66–67, 76, 79–80.
43. *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottoman. Turcica. P.; Strasbourg, 1976. T. VIII-2. P. 147, 156.
44. *Berindei M., Veinstein G.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. CMRS. 1979. Vol. XX. № 3–4. P. 418.
45. Ibid. P. 417.
46. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 15. об. – 16.
47. Там же. Л. 28; см. также Л. 56.
48. *Inalcık H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: the Crimean Khanate under Sahib Giray I. HUS, 1979–1980. Cambridge, 1980. Vol. 3–4. Pt. 1. P. 448, 459, 463; *Gökbilgin Ö.* 1532–1577 yılları arasında Kırım Hanlığının siyasî durumu. Ankara, 1973. S. 24. (Далее: 1532–1577 yılları).
49. См.: *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. ИЗ. 1950. Т. 34. С. 254; *Она же.* Народы Северного Кавказа... С. 201–202.
50. TSGH. S. 72–73.
51. Ibid. S. 76.
52. Ibid. S. 82.
53. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 202–203, 205.

54. TSGH. S. 88–89.
55. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. М., 1982. Вып. 3. С. 52.
56. TSGH. S. 89–93.
57. КРО. Т. I. С. 383.
58. TSGH. S. 97.
59. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 27 об.
60. Там же. Ф. 127. Кн. 4. Л. 90 (ПДРВ. Ч. VIII. С. 317).
61. TSGH. S. 103.
62. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 57.
63. Там же. Л. 53.
64. TSGH. S. 106–113.
65. СИРИО. Т. 59. С. 375–376.
66. ПСРЛ. Т. XIII. С. 170; Т. XX. С. 487; Т. XXIX. С. 166.
67. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 57 об.
68. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 187.
69. TSGH. S. 119.
70. *Новичев А.Д.* Указ. соч. С. 91; *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П.* и др. Указ. соч. С. 259.
71. TSGH. S. 113–118.
72. РГАДА. Ф. 127. Кн. 3. Л. 90, в подлиннике ошибочно л. 100 (ПДРВ. Ч. VIII. С. 127–128).
73. TSGH. S. 122.
74. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 181.
75. TSGH. S. 124.
76. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 137–138.
77. TSGH. S. 125, 128, 129.
78. Ibid. S. 128–131.
79. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 421.
80. *Некрасов А.М.* Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав Русского государства в первой половине XVI в. ИСКНЦВШ. 1985. № 4. С. 50.
81. *Сейид Мухаммед Риза*. Ассерб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832. С. 95. См. также: Précis de l'histoire des khans de Crimée. Nouv. J. Asiaticque. Ser. 2. 1833. Т. 12. Р. 370.
82. *Gökbilgin Ö.* 1532–1577 yılları. S. 35. О рукописи см.: Bibliothèque Nationale. Catalogue des manuscrits turcs par E. Blochet. P., 1933. Т. 2. Р. 379–380.
83. *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân. İstanbul, 1327 (1911). S. 45–46.
84. См.: *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-х годах XVI в. Учен. зап. Саратов. ун-та. 1956. Т. 47. С. 185–200; *Шмидт С.О.* Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и Казанская война ТЧНИИ. 1977. Вып. 71. С. 25–62; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 186–194.
85. Казанская история. М.–Л., 1954. С. 124; *Карданов Ч.Э.* У истоков дружбы. Нальчик, 1982. С. 57.
86. См.: Казанская история. С. 9–10, 187–188.
87. См.: *Новосельцев А.П.* Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 448; *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976. С. 39; см. также: РГАДА. Ф. 89. Кн. 1. Л. 405 об. – грамота Ивана IV Сулейману, отправленная в 1555 г. с купцом Мустафой Челеби: царь уверяет султана, что шахское посольство им принято не было.
88. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 202–206, 231–233.
89. На это обратил внимание Х. Иналджык, см.: *Inalcık H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: the Crimean Khanate under Sahib Giray I. P. 458–461.
90. См.: *Кочеев Б.А.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 84–85.
91. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 203–204.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрены различные вопросы международного положения адыгов на протяжении почти 75 лет. Анализ обширного фактического материала позволяет сделать следующие заключения. Адыгские народы в последней четверти XV – первой половине XVI в. играли заметную роль в международной жизни, являясь достаточно значимым элементом системы политических взаимоотношений государств восточноевропейского региона. Так, адыги активно способствовали разгрому Большой Орды на рубеже XV–XVI вв., неоднократно оказывали сопротивление крымской и османской агрессии.

На протяжении всего рассмотренного периода давление на народы Западного Кавказа со стороны крымских ханов и османских султанов усиливалось. Оно берет начало с середины 70-х годов XV в. и к середине XVI в. превращается в крупномасштабное наступление. Именно крымско-османская агрессия на Западный Кавказ явилась важнейшей предпосылкой обращения адыгов к Русскому государству. Восстановление прервавшихся после нашествия Батые русско-адыгских контактов было связано в первую очередь с образованием и укреплением Русского централизованного государства, в котором адыги видели силу, способную противостоять наступлению крымских ханов и османских султанов.

Непростым является вопрос о перспективах русско-адыгских отношений после обращения адыгов к Ивану IV, не все здесь можно оценить однозначно. Обращение адыгов к Русскому государству не означало их немедленного вхождения в состав России, что в особенности относилось к западным адыгам. Процесс этот был длительным и сложным. Существенную роль здесь сыграло то, что Россия в силу многих причин далеко не сразу реализовала свои возможности потенциального противостояния османской агрессии. При всем том, однако, адыгские посольства 50-х годов XVI в. в Москву, несомненно, открывают новый этап в истории адыгов. Определяющей тенденцией на этом этапе было неуклонное сближение с Русским государством.

В качестве одного из итогов настоящего исследования попытаемся сформулировать свою позицию относительно вопроса о характере османской политики в Восточной Европе. В литературе имеются, как было показано, полярные точки зрения: одна отрицает какое-либо участие османских султанов в восточноевропейской политике, другая, наоборот, не только признает это участие, но и предполагает наличие продуманного, тонко исполнявшегося плана османской экспансии в Восточную Европу. Представляется, что обе эти точки зрения одинаково односторонни и не учитывают всей сложности проблемы. Сводить все многообразие событий, касающихся османской политики, к одной формуле – значит упрощать дело. Учитывая отмеченную в работе тесную связь разных направлений политики султанов в Западной, Центральной, Юго-Восточной, Восточной Европе, на Ближнем Востоке, можно утверждать, что султаны не оставались безучастными наблюдателями в отношении восточноевропейских дел. Наоборот, открытое вмешательство османов в международную жизнь региона имело четко выраженные формы – это наступление на Польское и Молдавское государства, равно как и на Западный Кавказ. Политика Османского государства составляла единую линию, которую в самом общем виде можно обозначить как стремление избежать каких-либо помех наступлению

на главных направлениях – западноевропейском и ближневосточном. Однако единство здесь выражалось в первую очередь в общей агрессивной сущности внешней политики османов. Цели же, преследовавшиеся султанами в Средиземноморье, Центральной Европе, отнюдь не полностью совпадали с задачами их деятельности в Восточной Европе и в особенности на Кавказе. Здесь в рассматриваемый период султаны не стремились к каким-либо немедленным захватам территории, как, скажем, в Центральной Европе и на Востоке. Объективно существовавшая задача ослабления стран, которые потенциально могли помешать сосредоточению сил на главных направлениях, решалась путем укрепления контактов с существовавшими в Восточной Европе мусульманскими государствами, поощрения регулярных грабительских набегов. Они играли в отношении Руси и земель Великого княжества Литовского вплоть до XVII в. ведущую роль в плане ослабления этих стран. Это был также и путь постоянного приобретения массы невольников, занимавших важное место в социально-экономической и политической системе Османского государства. Именно здесь следует искать основу сближения внешнеполитических интересов султанов и крымских ханов.

С вопросом о характере османской политики в Восточной Европе тесно связан вопрос о крымско-османских отношениях. Здесь также следует избегать одностороннего подхода. Мы видели, что события 70-х годов XV в. означали коренное изменение положения Крымского ханства, вошедшего с тех пор в политическую систему Османского государства. Однако нет оснований считать, что в рассматриваемый период ханы неизменно являлись послушным орудием в руках султанов. Имеется достаточно примеров проведения ханами самостоятельного курса, подчас противоречившего инструкциям османских властей. При этом, как нам представляется, конечным целям султанов вполне соответствовала общая агрессивная направленность крымской политики, определявшаяся собственными интересами ханов. Другое дело, что в ряде конкретных случаев крымские правители не следовали в точности указаниям османов. В частности, нельзя назвать идентичными задачи крымской и османской политики на Западном Кавказе: крымские набеги ослабляли адыгов, однако ханы не имели здесь столь далеко идущих планов, как султаны, исходившие из потребностей борьбы с Сефевидами.

Нужно также иметь в виду и то, что конкретное осуществление общих целей османской политики находило вовсе не одинаковое воплощение в деятельности Мехмеда II, Баязида II, Селима I и Сулеймана I. Стремление увидеть в действиях всех названных султанов четко осознанное осуществление единой задачи наступления на Восточную Европу неизбежно влечет за собой серию гипотез, не находящих подтверждения в источниках.

Настоящее исследование позволяет обозначить некоторые перспективы дальнейшей работы. Необходимо всестороннее комплексное изучение места всех народов Кавказа в международных отношениях XV–XVI вв., а также выяснение многих моментов османско-иранской борьбы этого времени. Основой такой работы должно быть углубленное изучение кавказских (главным образом грузинских и армянских) и персоязычных источников.

Опубликовано: Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). Отв. ред. чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцев. М., 1990.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ КАК ПОГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН

Северное Причерноморье – особый регион Восточной Европы. Уникальное географическое положение издавна превращало его в своеобразный перекресток отношений разных народов, нечто вроде «моста», связывающего населенные с древности зоны Европы и Азии. Регион включает не только черноморское побережье и Крым, но также и тесно связанные с ними причерноморские степи. При этом нужно постоянно иметь в виду, что ситуация здесь всегда находилась в непосредственной зависимости от положения на Северном Кавказе и в Закавказье, а также в Западном и Южном Причерноморье. Поэтому выделение Северного Причерноморья в известной мере условно. Оно диктуется необходимостью как-то ограничить себя в поистине безбрежном историческом материале.

Начало интенсивным контактам цивилизаций в Причерноморье положила греческая колонизация берегов Понта Эвксинского, начавшаяся примерно с VIII в. до н.э. Активное освоение греками северного и северо-западного побережья в VII–VI вв. до н.э. приводит к возникновению многочисленных колоний-полисов, таких как Пантикапей (Боспор), Феодосия, Нимфей, Тиритака, несколько позднее Херсонес – в Крыму, а также Ольвия, Фанагория, Танаис и прочие вне Крыма. Крым же в силу своего особого расположения с самого начала становится как бы фокусом событий. Черноморские владения стали для греков окном в «варварский мир»: развиваются контакты со скифами, создавшими затем собственное государство, и позднее с постепенно вытеснившими скифов сарматами. В начале V в. до н.э. полисы Восточного Крыма и Таманского полуострова объединяются в Боспорское царство, которое достаточно успешно отражало натиск степных народов.

Одновременно с политической экспансией через греческие города идет активная торговля с местным населением, имевшая исключительно важное значение для экономики городов-метрополий Эллады. Шли и взаимные культурные контакты греков с местными народами.

На рубеже новой эры в Причерноморье утверждается римское влияние, опорой которого стал Херсонес. Самостоятельность Боспорского царства существенно ограничивается. Вывоз товаров, и в первую очередь продовольствия, из Причерноморья играет по-прежнему весьма важную роль¹. Владения в Причерноморье для римлян, как и для греков, были форпостом на границах варварского мира.

Ситуация в Причерноморье меняется с началом «великого переселения народов», которое открылось здесь появлением в III в. н.э. готов, а во второй половине IV в. – гуннов, разгромивших Боспорское царство². Натиск гуннов вытеснил готов в Крым, где их остатки влились в и без того разноэтничное (тавры, аланы, греки и др.) население Таврики³. Унаследовавшей римские традиции в Причерноморье Византийской империи пришлось идти на компромисс с гуннами, что и позволило ей сохранить свою власть над частью Крыма и Боспором. Факти-

чески центром византийских владений в этом регионе стал Херсонес (в средние века – Херсон). Здесь же, в Западном Крыму, византийцы строят крепости на местах старых аланских поселений – Алустон (совр. Алушта), Горзувиты (Гурзуф), Каламита, Мангуп и др. Укрепление византийского влияния сопровождалось активным распространением христианства в Крыму⁴.

Византия была крайне заинтересована не только в политическом влиянии на севере, но и в привлечении варварских отрядов на свою сторону в качестве наемников. Так, в VI в. солдат в византийскую армию поставляли жившие в Крыму готы⁵. Поскольку империи лишь изредка удавалось установить союзнические отношения с частью гуннов, византийские императоры стремились действовать через Боспор, по принципу «разделяй и властвуй», разжигая вражду между гуннскими племенами (утигурами, кутригурами, савирами и др.)⁶.

Первостепенное значение для Византии имел контроль над Причерноморьем и ввиду ее заинтересованности в широкой торговле с Востоком. Именно через Крым византийские купцы везли оттуда драгоценности, ткани, различные пряности. Проблема контроля над торговыми путями на Восток обострилась в VI в. с началом войн Византии с Сасанидским Ираном⁷. С древности пути доставки шелка из Китая шли через Иран, а в условиях политического противостояния с Сасанидами безопасность «Великого Шелкового пути» оказалась под угрозой. Поэтому Византия начинает искать иные пути на Восток, минуя Иран. Одним из них и стал путь через Северное Причерноморье и Кавказ. С конца VI в. трасса «Великого Шелкового пути» перемещается к северу: он идет теперь из Средней Азии через Нижнее Поволжье и Северный Кавказ к черноморскому побережью⁸.

В войнах с Ираном Византия заключила союз с Тюркским каганатом, в состав которого в I половине VI в. вошло и Причерноморье. Это на какое-то время обеспечило безопасность северных владений империи, однако действенной помощи византийцам в Причерноморье и на Кавказе тюрки оказать не могли: слишком далеко на Востоке находились основные владения каганата⁹.

В VII в. на юге Восточной Европы появляется новая политическая сила – Хазарский каганат. В его состав входят значительные территории, в том числе основная часть Крыма, Таманский полуостров. Обладание Крымом давало хазарам контроль и над кочевниками причерноморских степей (где движение народов продолжается)¹⁰. Экономическое могущество Хазарии опиралось на ее ключевые позиции в транзитной торговле между Западом и Востоком, и в первую очередь на обладание торговыми путями через Крым, Нижний Дон и Северный Кавказ. В период расцвета Хазарии (VIII–IX вв.) ее роль здесь была настолько велика, что одним из названий Черного моря в то время становится «Хазарское море». Лишь позднее, примерно с X в., это название переносится на Каспийское море, а Черное море все чаще именуется «Русским»¹¹.

Византия, занятая в VII–VIII вв. внутренними неурядицами и войнами с Ираном и Арабским халифатом, теряет влияние в Причерноморье¹². Оно ограничивается Херсонесом, который в это время выглядит скорее как отдаленная окраина, чем как форпост могущества империи на севере. Об этом свидетельствует, в частности, то, что Херсон регулярно становится местом ссылки опальных церковных и политических деятелей¹³. Власть в Херсоне византийская администрация в тот период делила с хазарским наместником – тудуном¹⁴. Вместе с тем контакты с хазарами играют важную роль в византийской политике. Так, сосланный в 695 г. в Херсон свергнутый император Юстиниан II, по свидетель-

ству византийских авторов¹⁵, вернулся в Константинополь, женившись в Крыму на сестре хазарского хакана. После вторичного утверждения на престоле он забрал из Крыма жену и сына. Правда, хазары не поддержали его в борьбе за возвращение престола, а были склонны скорее поддержать его соперника Тиверия Апсимара¹⁶.

Заинтересованность империи в союзе с Хазарией резко возросла в I трети VIII в. с началом арабо-византийских войн. Для Хазарии Арабский халифат стал тогда также опасным противником ввиду его активного стремления на Кавказ, где у хазар были собственные интересы¹⁷. На этой почве и происходит сближение хазар и византийцев. Около 732 г. союз был закреплен браком сына императора Льва III с дочерью хазарского хакана¹⁸. Впрочем, союз не был долговечным: после вытеснения хазар арабами из Закавказья каганат уже никак не выигрывал от византийской поддержки. Во второй половине VIII в. союз сменился враждой¹⁹.

В IX в. причерноморские степи заняли печенег. Их удары стали для Хазарии очередным после ее поражения в войне с арабами шагом к упадку. Постепенно ослабевают и власть хазар в Крыму, чем немедленно воспользовалась Византия для укрепления позиций в Херсоне²⁰.

Во второй половине IX в. ситуация в Причерноморье вновь меняется со складыванием Древнерусского государства. Политический баланс в Восточной Европе и, в частности, на юге ее претерпевает изменения. Речь идет о взаимоотношениях Руси с Хазарским каганатом и Византией.

Ряд отрывочных сведений позволяет предположить связь интересов Византии на Черном море с политикой формирующегося Древнерусского государства уже для первой половины IX в. В этом отношении показательным является прибытие в Константинополь в 838 г. русского посольства, зафиксированное «Бертинскими анналами»²¹. Византийские императоры вели сложную дипломатическую игру с Русью и Хазарией, пытаясь использовать противоречия между ними в своих интересах.

В 30-е гг. IX в. византийцы по просьбе хазар построили на Дону крепость Саркел, ставшую форпостом Хазарии на западе и угрожавшую, несомненно, Руси²². К этому времени стали отходить в прошлое времена, когда часть восточнославянских племен была подвластна Хазарии. Теперь Русь становилась для Хазарии все более опасной²³. Поэтому стремление Византии и Хазарии к союзу против Руси должно было быть взаимным. Не исключено, что поездка знаменитых христианских миссионеров Константина-Кирилла и Мефодия в Хазарию (861 г.) была связана с возможным заключением антирусского союза²⁴. Он был особенно актуален для империи после похода русов на Константинополь в 860 г.²⁵

Усиление Древнерусского государства сопровождалось последовательным заключением ряда известных мирных договоров с Византией – 907, 911 и 944 гг.²⁶ Отметим, что в договоре 944 г. особо оговаривался вопрос о защите русским войском византийских владений в Крыму (окрестности Херсона) от набегов «черных болгар», а также, возможно, и от хазар²⁷. Несомненно, заключению договоров способствовала и заинтересованность Руси в торговле с Византией. Знаменитый путь «из варяг в греки», задолго до этого проложенный по Днепру и Черному морю, продолжал функционировать и в X–XI вв.

Поход киевского князя Святослава в 965 г. нанес Хазарии смертельный удар²⁸. Это означало радикальное усиление позиций Руси в Восточной Европе. После крушения Хазарии Крым остается одним из районов сосредоточения остатков хазарского этноса. Именно поэтому уже после падения Хазарии, в XIV–XV вв.,

термин «Газария» долго употреблялся итальянцами для обозначения Крыма²⁹. Известно, что Святослав неизменно стремился к завоеваниям в Причерноморье и на Балканах. После похода 965 г. русское влияние в Северном Причерноморье упрочилось. Однако последняя война Святослава с Византией на Балканах (походы 968 и 970–971 гг.) закончилась неудачей. В мирном договоре, который Святослав был вынужден заключить с империей, как и ранее, оговаривалось обязательство русского князя не нападать на крымские владения Византии³⁰.

В борьбе против Святослава империя небезуспешно пыталась опереться на печенегов³¹, господствовавших в причерноморских степях вплоть до середины XI в., когда их вытеснили оттуда половцы (кипчаки, куманы).

Важнейшее значение для развития ситуации в Причерноморье имело заключение русско-византийского союза, сопровождавшего принятие Русью христианства при князе Владимире в конце 80-х гг. X в. Владимир крестился – по одной из летописных версий – в Херсоне. Союз с империей был скреплен его женитьбой на сестре императора Василия II Анне³². При этом стремление Византии распространить на Русь вслед за религиозным и свое политическое влияние не было подкреплено сколько-нибудь широкими возможностями прямого давления на Киев. Русские князья вовсе не склонны были подчиняться Византии в своей политике: об этом свидетельствует сложная история русско-византийских отношений последующего периода, противоречивых и далеко не всегда мирных.

Уже после смерти Владимира, в 1016 г., русское войско помогло византийцам вернуть контроль над крымскими владениями³³. Русские отряды постоянно воевали в составе византийского войска на Кавказе, в Сирии, на Балканах. Но уже в 1043 г. происходит русско-византийское столкновение. Правда, торговые связи Руси с Византией не прерываются и в периоды обострения политических отношений³⁴.

Политика Византии в Северном Причерноморье учитывала упрочение позиций Руси в этом регионе: в конце X в. под контроль Руси попадает Таманский полуостров, где в течение почти столетия существует затем Тмутараканское княжество (в нем правят черниговские князья). Сведения о нем в русских летописях имеются вплоть до 1094 г. По-видимому, в начале XII в. территория княжества переходит под власть Византии. Вообще положение русских князей здесь выглядит не особенно твердым: Тмутараканское княжество опирается главным образом на союз с половцами³⁵.

Во второй половине XI в. Византийская империя переживает внутренний кризис, усугубленный разгромом византийцев турками-сельджуками (1071 г.). В течение всего XII в., несмотря на отдельные всплески, идет процесс ослабления империи, итогом которого стал разгром Константинополя крестоносцами-участниками IV крестового похода в 1204 г.³⁶

Еще в 1059 г. владения Византии в Крыму включали, кроме Херсона, также и Судею. Но уже во второй половине XI в. идет активное проникновение в Крым половцев. Они занимают его равнинную часть, а приморские города вынуждены были платить половцам дань. В конце XII в. связь Причерноморья с Византией прерывается³⁷.

Судея (Солдайя, Сурож, совр. Судак) выдвигается на первое место в Крыму уже в конце XI в. К ней переходит роль центра торговли, принадлежавшая ранее Херсону. Херсон постепенно клонится к упадку, а в XIV в. жизнь в нем, по-видимому, замирает. В XVI в. польский дипломат М. Броневский описывает картину полного запустения некогда цветущего города³⁸. Через Судею идет в

XII–XIII вв. обширная торговля Руси и половцев с Малой Азией, в первую очередь с Трапезундом. Дальше торговые пути шли в Армению, Месопотамию, Иран. Для XII в. зафиксировано пребывание русских купцов в Египте³⁹.

После захвата Константинополя крестоносцами роль Византии на Черном море была унаследована Трапезундской империей, которая почти два столетия доминировала в Южном и Юго-Восточном Причерноморье⁴⁰. Какое-то время от Трапезунда зависел и Крым. Правда, в XIII в. на некоторое время трапезундские правители подчиняются туркам-сельджукам; последние тем самым получают выход к морю. Результатом этого стал известный поход сельджуков на Судак, половцев и русских начала 20-х гг. XIII в. Причиной похода было ограбление купеческого сельджукского корабля «франками» – т.е., очевидно, итальянцами Солдайи-Судака, судя по цели последовавшей экспедиции⁴¹. Этот поход, впрочем, оказался не более чем эпизодом ввиду последовавшего вслед за ним монгольского нашествия.

Итальянцы появляются в Причерноморье еще в XII в.: начавшейся в XIII в. их экономической экспансии на Черном море предшествовало постепенное торговое проникновение⁴². В условиях контроля Византии над черноморскими проливами доступ в Черное море первой получила Генуя. В 1169 г. император Мануил I Комнин предоставил генуэзцам право торговли на территории империи, за исключением «Росии и Матраки». Большинство исследователей считает, что речь здесь идет только о Матреге (Тамани) и, вероятно, Приазовье, а не обо всем Причерноморье, – иначе говоря, генуэзцы получили доступ за Босфор⁴³. В пользу этого говорят и имеющиеся сведения о проходе генуэзских кораблей через Босфор в конце XII в.⁴⁴ После разгрома Византии 1204 г. первыми на Черном море появляются венецианцы⁴⁵, но с восстановлением империи в 1260 г. Михаилом VIII Палеологом византийцы вновь обретают контроль над проливами. В благодарность за поддержку Михаила генуэзцами в его борьбе против Латинской империи император заключает с Генуей известный Нимфейский договор 1261 г., который предоставил генуэзцам исключительное право торговать и основывать торговые поселения в Причерноморье. С этого времени начинается широкое проникновение генуэзского купечества за Босфор. Но уже в 1268 г. право торговать здесь было даровано также и венецианцам. Вскоре они основали поселения в Тане (совр. Азов), Солдаие и Трапезунде⁴⁶.

В своей деятельности итальянцы вынуждены были считаться с монгольскими ханами, под властью которых оказалось Северное Причерноморье с 30-х гг. XIII в. Первое нападение монголов на Крым состоялось в 1223 г., когда была разрушена Солдайя, а затем набеги регулярно повторялись – в 1238, 1242, 1249 гг. В Солдаие был посажен ханский наместник, а Крым вошел в состав Монгольской империи. Во второй половине XIII в. административным центром ханской власти в Крыму стал Солхат (совр. Старый Крым)⁴⁷.

В 60-е гг. XIII в. с разрешения Менгу-хана основывается генуэзская фактория в Кафе (совр. Феодосия), в 80-е гг. она уже быстро растет и превращается в центр черноморской торговли генуэзцев, тогда как Сутдея (Солдайя) свое бывшее значение теряет⁴⁸. Где-то в начале XIV в. генуэзцы утвердились в Матреге, а затем возникают и другие генуэзские фактории на кавказском побережье – Копа, Мапа, Бата и др. Торговля итальянцев на Черном море требовала хорошего знания географии, и уже с конца XIII в. стали составляться морские компасные карты побережья и карты-портоланы, детально изображающие черноморский берег и дающие к нему текстовые пояснения⁴⁹.

Возникновение Монгольской империи, объединившей под своей властью громадное пространство от Восточной Европы до Китая, создало принципиально новые условия для торговой деятельности итальянского купечества. Причерноморье стало одним из важнейших регионов, через которые поток товаров со Среднего и Дальнего Востока пошел в Европу. Существование единого «Монгольского мира», даже после распада империи на три улуса, гарантировало связь Причерноморья с самыми отдаленными частями монгольских владений⁵⁰. Наиболее благоприятным в этом отношении был период правления хана Узбека (1312–1341), на который падает расцвет черноморской торговли. В это время итальянцы не только контролировали транзитную торговлю, но и сами проникали вглубь Золотой Орды⁵¹.

Особую роль в торговле приобретает Тана, находившаяся на самой границе степного мира (в ней имелись и генуэзская, и венецианская фактории). Через Тану в Европу вывозились восточные пряности, ткани. С севера, из русских земель, поступала пушнина. Активно вывозились производившийся в ближней округе хлеб, а также местная рыба, икра⁵². Роль Кафы, как и Таны, не сводилась лишь к посредничеству. В Кафе имелось достаточно развитое собственное ремесленное производство, потреблявшее продукты западного и восточного импорта. Кроме того, шло распространение привозимой продукции в ближайшей периферии⁵³.

Важнейшее значение имела работорговля, ставшая одной из основных отраслей черноморской торговли генуэзцев и венецианцев. Рабы поступали из Золотой Орды (в том числе русские пленники), с Кавказа, собственно из Крыма. В XIV–XV вв. поступление рабов на средиземноморские невольничьи рынки шло почти исключительно из Причерноморья⁵⁴.

Нельзя сказать, что положение итальянского купечества было здесь неизменно безоблачным. Причерноморье неоднократно подвергалось набегам ханов Орды и позднее середины XIII в. В 1298 г. Кафа и Солдайя были разгромлены войском Ногая, в 1308 г. Кафа вновь терпела нападение хана Токты⁵⁵. Однако жизнь в черноморских городах быстро возрождалась. Итальянцы стремились добиваться благосклонности ханов, и нередко в этом преуспевали.

Следует помнить о постоянном соперничестве Генуи и Венеции. Оно кипело не только в Средиземноморье, но и на Черном море, становившемся часто яблоком раздора⁵⁶. Конечно, венецианцам так и не удалось занять то доминирующее положение, которое заняла здесь Генуя. Однако они достаточно успешно конкурировали с генуэзцами в торговле и также извлекали из своей деятельности в Причерноморье огромные выгоды⁵⁷. Венецианцы имели и собственные отношения с ханами. Хан Узбек ввиду явного преобладания генуэзцев даже особо благоволил к венецианцам: после посольства их в ставку хана в 1333 г. в Тану было разрешено назначить венецианского консула⁵⁸.

В XIV в. Генуя распространила свои владения практически на все крымское побережье. В 1365 г. генуэзцы отняли у венецианцев Солдайю, еще раньше, в 1357 г., подчинили себе Чембало (совр. Балаклава). Со временем генуэзцы приобретали с согласия ханских властей и прилегавшую к факториям сельскую округу, поэтому с XIV в. можно говорить уже об итальянских колониях в Причерноморье. Во второй половине XIV–XV вв., кроме Кафы, Солдайи и Чембало, на крымском побережье было несколько десятков мелких поселков, деревень и замков, принадлежавших генуэзцам⁵⁹. Цепочка поселений продолжалась и за пределы Крыма – в Северо-Западное и Западное Причерноморье и на кавказское побережье.

Иногда возникали ситуации, когда враждующие генуэзцы и венецианцы должны были объединяться – именно так обстояло дело в 1431 г. во время нападения на Тану ханского войска. Еще в 1395 г. крымские города были опустошены Тимуром⁶⁰, нападения татар повторялись и в первой половине XIV в. Но в 1431 г., несмотря на непрерывную борьбу между метрополиями, генуэзские и венецианские колонисты заключили союз против татар, договорившись о прекращении на этот срок взаимной вражды⁶¹.

Начавшиеся с середины XIV в. внутренние раздоры в Золотой Орде и ее последующая дезинтеграция сократили возможности «дальней» торговли итальянцев: торговые пути оказались перерезанными ввиду политической борьбы в Орде, и восточная торговля сходит на нет⁶². При этом вывоз местных товаров и сбыт привезенного из Европы по-прежнему поддерживали экономическое благосостояние черноморских факторий.

Любопытную картину представляло население итальянских городов. Его отличала крайняя пестрота, а сами генуэзцы и венецианцы составляли в Кафе, Танае, Солдае и других колониях и факториях меньшинство. Наиболее многочисленны были армяне, греки, татары, евреи. Кроме того, известно, что в многолюдной Кафе, помимо названных, жили также грузины, русские, венгры, валахи, черкесы и многие другие национальности⁶³.

Информация о торговле Руси с Причерноморьем для второй половины XIII – первой половины XV в. крайне скудна. После монгольского нашествия она не могла не сократиться, но уже во второй половине XIV в., по-видимому, возобновляется. Однако ранее 70-х гг. XV в. мы не располагаем о ней сколько-нибудь подробными сведениями⁶⁴.

В середине XV в. положение итальянских колоний в Причерноморье резко переменялось: с захватом Константинополя турками-османами в 1453 г. их дни оказались сочтены. Близился конец господства итальянцев в черноморской торговле. Венецианские и генуэзские колонии и фактории на Черном море оказались практически отрезанными от метрополий, так как связь с ними отныне целиком зависела от воли османского султана. Передача после падения Константинополя управления генуэзскими колониями Банку Сан-Джорджо не смогло существенно повлиять на их судьбу, и третья четверть XV в. стала временем заката итальянских владений на Черном море.

Продвижение османов в Причерноморье было постепенным. Сразу после взятия Константинополя, в 1454 г., была организована османская экспедиция к берегам Крыма. Осада Кафы имела характер военной демонстрации, но важно отметить, что действия турецкого флота поддержал крымский хан Хаджи-Гирей⁶⁵. Следовательно, первые контакты султана Мехмеда II с крымским ханом были установлены еще за 20 лет до крупномасштабных действий османов в Причерноморье 70-х гг. XV в. От Кафы турецкий флот двинулся на запад и осадил крепость Монкастро (Белгород) в устье Днестра. Позже, в 1465 г., последовало нападение на другую крепость в Западном Причерноморье – Килию (Ликостомо). В результате этих действий султану стало платить дань Молдавское княжество.

В 1461 г. Мехмед II завоевывает Трапезунд, что открыло ему дорогу на Кавказ. В первой половине 70-х гг. под властью османов оказалась вся Малая Азия. За этим последовала экспедиция османского флота в июле 1475 г. на Крым – ею командовал сам великий визирь Гедик Ахмед-паша. После нескольких дней осады была завоевана Кафа, затем Солдайя, Воспоро (Керчь), Мангуп и другие крымские города. За Крымом пришла очередь Приазовья и кавказского побере-

жья: османы заняли Тану, Матрегу, Копу. Позиции на Западном Кавказе были укреплены позднее в результате похода 1479 г., когда османские гарнизоны были поставлены в Копе и Анапе⁶⁶.

Завоевания в Северном Причерноморье привели к превращению части причерноморских территорий в османскую провинцию с центром в Кафе – лива (санджак, позднее эйялет). Важность для султанов этой провинции показывает тот факт, что на должность санджакбея в 1495 г. был назначен сын султана Баязида II Мехмед, а затем Сулейман – будущий султан Сулейман Великолепный⁶⁷. В 1484 г. были подчинены Килия и Монкастро: это означало, что османские владения практически полностью охватили черноморское побережье.

Первостепенный интерес представляет роль Крымского ханства в событиях 1470-х гг. Долгое время считалось, что уже в 1475 г. ханство превратилось в вассала Османской империи. В действительности установление вассальных отношений было длительным процессом и заняло несколько лет, вплоть до утверждения на крымском престоле султанского ставленника Менгли-Гирея⁶⁸. При этом нет оснований считать, что территория ханства (включавшая Крым и прилегающие степи) вошла в состав османских владений: они ограничивались лишь прибрежной полосой Крыма и крепостями на побережье вне Крыма. Формы зависимости ханов от султанов с течением времени были неодинаковыми, и отнюдь не всегда в конце XV–XVI вв. ханы безоговорочно подчинялись султанской воле.

Утверждение османской власти в Причерноморье повлекло за собой постепенную интеграцию региона в политическую и экономическую систему Османского государства. Центром этой системы был Стамбул (Константинополь). Выше отмечалось, что уже в византийскую эпоху экономика Константинополя во многом зависела от поступления причерноморских товаров, в первую очередь хлеба и рыбы. Это остается справедливым и для османской эпохи⁶⁹. Традиционно существовавшее мнение о том, что османские завоевания привели к экономическому упадку Причерноморья и, в частности, черноморской торговли, не подтверждается новейшими исследованиями материалов османских архивов. Османы заменили собой итальянцев, но значение черноморской торговли отчетливо ими осознавалось. Как показывают записи таможенной книги Кафы 1486–1490 гг., торговля Кафы с Малой Азией и в последней четверти XV в. была исключительно активной⁷⁰. Известно, что итальянское население Кафы после ее завоевания было переселено турками в Стамбул⁷¹. Тем не менее это не означало полного прекращения доступа итальянцев на Черное море: таможенная книга Кафы среди участников экономической деятельности, помимо турок, называет армян, греков, евреев и итальянцев⁷². Данные о торговой деятельности венецианцев на Черном море имеются и для XVI, и даже для XVII вв., хотя, разумеется, по масштабам она была несравнима с прежней эпохой⁷³. В конце XVI в. генуэзцы вновь появляются в Крыму уже в качестве католических миссионеров⁷⁴.

Ценнейшим источником, лишь в последние два десятилетия введенным в оборот, являются налоговые реестры османских владений в Северном Причерноморье, относящиеся к первой половине XVI в.⁷⁵ Они показывают несомненную преемственность с доосманским периодом и в составе населения черноморских городов, и в характере занятий их жителей, и даже в общем облике городов. Это относится в первую очередь к Кафе, которая сохранила свою центральную экономическую и политическую роль в регионе, а также к Тане и другим населенным пунктам. За исключением итальянцев, прочее население оставалось в основном на своих местах и занималось в целом тем же, что и раньше⁷⁶. Разумеет-

ся, происходят определенные перемены, идет эволюция экономической структуры, состава вывозимых и ввозимых товаров, но эти перемены были аналогичны тем, что происходили и в других регионах после их подчинения османской власти⁷⁷. В частности, налоговые реестры показывают, что при общем росте населения османских владений происходит его постепенное перемещение из наиболее населенных в предшествующий период районов юго-западного Крыма в восточный Крым, к центру османской провинции⁷⁸.

Установление связей Русского государства с Крымским ханством происходит незадолго до османских завоеваний 1475–1479 гг. После короткого перерыва регулярные дипломатические отношения Москвы с Менгли-Гиреем возобновляются в конце 70-х гг. Сближение Руси с Крымом происходит на почве совместной борьбы против Большой Орды, правители которой стремились унаследовать золотоордынские традиции отношений с Русью. Крымское ханство соперничает с Большой Ордой за политическое преобладание на юге Восточной Европы. Дружественные отношения Крымского ханства с Русским государством сохраняются до начала XVI в., но после окончательного разгрома Большой Орды (1502 г.) постепенно становятся враждебными⁷⁹. Начинаются крымские набеги на русские земли⁸⁰, вершиной которых вскоре стал поход Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г. В течение всего XVI в. идет активная дипломатическая и военная борьба Руси с крымскими ханами.

Отношения Русского государства с Османской Турцией берут начало с 80-х гг. XV в. Инициатором их установления стал султан Баязид II, передавший в 1485 г. в Москву через Крым информацию о своей заинтересованности в «дружбе» с Иваном III. С начала 90-х гг. открывается переписка Ивана III с османскими властями Кафы и султаном, касавшаяся русско-османских торговых связей. В 1496 г. в Стамбул отправилось посольство М. Плещеева, которое привезло затем в Москву султанские грамоты. Московское правительство пыталось перевести отношения в политическую сферу, но Стамбул проявлял неизменную сдержанность, и дело ограничивалось взаимными заверениями в дружбе и рассмотрением жалоб Москвы на притеснения русских купцов в османских владениях⁸¹.

Торговля Руси с Крымом и Турцией с конца XV в. становится довольно обширной. Через Крым русские купцы ездили в Малую Азию, на Ближний Восток. Материалы русско-крымских и русско-османских отношений содержат многочисленные сведения о поездках русских купцов, о неоднократном ограблении их в степи и во владениях султана, о тяжбах с османской таможенной администрацией относительно пошлин, имущества умерших купцов и прочих вопросов. Русское купечество, помимо Стамбула, посещало и другие малоазийские города: есть сведения о пребывании трех русских купцов в Бурсе в конце XV в.⁸²

Торговля с Крымом и Османской империей была важным направлением внешней торговли Руси и в XVI столетии. Туда вывозились меха, охотничьи птицы, кожа, металлоизделия, а ввозились ткани, драгоценные камни, ковры, конское снаряжение⁸³. Купцы обычно отправлялись вместе с посольскими караванами (это было безопаснее), маршруты их совпадали с обычными для того времени путями в причерноморский регион – через Крым, Дон и Азов (тур. Азак), Днепр к малоазийскому побережью⁸⁴. Купцы нередко выполняли и дипломатические поручения. Так, с конца 20-х гг. XVI в. посольские функции (передача султанских грамот московским правителям и доставка ответных грамот) выполняли регулярно ездившие в Москву османские купцы: в 1529, 1542, 1544, 1550 гг. грек Андриан, в 1549, 1554, 1558 гг. – Мустафа Челеби, с 1562 г. – Мехмед Челеби⁸⁵.

Особо следует отметить такую статью русско-османской торговли, как торговля мехами. Ввиду процедурного значения меховых одежд в этикете султанского двора⁸⁶ османское правительство уделяло закупке русских мехов самое пристальное внимание. Импорт русской пушнины и меховых изделий был прерогативой султанской казны, точно так же и в Москве царская казна контролировала вывоз мехов⁸⁷. В османских архивах имеются многочисленные документы, касающиеся русско-турецкой торговли мехами 1564–1588 гг., которые показывают, в частности, что к концу XVI в. торговые пути все чаще идут через Крым, а донской и днепровский пути стали использоваться реже из-за нападений донских и запорожских казаков на османские караваны⁸⁸.

Как и в эпоху господства итальянцев, существенную роль в черноморской экономике конца XV–XVI вв. играет работорговля. Основным поставщиком рабов становится Крымское ханство. В рабство продавались многочисленные пленники, захваченные во время татарских набегов на русские и польско-литовские земли⁸⁹. При этом материалы налогообложения османских провинций убедительно показывают, что работорговля вовсе не являлась единственной сферой экономической деятельности – судя по суммам налоговых поступлений, прочие виды деятельности давали жителям крымских городов ничуть не меньший доход⁹⁰.

До начала XVI в., пока сохранялись дружественные отношения Руси с Крымским ханством, через Причерноморье проходил путь русских послов и в другие страны, кроме Турции. В 1485 г. через Кафу возвращался из Венгрии Ф. Курицын⁹¹, в 1503 г. через владения крымского хана вернулось из Италии посольство Д. Ларева и М. Карачарова. Ехавший с ними на русскую службу итальянский архитектор Алевиз Новый тогда был задержан в Крыму до 1504 г. Менгли-Гиреем и участвовал в строительстве Бахчисарайского дворца⁹². В XVI–XVII вв. через Причерноморье в Москву неоднократно приезжали миссии от константинопольского патриарха и православных монастырей Афона, Синая и др.

В литературе существуют разные мнения относительно характера османской политики в Восточной Европе в конце XV–XVI в. Спектр их достаточно широк – от полного отрицания какого-либо участия османских султанов в восточноевропейской политике до утверждений о наличии обдуманного, тонко исполнявшегося плана османской экспансии в Восточную Европу⁹³. Полагаю, что свести османскую политику в этом регионе к единой формуле было бы слишком большим упрощением. Разные направления внешней политики султанов – в Центральной, Юго-Восточной, Восточной Европе и на Ближнем Востоке – были связаны между собой. Однако главными были задачи османской экспансии в Центральной Европе и на Ближнем Востоке. Восточная Европа занимала подчиненное положение⁹⁴, и османскую политику здесь можно обозначить как стремление избежать каких-либо помех наступлению на ведущих направлениях. Объективно существовавшая задача ослабления стран, которые потенциально могли помешать сосредоточению сил султанами на достижении основных внешнеполитических целей (Польско-Литовское государство, Венгрия, а также Молдавия), решалась путем укрепления контактов с мусульманскими государствами Восточной Европы, прежде всего Крымским ханством. Крымские ханы с их непрерывными набегами и на польско-литовские, и на русские земли действовали вполне в русле османских интересов. Кроме того, как уже сказано, это был и путь приобретения массы невольников, игравших важную роль в экономической системе Османской империи.

Тесная связь османской политики в Причерноморье с ситуацией на Ближнем Востоке стала очевидной в эпоху длительных войн Османской империи с Сефе-

видским Ираном, начавшихся в первые десятилетия XVI в. и продолжавшихся с перерывами до начала XVII в. Стратегическую роль в этих войнах играл Кавказ, и именно стремление султанов обеспечить себе позиции в борьбе против Ирана определяло их заинтересованность в укреплении позиций на Кавказе⁹⁵. В первой половине XVI в. крымские ханы при активной военной поддержке османов предприняли серию походов на Северный Кавказ, в земли адыгов. Османы построили ряд новых крепостей на черноморском побережье Кавказа.

Участие крымского войска в военных действиях османов с самого начала было едва ли не главным условием вассальной зависимости Крымского ханства от султанов. Татары воевали не только в Европе, но и на Ближнем Востоке⁹⁶. С возобновлением после почти 20-летнего перерыва османо-иранских войн в конце 70-х гг. XVI в. крымские отряды участвуют в боевых действиях на Кавказе⁹⁷.

С османо-иранскими войнами связаны и планы Османской империи по овладению Астраханью, в 1556 г. присоединенной к России. Вхождение Нижнего Поволжья в состав Русского государства перекрыло связь османских султанов с их союзниками в борьбе против Ирана – узбекскими ханами. Через Астрахань, кроме того, традиционно шел путь среднеазиатских паломников в Мекку. В 1569 г. была предпринята попытка послать крымско-османское войско для взятия Астрахани, но характеризовать события 1569 г. как «русско-турецкую войну»⁹⁸ неверно. Этот поход, закончившийся провалом, не имел целью нанести ущерб собственно России, с которой султаны и до и после 1569 г. стремились сохранить мирные отношения. Вернее будет сказать, что русское правительство, продвинувшись к Каспийскому морю, неожиданно вклинилось в давно существовавшую систему коммуникаций между Причерноморьем и Средней Азией, и события 1569 г. были реакцией на такое нарушение традиционных политических связей османских султанов⁹⁹. Планы возвращения Астрахани под контроль мусульманского мира строились и в 80-е гг. XVI в., но намечавшийся на 1588 г. новый поход на Астрахань по многим причинам так и не состоялся¹⁰⁰. После 1588 г. османы полностью отказались от каких-либо планов в отношении Астрахани.

На рубеже XVI–XVII вв. ситуация в Причерноморье – в который раз – постепенно меняется. Причиной тому было не только начавшееся общее ослабление Османской империи, пережившей в XVI в. расцвет своего могущества. Османские владения в Северном Причерноморье, как и Крымское ханство, в XVII в. становятся объектом постоянных нападений донских и запорожских казаков, что сильно подорвало их экономическое благосостояние¹⁰¹. Тем не менее, Причерноморье остается ареной русско-крымских, русско-османских, польско-османских отношений вплоть до поражений Османской империи в войнах с Россией конца XVIII в.

Мы попытались в кратком очерке наметить основные этапы взаимоотношений в причерноморском регионе до конца XVI в. Разумеется, затронуты лишь ключевые моменты и проблемы, позволяющие показать особую роль Причерноморья как перекрестка экономических и политических интересов разных государств и народов в течение длительной исторической эпохи. Многие вопросы остались за рамками данного очерка, но автор и не ставил перед собой задачу охватить все многообразие проблем, относящихся к поставленной в заголовке теме. Вместе с тем, думается, что и приведенный материал убедительно демонстрирует уникальность исторической судьбы Причерноморья. Эта уникальность, вытекавшая во многом из особого политико-географического положения, делает его исключительно интересным в качестве «пограничного региона».

По сути дела Причерноморье являлось огромной контактной зоной, зоной соприкосновения разных цивилизаций и разных культур.

Развитие Северного Причерноморья в разное время шло неодинаковыми темпами – были и периоды расцвета, и периоды упадка, но ряд черт характерен для всего рассмотренного периода. Это, во-первых, ясно ощущаемая преемственность той политической и экономической, равно как и культурной, роли, которую играло Причерноморье и в античную, и в византийскую, и в золотоордынскую, и в османскую эпохи. Во-вторых, при всей тесной связи черноморского побережья с соседними территориями – в первую очередь причерноморскими степями, Кавказом – неизменно на авансцену выходит Крым, являвшийся средоточием, фокусом всех черноморских проблем. Его судьба нагляднее всего демонстрирует «пограничный» характер Причерноморья.

Опубликовано: Russian History/Histoire Russe. Los Angeles, 1992. Vol. 19. №. 1–4. P. 279–300.

Примечания

1. Крым: прошлое и настоящее. М., 1988. С. 9–11.
2. О великом переселении народов см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 69–71.
3. О готях: *Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936; Пиоро И.С. Крымская Готия: очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье. Киев, 1990.*
4. Вопрос о распространении и дальнейших судьбах христианства в Крыму и Причерноморье (как и последующем, в XIV–XVI вв., распространении ислама) заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения. Отметим здесь только особую роль Крыма в проникновении христианства в Восточную Европу. См.: *Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА. Т. 63. М.–Л., 1959. С. 28–30. Из новейших работ см.: Богданова Н.М. Церковь Херсона в X–XII вв. Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 19–49.*
5. История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 336.
6. *Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 7–8; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XIII в. М., 1988. С. 96–100.*
7. История Византии. Т. 1 С. 329–330, 335.
8. *Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. М., 1976. С. 42–45; История Византии. Т. 1. С. 229–230; История народов Северного Кавказа. С. 101–102.*
9. *Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 73–74, 85.*
10. Там же. С. 89–91, 115, 199.
11. Там же. С. 109, 115, 158.
12. *Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 35; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 32–33.*
13. *Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 37, 39–40; История Византии. Т. 1. С. 44–46.*
14. *Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 36, 38; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 108.*
15. *Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 62–63, 163–164.*
16. Поддержку Юстиниану оказал правитель причерноморских болгар Тервель: *Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 139, 176.*
17. *Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 39; История народов Северного Кавказа. С. 126–128.*
18. *Чичуров И.С. Указ. соч. С. 68, 166.*
19. *Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 151, 178, 190–191.*
20. *Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 46; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 210–211.*
21. Лагиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. М.–Л., 1989. С. 9–11. Из сообщения Бертинских аналогов ясно, что посольство было в Византии встречено благосклонно.

22. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 58; Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 47–49. При этом попытка византийцев построить в Саркеле христианский храм вызвала сопротивление хазар: История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 75.
23. Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. ВИ. № 2–3. М., 1991. С. 5–6, 8–9.
24. Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 51–52; История Византии. Т. 2. С. 203.
25. Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 59.
26. Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. С. 6–10, 30–35, 64–65.
27. Одновременно подчеркивалось, что Русь не имеет права претендовать на влияние в византийских владениях Причерноморья. Не исключено, что этот пункт договора был следствием проникновения Руси в период между 911 и 944 гг. в непосредственное соседство крымских провинций Византии: История Византии. Т. 2. С. 231.
28. Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 230.
29. Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 43; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 158.
30. Памятники русского права. Вып. 1. С. 58–59.
31. Новосельцев А.П. Киевская Русь и страны Востока. ВИ. № 5. М., 1983. С. 19. Поход 968 г. Святослав был вынужден прервать, так как в его отсутствие Киев осадили печенеги – вероятнее всего, по наущению Византии: История Византии. Т. 2. С. 233–235. Об отношениях Руси с печенегами см.: Пашуто В.Т. Указ соч. С. 107–115.
32. Пашуто В.Т. Указ соч. С. 74–76; Новосельцев А.П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи. ИСССР. № 4. М., 1988. С. 113–115. Император не торопился отправлять Анну на Русь и был вынужден сделать это после того, как Владимир в 989 г. осадил Херсон. В целом же проблема принятия Русью христианства хорошо исследована. Несомненно, первые шаги по распространению христианства на Русь делались Византией еще до середины X в., когда крестилась княгиня Ольга. При ее сыне Святославе процесс христианизации прерывается и возобновляется лишь при Владимире: История Византии. Т. 2. С. 229, 232; Литаврин Г.Г. Русско-византийские связи в середине X в. ВИ. № 6. М., 1986. С. 41–52.
33. Русские тогда оказали помощь флоту Василия II в завоевании «Хазарии». Вероятнее всего, речь здесь идет о Крыме: есть мнение, что поход был результатом попытки Херсона отколоться от империи: Пашуто В.Т. Указ соч. С. 77; История Византии. Т. 2. С. 348.
34. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). ИСССР. № 3. М., 1967. С. 81–85.
35. О Тмутаракани см.: Пашуто В.Т. Указ соч. С. 85–88; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964. С. 77–79. Существовавшее в советской литературе мнение о реальности так называемой «Черноморской Руси» ранее конца X в. не выдерживает критики. Об этом см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 109, 133.
36. История Византии. Т. 2. С. 278–294, 342–346.
37. Пашуто В.Т. Указ соч. С. 84; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 66; История Византии. Т. 2. С. 351. По-видимому, Причерноморье и Крым оказались полностью подчиненными половцам к середине XII в. Об отношениях Руси с половцами см.: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 116–118, 204–213, 271–273.
38. Броневский М. Описание Крыма. ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 341–342.
39. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля... С. 107–108. Правда, неясен их путь в Египет.
40. См.: История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 46–49; Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
41. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. ВВ. Т. 25. М., 1927. С. 54–58.
42. О торговой деятельности итальянцев на Черном море существует обширная литература. Подробную библиографию см.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
43. Еманов А.Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 63. Ряд исследователей полагали, что имелось в виду запрещенные торговать вообще на Черном море.

44. *Balard M.* Les Génois en Crimée aux XIII-e – XV-e ss. Archeion Pontou. Athenes, 1979. Vol. 35. P. 202; *Idem.* Gênes et la mer Noire (XIIIe – XVe ss.). Revue historique. 1983. T. 270-1. P. 31–54.
45. В 1206 г. создается венецианская фактория в Сутдее; *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la mer Noire du XI-e au XV-e siècle. Venezia e il Levante fino al secolo XV. Florence, 1973. Vol. 1. P. 549.
46. *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana (Azov) au XV-e siècle. CMRS. 1987. Vol. XXVIII. № 1. P. 5; *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la mer Noire. P. 553.
47. *Яacobсон А.Л.* Средневековый Крым. С. 83; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 88.
48. Связями с Кафой в Генуе ведало специальное учреждение под названием «Officium Gazarie».
49. *Коновалова И.Г.* Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья. Исследования по историкогеографической истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 30–50; *Тодорова Е.* Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья (историко-географическое исследование). ИСССР. № 1. 1989. С. 170–181; *Карпов С.П.* Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. Византия. Средиземноморье. Славянский мир. С. 82–97.
50. *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la mer Noire. P. 551; *Balard M.* Les Génois en Crimée. P. 212.
51. *Berindei M., O’Riordan G.M.* Venise et la Horde d’Or, fin XIII-e – début XIV-e siècle (à propos d’un document inédit de 1324). CMRS. 1988. Vol. XXIX. № 2. P. 243–256.
52. *Егоров В.Л.* Историческая география... С. 93. Исключительную важность вывоза причерноморского хлеба показывает ряд случаев, когда перерывы в торговле с Черным морем вызывали голод в Константинополе и даже в Венеции. См.: *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la mer Noire. P. 559–560.
53. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV вв. Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-н/Д., 1989. С. 17, 20–21.
54. О работоторговле см.: *Verlinden Ch.* L’esclavage dans l’Europe médiévale. Vol. 1. Brugge, 1955; Vol. 2. Gent, 1977; *Idem.* La colonie vénitienne de la Tana, centre de la traité des esclaves au XIV-e et au XV-e siècle. Studi in onore di G. Luzzato. Milan, 1950. Vol. 2. P. 1–25; *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova, 1971; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l’emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVI-e siècle). Turcica, 1976. VIII-2. P. 138–139.
55. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 111–112, 120, 162, 195.
56. *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la mer Noire. P. 569.
57. *Thiriet F.* Les Vénitiens en mer Noire: organisation et trafics. Archeion Pontou. 1979. Vol. 35. P. 40–50.
58. *Thiriet F.* Les Vénitiens en mer Noire. P. 43; *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana (Azov). P. 5; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l’emprise ottoman. P. 116–117.
59. *Balard M.* Les Génois en Crimée. P. 208; *Егоров В.Л.* Историческая география... С. 90.
60. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов... С. 329, 363–364, 442, 448.
61. *Dupuigrenet Desroussiles F.* Vénitiens et Génois à Constantinople et en mer Noire en 1431 d’après un lettre de Martino da Mosto. CMRS. 1979. Vol. XX. № 1. P. 116; *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana (Azov). P. 7.
62. *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l’emprise ottoman. P. 123–124; *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la mer Noire. P. 570.
63. *Balard M.* Les orientaux à Caffa au XV-e siècle. Byzantinische Forschungen. Amsterdam, 1987. Bd. 11. P. 224–232.
64. Долгое время в советской литературе считалось, что ведущую роль в торговле Руси с Причерноморьем играли так называемые «гости-сурожане» – купцы, упомянутые под таким названием в русских источниках: *Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. М.–Л., 1935. С. 9–39. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что данных об их торговой деятельности практически нет, и вообще упоминания «гостей-сурожан» слишком отрывочны, чтобы по ним можно было судить об интенсивности русской торговли на южном направлении в этот период. См.: *Andrews D.* Moscow and the Crimea in the Thirteenth to Fifteenth Centuries. Archeion Pontou. 1979. Vol. 35. P. 261–281.

65. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 244. Крымское ханство возникло в процессе распада Золотой Орды во второй четверти XV в.
66. События 1475–1479 гг. ранее подробно рассматривались нами: Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Посл. четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. Глава 2.
67. Там же. С. 68–69, 71–75, 81–82.
68. Там же. С. 37–56.
69. Inalcik H. The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans. *Archeion Pontou* 1979. Vol. 35. P. 75–76.
70. Ibid. P. 91–107.
71. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare. *Atti rogati a Pera e Mitilene*. Genova, 1982. T. 1. P. 228–233.
72. Inalcik H. The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans. P. 103.
73. Berindei M. Les Vénitiens en mer Noire. XVI-e–XVII-e siècles. *Nouveaux documents*. CMRS. 1989. Vol. XXX. № 3-4. P. 207–223.
74. Andreescu Ş. Génois sur les côtes de la mer Noire à la fin du XVI-e siècle. *Revue Roumaine d'histoire*. 1987. T. 26. № 1–2. P. 125–134.
75. Хранятся в Стамбуле: *Baş-Vekâlet Arşivi*. *Tapu ve tahrir*: 370, 214. Первый относится к рубежу 1510–1520-х гг., второй – к началу 40-х гг. XVI в.
76. Berindei M., Veinstein G. Règlements de Süleyman I concernant le liva' de Kefe. CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1. P. 57–104; *Idem*. La présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. CMRS. 1979. Vol. XX. № 3–4. P. 389–465; Veinstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination ottoman. *Mémorial Ö. L. Barkan*. P., 1980. P. 227–249; Fisher A.W. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. HUS. Vol. V. № 2. 1981. P. 135–170; Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane. *Le paysage urbain au Moyen âge*. Lyon, 1981. P. 79–131.
77. Veinstein G. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. *Mediterranean Historical Review*. L., 1986. Vol. 1. № 2. P. 233.
78. Fisher A.W. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. P. 140.
79. Некрасов А.М. Международные отношения... С. 57–78.
80. Набеги на земли Великого княжества Литовского начинаются еще в 60-е гг. XV в.: Fisher A.W. Muscovy and the Black Sea Slave Trade. *Canadian-American Slavic Studies*. 1972. Vol. VI. № 4. P. 579.
81. Некрасов А.М. Международные отношения... С. 61–62, 69–70.
82. Inalcik H. Bursa and the Commerce of the Levant. Inalcik H. *The Ottoman Empire: Conquest, Organisation and Economy*. L., 1978. P. 140.
83. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане... С. 53–63; Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 51–97.
84. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. ИАНООН. № 3. 1932. С. 193–237; Фехнер М.В. Указ. соч. С. 10–18.
85. РГАДА. Ф. 89. Кн. I. Л. 318–321, 333–337, 341–342, 365–366 об., 383 об.-385, 386–389, 392–394 об., 400 об.– 405 об., 406 об.; см. также: Фехнер М.В. Указ. соч. С. 67 (сноска) – о посольствах Мехмеда Челеби в 1562–1593 гг.
86. Berindei M. Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites. *La route moldavo-polonaise*. CMRS. 1971. Vol. XII. № 4. P. 394–397.
87. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejau Ch. Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVI-e siècle. CMRS. 1970. Vol. XI. № 3. P. 365.
88. Ibid. P. 371–377, 389.
89. См.: Fisher A.W. Muscovy and the Black Sea Slave Trade. P. 575–594.
90. Fisher A.W. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. P. 142.
91. Некрасов А.М. Международные отношения... С. 61.
92. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 195; Эрнст Н.Л. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III фрязин Алевиз Новый. Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и

этнографии. 1928. № 2 (59). С. 39–54; *Власюк А.И.* О работе зодчего Алевиза Нового в Бахчисарае и в Московском Кремле. Архитектурное наследство. М., 1958. Вып. 10. С. 101–103. В Москве Алевиз Новый построил Архангельский собор Московского Кремля и ряд церквей.

93. Такую точку зрения см.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984.

94. *Королюк В.Д.* Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI–XVII вв.). Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 147–148.

95. *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 80–115.

96. *Sanuto M.* I diarii. Venezia, T. 1–58. 1879–1903. T. 12. Col. 236; T. 13. Col. 521; T. 15. Col. 358; T. 24. Col. 171; T. 25. Col. 485; T. 28. Col. 602; T. 53. Col. 254, 457 (данные по 1512–1530). *Kortepeter C.M.* Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. N. Y.; L., 1972. P. 136–142.

97. *Kirzioğlu M.F.* Osmanlıların Kafkas ellerini fethi (1451–1590). Ankara, 1976. S. 278–279, 283, 292, 309, 323–324, 334–335; *Kortepeter C.M.* Ottoman Imperialism... P. 56–65.

98. Характерно название книги: *Бурдей Г.Д.* Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.

99. *Садииков П.А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. ИЗ. Вып. 22. М., 1947. С. 132–166; *Inalcık H.* Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569). БТТК. Ankara, 1948. С. XII. № 46. S. 349–402; *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 (d'après les Registres des 'Affaires importantes des Archives ottomanes). CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3. P. 427–446; *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556. Turcica VIII-2 (1976). P. 203–236.

100. *Carrère d'Encausse H.* Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan. CMRS. 1970. Vol. XI. № 3. 412–416; *Bennigsen A., Berindei M.* Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588). HUS. Vol. 3–4 (1979–80), pt. 1. P. 71–91.

101. *Fisher A.W.* The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations. HUS. Vol. 3–4 (1979–1980), pt. I. P. 215–226; *Berindei M.* La Porte Ottomane face aux Cosaques Zaporogues, 1600–1637. HUS. Vol. I (1977). P. 273–307.

К ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ В XV–XVI ВЕКАХ

Важнейшим компонентом политической жизни Восточной Европы в течение почти трех с половиной столетий являлось возникшее в первой половине XV в. на развалинах Золотой Орды Крымское ханство. Крымские ханы были активными участниками событий, влиявших на судьбы Русского государства, Великого княжества Литовского и королевства Польского (впоследствии объединившихся в Речь Посполитую), Молдавии, народов Северного Кавказа и др. Не последнюю роль играла и зависимость ханов от османских султанов, во многом превращавшая ханство в проводника османской политики в регионе.

В силу названных обстоятельств внешнеполитическая история Крымского ханства XV–XVI вв., как и более позднего периода, всегда интересовала историков. Между тем представление о внутривнутриполитической структуре ханства, социально-экономических отношениях в крымском обществе, динамике политических и социальных процессов на протяжении длительного периода существования ханства далеко не полное. Обычно оно сводится к описаниям общего характера, причем нередко относящимся к золотоордынскому периоду. Подчеркивается агрессивный характер внешней политики крымских ханов. Постулируется тезис о крайней замедленности социально-экономических процессов в Крыму, примитивном, потребительском характере местной экономики¹. Нельзя также не отметить, что сведения о Крыме рассматриваемого периода не во всем точны.

Одной из первых фундаментальных работ по истории Крымского ханства является вышедший в свет более ста лет тому назад труд В.Д. Смирнова. В историографии советского периода фактически нет специальных исследований по политической, социально-экономической истории ханства. Поэтому можно с горечью констатировать, что существовавший некогда приоритет отечественной науки в этой области перешел к западным авторам (А. Фишер, Ш. Лемерсье-Келькеже, Ж. Вайнштейн, Х. Инаджык, О. Гекбильгин и др.).

Социально-экономические отношения в Крымском ханстве, насколько позволяют судить источники, отнюдь не сводились к проекции золотоордынских порядков на крымские условия. Крымская экономика представляла собой сочетание кочевых и оседлых форм хозяйства, которое менялось в разное время и в зависимости от условий различных природных зон. Особое значение имели земледельческие традиции южного побережья Крыма. Поэтому необходимо обратить пристальное внимание на проблему преемственности в экономике ханства, выяснить роль и место золотоордынских и местных традиций в складывании экономической системы ханства.

В исторической литературе неоднократно указывалось на такой аспект экономической жизни ханства, как постоянное поступление военной добычи, а также русских, литовских «поминков» (дани). Немаловажное значение имела и работорговля. Одна из точек зрения, наиболее полно сформулированная А.А. Новосельским, абсолютизирует этот момент². Разумеется, в основе агрессивных

претензий крымских ханов к соседям лежали старые золотоордынские амбиции (особенно в XV–XVI вв.). Однако сводить экономику ханства к паразитическому потреблению награбленного – это слишком упрощенно.

К настоящему времени утвердилась оценка происходивших в крымском обществе XV–XVI вв. процессов как феодальных. Вместе с тем их складывание не было завершено, и эволюция продолжалась. Исключительно живучими были родовые институты. Известно, что крымская знать состояла из крупных фамилий, среди которых выделялись Ширины, Барыны, Аргыны, Седжеуты, Мангыты и Яшлау. Главам этих кланов принадлежало едва ли не решающее слово в государственных делах, от их поддержки зависела прочность положения самих ханов. Высшие слои крымского общества изучались в литературе довольно подробно³, хуже обстоит дело с изучением прочих категорий населения, а также социальной сущности и юридических форм отношений между разными сословиями.

Важнейшее место в политической системе Крымского ханства занимала вассальная зависимость от османских султанов. Тем не менее, до сих пор не объяснены принципы ее воплощения, динамика зависимости в разные периоды. Не вполне ясно, повлек ли за собой созеренитет Османской империи перемены во внутриполитической структуре ханства, или он выступал лишь как верховная сила над сугубо крымской политической системой.

Таким образом, самый беглый обзор показывает, что многие важнейшие вопросы истории Крымского ханства изучены слабо. К настоящему времени назрела настоятельная необходимость заполнения этой лакуны. Без четкого понимания того, что же представляло собой Крымское ханство в разные периоды, невозможно составить адекватную картину его взаимоотношений с соседними народами, в первую очередь с Русским государством. В политику крымских ханов упирается и проблема складывания предпосылок прорусской ориентации народов Северного Кавказа и многих других. Иначе говоря, изучение процесса формирования Российского многонационального государства немислимо без углубленного изучения всего комплекса проблем истории Крымского ханства.

Для изучения начального периода существования ханства (XV–XVI вв.) имеется довольно обширная источниковая база. В первую очередь это нарративные источники. Наиболее известным из крымско-османских сочинений по истории Крыма является труд Сейид-Мухаммеда Ризы «Семь планет в известии о царях татарских» (середина XVIII в.)⁴. К нему примыкает рукопись Хурреми Челеби Акай-эфенди, обозначенная в свое время В.Д. Смирновым как «Краткая история». Ценнейший материал содержится в труде биографа-панегриста крымского хана Сахиб-Гирея Кайсуни-заде Недаи (Реммал-ходжи) «История Сахиб-Гирай-хана» (середина XVI в.)⁵. Интересно также небольшое сочинение Халим-Гирея «Розовый куст ханов», охватывающее историю всего периода существования ханства. Определенное значение имеют также сведения, содержащиеся в «Летописи Кипчакской Степи» Абдуллы ибн Ризвана (XVII в.) и других хрониках османского происхождения.

Интересный материал можно почерпнуть и из сочинений путешественников, посетивших Крым, таких, как «Книга путешествия» Эвлии Челеби, труды Михаила Литвина, М. Броневского, Дж. да Лукка, Э.Д. д'Асколи, а также из «Записок о Московии» С. Герберштейна.

Другой тип источников – акты, включающие «битики» (ханские послания) и «ярлыки» (жалованные грамоты, указы, предписания и др.). Сохранился и актовый материал, исходивший от крымских беков, мирз и др.

Большинство актов опубликовано в нашей стране и за рубежом, имеются и сравнительно недавно обнаруженные М.А. Усмановым в разных архивах доселе неизвестные документы⁶. Актовый материал дает ценную информацию по экономической и политической истории ханства. Обращение к крымской дипломатике значительно облегчается опубликованием цикла работ А.П. Григорьева по источниковедению Золотой Орды и сменивших ее государств.

Невозможно обойтись и без тщательного анализа неоднократно изучавшихся «посольских книг» XV–XVI вв. – крымских, турецких, польских, – хранящихся в РГАДА, а также посольских книг Литовской метрики. Имеющиеся в них материалы дополняют и уточняют сведения нарративных и актовых источников. Совершенно необходимо использовать и регулярно публикующиеся за рубежом документы из турецких архивов, относящихся к данному периоду. Их издание, по сути дела, подняло изучение истории Крыма, Причерноморья, османской политики в этом регионе на качественно новый уровень⁷. Небезынтересно отметить, что сохранились и некоторые материалы крымско-шведских отношений конца XVI в.

Ранний период истории Крымского ханства до подчинения его Османской империи не может изучаться без привлечения документов итальянских колоний в Причерноморье, в которых так или иначе отражены многие аспекты истории ханства и его отношений с итальянцами. Наконец, имеется и определенный эпиграфический, нумизматический и археологический материал.

Таким образом, корпус источников по истории Крымского ханства XV–XVI вв. достаточно велик. Их комплексный анализ позволяет искать ответы на многие неизученные и спорные вопросы крымской истории. А это, в свою очередь, дает возможность всесторонне, на современном научном уровне, судить и о его отношениях с соседями, в том числе и о многих проблемах складывания Российского государства.

Опубликовано: История и историки. М., 1995. С. 156–159.

Примечания

1. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948. С. 417; Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 139; Панашенко В.В. Крымское ханство у XV–XVII ст. Укр. іст. журн. 1989. № 1. С. 55.

2. Новосельский А.А. Указ. соч. С. 418–419.

3. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 61. С. 21–57.

4. Сейид Мухаммед Риза. Ассеп о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832.

5. TSGH.

6. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 20–58.

7. КСАМРТ.

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ ПО ГЕНЕАЛОГИИ КРЫМСКОЙ АРИСТОКРАТИИ XV–XVI ВЕКОВ

1. Рост интереса к генеалогии в настоящее время тесно связан со стремлением исследователей уйти от «обезличенной» истории: генеалогия как никакая другая дисциплина имеет предметом изучения конкретных людей и их родственные связи. Особое значение генеалогические исследования имеют для эпохи средневековья, когда отношения родства и принцип наследственности играли едва ли не определяющую роль во многих политических и экономических процессах (правлящие династии, наследование разных видов собственности, политическая борьба и т.д.).

2. Поскольку результаты генеалогических исследований оформляются в виде таблиц, схем и росписей с определенным текстовым комментарием (т.е. в достаточной степени формализованы), вполне возможно создание баз данных по родословным отдельных фамилий и их групп. Это устранило бы такой недостаток любой генеалогической таблицы, как невозможность поместить в нее многие дополнительные сведения: она становится слишком громоздкой и неудобной в использовании. Создание же базы машиночитаемых данных позволяет не только увеличить объем информации, но и умножить способы манипулирования ею, так как современные программные средства предоставляют в этом отношении богатейшие возможности.

3. В отличие от русской и западноевропейской генеалогии, родословия мусульманских народов, в разное время входивших в состав Российской империи, изучены крайне слабо. Это относится в полной мере и к Крымскому ханству на всем протяжении его существования до конца XVIII в., а в особенности на раннем этапе (XV–XVI вв.).

4. Характерной чертой источниковой базы крымских генеалогических исследований является отсутствие современного в изучаемой эпохе собственно генеалогического материала – большинство сохранившихся родословных как крымской знати, так и самого правящего ханского дома Гиреев (Гираев) позднего происхождения. Поэтому основными источниками служат не столько родословные, сколько нарративные, актовые и дипломатические материалы крымского и иноземного происхождения (русские, литовские, турецкие). Крымские материалы включают татарские хроники, жалованные акты (ярлыки) крымских ханов. Исключительно важны «крымские» посольские дела русских архивов, фонд Литовской Метрики, а также документы турецких и польских архивов.

5. Не до конца выяснена даже родословная Гиреев. При этом напомним, что некоторые из них с XVI в. переходили на русскую и литовскую службу и занимали видное положение при соответствующих дворах. Особую роль играли Гиреи, жившие при османских султанах в качестве «резервных» ханов. Известно, что практика престолонаследия была в Крыму крайне запутанной и во многом зависела от воли султанов, хотя до конца XVI в. этот фактор не был основополагающим.

6. Еще больше лакун в генеалогии основных татарских фамилий, главными из которых были Ширин, Барын, Аргын и Кипчак; позднее к ним добавились

роды Седжеут и Мангыт (Мансур). Интересно, что структура отношений внутри знатных родов повторяла структуру ханского дома: за главой рода шел первый наследник (калга), далее второй наследник (нурадин), затем остальные беи и мурзы. Большое значение в крымской политической жизни имели родственные связи ханского дома и высшей знати.

7. Особый вопрос – родословные представителей «служилой» татарской знати – потомков переселившихся в Россию и Литву беев и мурз. В XIX в. России были как собственно крымско-татарские дворянские фамилии (после завоевания Крыма, в 1784 г., они были приравнены в правах к русскому дворянству), так и русские дворянские роды, имевшие родоначальников крымского происхождения (Ширинские-Шихматовы и др.). Для генеалогии первых важен архивный фонд Таврического дворянского собрания, вторых – русские родословные и разрядные книги.

8. Таким образом, сфера применения информации по крымской генеалогии весьма обширна. Оформление ее в виде машиночитаемых архивов данных, обеспеченных информационно-поисковыми системами, значительно облегчит использование такой информации в конкретно-исторических исследованиях.

Опубликовано: Памятники духовной, материальной и письменной культуры древнего и средневекового Востока (создание баз данных). Тезисы докладов международной конференции. М., 1995. С. 52–53.

КРЫМ – ЦЕНТР ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ

Складывание контактной зоны на юге Восточной Европы было предопределено самой природой. Уникальное географическое положение – на стыке евразийских степей и северной оконечности средиземноморского региона – издавна превращало Северное Причерноморье в своеобразный перекресток отношений разных народов, нечто вроде «моста», связывающего населенные с древности зоны Европы и Азии. При этом не следует забывать, во-первых, что ситуация здесь всегда находилась в непосредственной зависимости от положения на Северном Кавказе и в Закавказье, а также в Западном и Южном Причерноморье. Во-вторых, нельзя не видеть, что Крым в силу своего особого расположения с самого начала становился как бы фокусом событий в регионе.

Начало интенсивным контактам цивилизаций в Причерноморье положила примерно с VII в. до н.э. греческая колонизация берегов Понта Эвксинского. Активное освоение греками северного и северо-западного побережья в VII–VI вв. до н.э. приводит к возникновению многочисленных колоний-полисов, таких как Пантакпей (Боспор), Феодосия, Нимфей, Тиритака, несколько позднее Херсонес – в Крыму, а также ряда других вне Крыма. Черноморские владения стали для греков окном в «варварский мир»: развиваются контакты со скифами, создавшими затем собственное государство, а позднее с вытеснившими скифов сарматами. В начале V в. до н.э. полисы Восточного Крыма и Таманского полуострова объединяются в Боспорское царство, которое достаточно успешно отразило натиск степных народов.

Одновременно с политической экспансией через греческие города идет активная торговля с местным населением, имевшая исключительно важное значение для экономики городов-метрополий Элады. Шли и взаимные культурные контакты греков с местными народами.

На рубеже новой эры в Причерноморье утверждается римское влияние, опорой которого стал Херсонес. Вывоз товаров, и в первую очередь продовольствия, из Причерноморья играет по-прежнему весьма важную роль¹. Владения в Причерноморье для римлян, как и для греков, были форпостом на границах варварского мира.

Ситуация в Причерноморье меняется в результате начавшегося в степях «великого переселения народов», которое привело к появлению здесь в III в. н.э. готов, а во второй половине IV в. – гуннов². Натиск гуннов вытеснил готов в Крым, где их остатки влились в разноэтничное и без того (тавры, аланы, греки и др.) население Таврики³. Унаследовавшей римские традиции в Причерноморье Византийской империи пришлось идти на компромисс с гуннами, что и позволило ей сохранить свою власть над частью Крыма. Фактически центром византийских владений в этом регионе стал Херсонес (в средние века – Херсон). Здесь же, в Западном Крыму, византийцы строят крепости на местах старых аланских поселений Алустан (совр. Алушта), Горзувиты (Гурзуф) и др. Укрепление византийского влияния сопровождалось дальнейшим распространением христианства в Крыму⁴.

Византия была крайне заинтересована не только в политическом влиянии на севере, но и в привлечении варварских отрядов на свою сторону в качестве наемников. Первостепенное значение для империи имел контроль над Причерноморьем в виду ее заинтересованности в широкой торговле с Востоком. Именно через Крым византийские купцы везли оттуда драгоценности, ткани, различные пряности. Проблема контроля над торговыми путями на Восток обострилась с VI в. с началом войн Византии с Сасанидским Ираном⁵. С древности пути доставки шелка из Китая шли через Иран, а в условиях политического противостояния с Сасанидами безопасность «Великого Шелкового пути» оказалась под угрозой. Поэтому Византия начинает искать иные пути на Восток, минуя Иран. Одним из них и стал путь через Северное Причерноморье и Кавказ. С конца VI в. трасса «Великого Шелкового пути» перемещается к северу: он идет теперь из Средней Азии через Нижнее Поволжье и Северный Кавказ к черноморскому побережью⁶.

В VII в. на юге Восточной Европы появляется новая политическая сила – Хазарский каганат. В его состав входят значительные территории, в том числе основная часть Крыма, Таманский полуостров. Обладание Крымом давало хазарам контроль и над кочевниками причерноморских степей (где движение народов продолжается)⁷. Экономическое могущество Хазарии опиралось на ее ключевые позиции в транзитной торговле между Западом и Востоком, и в первую очередь на обладание торговыми путями через Крым, Нижний Дон и Северный Кавказ. В период расцвета Хазарии (VIII–IX вв.) ее роль здесь была настолько велика, что одним из названий Черного моря в то время становится «Хазарское море». Лишь позднее, примерно с X в., это название переносится на Каспийское море, а Черное море все чаще именуется «Русским»⁸.

Византия в VII–VIII вв. была занята внутренними неурядицами и войнами с Ираном и Арабским халифатом, а потому не могла уделять много внимания Причерноморью. В Херсоне в это время сосуществуют византийская и хазарская администрации. Но империя немедленно воспользовалась для укрепления своих позиций в Херсоне ослаблением Хазарии: в IX в. под ударами занявших причерноморские степи печенегов последняя лишилась крымских владений⁹.

Во второй половине IX в. ситуация в Причерноморье вновь меняется со складыванием Древнерусского государства. Его усиление сопровождалось последовательным заключением известных мирных договоров с Византией¹⁰. Отметим, что в договоре 944 г. особо оговаривался вопрос о защите русским войском византийских владений в Крыму (округи Херсонеса) от набегов «черных болгар», а также, возможно, и от хазар¹¹. Несомненно, заключению договоров способствовала и заинтересованность Руси в торговле с Византией. Знаменитый путь «из варяг в греки», к тому времени проложенный по Днепру и Черному морю, продолжал функционировать и в X–XI вв.

Поход князя Святослава в 965 г. нанес Хазарии сильнейший удар¹². Это означало радикальное усиление позиций Руси в Восточной Европе. После крушения Хазарии Крым остается одним из районов сосредоточения остатков хазарского этноса. Именно поэтому уже после падения Хазарии, в XIV–XV вв., термин «Газария» употреблялся итальянцами для обозначения Крыма¹³.

Походы Святослава на Византию, как мы знаем, оказались неудачными. Отметим, что в борьбе с князем империя опиралась на печенегов¹⁴. В середине XI в. их вытеснили из причерноморских степей половцы (кипчаки, куманы).

Важнейшее значение для развития ситуации в Причерноморье имело заключение русско-византийского союза, сопровождавшего принятие Русью хри-

стианства при князе Владимире в конце 80-х гг. X в. Владимир крестился – по одной из летописных версий – в Херсоне. Союз с империей был скреплен его женитьбой на сестре императора Василия II – Анне¹⁵. При этом русские князья вовсе не склонны были подчиняться Византии в своей политике: об этом свидетельствует сложная история русско-византийских отношений последующего периода, противоречивых и далеко не всегда мирных.

Уже после смерти Владимира, в 1016 г., русское войско помогло византийцам вернуть контроль над крымскими владениями¹⁶. Русские отряды постоянно воевали в составе византийского войска на Кавказе, в Сирии, на Балканах. Но уже в 1043 г. происходит русско-византийское столкновение. Правда, торговые связи Руси с Византией не прерываются и в периоды обострения политических отношений¹⁷.

Во второй половине XI в. Византийская империя переживает внутренний кризис, усугубленный разгромом византийцев турками-сельджуками (1071). В течение всего XII в., несмотря на отдельные всплески, идет процесс ослабления империи, итогом которого стал разгром Константинополя крестоносцами в 1204 г.¹⁸

Еще в 1059 г. владения Византии в Крыму включали, кроме Херсона, также и Судею. Но уже во второй половине XI в. идет активное проникновение в Крым половцев. Они занимают его равнинную часть, а приморские города вынуждены были платить половцам дань. В конце XII в. связь Причерноморья с Византией прерывается¹⁹.

Судея (Солдайя, Сурож, совр. Судак) выдвигается на первое место в Крыму уже в конце XI в. К ней переходит роль центра торговли, принадлежавшая ранее Херсону. Последний постепенно клонится к упадку; позднее жизнь в нем, по-видимому, замирает. В XVI в. польский дипломат М. Броневский описывает картину полного запустения некогда цветущего города²⁰. Через Судею идет в XII–XIII вв. обширная торговля Руси и половцев с Малой Азией, в первую очередь – с Трапезундом²¹. Дальше торговые пути шли в Армению, Месопотамию, Иран. Для XII в. зафиксировано пребывание русских купцов в Египте²².

После захвата Константинополя крестоносцами роль Византии на Черном море была унаследована Трапезундской империей²³. Какое-то время от Трапезунда зависел и Крым. Правда, в XIII в. на некоторое время трапезундские правители подчиняются туркам-сельджукам; последние тем самым получают выход к морю. Результатом этого стал поход сельджуков на жителей Солдаи, а также половцев и русских начала 20-х гг. XIII в.²⁴ Он, впрочем, оказался не более чем эпизодом ввиду последовавшего вскоре монгольского нашествия.

Еще в XII в. в Причерноморье появляются итальянцы: начавшейся в XIII в. их экономической экспансии на Черное море предшествовало постепенное торговое проникновение²⁵. В условиях контроля Византии над черноморскими проливами доступ в Черное море первой получила Генуя. В 1169 г. император Мануил I Комнин предоставил генуэзцам право торговли на территории империи, за исключением «Росии и Матраки». Большинство исследователей считает, что речь идет только о Матреге (Тамани) и Корчеве (совр. Керчь), а не обо всем Причерноморье – иначе говоря, генуэзцы получили доступ за Босфор²⁶. В пользу этого говорят и имеющиеся сведения о проходе генуэзских кораблей через Босфор в конце XII в.²⁷ После разгрома Византии 1204 г. первыми на Черном море появляются венецианцы²⁸, но с восстановлением империи в 1260 г. Михаилом VIII Палеологом византийцы вновь обретают контроль над проливами. В благодарность за поддержку Михаила генуэзцами в его борьбе против Латинской империи император заключает с Генуей Нимфейский договор 1261 г., который предоставил генуэзцам

исключительное право торговать и основывать торговые поселения в Причерноморье. С этого времени начинается широкое проникновение генуэзского купечества за Босфор. Но уже с 1268 г. право торговать было даровано также и венецианцам. Вскоре они основали поселения в Солдае, Тане (совр. Азов) и Трапезунде²⁹.

В своей деятельности итальянцы вынуждены были считаться с монгольскими ханами, под властью которых оказалось Северное Причерноморье с 30-х гг. XIII в. Первое нападение монголов на Крым состоялось в 1223 г., когда была разрушена Солдаия, а затем набеги регулярно повторялись – в 1238, 1242, 1249 гг. и позже. В Солдае был посажен ханский наместник, а Крым вошел в состав Монгольской империи. Во второй половине XIII в. административным центром ханской власти в Крыму стал Солхат (совр. Старый Крым)³⁰.

В 60-е гг. XIII в. с разрешения Менгу-хана основывается генуэзская фактория в Кафе (совр. Феодосия), в 80-е гг. она уже быстро растет и превращается в центр черноморской торговли генуэзцев, тогда как Солдаия свое бывшее значение теряет³¹. Торговля итальянцев на Черном море требовала хорошего знания географии, и уже с конца XIII в. стали составляться морские компасные карты побережья и карты-портоланы, детально изображающие черноморский берег и дающие к нему текстовые пояснения³².

Возникновение Монгольской империи, объединившей под своей властью громадное пространство от Восточной Европы до Китая, создало принципиально новые условия для торговой деятельности итальянского купечества. Причерноморье стало одним из важнейших регионов, через которые поток товаров со Среднего и Дальнего Востока пошел в Европу. Существование единого «Монгольского мира», даже после распада империи на три улуса (Хубилая, Хулагу и Джучи), гарантировало связь Причерноморья с самыми отдаленными частями монгольских владений³³. Наиболее благоприятным в этом отношении был период правления хана Узбека (1312–1341), на который падает расцвет черноморской торговли. В это время итальянцы не только контролировали транзитную торговлю, но и сами проникали вглубь Золотой Орды³⁴.

Особую роль в торговле приобретают Тана, находившаяся на самой границе степного мира, и Кафа. Через Тану в Европу шли восточные пряности, ткани. С севера, из русских земель, поступала пушнина. Активно вывозились производившийся в ближней округе хлеб, а также местная рыба, икра³⁵. Роль Кафы, как и Таны, не сводилась лишь к посредничеству. Здесь имелось достаточно развитое собственное ремесленное производство, потреблявшее продукты западного и восточного импорта. Кроме того, шло распространение привозимой продукции в ближайшей периферии³⁶.

Важнейшее значение имела работорговля, ставшая одной из основных отраслей черноморской торговли генуэзцев и венецианцев. Рабы поступали из Золотой Орды (в том числе русские пленники), с Кавказа, собственно из Крыма. В XIV–XV вв. поступление рабов на средиземноморские невольничьи рынки шло почти исключительно из Причерноморья³⁷.

В XIV в. Генуя распространяет свои владения практически на все крымское побережье. В 1365 г. генуэзцы отняли у венецианцев Солдаию, еще раньше, в 1357 г., подчинили себе Чембало (совр. Балаклава). Со временем генуэзцы приобретали с согласия ханских властей и прилежавшую к факториям сельскую округу, поэтому с XIV в. можно говорить уже об итальянских колониях в Причерноморье. Во второй половине XIV–XV вв., кроме Кафы, Солдаи и Чембало, на крымском побережье было несколько десятков мелких поселков, деревень и замков, принадлежавших генуэзцам³⁸.

Начавшиеся с середины XIV в. внутренние раздоры в Золотой Орде и ее последующая дезинтеграция сократили возможности «дальней» торговли итальянцев: торговые пути оказались перерезанными ввиду политической борьбы в Орде, и восточная торговля сходит на нет³⁹. При этом вывоз местных товаров и сбыт привезенного из Европы по прежнему поддерживали экономическое благосостояние черноморских факторий.

Любопытную картину представляло население итальянских городов. Его отличала крайняя пестрота, а сами генуэзцы и венецианцы составляли в Кафе, Солдае и других колониях и факториях меньшинство. Наиболее многочисленны были армяне, греки, татары, евреи. Кроме того, известно, что в многолюдной Кафе, помимо названных, жили также грузины, русские, венгры, валахи, черкесы, представители многих других народов⁴⁰.

Информация о торговле Руси с Причерноморьем для второй половины XIII – первой половины XV в. крайне скудна. После монгольского нашествия она не могла не сократиться, но уже во второй половине XIV в., по-видимому, возобновляется. Однако ранее 70-х гг. XV в. мы не располагаем о ней сколько-нибудь подробными сведениями⁴¹.

В середине XV в. положение итальянских колоний в Причерноморье резко переменялось: с захватом Константинополя турками-османами в 1453 г. их дни оказались сочтены. Черноморские колонии и фактории оказались практически отрезанными от метрополий, так как связь с ними отныне целиком зависела от воли османского султана.

Продвижение османов в Причерноморье было постепенным. Сразу после взятия Константинополя, в 1454 г., была организована османская экспедиция к берегам Крыма. Осада Кафы имела характер военной демонстрации, но важно отметить, что действия турецкого флота поддержал крымский хан Хаджи-Гирей⁴². Следовательно, первые контакты султана Мехмеда II с крымским ханом были установлены еще за 20 лет до последующих крупномасштабных действий османов в Причерноморье.

В первой половине 70-х гг. под властью османов оказалась вся Малая Азия. За этим последовала экспедиция османского флота в июне 1475 г. на Крым – ею командовал сам великий визирь Гедик Ахмед-паша. После нескольких дней осады была завоевана Кафа, затем Солдайя, Боспор (Керчь), Мангуп и другие крымские города. За Крымом пришла очередь Приазовья и кавказского побережья⁴³.

Завоевания в Северном Причерноморье привели к превращению части причерноморских территорий в османскую провинцию с центром в Кафе – лива (санджак, позднее эйялет). Важность для султана этой провинции показывает тот факт, что на должность санджакбея в 1495 г. был назначен сын султана Баязида II – Мехмед, а затем Сулейман – будущий султан Сулейман Великолепный⁴⁴.

Первостепенный интерес представляет роль Крымского ханства в событиях 1470-х гг. Долгое время считалось, что уже в 1475 г. ханство превратилось в вассала Османской империи. В действительности установление вассальных отношений было длительным процессом и заняло несколько лет, вплоть до утверждения на крымском престоле султанского ставленника Менгли-Гирея⁴⁵. При этом территория ханства (включавшая Крым и прилегающие степи) не вошла в состав османских владений: они ограничивались лишь прибрежной полосой Крыма и крепостями на побережье вне Крыма. Формы зависимости ханов от султанов с течением времени были неодинаковыми, и отнюдь не всегда в конце XV–XVI вв. ханы безоговорочно подчинялись султанской воле.

Утверждение османской власти в Причерноморье повлекло за собой постепенную интеграцию региона в политическую и экономическую систему Османского государства. Центром этой системы был Стамбул (Константинополь)⁴⁶. Выше отмечалось, что уже в византийскую эпоху экономика Константинополя во многом зависела от поступления причерноморских товаров, в первую очередь, хлеба и рыбы. Это остается справедливым и для османской эпохи⁴⁷. Традиционно существовавшее мнение о том, что османские завоевания привели к экономическому упадку Причерноморья и, в частности, черноморской торговли, не подтверждается новейшими исследованиями материалов османских архивов. Османы заменили собой итальянцев, но значение черноморской торговли отчетливо ими осознавалось. Как показывают записи таможенной книги Кафы 1486–1490 гг., торговля Кафы с Малой Азией и в последней четверти XV в. была исключительно активной⁴⁸. Известно, что итальянское население Кафы после ее завоевания было переселено турками в Стамбул⁴⁹. Тем не менее, это не означало полного прекращения доступа итальянцев на Черное море: таможенная книга Кафы среди участников экономической деятельности, помимо турок, называет армян, греков, евреев и итальянцев⁵⁰. Данные о торговой деятельности венецианцев на Черном море имеются и для XVI, и даже для XVII вв., хотя, разумеется, по масштабам она была несравнима с прежней эпохой⁵¹. В конце XVI в. генуэзцы вновь появляются в Крыму уже в качестве католических миссионеров⁵².

Ценнейшим источником, лишь в последние два десятилетия введенным в оборот, являются налоговые реестры османских владений в Северном Причерноморье, относящиеся к первой половине XVI в.⁵³ Они показывают несомненную преемственность с доосманским периодом и в составе населения черноморских городов, и в характере занятий их жителей, и даже в общем облике городов. Это относится в первую очередь к Кафе, которая сохранила свою центральную экономическую и политическую роль в регионе. За исключением итальянцев, прочее население оставалось в основном на своих местах и занималось в целом тем же, что и раньше⁵⁴. Разумеется, происходят определенные перемены, идет эволюция экономической структуры, состава вывозимых и ввозимых товаров, но эти перемены были аналогичны тем, что происходили и в других регионах после их подчинения османской власти⁵⁵. В частности, налоговые реестры показывают, что при общем росте населения османских владений происходит его постепенное перемещение из наиболее населенных в предшествующий период районов юго-западного Крыма в восточный Крым, к центру османской провинции⁵⁶.

Установление связей Русского государства с Крымским ханством происходит незадолго до османских завоеваний 1475–1479 гг. После короткого перерыва регулярные дипломатические отношения Москвы с Менгли-Гиреем возобновляются в конце 70-х гг. Сближение Руси с ханами происходит на почве совместной борьбы против Большой Орды, правители которой стремились унаследовать золотоордынские традиции отношений с Русью. Крымское ханство соперничает с Большой Ордой за политическое главенство на юге Восточной Европы. Дружественные отношения Крымского ханства с Русским государством сохраняются до начала XVI в., но после разгрома Большой Орды (1502 г.) постепенно становятся враждебными⁵⁷. Начинаются крымские набеги на русские земли⁵⁸, вершиной которых вскоре стал поход Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г. Затем, в течение всего XVI в. и позднее, идет активная дипломатическая и военная борьба Руси с крымскими ханами.

Отношения Русского государства с Османской Турцией берут начало с 80-х гг. XV в. Инициатором их установления стал султан Баязид II, передавший в 1485 г. в Москву через Крым информацию о своей заинтересованности в «дружбе» с Иваном III. С начала 90-х гг. открывается переписка Ивана III с османскими властями Кафы и султаном, касавшаяся русско-османских торговых связей. В 1496 г. – опять же через Крым – в Стамбул отправилось посольство М. Плещеева, которое привезло затем в Москву султанские грамоты. Московское правительство пыталось перевести отношения в политическую сферу, но Стамбул проявлял неизменную сдержанность, и дело ограничивалось взаимными заверениями в дружбе и рассмотрением жалоб Москвы на притеснения русских купцов в османских владениях⁵⁹.

Торговля Руси с Крымом и Турцией с конца XV в. становится довольно обширной. В Москву приезжали крымские «торговые люди». Русские купцы через Крым ездили в Малую Азию, на Ближний Восток. Материалы русско-крымских и русско-османских отношений содержат многочисленные сведения о поездках купцов, о тяжбах с османской таможенной администрацией относительно пошлин, имущества купцов и прочих вопросов. Русское купечество, помимо Стамбула, посещало и другие малоазийские города: есть сведения о пребывании трех русских купцов в Бурсе в конце XV в.⁶⁰

Торговля с Крымом и Османской империей была важным направлением внешней торговли Руси и в XVI столетии. Туда вывозились меха, охотничьи птицы, кожа, металлоизделия, а ввозились ткани, драгоценные камни, ковры, конское снаряжение⁶¹. Купцы обычно отправлялись вместе с посольскими караванами (это было безопаснее), маршруты их совпадали с обычными для того времени путями в причерноморский регион – через Крым, Дон и Азов (тур. Азак), Днепр к малоазийскому побережью⁶².

Особо следует отметить такую статью русско-османской торговли, как торговля мехами. Ввиду процедурного значения меховых одежд в этикете султанского двора⁶³ османское правительство уделяло закупке русских мехов самое пристальное внимание. Импорт русской пушнины и меховых изделий был прерогативой султанской казны, точно так же и в Москве царская казна контролировала вывоз мехов⁶⁴. В османских архивах имеются многочисленные документы, касающиеся русско-турецкой торговли мехами 1564–1588 гг., которые показывают, в частности, что к концу XVI в. торговые пути все чаще идут через Крым, а донской и днепровский пути стали использоваться реже из-за нападения донских и запорожских казаков на османские караваны⁶⁵.

Как и в эпоху господства итальянцев, существенную роль в черноморской экономике конца XV–XVI вв. играет работорговля. Основным поставщиком рабов становится Крымское ханство. В рабство продавались многочисленные пленники, захваченные во время татарских набегов на русские и польско-литовские земли⁶⁶. При этом материалы налогообложения османских провинций убедительно показывают, что работорговля вовсе не являлась единственной сферой экономической деятельности – судя по суммам налоговых поступлений, прочие виды деятельности давали жителям крымских городов ничуть не меньший доход⁶⁷.

До начала XVI в., пока сохранялись дружественные отношения Руси с Крымским ханством, через Причерноморье проходил путь русских послов и в другие страны, кроме Турции. В 1485 г. через Кафу возвращался из Венгрии Ф. Курицын⁶⁸, в 1503 г. через владения крымского хана вернулось из Италии посольство Д. Ларева и М. Карачарова. Ехавший с ними на русскую службу итальянский архитектор Алевиз Новый тогда был задержан в Крыму до 1504 г. Менгли-Гиреем и

участвовал в строительстве Бахчисарайского ханского дворца⁶⁹. Позднее, в XVI–XVII вв., через Причерноморье в Москву и обратно время от времени проезжали миссии от константинопольского патриарха и православных монастырей Афона, Синая и др. (хотя это был далеко не единственный их маршрут).

На рубеже XVI–XVII вв. ситуация в Причерноморье – в который раз – постепенно меняется. Причиной тому было не только начавшееся общее ослабление Османской империи, пережившей в XVI в. расцвет своего могущества. Османские владения в Северном Причерноморье, как и Крымское ханство, в XVII в. становятся объектом постоянных нападений донских и запорожских казаков, что сильно подорвало их экономическое благосостояние⁷⁰.

Причерноморье остается ареной русско-крымских, русско-османских, польско-османских отношений вплоть до поражения Османской империи в войнах с Россией конца XVIII в. Вместе с тем, характер контактов в регионе в XVII–XVIII вв. существенно отличен от предшествующего периода. Уже в течение XVI в. Причерноморье постепенно интегрировалось в единую систему политического влияния Османского государства. С превращением в XVII в. Крымского ханства в безоговорочного вассала султанов (чего не было до конца XVI в.) складывание такой системы вокруг Черного моря завершается, происходит ее консервация вплоть до второй половины XVIII в. Это ограничивает контакты в Причерноморье в основном межгосударственным уровнем взаимодействия. Следовательно, исчезает, на наш взгляд, главное – многообразие, разноэтничность и разносторонность контактов. Именно поэтому обзор истории причерноморской контактной зоны целесообразно завершить XVI столетием.

Итак, мы попытались наметить основные этапы взаимоотношений в причерноморском регионе в эпоху средневековья. Разумеется, затронуты лишь ключевые моменты, позволяющие показать особую роль Северного Причерноморья как перекрестка экономических, политических и прочих интересов разных государств и народов в течение длительной исторической эпохи. Многие вопросы остались за рамками данного очерка, но автор и не ставил перед собой задачу охватить все многообразие материалов по теме. Вместе с тем, и приведенные факты достаточно наглядно показывают некоторые характерные черты, которые были присущи Причерноморью. Развитие региона в разное время шло неодинаковыми темпами – были и периоды расцвета, и периоды упадка, но преемственность той политической, экономической, культурной роли, которую играло Северное Причерноморье и в античную, и в византийскую, и в золотоордынскую, и в османскую эпохи – ясно ощущается⁷¹. На протяжении значительного периода здесь взаимодействовали в самых разных сферах многие страны и народы. Менялась, подчас радикально, политическая ситуация, и это не могло не сказываться на характере и интенсивности контактов. Однако, многие традиции – экономические, культурные, демографические и другие – сохранялись веками, даже в самых неблагоприятных условиях. Каковы были конкретные пути поддержания таких традиций (помимо неизменно сказывавшегося удачного географического положения, а также просто человеческой памяти) – еще предстоит выяснить. Но и сейчас можно констатировать, что Северное Причерноморье относилось к числу главных контактных зон Восточной Европы. При этом неизменно на авансцену истории выходит Крым, являвшийся сердцем контактной зоны и средоточием всех причерноморских проблем.

Опубликовано: Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. М., 1995. С. 22–41.

Примечания

1. Крым: прошлое и настоящее. М., 1988. С. 9–11.
2. О великом переселении народов см.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 69–71.
3. О готах: *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936; *Пиоро И.С.* Крымская Готия: очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье. Киев, 1990.
4. Вопрос о распространении и дальнейших судьбах христианства в Крыму и Причерноморье (как и последующем, в XIV–XVI вв., распространении ислама) заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения. Отметим здесь только особую роль Крыма (с I в. н.э.) в раннем проникновении христианства в Восточную Европу. См.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.–Л., 1959. (МИА. Т. 63). С. 28–30; *Диапроттов И.Д.* Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. Античная гражданская община. М., 1986. С. 127–150; *Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X–XV вв. Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 19–49.
5. История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 329–330, 335.
6. *Даркевич В.П.* Аргонавты средневековья. М., 1976. С. 42–45; История Византии. Т. 1. С. 229–230; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 101–102.
7. *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 89–91, 115, 199.
8. Там же. С. 109, 115, 158.
9. *Якобсон А.Л.* Указ. соч. С. 35, 46; *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 32–33, 210–211.
10. Памятники русского права. М., 1952. Вып. I. С. 6–10, 30–35, 64–65.
11. Одновременно подчеркивалось, однако, что Русь не имеет права претендовать на влияние в византийских владениях Причерноморья. Не исключено, что этот пункт договора был следствием проникновения Руси в период между 911 и 944 гг. в непосредственное соседство провинций Византии: История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 231.
12. *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 219–226.
13. *Якобсон А.Л.* Указ. соч. С. 43; *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 158.
14. *Новосельцев А.П.* Киевская Русь и страны Востока. ВИ. 1983. № 5. С. 19; История Византии. Т. 2. С. 233–235.
15. *Пащуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 74–76; *Новосельцев А.П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи. ИСССР. 1988. № 4. С. 113–115. Император не торопился отправлять Анну на Русь и был вынужден сделать это после того, как Владимир в 989 г. осадил Херсон.
16. Русские тогда оказали помощь флоту Василия II в завоевании «Хазарии». Вероятнее всего, речь здесь идет о Крыме: есть мнение, что поход был результатом попытки Херсона отколоться от империи: *Пащуто В.Т.* Указ. соч. С. 77; История Византии. Т. 2. С. 348.
17. *Новосельцев А.П., Пащуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). ИСССР, 1967. № 3. С. 81–85.
18. История Византии. Т. 2. С. 278–294, 342–346.
19. *Пащуто В.Т.* Указ. соч. С. 84; *Якобсон А.Л.* Указ. соч. С. 66; История Византии. Т. 2. С. 351. По-видимому, Причерноморье и Крым оказались полностью подчиненными половцам к середине XII в.
20. *Броневский М.* Описание Крыма. ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 341–342. Подобно о судьбах Херсона см.: *Романчук А.И.* Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 89–114; *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города. Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 8–172.
21. *Карпов С.П.* Трапезундская империя и русские земли. ВВ. Т. 38. М., 1977. С. 39–40.
22. *Новосельцев А.П., Пащуто В.Т.* Указ. соч. С. 107–108. Правда, неясен их путь в Египет.
23. См.: История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 46–49; *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 5, 18, 166–167; *Papacostea Ş.* La Mer Noire: du monopole byzantin à la domination des latins aux Détroits. Revue Roumaine d'histoire. 1988. № 1–2. P. 58–59.

24. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. ВВ. Т. 25. Л., 1928. С. 54–58.
25. О торговой деятельности итальянцев на Черном море существует обширная литература. Подробную библиографию см.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 22–46; Он же. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994. С. 7–17.
26. Еманов А.Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма. Византия и ее провинции. С. 63; *Papacostea Ş.* Op. cit. P. 52–53. Некоторые авторы полагали, что имелось в виду запрещение торговать на всем Черном море.
27. Balard M. Les Génois en Crimée aux XIII–XV ss. Archeion Pontou. Athenes. T. 35. 1979. P. 202; *Idem.* Gênes et la Mer Noire (XIII–XV ss.). Revue Historique. P., 1983. Vol. 270. № 1. P. 31–54.
28. В 1206 г. создается венецианская фактория в Сугдее: *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la Mer Noire du XI au XV s. Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. Vol. I. Part 1. P. 549.
29. Doumerc B. Les Vénitiens à la Tana (Azov) au XV s. CMRS. 1987. Vol. XXVIII. № 1. P. 5; *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Op. cit. P. 553. Известен документ, позволяющий предполагать эпизодическое появление в Северном Причерноморье пизанцев: *Otten-Froux C.* Documents inédits sur les Pisans en Roumanie aux XIII–XIV ss. Les Italiens à Byzance. P., 1987. P. 188–191.
30. Яковсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964. С. 83; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985, С. 88.
31. Связями с Кафой в Генуе ведало специальное учреждение под названием «*Officium Gazarie*».
32. Коновалова И.Г. Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья. Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 30–50; *Тодорова Е.* Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья (историко-географическое исследование). ИСССР. 1989. № 1. С. 170–181; см. также: *Карпов С.П.* Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 82–97.
33. *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Op. cit. P. 551; *Balard M.* Les Génois en Crimée. P. 212.
34. *Berindei M., O’Riordan G.M.* Venise et la Horde d’Or, fin XIII – début XIV s. (à propos d’un document inédit de 1324). CMRS. 1988. Vol. XXIX. № 2. P. 243–256.
35. *Егоров В.Л.* Указ. соч. С. 93; исключительную важность вывоза причерноморского хлеба показывает ряд случаев, когда перерывы в торговле с Черным морем вызывали голод в Константинополе и даже в Венеции. *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Op. cit. P. 559–560.
36. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV вв. Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-н/Д., 1989. С. 17, 20–21.
37. О работоторговле см.: *Verlinden Ch.* L’esclavage dans l’Europe médiévale. T. I. Brugge, 1955; T. 2. Gent, 1977; *Idem.* La colonie vénitienne de la Tana, centre de la traité des esclaves au XIV et au XV ss. Studi in onore di G. Luzzato. Vol. 2. Milano, 1950. P. 1–25; *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova, 1971; *Карпов С.П.* Венецианская работоторговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV вв.). Византийские очерки. М., 1982. С. 191–207; Он же. Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. ВВ. Т. 46. М., 1986. С. 139–145.
38. *Balard M.* Les Génois en Crimée. P. 208; *Егоров В.Л.* Указ. соч. С. 90.
39. *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la presence italienne à emprise ottomane (fin XIII – milieu XVI s.). Turcica. P.; Strasbourg, 1976. VIII-2. P. 123–124; *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Op. cit. P. 570.
40. *Berindei M.* Les orientaux à Caffa au XV s. Byzantinische Forschungen. Bd. 11. Amsterdam, 1987. P. 224–232.
41. Долгое время в отечественной литературе считалось, что ведущую роль в торговле Руси с Причерноморьем играли так называемые «гости-сурожане» – купцы, упомянутые под таким названием в русских источниках: *Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. М.–Л., 1935. С. 9–39; *Перхавко В.Б.* Гости-сурожане. ВИ. 1993. № 6. 149–153. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что данных об их торговой деятельности практически нет, и вообще упоминания «гостей-сурожан» слишком отрывочны, чтобы по ним можно было судить об интенсивности

русской торговли на южном направлении в этот период. См.: *Andrews P.* Moscow and Crimea in the 13th to 15th cent. *Archeion Pontou*. Vol. 35. P. 261–281.

42. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 244. Крымское ханство возникло в процессе распада Золотой Орды во второй четверти XV в.

43. События 1475–1479 гг. ранее подробно рассматривались нами: *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. Гл. 2.

44. Там же. С. 68–69, 71–75, 81–82.

45. Там же. С. 37–56.

46. *Ahrweiler H.* Istanbul, carrefour des routes continentales et maritimes aux XV–XIX ss. Association internationale d'études du Sud-Est Européen. Bulletin. 1974. Vol. 12. № 1. P. 21–22; *Verlinden Ch.* Les routes méditerranéennes. P. 38–39; *Mollat M.* Istanbul à la rencontre de la Mer Noire et de la Méditerranée. № 2. P. 27–31.

47. *Inalcik H.* The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans. *Archeion Pontou*. Vol. 35. P. 75–76.

48. Ibid. P. 91–107.

49. *Roccalagliata A.* Notai genovesi in Oltremare. Alli rogati a Pera e Mitilene. Genova, 1982. T. 1. P. 228–233.

50. *Inalcik H.* Op. cit. P. 103.

51. *Berindei M.* Les Vénitiens en Mer Noire. XVI–XVII ss. Nouveaux documents. CMRS. 1989. Vol. XXX. № 3–4. P. 207–223; *Sanuto M.* I diarii. Venezia, 1881. T. 5. Col. 44; 1888. T. 22. Col. 506; 1890. T. 27. Col. 457.

52. *Andrescu S.* Génois sur les cotes de la Mer Noire à la fin du XVI s. *Revue Roumaine d'histoire*. T. 26. № 1–2. 1987. P. 125–134.

53. Хранятся в Стамбуле: *Baş-Vekâlet Arşivi*. Tapu ve tahrir: 370, 214. Первый относится к рубежу 1510–1520-х гг., второй – к началу 40-х гг. XVI в.

54. *Berindei M., Veinstein G.* Réglements de Süleyman I concernant le liva' de Kefe. CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1. P. 57–104; *Idem.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. CMRS. 1979. Vol. XX. № 3–4. P. 389–465; *Veinstein G.* La population du sud de la Crimée au début de la domination ottoman. *Mémorial Ö.L.Barkan*. P., 1980. P. 227–249; *Fisher A.W.* The Ottoman Crimea in the 16th cent. HUS. Vol. 5. № 2. 1981. P. 135–170; *Balard M., Veinstein G.* Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane. Le paysage urbain au Moyen âge. Lyon, 1981. P. 79–131.

55. *Veinstein G.* From the Italians to the Ottomans: the case of the Northern Black Sea Coast in the 16th cent. *Mediterranean Historical Review*. 1986. Vol. 1. № 2. P. 233.

56. *Fisher A.W.* The Ottoman Crimea in the 16th cent. P. 140.

57. *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 57–78.

58. Набеги на земли Великого княжества Литовского начинаются еще в 60-е гг. XV в: *Fisher A.W.* Muscovy and the Black Sea slave trade. *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 6. № 4. 1972. P. 579.

59. *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 61–62, 69–70.

60. *Inalcik H.* Bursa and the commerce of the Levant. *Inalcik H.* The Ottoman Empire: conquest, organization and economy. L., 1978. P. 140; См. также: *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 54–55.

61. *Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. С. 53–63; *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 51–97.

62. *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношении Москвы с Крымом на рубеже XVI в. ИА-НООН. 1932. № 3. С. 193–237; *Фехнер М. В.* Указ. соч. С. 10–18.

63. *Berindei M.* Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites. La route moldavo-polonaise. CMRS. 1971. Vol. XII. № 4. P. 394–397.

64. *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVI s. CMRS. 1970. Vol. XI. № 3. P. 365.

65. Ibid. P. 371–377, 389.

66. См.: *Fisher A.W.* Muscovy and the Black Sea slave trade. P. 575–594.

67. *Fisher A.W.* The Ottoman Crimea in the 16th cent. P. 142.

68. Некрасов А.М. Указ. соч. С. 61.

69. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 195; Эрнст Н.Л. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III фрязин Алевиз Новый. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. № 2(59). С. 39–54; Власюк А.И. О работе зодчего Алевиза Нового в Бахчисарае и в Московском Кремле. Архитектурное наследство. М., 1958. Т. 10. С. 101–103. Через Стамбул возвращалось в 1528 г. из Италии и посольство Е. Трусова и Ш. Лодыгина. Именно о нем идет речь в зафиксированном в «Дневниках» секретаря венецианской Синьории М. Сануто загадочном сообщении о прибытии туда весной этого года посла от «короля московитов»: в источниках нет данных о каких-либо русских посольствах к султану в это время (см.: Некрасов А.М. Указ. соч. С. 99). Путь Трусова и Лодыгина через Венгрию в Италию, кстати, подробно отражен у того же М. Сануто (*Sanuto M.* Op. cit. 1897. Т. 45. Col. 446; Т. 46. Col. 207, 484, 488, 626; Т. 47. Col. 8). Об этом посольстве см. также: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 306; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 217–218.

70. Fisher A.W. The Ottoman Crimea in the mid-17th cent.: some problems and preliminary considerations. HUS. Vol. 3–4. Part I. 1980. P. 215–226; Berindei M. La Porte Ottomane face aux Cosaques Zaporogues, 1600–1637. Vol. I. № 3. 1977. P. 273–307.

71. На это обращал внимание М. Балар: *Balard M.* Gênes dans l'histoire économique de la Mer Noire (XIII–XV ss.). България Понтика. Т. 2. София, 1988. С. 112–113.

СУДЬБЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРЫМОВЕДЕНИЯ В XX ВЕКЕ

Северное Причерноморье – уникальный регион Восточной Европы. В течение многих столетий оно являлось контактной зоной для разных цивилизаций и разных культур. Своеобразным фокусом истории Причерноморья в силу своего особого политико-географического положения был Крым. Он входил в состав многих держав, но наименее изученным является тот период, когда Крым был центром крупного государственного образования – Крымского ханства (начало XV – конец XVIII в.).

Интерес отечественных историков к Причерноморью в целом и к Крыму в частности пробудился еще в первой половине XIX в. В России сложилась целая школа крымоведения. Ученые исследовали самые различные периоды крымской истории – античный, византийский, период существования в Причерноморье итальянских торговых колоний, а также крымско-татарский, вплоть до истории крымских татар в составе Российской империи в XIX в. Широко известны труды В.Д. Смирнова, А.Л. Бертье-Делагарда, Н.Н. Мурзакевича, Ф.Ф. Лашкова¹ и др. Важнейшими крымоведческими центрами были Одесское общество истории и древностей (основано в 1839 г.) и Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК, основана в 1887 г.), имевшие свои периодические издания².

После Октябрьской революции, в 20-е годы, наметился подъем крымоведческих исследований, и одним из важных центров краеведения стал Симферополь. Появился ряд новых изданий («Крым» и др.), действовало ставшее преемником ТУАК Таврическое общество истории, археологии и этнографии³. Изучалось прошлое и настоящее крымских татар, публиковались архивные документы.

Разгром в 1929–1931 гг. советского краеведения затронул и Крым. Занятия тюркологией были объявлены «пропагандой пантюркизма», многие историки-татары (Я. Кемаль, О. Акчокраклы и др.) были репрессированы⁴. Коллекции архивных документов, относящихся к Крымскому ханству, были разобщены, часть их утеряна, а в годы Великой Отечественной войны многие документы погибли. В настоящее время сохранившаяся их часть находится в Санкт-Петербурге, Киеве, совсем немного – в Симферополе. Депортация крымских татар и ликвидация Крымской АССР в 1944 г. означали практическое прекращение изучения советскими историками проблем истории Крыма татарского периода.

В послевоенные годы публиковались работы по истории античного Крыма, истории итальянских городов в Крыму, а последующий период вплоть до вхождения Крыма в состав Российской империи в конце XVIII в. во многом оставался «белым пятном». Работы, касавшиеся Крыма ханского периода, затрагивали почти исключительно внешнеполитические вопросы, а именно – много писалось об агрессии крымских ханов против России и других соседних государств и народов. Довольно показательно название солидной самой по себе – монографии А.А. Новосельского, вышедшей в 1948 г.⁵ Советских историков в основном занимала проблема «обороны южных границ» России от татар⁶. Исключением можно считать фундаментальную работу М.А. Усманова по источниковедению

жалованных грамот татарских ханств, но в ней Крымское ханство фигурирует как бы в «неявной» форме⁷. Классический пример пренебрежения историей Крымского ханства – 3-томное русское издание извлечений из «Книги путешествий» турецкого автора XVII в. Эвлии Челеби, касающихся народов Восточной Европы и Кавказа (1961–1982). В нем отсутствует огромный раздел по истории Крыма – кстати, до сих пор так и не переведенный на русский язык⁸. Отметим, что большинство отечественных работ, особенно в советское время, так или иначе трактуящих историю Крымского ханства, опирались главным образом на материалы русских архивов и вообще русские источники, либо публикации на русском языке.

Между тем за рубежом (США, Франция, Турция) изучение истории Крымского ханства давно является отдельным направлением ориенталистики, представленным такими учеными, как Х. Иналджик, А. Фишер, Ж. Вайнштейн и др. Особо отметим многочисленные публикации документов по истории Крыма из архивов Турции (А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже, Ж. Вайнштейн и др.)⁹. В результате, существовавший в прошлом – начале нынешнего столетия безусловный приоритет отечественных крымоведов оказался в значительной мере утраченным.

В настоящее время интерес к истории Крымского ханства возрождается на Украине (Институт востоковедения НАН Украины), в самом Крыму, в Москве. Однако если ранее труды по истории крымских ханов служили обоснованию сталинских концепций, то теперь появляются работы с креном в противоположную сторону. Так, недавно вышедшая книга петербургского историка В.Е. Возгрина довольно восторженно принята крымско-татарским национальным движением¹⁰. Она представляет собой пересказ опубликованных ранее (и только на русском языке) работ по истории Крымского ханства; при этом в книге четко проведена тенденция сугубо положительной оценки роли крымских ханов в истории Восточной Европы.

К настоящему времени назрела необходимость комплексного изучения истории Крымского ханства с привлечением как отечественных, так и всех зарубежных источников (в первую очередь, турецких). Специалисты по отечественной истории и востоковеды-тюркологи должны объединить свои усилия. И крайне важно полностью освободиться от конъюнктурных соображений как дня вчерашнего, так и дня сегодняшнего. Более чем 350-летний период крымской истории заслуживает объективного исследования.

Опубликовано: Россия в XX в. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 466–468.

Примечания

1. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ЗООИД. 1915. Т. 32; *Мурзакевич Н.Н.* История геноуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; *Лашков Ф.Ф.* Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887 и др.
2. Вышло 33 тома «Записок Одесского общества истории и древностей» (1844–1919) и 57 томов «Известий Таврической ученой архивной комиссии» (1887–1920).
3. Крым (М.). 1925–1929. № 1–10; Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927–1931. Т. 1–4.
4. См. об этом: *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 61–68; *Акинъшин А.Н.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.). ВИ. 1992. № 6–7. С. 173–178; *Алпатов В.* История одного мифа. Марр и марризм. Знание сила. 1990. № 11. С. 69.

5. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948.

6. См. например: Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Минск, 1986.

7. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

8. На это обратил внимание Я.Р. Дашкевич (см.: Дашкевич Я.Р. Тюркские источники об Украине в XVI–XVIII вв.: Актуальные аспекты публикации. СТ. 1990. № 3. С. 24).

9. Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane. Turcica. P.; Strasbourg, 1976. T. VIII-2; *Idem*. La présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. CMRS. 1979. Vol. XX. № 3–4; КСАМРТ.

10. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА XV–XVI ВЕКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВНЫХ ХРАНИЛИЩАХ

Крымское ханство в течение трех с половиной столетий являлось важнейшим компонентом политической жизни Восточной Европы, оно активно участвовало в событиях, влиявших на судьбы Русского и Польско-Литовского государств, Молдавии, народов Северного Кавказа и др. Вплоть до рубежа XVI–XVII вв. Крым был своеобразным фокусом причерноморской контактной зоны¹. Однако, если внешнеполитическая история Крымского ханства XV–XVI вв., как и более позднего времени, всегда интересовала историков, то внутривнутриполитическая структура ханства, динамика социальных и политических процессов в крымском обществе изучены совершенно недостаточно². Между тем существуют источники, вполне позволяющие сделать это; попытаемся кратко охарактеризовать их, разбив для удобства (хотя и с определенной долей условности) на группы.

Следует сразу оговориться, что в Крымском ханстве не существовало учреждения, выполнявшего функции государственного архива. Многие документы, вероятно, хранились в небольших архивах личных ханских канцелярий и нередко гибли при смене правителя. Поэтому имеющиеся материалы находятся почти исключительно в архивных хранилищах государств, являвшихся в прошлом соседями ханства – России, Украины, Польши, Турции и др. Тем ценнее немногочисленные подлинные документы крымского происхождения, обнаруживаемые в указанных архивах.

1. Дипломатические и актовые материалы

1) **Русская дипломатическая документация** (архив Посольского приказа). Это уникальное по богатству, полноте и хронологическому охвату собрание «посольских книг» и «столбцов» уже более двух столетий привлекает внимание исследователей, но отнюдь не исчерпало своих возможностей в источниковедческом плане. Наиболее важно то, что книги и служившие для них источником столбцы содержат не только сведения об отношениях Русского государства с теми или иными странами и народами, но и обширную информацию о внутренней жизни соответствующих государств и обществ. Ее можно извлечь как из официальной переписки русских государей с иноземными правителями, так и из отчетов русских дипломатов – «статейных списков»³.

«Крымские» посольские книги относятся к числу древнейших среди дошедших до нас. По периоду XV–XVI вв. их насчитывается 21 (с 1474 по 1596 г.), имеющиеся перерывы частично (с 1579 г.) восполняются за счет сохранившихся первоначальных посольских материалов в столбцах⁴. Широкому кругу исследователей доступны лишь опубликованные еще в прошлом веке первые 5 книг за 1474–1521 гг. и отдельные небольшие отрывки других книг. Сплошная публикация остальных 16 книг ввиду огромного объема (более 13 000 стр. оригинала) в ближайшем будущем вряд ли осуществима, хотя с научной точки зрения со-

вершенно необходима. Отметим, что часть материалов по Крыму оказалась рас-
сеянной по другим архивным фондам⁵. Кроме того, в С.-Петербурге хранятся
выполненные в конце XVIII в. копии книг 1–7, 9, 20⁶.

Помимо собственно «крымских» посольских материалов русских архивов,
при изучении истории Крымского ханства не обойтись без «турецких» и «ногай-
ских» книг (и отдельных столбцов). «Турецких» книг до конца XVI в. имеется 3,
с 1512 по 1594 г. (материалы первых русских посольств конца XV в. к османскому
султану сохранились в крымских книгах 1 и 2). Опубликованы значительная часть
книги 1 за 1512–1521, 1522–1533 гг. и отдельные отрывки книги 2. «Ногайских» книг
за XV–XVI вв. до нас дошло 11 за 1489–1582 гг. (книга за 1576 г. оказалась в другом
фонде); они дополняются 23 делами за 1583–1587 гг. Книга 1 (1489–1508 гг.) и зна-
чительная часть книг 2–8 опубликованы, но лишь публикация книги 1 отвечает
современным требованиям⁷. Отдельные данные по истории Крымского ханства
можно извлечь и из материалов сношений Москвы с греческими православными
монастырями и иерархами, а также из книг «польского двора»⁸.

Русские посольства в Крым постоянно везли с собой подарки («поминки») ханам и крымской знати, росписи которых во второй половине XVI в. стали заноситься в посольские книги. Учет расходов на подарки велся в Казенном приказе⁹, но, к сожалению, почти весь его архив погиб в Смутное время, и мы располагаем ныне расходными книгами лишь начиная с 1613 г. Тем не менее, имеющиеся книги дают представление о составе аналогичных материалов предшествующего времени¹⁰.

Особо остановимся на сохранившихся в архиве Посольского приказа отдельных подлинниках посланий крымских ханов. В прошлом веке В.В. Вельяминовым-Зерновым и Х. Фейзхановым были изданы тексты нескольких сот подлинных татарских документов, извлеченных из указанного фонда¹¹. Однако широкое использование данной публикации затрудняется тем, что предполагавшееся издание параллельных русских переводов текстов так и не было осуществлено. К периоду ранее начала XVII в. относятся 6 документов, в том числе 5 посланий крымских ханов польским королям и знати (подлинники их уже после выхода публикации были переданы Польше). В настоящее время в Москве остался лишь один из подлинников XVI в. – грамота Гази-Гирея II Б.Ф. Годунову от 1590 г.¹² Дошли до нас также относящиеся к середине 80-х гг. XVI в. подлинные послания бежавших из Крыма сыновей хана Мухаммед-Гирея II Саадет-Гирея, Мурат-Гирея и Сафа-Гирея друг другу и русским воеводам¹³.

2) **Дипломатическая документация Великого княжества Литовского (книги Литовской Метрики) и королевства Польского.** Посольские книги Литовской Метрики отличаются меньшей полнотой по сравнению с русскими, но также дают много информации по истории Крымского ханства. Поименные росписи поминков, направлявшихся в Крым литовскими правителями, включались в «скарбовые книги». Значительная часть посольских книг и отрывков из них, а также скарбовая книга 1502–1509 гг. опубликованы¹⁴. Документы польско-крымских отношений имеются также в польских архивах¹⁵; кроме того, важный материал по Крымскому ханству содержится в переписке польских королей с османскими султанами¹⁶.

3) **Переписка крымских ханов и сановников с османскими султанами.** Этот важнейший комплекс документов, хранящийся в архивах Турции, стал доступен лишь недавно благодаря многочисленным публикациям французских и турецких историков. Наиболее важны такие находящиеся в Стамбуле собра-

ния, как архив музея-дворца Топкапы и архив кабинета министров (Baş-Vekâlet Arşivi). В последнем особенно интересны так называемые «Реестры важных дел» (Mühimme Defterleri), содержащие материалы с середины XVI в.¹⁷ Во дворце Топкапы хранятся подлинники многих крымских документов; публикация их содержит фотокопии ряда оригиналов¹⁸. Представляет интерес также известное «Собрание писем султанов» Ахмеда Феридун-бея (середина XVI в.), в котором имеются тексты султанских посланий и к крымским ханам. Списки «Собрания» есть в Вене, Лондоне, Стамбуле, Париже, Каире, текст дважды издавался в Турции в прошлом веке¹⁹. Однако признано, что этот источник не всегда заслуживает доверия и должен привлекаться с большой осторожностью²⁰.

4) **Жалованные акты (ярлыки) крымских ханов.** Данный источник изучается уже более полутора столетий, в течение которых вводились в оборот все новые акты материалы. Особую роль в собирании и издании крымских ярлыков принадлежала активно работавшим вплоть до начала нашего века Одесскому обществу истории и древностей и Таврической ученой архивной комиссии, стараниями которых подготовлены многочисленные публикации материалов по истории Крыма. Судьба архивов указанных научных обществ была трагичной. Одесское собрание в годы Великой Отечественной войны частично погибло, частично было вывезено в Румынию (после войны возвращенные оттуда материалы оказались в Киеве). Часть архива ТУАК еще до войны пропала, другая часть ныне находится в собрании С.-Петербургского отделения ИВРАН²¹.

На сегодняшний день известно (в подлинниках или копиях) около 60 крымских ярлыков XV–XVI вв., часть которых до сих пор не опубликована, хотя и описана в литературе²². К сожалению, для XVI в. не сохранился такой ценный источник, как кадиаскерские книги (материалы духовного судопроизводства) – имеющиеся начинаются только с 1608 г.²³

5) **Финансовые документы османских владений в Крыму и Причерноморье.** Публикация этого, как и других уже названных комплексов документов из архивов Стамбула началась недавно. Данный источник представляет собой учетные и регулирующие материалы главным образом денежных поступлений в султанскую казну из османских владений в Северном Причерноморье (налоги, таможенные сборы и т.д.); он позволяет, помимо прочего, изучать состав населения крымских городов и его динамику, разные стороны экономической жизни османских провинций в этом регионе²⁴.

6) **Документы итальянских колоний в Причерноморье из архивов Генуи и Венеции.** Без них невозможно изучать начальный этап истории Крымского ханства, до османских завоеваний 70-х гг. XV в. Этот огромный массив источников давно и плодотворно разрабатывается историками. Наибольший интерес в данном случае представляют сведения об отношениях администрации итальянских городов и факторий в Крыму с местными татарскими правителями и сановниками²⁵.

Иначе обстоит дело с более поздними материалами итальянского происхождения – такими, как «Дневники» секретаря венецианской Синьории М. Сануто. Изданные еще 100 лет назад, они представляют собой пересказ входящей и исходящей документации Синьории конца XV – начала XVI в. и содержат интересную информацию по истории Центральной, Южной и Западной Европы, Ближнего Востока. Однако сведения по Восточной Европе (Руси, Крыму) в целом малодостоверны: лишившись возможности после потери владений на Черном море получать информацию из первых рук, венецианцы нередко сообщали

всевозможные непроверенные слухи, входившие в документы Сануто наравне с ценными фактами. Пример не заслуживающей доверия информации Сануто – текст так называемой грамоты московского великого князя Василия III султану Сулейману I, датированный 1523 г. При ближайшем рассмотрении этот текст оказывается не имеющим никакого отношения к Руси²⁶.

Заключая обзор документальных материалов, укажем и на публикации османских документов по истории Румынии, где также в той или иной степени затрагивается Крымское ханство²⁷. Коллекции материалов, относящихся к Крыму, имеются в Болгарии²⁸. Сохранившиеся документы крымско-шведских, крымско-датских отношений относятся главным образом к XVII в.²⁹

II. Нарративные источники

В этой группе материалов наиболее важны **крымско-татарские и османские хроники**. Особый интерес представляют древнейшие из них, в первую очередь крымская «История Сахиб-Гирав-хана» (середина XVI в.). Автором ее был приближенный Сахиб-Гирея Реммал-ходжа, написавший свой труд по заказу дочери хана после гибели последнего в 1551 г. Известно 6 списков труда Реммал-ходжи, старейший из которых хранится в Национальной библиотеке в Париже (1651 г.), другой (второй половины XVII в.) – в библиотеке Восточного факультета С.-Петербургского университета³⁰. Обе эти рукописи изучал В.Д. Смирнов, выполнивший перевод труда на русский язык (доныне не опубликованный)³¹. Кроме того, в рукописном отделе СПбО ИВРАН хранятся еще 4 списка XVIII–XIX вв., практически не привлекавшиеся исследователями. Существует публикация труда Реммал-ходжи в современной турецкой транскрипции и только по двум спискам (парижскому и петербургскому), в приложении к которой помещен хранящийся также в Париже французский перевод сочинения начала XVIII в.³² Настоятельной является задача критического издания «Истории Сахиб-Гирав-хана» с привлечением всех известных списков.

К более позднему относится сочинение Сейид-Мухаммеда Ризы «Семь планет в известиях о царях татарских» (середина XVIII в.)³³. Как отмечал еще В.Д. Смирнов, этот труд отличается крайне тяжелым, цветистым языком. Существует своего рода краткая редакция его (с продолжением), выполненная во второй половине XVIII в. Хурреми-челеби Акай-эфенди и ввиду отсутствия названия обозначенная Смирновым как «Краткая история». Два известных ее списка хранятся в Киеве и С.-Петербурге³⁴. Тогда же, с использованием предшествующих хроник, была составлена компилятивная «История крымских ханов» (название условное), рукопись которой имеется в собрании СПбО ИВРАН; по-видимому, сходны с нею две рукописи, хранящиеся в Киеве и Париже³⁵. Из числа поздних назовем также хронику Абдул-Гаффара Кырыми (середина XVIII в.) и «Розовый куст ханов» Халим-Гирея (начало XIX в.), тексты которых опубликованы в Турции в начале нынешнего столетия³⁷. Перечисленные позднейшие сочинения нередко используются зарубежными, особенно турецкими, авторами ввиду своей насыщенности фактическим материалом – но без достаточного критического анализа текстов, отстоящих от описываемых событий на 2–3 века.

Ценные сведения по истории Крыма имеются также во многих османских хрониках, подавляющее большинство которых опубликовано: «История Кипчакской степи» Абдуллы ибн-Ризвана, «Зеркало мира» Мехмеда Нешри, «История Мехмеда-Завоевателя» Турсун-бека, «История дома османов» Ибн Кемаля,

«История» Ибрагима Печеви и др. До сих пор не издан ценный труд – «История» ал-Дженнаби на арабском языке (XVI в.), два из многих известных списков которого имеются в С.-Петербурге³⁸. Почти все названные хроники в свое время активно привлекал В.Д. Смирнов.

Таким образом, корпус источников по ранней истории Крымского ханства достаточно велик (мы не останавливались на таких давно изданных материалах, как русские летописи, польские хроники, записки иностранцев и т.п.). Их комплексный анализ позволяет нарисовать достаточно полную картину крымской истории XV–XVI вв.

Опубликовано: *Анналы*. М., 1996. Вып. 3. Материалы научной конференции «Снесаревские чтения» 15–17 декабря 1995. С. 40–48.

Примечания

1. Подробнее см.: *Некрасов А.М.* Средневековое Северное Причерноморье как пограничный регион. *Russian History/Histoire Russe*. Vol. 19. № 1–4. 1992. P. 279–300; *Он же*. Крым – центр причерноморской контактной зоны. Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 22–41.
2. См.: *Некрасов А.М.* К истории Крымского ханства и его взаимоотношений с Россией в XV–XVI вв. *История и историки*. М., 1995. С. 156–159.
3. О посольских книгах и их соотношении со столбцами см.: *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994; там же подробная библиография публикаций.
4. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 1–21. Столбцы ныне хранятся в виде дел, которых за 1579–1598 гг. имеется 37.
5. См. напр.: *Воскобойникова Н.П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII в. (Ф. 141). М., 1994. С. 94–96, 101–102, 105, 107, 152, 169–170.
6. РО РНБ. Эрм. 550/1, 4, 5, 7, 9, 10, 12–14. Самостоятельного значения не имеют (тем более, что копия кн. 6 дефектна – утеряна и перепутана часть листов).
7. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1–3; Ф. 127. Оп. 1. Кн. 1–10 и отд. дела.
8. Там же. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1–3 (опубликована кн. 3); Ф. 79. Оп. 1. Кн. 1–23 (опубл. полностью кн. 1–9).
9. Документы вошли в состав фонда Оружейной палаты (Ф. 396).
10. См.: Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг. М., 1877. Вып. 1. С. 99–109, 138–140.
11. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные... из Московского Главного архива МИД. СПб., 1864.
12. Материалы для истории Крымского ханства. С. 8–9 (№ 3), подлинный документ: РГАДА. Ф. 123. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–2 об. (Там же. Л. 3–3 об. – перевод на русский язык В.В. Григорьева). Изложение текста в посольской книге. Ф. 123. Кн. 18. Л. 158–158 об. (прибытие ханских гонцов в Москву – январь 1591 г.). Грамота датирована зулькада 998 г.х. – сентябрем 1590 г. (дата на обложке архивного дела, 1588–1589 г., неверна). В публикации настоящей статьи 1996 г. также давалось неточное указание даты (и адресата) подлинника – прим. автора 2015 г.
13. Там же. Оп. 1. 1586. Д. 1. Л. 101, 103, 111–113; Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д. 13. Л. 84.
14. Подлинники в РГАДА (Ф. 389). Обзор публикаций см.: *Исследования по истории Литовской Метрики*. М., 1989. Ч. 1. С. 11–31, 64–84, 142–157.
15. *Abrahamowicz Z.* Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich. Przegląd orientalistyczny. № 2(10). Warszawa, 1954. P. 141–148.
16. См.: *Katalog dokumentów tureckich. Dokumenty do dziejów Polski i krajów ościennych w latach 1455–1672* (Abrahamowicz Z., ed.). Warszawa, 1959.
17. Обзор публикаций см.: *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 19–20.

18. КСАМРТ.
19. См.: *Babinger F.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927. P. 106–108.
20. *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Т. 1. С. 273.
21. Подробнее см.: *Усманов М.А.* Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение. АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 117–135.
22. Хранятся в С.-Петербурге, Киеве, Симферополе: *Усманов М.А.* О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса XIV–XVI вв. АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 46–51; *Он же.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 20–58.
23. Хранятся в РО РНБ (Ф. 917). Опубл. лишь отрывки книги за 1608–1613 гг.
24. Подробнее см.: *Veinstein G.* Réalités et problèmes de l'implantation ottomane au nord de la Mer Noire (XVI-e s.). İkinci Tarih Boyunca Karadeniz Kongresi Bildirileri. Samsun, 1990. P. 584–606; *Некрасов А.М.* Крым – центр причерноморской контактной зоны. С. 30–33.
25. *Карпов С.П.* Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах. Вестник Моск. университета. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 14.
26. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. С. 95–96.
27. Documente turcești privind istoria României. Vol. 1. 1455–1774. București, 1976.
28. *Шенгелия Н.Н.* Османские документальные источники о народах Кавказа, хранящиеся в архивах Болгарии. Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 140.
29. *Возгрин В.Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР. ВИД. Т. 9. Л., 1978. С. 318–334; *Matuz J.* Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen. Freiburg, 1976.
30. Bibliothèque Nationale. Manuscrits orientaux. Suppl. Turc № 164; Библиотека Восточного факультета СПбГУ. MS.O 488.
31. Парижская рукопись полнее петербургской. Беловой текст русского перевода последней: СПбО ИВРАН. Архив востоковедов. Ф. 50 (Смирнов В.Д.). Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 103–150. Впоследствии В.Д. Смирнов дополнил и отредактировал перевод по парижской рукописи; черновик нового перевода: Там же. Л. 1–102. Фотокопия парижской рукописи и заметки ученого по языку сочинения: Там же. Ед. хр. 11, 68.
32. TSGH; о рукописях ИВРАН: *Дмитриева Л.В.* и др. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. М., 1965. Т. 1. С. 124–126; 1975. Т. 2. С. 48.
33. *Сейид Мухаммед Риза.* Ассерб о-ссейяр или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832.
34. Рукописный отдел Центр. науч. библиотеки НАН Украины (далее – РО ЦНБ НАНУ), Киев. Ф. 5. № 3805; РО РНБ. Ф. 933. № 208. Извлечения опубл.: ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 379–392.
35. О рукописи ИВРАН: *Дмитриева Л.В.* и др. Указ. соч. Т. 1. С. 127–128; другие рукописи: РО ЦНБ НАНУ. Ф. 5. № 3804; Bibliothèque Nationale. Manuscrits orientaux. № 515. Франц. перевод: Nouveau Journal Asiatique. Ser. 2. 1833. Т. 12. P. 349–380, 428–458.
36. *Abdulgaffar Kırmı.* Umdet el-Tevarih. Istanbul, 1343 H (1924); Halim Giray. Gülbün-ü Hânân. Istanbul, 1327 H (1911).
37. *Babinger F.* Op.cit. P. 108–109; Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР. Краткий каталог. Т. 1. М., 1986. С. 428.

БРИТАНСКИЙ ИСТОЧНИК XVIII ВЕКА ОБ АЗОВСКИХ ПОХОДАХ ПЕТРА I

Азовские походы 1695 и 1696 гг. стали для Петра I начальным военным опытом. Неудача первого из них только укрепила молодого царя в стремлении добиться победы, которая и была достигнута годом позже. В библиотеке Британского музея в Лондоне хранится донныне практически не известный исследователям источник, содержащий подробное описание азовских экспедиций. В составе рукописного сборника XVIII в. находится текст, озаглавленный «Отчет об осадах Азова в 1695 и 1696 годах генерала Гордона, командовавшего значительной частью армии». В заголовке назван один из известных военных деятелей России второй половины XVII в. – генерал Патрик Гордон (1635–1699), шотландец по происхождению, почти 40 лет находившийся на русской службе. Однако, изучение текста приводит к выводу, что составителем «Отчета» был вовсе не он, хотя знаменитый «Дневник» Гордона и послужил для «Отчета» одним из главных источников (значительная часть «Отчета», по сути дела, представляет собой сокращенное изложение соответствующих разделов «Дневника»). Вместе с тем, очевидно, что в распоряжении составителя «Отчета» были и другие источники: целый ряд приведенных им фактов не находит параллелей в «Дневнике». Более того, в первых же строках «Отчета» прямо сообщается: «Я получил некоторые описания или, скорее, дневники осад Азова в этом и прошлом году, написанные разными умными людьми, которые присутствовали там и своими глазами видели происходящее. Найдя многие разделы в них заслуживающими внимания, я решил, разнообразия ради, в перерывах своих занятий свести их в единое повествование – возможно, и не столь точное и совершенное, как хотелось бы» (f. 425). Понятно, что участвовавший в обоих походах под Азов Гордон был в числе этих «умных людей», но о составителе «Отчета» приходится пока лишь высказать предположения.

Наиболее вероятным кандидатом тут выглядит британский дипломат Чарльз Витворт – посланник английского правительства в России в 1705–1712 гг. В научный оборот давно введены его многочисленные донесения в Лондон; менее известен отечественным историкам его «Отчет о том, что из себя являла Россия в 1710 г.», опубликованный много позже написания (1758)¹. Прибыв в Россию в феврале 1705 г., Витворт как раз и получил возможность ознакомиться с оставшейся здесь рукописью «Дневника» Гордона (она и ныне хранится в Российском государственном военно-историческом архиве). Разумеется, высказанная гипотеза требует дальнейшего подтверждения.

Сказанные составителем в приведенном отрывке введения к «Отчету» слова «в этом и прошлом году» вряд ли относятся к самим походам: маловероятно, что записи о них, к тому же сделанные разными людьми, столь быстро могли оказаться еще в чьих-то руках. Речь идет, надо думать, о получении в течение двух лет «некоторых описаний», а не о времени составления «Отчета». Но, в любом случае, он, предположительно, составлен ранее 1711 г.: там много говорит-

ся о прежних эпизодах русско-турецких отношений, но не найти ни намека на Прутский поход, неудача которого надолго свела на нет успех 1696 г.

«Дневник» Гордона неоднократно привлекался историками как один из самых полных и интересных источников по истории России кануна и начала петровской эпохи и, в частности, истории азовских походов. Однако, целиком эта огромная по объему рукопись до сих пор не издана, хотя не раз публиковались, в том числе и на русском языке, отдельные ее части. Описание Гордоном походов 1695 и 1696 гг. известно историкам по вышедшему почти полтора столетия назад немецкому переводу². Русский перевод соответствующего раздела «Дневника» не издавался³. Поэтому представляется не лишним интереса предложить исследователям перевод отрывков анонимного «Отчета». Его текст хотя и близок к «Дневнику» Гордона, но одновременно имеет и самостоятельное значение как источник, в ряде случаев дополняющий «Дневник».

«Отчет» включает общее введение (ff. 425–425 г.), краткий обзор русско-турецких отношений с конца XVI в. и предшествовавших азовским походам событий (ff. 427–432), рассказы о походах 1695 г. (ff. 432–446) и 1696 г. (ff. 446–452, 426). Отдельные листы дефектны – утерян текст.

Публикацию подготовили доктор Г. Херд из Стаффордширского университета (Graeme Herd, University of Staffordshire, Great Britain) и кандидат исторических наук А.М. Некрасов. Большую помощь публикаторам оказала доктор Л. Хьюз (Лондонский университет), за что выражаем ей благодарность.

**ИЗ ОТЧЕТА ОБ ОСАДЕ АЗОВА В 1695 И 1695 ГОДАХ
ГЕНЕРАЛА ГОРДОНА, КОМАНДОВАВШЕГО
ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ АРМИИ
[не позже 1711 г.]**

[Осада 1695 г.]

[f. 437] 5-е [июля]. Около 4 ч. дня подошли две остальные армии, почти не встретив в пути противодействия. Генерал [Гордон] выехал на милю из лагеря встретить их и указать другим генералам⁴ удобное место для лагеря. Но его совет принят не был – генерал Лефорт разбил лагерь на левом фланге между старой и новой стенами слишком далеко от соседней армии, а генерал Головин расположился позади обеих стен на еще большем удалении (правда, надо учесть, что Его Величество оставался в этой армии), тогда как генерал Гордон наметил гораздо более подходящие и не такие опасные позиции.

Вечером в палатке генерала Гордона состоялся военный совет, на котором инженеров из других армий не удалось убедить начать земляные работы той же ночью, хотя никто и не возражал.

Этой ночью генерал Гордон наметил два места, где предстояло подготовить позиции для мортир. Траншеи углубили, расширили, и к полудню довели до такого совершенства, что уже можно стало разместить 8 мортир. Они открыли стрельбу по городу и метали бомбы с большим успехом [...].

Вечером на море появилось с 20 галер [...].

7-е. С рассветом несколько судов отправилось из города к турецкому флоту. После полудня они возвратились тяжело нагруженные, а христиане⁵ были не в состоянии им помешать из-за недостатка смелости и отсутствия единства в армии.

Армия под командованием генерала Лефорта той ночью соорудила на левом фланге редут с большой насыпью вокруг него, куда поместили 4 больших орудия. Они вели огонь с этой стороны города [...].

7 июля. Около 4 ч. дня турки прошли сквозь сады и совершили ужасный налет на лагерь генерала Лефорта. Ворвавшись в него, они убили многих солдат, нескольких захватили [f. 437 г.], еще больше ранили и нанесли бы и худший урон, если бы 2 или 3 тысячи солдат из лагеря генерала Гордона не поспешили на помощь через поле, отрезая турок от города. Те, увидев это, отошли в сады и увели пленных. Турецкая конница помогала пехоте, но с появлением отряда из другого лагеря также отступила. С собой они забрали много голов, которые потом насадили на колья вдоль стены.

Ночью в городе веселились, играли на разных инструментах.

У турок были на то причины, ведь им привезли амуницию, провизию и жалованье, да и вылазка принесла немалый успех: потеряв немногих людей, они побили сотни христиан [...].

8 июля. На левом фланге траншеи армии генерала Лефорта продвигались вперед, но медленно, из-за лени и нерешительности инженеров [...].

[f. 438] 11 июля. В тот день много орудий в городе было разбито огнем и сделано непригодными, но апроши⁶ на левом фланге нисколько не продвинулись.

13 июля. В этот день состоялся военный совет у генерала Гордона, где постановили атаковать ближнюю из каланчей⁷. Поэтому 200 казакам приказали готовиться, и каждому обещали по 10 руб. Для этой экспедиции также отрядили полк солдат с Волги под началом полковника Шарпа⁸.

[...] 14-е. Генерал Гордон перед тем продвинул свои апроши намного влево, чтобы побудить наступающих на том фланге двигаться быстрее и проложить к ним коммуникации, или же наступать вместе ввиду уже случившихся 4 вылазок неприятеля. Но все без толку – те так и остались сажены⁹ на 20 позади [...].

[f. 438 г.] 15 июля. Утром принявший русскую веру матрос-немец, чем-то недовольный, дезертировал и пробрался в город... Предатель Яков¹⁰ ... сообщил туркам все сведения: что траншеи генерала Гордона далеко впереди других и еще не достаточно защищены, а большой отряд из его армии отбыл с подводами к [реке] Койсуге за амуницией и провиантом; что генералы настроены друг к другу недружественно, а значит – подмоги из других армий ждать не приходится; что русские обыкновенно после полудня спят и более уязвимы, нежели в другое время. Воодушевленные всем этим турки решились на отчаянную вылазку, ... скрытно пробрались через ров и сады справа и оказались в траншеях прежде, чем их обнаружили. Это привело в такой ужас стрельцов (а там был их пост), что они почти не сопротивлялись и в большинстве бросились бежать,拋сав оружие. Их так и не удалось заставить собраться с духом и занять редут с орудиями, они и не думали обороняться и в беспорядке отступали... Шум боя услышали в лагере генерала Гордона, послали в другие армии за помощью и с отборной гвардией поспешили на подмогу... После получасового боя турок выбили из траншей и обратили в бегство. Христиане их преследовали до самого рва, хотя имели приказ лишь занять свои траншеи. Турки же увидели, в каком беспорядке преследователи [f. 439], повернули и с помощью людей из города и спешившейся конницы, что с криками появилась слева из заросших садов, вновь обратили христиан в смятение и бегство [...].

16-е. Ночью христиане занимались ремонтом и укреплением траншей и редутов, чтобы на будущее уберечься от [f. 439 г.] подобного урона. Турок этой

ночью выбили градом бомб и пуль из второй каланчи. Они отошли к крепости Лютик¹¹, оставив 20 орудий, разные припасы, амуницию и имущество, немного провианта. Сразу же сообщили на Койсугу, где хранились провиант и амуниция, что свободен путь по воде, и велели доставить все это по реке к каланчам.

[...] 17 июля. Днем генерал Гордон созвал и провел военный совет, где были высказаны три предложения: послать отряд за Дон, укрепиться в садах на той стороне напротив города и блокировать его оттуда; соорудить линию редутов от позиций генерала Лефорта вниз к реке и окружить город, чтобы воспрепятствовать сообщению его с конницей вне города; укрепить форты у каланчей. Все три предложения одобрили и сочли здравыми, но постановили исполнять лишь первое. Более опытные люди с тем не согласились, возражали против подобного промедления и доказывали, что такими способами и средствами Азова не взять...

19-е. Опять прошел военный совет, и 4 тысячам человек приказали готовиться к переправе через Дон. Командовать этим отрядом назначили князя Якова Федоровича Долгорукого [...]

[f. 440 r.] 28-е. Решено склонять осажденных к переговорам; подготовлено за подписями трех генералов и доставлено послание. Через 3 ч. получен письменный ответ с отказом и хвастливыми словами – то есть брошен вызов, и обе стороны возобновили огонь. Надежды на мирное соглашение растаяли, и христиане принялись выдвигать вперед войсковые колонны и траншеи усерднее прежнего; но работе мешали как многочисленный гарнизон [Азова], так и нехватка опыта у христиан. Потому немалую часть работ сделали как обычно, то есть не до конца [...].

30-е. Все горели нетерпением положить делу конец; о штурме, как единственном средстве, толковали те, кто не понимал, что это означает, и больше других желали скорейшего возвращения. Они отстаивали штурм, так что составилась проект созыва добровольцев, которые бы сами выбрали себе офицеров. Каждому обещали по 10 руб., а офицеров – наградить особо. Записались солдаты, стрельцы и более 2000 прознавших о том казаков, и еще были желающие из казаков, но солдаты и стрельцы не особенно рвались. Все же, хотя приказали отрядить из каждой армии по 1500 человек, всего записалось 6 или 7 тысяч.

Самые опытные в армиях люди не одобряли такой проект и предсказывали беспорядок и позор, не говоря о больших потерях среди наиболее отважных. Но они остались в меньшинстве, было решено идти на штурм. Для него приготовили лестницы, материал для мостов и укрытий, связки тростника для фашин [...].

[f. 441] 2-е [августа]. Провели военный совет, где многие с большим жаром настаивали устроить штурм или общий приступ города в ближайшее воскресенье или понедельник, потом и в пятницу. И даже высказанные кое-кем убедительные доводы не помешали необдуманному решению генералов. Так что, хотя апроши и отстояли еще на 50–60 сажень от городского рва, условились идти на штурм; добровольцам приказали готовиться к приступу [...].

Отрядам из армий генералов Гордона и Головина было приказано идти на штурм с правого фланга низом вдоль реки, а отряду генерала Лефорта и казакам – на левом фланге. Отряды разместились внутри и вблизи траншей, чтобы с рассветом наступать по сигналу побудки.

5 августа. На рассвете ударил барабан. Командовавший на правом фланге генерал приказал идти на приступ; солдатам выборного полка было предписано наблюдать за больверком¹² слева и непрерывно вести по нему огонь [f. 441 r.]. Но движение шло медленно, хотя нацеленные на больверк выборные солдаты продвигались вперед с большой решимостью и отвагой. 200 или 300 из них даже

вскарабкались на бастион и схватились с турками; но другие их не поддержали, так как попали в сады и рвы и скрывались там, не наступая на противника, хотя инесли огромный урон от турок. Те с легкостью и без угрозы для себя расстреливали их со стен как на охоте.

Около полудня христиане бились с неприятелем на бастионах, не входя в город, а в это время на другой стороне приступ и не начинался. Только несколько лодок с казаками, согласно приказу, спустились по реке, понеся небольшой урон от стрельбы с башни, и высадились ниже по течению. Лишь тогда начался приступ на левом фланге, но столь же безуспешно, как и на правом. Солдаты средней колонны сделали вид, что идут на приступ, но были сильно потрепаны и потеряли людей. Наконец генералы убедились, что люди несут огромные потери, а дело не движется, и дали приказ отступать. Штурм длился около 2 ч.

Среди христиан было убито 1200 человек, и многие из них остались во рвах и около них, и еще вдвое больше было ранено, многие потом умерли. В дивизии генерала Гордона ранило двух полковников, которые вскоре умерли, также ранены подполковник и многие другие офицеры – кто умер, а кто убит на месте¹³ [...].

6-е. На другой день созвали военный совет, который решил продолжать осаду и продвигаться дальше, хотя большинство не особенно надеялось на успех [...].

[f. 442] 15 августа. Бывший лазутчиком в Азове донской казак рассказал, что свел там близкое знакомство с высокопоставленным турком; если бы он мог с ним поговорить, то, наверное, сумел бы деньгами склонить его, чтобы советовал и убеждал гарнизон сдаться. Этот проект одобрили и, надеясь на переговоры в тот же день, написали письмо, но турки и слышать не хотели ни о каком перемирии. Они принялись стрелять в казака, который, пытаясь заговорить с ними, размахивал шапкой, кричал и показывал издали письмо [...].

[f. 442 г.] 2 сентября. Казаки захватили двух пленных; те сообщили, что в этот день ждут нурадин-султана¹⁴ с 10 тыс. татар и 500 янычарами, которых осажденные намереваются провести в город. Пленные также подтвердили, что во время штурма 5 августа убиты бей и янычарский ага. Должность бея, или коменданта, предложили Кубек-мурзе, но он отказался.

Весть о приближении нурадин-султана не привела христиан в уныние, особенно Его Величество царя. Он участвовал в осаде под видом простого бомбардира, но при этом лично за всем надзирал, несмотря на немалую опасность и риск, неустанно готовил и метал бомбы и достиг в этом большого искусства. Поэтому и в этом случае он пошел вместе с генералами осмотреть место, где, как говорили, должен был пройти нурадин-султан и посоветовал соорудить 3 редута с линиями коммуникаций. Их построили у реки за сутки и укрепили [f. 443] со стороны моря, города и поля [...]

[f. 443 г.] 15 сентября. На направлении колонны генерала Головина заложили мину, подведя ее (как посчитал неумелый минер) под лицевую часть больверка. Минную камеру во избежание перехвата генерал приказал заранее заполнить порохом. Невзирая на протесты авторов [этих строк], решили взорвать мину в надежде, что она проделает большой пролом в стене; тогда находящиеся рядом люди должны пройти сквозь брешь, а другие – занять возможно большую часть стены.

16-е. Около 3 ч. дня солдатам залпом из трех орудий дали сигнал отойти из ближайших окопов и взорвать мины. Вскоре взрыв был произведен, но он не пошел в сторону рва, а взметнул вверх и бросил на христиан землю, камни, доски, бревна и все прочее. Убило около 30 человек и больше ста контузило; в их числе было 2 полковника, подполковник и много других офицеров. Это вызвало среди

солдат сильный ужас и неприязнь к иностранцам. Немало огорчен был и Его Величество. Мина заключала в себе 83 фунта пороха. Таков был третий несчастливый понедельник осады [...].

[f. 444] 18 сентября. В лагерь прибыл стольник из Москвы и привез около 70 тыс. руб. – полугодовое жалованье для офицеров и стрельцов и жалованье за несколько месяцев для прочих солдат... На среду 25-е назначили штурм. Накануне минные камеры заполнили порохом и гранатами и крепко закрыли, подготовили и все остальное для приступа.

25-е. Состоявшийся утром военный совет постановил всем назначенным к штурму в 3 ч. быть наготове в ближних траншеях; по сигналу трех орудий надлежит поджечь мины.

Как только закончили подготовку и надежно защитили лагерь от неприятеля со стороны поля, прозвучал сигнал. Заминированы были небольшая часть куртины, весь фланг и с 2 сажени лицевой стороны больверка, всего около 20 сажень. Но из-за частоккола (палисада) за бруствером и сильного южного ветра масса земли, камней и мусора полетела назад на осаждающих, нескольких обожгло и ранило, а троих или четверых стрельцов убило – хотя им и было приказано кому укрыться в апрошах, а кому – отступить подальше. Однако турки оказались так напуганы взрывом, что покинули стену, так что христиане с помощью лестниц перебрались через ров, очень отлогий, старый и поросший травой.

Христиане, что были в средней колонне, ворвались на стену и заняли часть ее против своей колонны – то есть угловой и средний больверки и куртину между ними. Но шедшие в других колоннах не бросились захватывать стены на своих участках. Поэтому турки не понесли урона, собрали резервы со всех позиций, во множестве кинулись на стену, снова сбросили с нее солдат и стрельцов и немедленно заняли стену еще большим числом. Все же солдаты средней колонны не прекратили приступа и держались у наружной стороны стены, во рву и ближайших траншеях. При поддержке с левого фланга они вновь пошли вперед. Нескольким даже удалось забраться на стену, но, невзирая на их доблесть и отчаянное сопротивление, турки опять взяли верх.

[f. 444 г.] Тем временем казаки на правом фланге стали вновь подступать к городу. Так как успех казался тут возможным, командовавший ими дворянин призвал на помощь наступавших по соседству; после чего полковник Чамберс двинулся вперед с батальоном Преображенского полка. Не встретив особого противодействия, он вошел в город у реки и занял позицию среди развалин домов. Но из укрепления сверху велся шквальный огонь, полковника ранило, и еще нескольких людей ранило и убило. Увидев, что помощь не подходит, они отступили. Посланные же на подмогу 2 батальона из дивизии генерала Гордона пробиться не смогли, так как турки, поняв, сколь слабы усилия остальных колонн, ринулись сюда во множестве. Третий приступ предприняли солдаты средней и левой колонн, но тщетно – только потеряли людей.

К тому времени уже наступил вечер, и генералы подали сигнал к отступлению. Солдаты направились к лагерям, оставив дозорных, впрочем, числом больше обычного [...].

Теперь, когда всякая надежда взять город пропала, было решено уходить, оставив сильный гарнизон в фортах (городке) у каланчей.

Для этой цели отрядили по 1000 человек из каждой армии, из них сформировали 3 полка под началом полковников и с полным составом офицеров. Командантом оставили неопытного дворянина по имени Ржевский(?)¹⁵ [...].

[Осада 1696 г.]

[f. 447] 13 апреля. Генерал Гордон со своей армией или дивизией отплыл на судах вниз по реке Воронеж к реке Дон. Генералиссимус и другой генерал отбыли вслед за ним [f. 447 r.].

Май. Казаки сообщили, что в устье реки Дон стоят на якоре 2 корабля и разгружают провизию в Азов. Было решено приблизиться и атаковать их. Поэтому 18 мая суда двинулись вниз по реке и около полуночи подошли к городку у каланчей, названному теперь Новосергиевск. Перед рассветом генерал [Гордон], занявший позиции в малом форте, и остальные, расположившиеся на острове, срочно укрепили траншеями пространство для 2000 или 3000 человек, которых к вечеру и расположили в надлежащем порядке. В удобных местах разместили орудия.

Вечером донские казаки на 40 лодках, по 20 человек в каждой, отправились вниз по реке Каланче. Командующий двинулся следом с 9 галерами и полком пехоты в больших стругах, чтобы атаковать 2 корабля на рейде.

20-е. Еще днем раньше рассудили, что, пока христиане будут атаковать суда на рейде, вражеский гарнизон может слева устроить вылазку на помощь своим, а потому генералу Гордону целесообразно передвинуться на остров со всеми 3 полками и направиться к Азову для проведения отвлекающего маневра. Так он и сделал: полки вышли в пределы видимости неприятеля¹⁶.

Тем временем отряд турецкой конницы и пехоты вышел из водяных ворот и вскоре после полудня вернулся с 800 людьми, которых высадил стоящий на рейде флот. Незадолго до вечера галеры двинулись обратно вверх по реке. Около полуночи на [русские] суда прибыл сам командующий. Так как оказалось, что вражеский флот состоит из 30 или 40 галер разного вида и размера, вести атаку большими судами сочли слишком рискованным. Казаки на легких небольших судах встали на одном из устьев Каланчи за островом в ожидании удобного момента для получения преимущества над турками. Это и удалось незадолго до вечера, когда вражеские грузовые суда двинулись сквозь мелководье в поисках протока для выхода из реки; галеры же стояли далеко в море. Казаки тайно вышли из своего укрытия и на большой скорости двинулись к неприятельским судам, хотя и потеряли сколько-то времени на перетаскивание лодок на 300–400 сажень по мелководью. Тем временем турки, заметив столь решительно надвигающихся казаков, принялись сбивать суда вместе и готовиться к обороне. Но казаки налетели так быстро, что у тех не осталось времени выстроиться в боевой порядок; они попрыгали в лодки и бросились спасаться на галеры. Казаки взобрались на ближайшее судно, бросились хватать добычу и потому замешкались. Это позволило нескольким турецким кораблям отойти, а 6 из них поднялись по реке к городу. Казаки забрали привезенные для уплаты жалованья гарнизону 50 тысяч дукатов и все лучшие вещи, подожгли суда (а их было 3 больших и 10 малых) и увели одно из судов, именуемое ушкола. Много турок было убито, [f. 448] 27 взято в плен. Добыча составила 700 пик, 600 кривых турецких сабель, 400 турецких пищадей и мушкетов, 8000 тюков сукна и много суконной одежды, изрядное количество провизии: сухари, мука, табак, крупа, бекмес (сироп), уксус, а также ядра, много пороха, ручных гранат и бомб [...].

[...] 20-е. Прибыли генералиссимус и генерал Головин с другим полком. Тогда же подошли сухим путем и полки под командованием генерал-майора Ригемана и, переправившись через реку Дон в Черкасске, расположились лагерем между двумя старыми стенами. В это же время прибыл полковник Джеймс Гордон с 3 полками из Тамбова [...]

[...] Июнь. Прибыл адмирал Лефорт с 10 галерами, и еще одна – немного спустя. 5-е. Армия московской конницы прибыла и расположилась лагерем около других; с ней было 10 полков пехоты, без которых сочли двигаться небезопасным¹⁷ [...].

14-е. Появились и подошли к рейду несколько галер и бросили якорь в отдалении: всего было 20 больших и около того малых судов. Взятый на другой день пленный рассказал, что этот флот привез в Азов 4000 человек [f. 448 r.] во главе с пашой¹⁸ [...].

16-е. Соорудив 9 батарей орудий разного калибра и 4 батареи мортир и проложив коммуникации между апрошами, рассудили, что имеет смысл попробовать склонить город к сдаче: ведь из города так и не раздалось ни единого выстрела тяжелых пушек, хотя противник и не переставал вести огонь. Так что с казакom, знавшим турецкий, послали письмо по-русски с переводом. Там, откуда он собрался идти, стали размахивать белым флагом. Казак отправился, но турки принялись по нему стрелять, и он вернулся. Так повторялось еще дважды, но все напрасно. Тогда белый флаг заменили на красный, и тотчас же со всех батарей ударили пушки и полетели бомбы. Это вызвало в городе большой переполох, как нетрудно было заключить по донесшимся оттуда ужасным крикам и стенаниям. Христиане вели огонь из тяжелых орудий до ночи и всю ночь. Бомбы причинили большие разрушения и опрокинули несколько неприятельских орудий.

17-е. Все лодки флота христиан с казаками двинулись к турецкому флоту, намереваясь нагнать страху на турок, но те выслали свои лодки с хорошо вооруженными людьми. Христиане решили не ввязываться в стычку и повернули обратно¹⁹.

[...] 18-е. Взятый пленник сообщил, что конницу под началом нурадин-султана и Муртазы-паши, числом в 6000 человек, ждут со дня на день; также призвали попробовать прорваться в город с войском турначи-пашу. Тот отказался, сказав, что послал к султану за распоряжениями и будет их дожидаться; да он и не видит, как можно попасть в город даже и не беря с собой привезенную амуницию и провиант. А солдатам с пустыми руками нет смысла рисковать и идти на прорыв, так как их могут окружить...

[f. 449] 19-е. Вечером черкасы²⁰ стали пробивать апроши совсем близко к неприятелю; это можно было делать тем безопаснее, что они с обеих сторон были защищены [...]

[...] 20-е. Апроши отстояли ото рва уже только на 20 саженой и были целиком перекрыты сверху. Рядовые солдаты предложили не двигать их дальше, а бросать землю перед собой наподобие насыпи, выводя ее вперед и заполняя ров, с тем чтобы оказаться в конце концов выше неприятельской стены [...].

[...] [f. 449 r.] 25-е. Несколько инженеров и фейерверкеров прибыли в лагерь водным путем от курфюрста Бранденбургского, но для них уже почти не нашлось работы: русские продвигались к городу совершенно новым способом, какого те никогда не видали и не слышали.

[...] [f. 450] 4 июля. Так как перебрасывание земли в сторону города оставляло христиан совсем без укрытия, и они оказывались для осажденных видны как на ладони, начали возводить насыпь для укрытия и позади копавших. Сделав ее выше турецкой стены, можно было установить наверху орудия и вести огонь... по городу.

[...] 8-е. Казаки привели пленника-татарина. На допросе он сказал, что турки еще не потеряли надежды попасть в город и намереваются пробиваться, и что вот-вот ожидают калгу-султана²¹ с 6000 человек из Крыма (откуда на подмогу посланы два ханских сына).

9-е. Насыпь подвели так близко ко рву, что в него стала падать земля. Были брошены все силы на ускорение работы. Насыпь позади наступавших довели до такого совершенства, что она стала отличным укрытием и защитой для христиан. Это наводило ужас на осажденных: они видели, что их ров неуклонно наполняется землей, а орудия русских оказались стоящими выше их собственных и всего в 20 шагах ото рва.

[f. 450 r.] 10-е. Имперский полковник артиллерии получил под свое командование все батареи, приказал установить орудия в самых удобных местах и с большим успехом вел огонь по городской стене. Инженерам работы было мало. Они занимались минными подкопами, которые уже протянулись далеко вперед и непрерывно продвигались дальше...

15-е. Ночью ров оказался засыпан, а насыпь подвели вплотную к туркам. Тем пришлось втащить орудия внутрь бастиона.

[...] 17-е. Черкасы засели на угловом бастионе снаружи палисадов, устроенных в насыпи. Имевшиеся на бастионе 3 малых орудия турки приковали цепью одно к другому, черкасы попытались утащить орудия, что вызвало сильную суматоху. Турки стали бешено сопротивляться; чтобы не дать им насесть на казаков всеми силами, христиане были вынуждены на других флангах создать видимость общего приступа.

[...] 18-го утром состоялся военный совет; было решено подготовить общий штурм ко вторнику. Но чтобы не опережать события, решили пока только выбить турок с вала и не вступать в город... Осажденные видели, что насыпь уже нависает над их стеной и не имели возможности делать вылазки – если они и пытались, то сразу вязли в рыхлой свеженасыпанной земле. А так как на помощь войск снаружи не было никакой надежды, и ежечасно ожидался общий штурм, турки решились капитулировать, на что христиане выразили согласие. Из города выслали двух человек с письмами к генералиссимусу, прося выпустить их с женами, детьми, оружием и вещами... После обмена посыльными позволение на это было дано. Наибольшей трудностью оказалось то, что турки не хотели выдавать предателя Яшку, или Якова (немца, что перебежал к ним в прошлом году и был причиной многих зол), так как он стал турком²² и вступил в янычары; но все же в конце концов уступили.

[f. 451] 19 июля. Десяти полкам было велено блокировать город и еще восьми – встать коридором, сквозь который осажденных должны были пропустить от ворот у реки к ожидавшим лодкам. Те пристали к берегу ниже города. Турки вышли в полном беспорядке, кто как собрался, вытянули лодки на берег и погрузились вместе с женами и детьми. Тем временем черкасы и казаки вошли в город и бросились хватать все подряд, хотя этого всеми силами пытались не допустить. Комендант города и ага еще с несколькими важными особами и 16 знаменами вышли в сопровождении охраны. Их подвели к генералиссимусу, находившемуся в седле верхом у берега. Пришедшие положили наземь знамена и отплыли вниз по реке [...].

Казаки в беспорядке отправились вверх по реке и призвали защитников крепости Лютик к сдаче, заявив, что Азов уже сдался. Им не поверили и потребовали оставить заложника, пока турки пошлют человека узнать правду; если же это действительно так, то они сдадутся. На том и сошлись. Посланца из Лютика доставили в Азов, где он увидел все, что хотел. Назад с ним отрядили своего посыльного с предложенными генералиссимусом условиями, ведь теперь склонить к сдаче в плен уже не представляло труда, но Его Величество, лично присутствовавший здесь, пожелал проявить такое же великодушие, как и к азовцам – к

тому же это был первый случай показать, что московиты, как и другие, умеют принимать капитуляцию... Поэтому вместе с турком и 300 верховыми послали русского дворянина [f. 451 r.] с тем условием, что гарнизон должен оставить на месте оружие, выйти в чем есть и взять столько провизии, сколько можно унести. Тогда их благополучно доставят к реке Кагальник. Те с радостью согласились и вышли из крепости в количестве 115 человек [...].

22-е. Напротив города бросили якорь несколько [русских] галер. В специально устроенные помещения с них перенесли оружие и снаряжение. Подошли и галеасы, а из фортов напротив города вывели солдат. Плотники занялись работой в турецкой мечети; чтобы превратить ее в христианскую церковь; старую же церковь было велено отремонтировать, и устроить между ними небольшое пустое пространство²³...

[f. 452] 26-го. Его Величество вместе с генералиссимусом, генералом Гордоном, инженером Лавалем и некоторыми другими важными лицами отправился на лодках к галерам, стоявшим на якоре в устье реки, и остался там на ночь. На другой день они приплыли на другую сторону к месту под названием Таганрог. Там намеревались устроить гавань и форт для ее защиты от неприятеля. Осмотрев также и другое место чуть дальше²⁴, а затем и Лютик, они вернулись [...].

[f. 452 r.] Эта экспедиция имела больший успех, чем предыдущая годом раньше, по следующим причинам:

1. Христиане, вдобавок к коннице, имели вдвое больше пехоты, чем раньше.
2. Гарнизон крепости был едва ли не вдвое слабее, чем в первый раз, и состоял в основном из новых и необученных людей.

[f. 426]²⁵ 3. В городе сильно не хватало амуниции, особенно свинца, и не было никакой надежды получить провизию.

4. Не было, как в прошлом году, тройного начальствования армиями (триумвирата) – то есть разногласий и соперничества, командование сосредоточилось в одних руках; следовали также советам лучших специалистов.

5. Подошли на 6 недель раньше и не дали туркам переправить в город провизию, амуницию и подкрепления.

6. Разгром главного флота турок обескуражил осажденных, отнял у них решимость и надежду на успех: они видели, что устье Дона прочно охраняется [русским] флотом и сильными, хорошо укомплектованными людьми фортами.

7. Велась огромная работа по продвижению насыпи к стенам, так что насыпь грозила нависнуть и похоронить турок под собой живыми. Помешать же этому они не могли – ни делая вылазки, так как вязли в рыхлой земле, ни утаскивая землю внутрь города, что было невозможно из-за их малочисленности...

Но главную причину успеха следует видеть в «перводвигателе», то есть Его царском Величестве, исключительными заботами, стараниями и неустанными трудами которого все было подготовлено к раннему началу похода, построен и оснащен флот в 20 галер, 20 галеасов и 4 бранда... [f. 426 r.]

Во время этой осады было убито и умерло от ран и болезней не более 1000 человек, среди которых славный полковник Левистон, 8 или 10 офицеров и около 30 дворян, а также 2 инженера. Из черкасов или гетманских казаков убито 700 человек, в основном во время вылазок из города²⁶.

British Library, Add., MS 96970. f. 425–452. (введ., пер. А.М. Некрасова; комм. А.М. Некрасова, Г. Херда)

Примечания

1. О Ч. Витворте см.: *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 30–43 и сл.; *Anderson M.S.* Britain's discovery of Russia, 1553–1815. L.-N.Y., 1958. P. 53, 73–74.
2. О П. Гордоне: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 332–349; *Петросьян А.А.* Шотландский наставник Петра I и его «Дневник». ВИ. 1994. № 9. С. 161–166, там же библиография.
3. Хотя немецкий перевод 1849–1851 гг. часто цитировался, полнее всего эта публикация использована в кн.: *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 207–344.
4. Во время похода 1695 г. единого командования в русской армии не было; каждый из трех генералов, участвовавших в кампании (П. Гордон, А.М. Головин, Ф. Лефорт) командовал отдельным «отрядом». В походе 1696 г. главнокомандующим был назначен воевода А.С. Шеин, получивший звание генералиссимуса. «Отрядами» командовали генералы П. Гордон, А.М. Головин, К. Ригеман и Ф. Лефорт. Последний также в качестве командующего вновь построенным русским флотом получил звание адмирала.
5. «Христианами» автор «отчета» именует осаждающих, т.е. русскую армию.
6. Апроши – зигзагообразные окопы с внешней насыпью, служившие для безопасного продвижения к крепости.
7. Каланчи – две каменные башни по обеим сторонам Дона в 3 верстах выше Азова. Натянутые между ними цепи препятствовали выходу казачьих стругов в море.
8. Взятие первой каланчи по «Дневнику» Гордона описано *М.М. Богословским*: Указ. соч. С. 234.
9. В тексте: fathom, т.е. морская сажень (1,83 м).
10. Ср. Дневник Гордона (далее: ДГ), 15 июля 1695: «Якушка или Яков, немецкий инженер, бежал к туркам» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. Т. 5. Л. 497 об.)
11. Лютик – турецкий форт неподалеку от Азова, на одном из рукавов Дона – Мертвом Донце.
12. Больверк – каменное крепостное сооружение, бастион. Далее упоминается куртина – крепостная линия между двумя бастионами.
13. ДГ. 8 августа 1695: «Смертельно ранен полковник Афанасий Иванович Козлов» (Там же. Т. 5. Л. 512 об.)
14. Нурадин – титул второго наследника престола в Крымском ханстве. В 1695 г. нурадином был Шагин-Гирей, сын (или племянник) хана Селим-Гирея.
15. В тексте: Riesfsky.
16. ДГ. 20 мая 1696: «С рассветом я переправился через Дон с двумя полками стрельцов» (Там же. Т. 6. Л. 35) – а не с тремя полками.
17. Ср. ДГ. 5 июня 1696: «Наша армия из московских кавалеристов подошла и разбила лагерь по соседству с другими» (Там же. Т. 6. Л. 39 об.)
18. ДГ. 14 июня 1696: «Флотом, привезшим 4000 человек пехоты, командовал Турназа-Баша» (Там же. Т. 6. Л. 42 об.); турнаджи (турначи)-паша – командный чин в корпусе янычар.
19. В ДГ. 17 июня 1696, эта информация отсутствует (Там же. Т. 6. Л. 44).
20. Черкасы – украинские («гетманские») казаки.
21. Калга – первый наследник престола в Крыму; в 1696 г. калгой был Девлет-Гирей, сын Селим-Гирея.
22. То есть принял мусульманство.
23. В ДГ 22 июля 1696, весь этот абзац отсутствует (Там же. Т. 6. Л. 61 об.).
24. В ДГ 26–27 июля 1696, «другое место» названо «Очаковский Рог» (Там же. Т. 6. Л. 62 об.–63 об.).
25. В рукописи порядок листов перепутан.
26. По походу 1695 г. в «отчете» (f. 446) даны только цифры потерь в армии Гордона: 1875 убитых и умерших, в том числе более 50 офицеров.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО КАК ФАКТОР РУССКОЙ ИСТОРИИ

1. В числе ближайших соседей Русского государства держава крымских Гиреев занимала особое место. Союзник, превратившийся потом в неизменного соперника и врага русских государей почти на три столетия – Крымское ханство было тем фактором, который существенно определял и внутреннюю жизнь, и внешнюю политику Москвы. Отношения России и Крыма – это и дипломатия, и открытые военные столкновения. Начавшись во времена Ивана III, их история завершилась поглощением крымских земель Российской империей в ходе войн с Османской Турцией при Екатерине Великой.

2. Влияние Крыма на историю России было многообразным. Первоначально союз с крымскими ханами обеспечил Москве успех в борьбе с Великим княжеством Литовским за западнорусские земли, значительная часть которых вошла в состав Московской Руси на рубеже XV–XVI вв. Ответная поддержка Иваном III Крыма способствовало разгрому последним своего главного соперника на юге Восточной Европы – Большой Орды. Когда же это произошло (1502 г.), союз с Москвой перестал играть свою роль во внешнеполитических планах крымских ханов. Его свело на нет и общее усиление Руси в противовес польско-литовским правителям, потенциально грозившее Крыму нарушением баланса сил в регионе в пользу Москвы.

Общая враждебность отношений с Крымом со второго десятилетия XVI в. ставила особенно сложные задачи перед московским правительством в плане необходимости дипломатического урегулирования постоянно происходивших конфликтов. Поэтому Крым стал одной из главных «школ» русской дипломатии (хотя успехи московских посланцев и не были неизменно блестящими). Отношения с Крымом сказывались и на связях Руси с другими государствами: в частности, выбор маршрута русских послов в Европу часто напрямую зависел от наличия мира между Москвой и Бахчисараем.

3. Очевидно, что важнейшую роль играла постоянная военная напряженность на южных рубежах Русского государства. Оборона от крымских нападений требовала совершенствования военного искусства, перемен в организации войска и пограничной службы, строительства крепостей и оборонительных линий («засечных черт») по степной границе. Поражения, которые Русское государство терпело от Крыма (в первую очередь речь идет о нападениях на Москву 1521 и 1571 гг.), самым непосредственным образом сказывались на внутреннем положении страны. Достаточно привести ставший хрестоматийным пример о поражении опричных полков в 1571 г. как одной из причин отхода от политики опричнины.

4. Крымские набеги сопровождалась массовым уводом пленных из русских земель. Часть их оказывалась проданной на невольничьих рынках в Турцию, часть оставалась работать в Крыму. Выкуп пленных являлся одной из задач русских посольств в Крым: часть пленных возвращалась на родину по истечении срока подневольного труда («отработавшись»). Насильственное перемещение

населения в плен было существенным фактором демографической ситуации в Русском государстве.

5. Сдерживающе влияла на темпы экономического развития России длительная невозможность хозяйственного освоения плодородных земель «Дикого поля», которым постоянно угрожала крымская опасность. Лишь строительство засечных черт и медленное, начиная со второй половины XVI в., перемещение передовой линии пограничных укреплений к югу постепенно возвращало эти земли в хозяйственный оборот.

6. Несомненно воздействие Крыма на финансовое положение Русского государства. Помимо огромных средств на военные нужды и восстановление разоренных набегами областей, больших затрат требовали так называемые «поминки». Выступая в форме подарков крымским правителям и высшей татарской знати, эти постоянные выплаты были своего рода данью (не случайно многие исследователи видят в «поминках» некий рудимент прежней ордынской дани). Поминки выплачивались московской казной как в денежной форме, так и мехами, охотничьими птицами, ювелирными изделиями и т.д. Московское правительство постоянно стремилось сократить объем и регулярность выплат, но до конца XVII в. так и не поставило вопроса об их официальной отмене. Крымские ханы присылали в Москву особые «поминочные списки» («дефтеры»), перечислявшие всех, кого следовало не забыть при снаряжении казной посла либо гонца в Крым. Заботились в Москве и о подарках московским «амиятам» – промосковски настроенным представителям крымской знати. Учитывая, что в дефтерах насчитывалось иногда более сотни имен (вплоть до ханских писцов и поваров), да еще особые дефтеры присылали сыновья ханов, нетрудно заключить: крымские «поминки» составляли весомую расходную статью в московском бюджете.

7. Таким образом, изучение как внешнеполитической, так и внутренней истории Русского государства немыслимо без учета крымского фактора. Действуя в разной степени в разные периоды времени, он неизменно присутствовал. При этом адекватная оценка его невозможна без достоверного понимания того, что представляло собой в ту или иную эпоху само Крымское ханство. Следовательно, при написании русской истории без изучения средневековой истории Крыма не обойтись.

Опубликовано: Россия и Восток: история и культура. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 26–28.

CRIMEAN KHANATE AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS IN EASTERN EUROPE IN 15TH–16TH CENTURIES

The Crimean khanate was founded during the period of disintegration of Golden Horde not long before mid-15th century. For more than three centuries it became an integral part of international policy in Eastern Europe. Crimean khans participated in events and processes that essentially affected Russian state, Great principality of Lithuania and Poland (lately united into Rzecz Pospolita), Moldavia, peoples of Northern Caucasus etc.

Territory of khanate was located in a unique region – at junction of Eurasian steppes and northern edge of Mediterranean world. Black sea region was a kind of cross-roads for links between many countries and peoples, a kind of bridge connecting Europe and Asia since ancient times. And the Crimea was always a focus of events in this region.

During the collapse of Golden Horde several states appeared: Grand Horde, Kazan, Astrakhan and Crimean khanates, Nogay Horde. At the same time Rus freed itself from the “yoke of Horde”. These powers interacted actively. The Grand Horde aspired for political heritage of Golden Horde and for this reason became the main hostile state for Rus till late in 15th century. The latter concluded an alliance with Crimean khanate, as the Crimean khans competed with Grand Horde for domination in steppes north of Black Sea. Another coalition included Grand Horde and Lithuania. After the Grand Horde was defeated by Crimean army (1502), the international balance in Eastern Europe changed. Now three main powers – Rus, Lithuania, Crimean khanate – took part in diplomatic and military opposition.

In mid-16th century Ivan the Terrible, inspired by conquering Kazan and Astrakhan khanates in the East, began the Livonian war in the North-West. But before long he clashed with a strong alliance led by Polish-Lithuanian state, and this finally brought him to failure. During the war both Russia and Rzecz Pospolita sought for peaceful relations with the Crimean khanate to secure their rears, but without success. Crimean army more than once attacked Russian frontiers and even Moscow in 1571; Crimean invasions to Lithuanian and Polish lands went on incessantly too. In the long run such policy of khans maintained a balance of power in the region.

The problem of Ottoman influence in Eastern Europe should also be mentioned. In the 1470–1480s the Ottomans subdued some territories and fortresses around Black Sea and established their supremacy over the Crimean khans. But there is no ground to treat the khanate since that time as an “instrument of Ottoman aggression”, like most Soviet historians did. The vassalage of khans to sultans till 17th century was limited to latter’s right of investiture and obligation of khans to provide military support for Ottoman army in wartime. The khanate had its own interests in Eastern Europe which were sometimes different from those of sultans. And the Ottomans, waging long wars in the Near East against Safavids and in Central Europe against Habsburgs, in the 16th century had no serious plans concerning East European region. Even the seizure of Moslem khanates of Kazan and Astrakhan by Russia, as the recently published

Ottoman documents show, attracted almost no attention in Ottoman empire. The Crimean and Ottoman expedition towards Astrakhan in 1569 was connected solely with the Ottoman struggle against Iran and aimed at providing contact with the anti-Iran allies of Ottomans in Central Asia. The expedition failed entirely and rendered minimal impact on Russian-Ottoman relations. It is not amazing as both sides were interested in mutual economic contacts.

Changes in East European political situation were accompanied by considerable demographic changes which in their turn affected foreign policy of states. For example, the elimination of Grand Horde entailed re-distribution of its nomadic population between the Crimea, Astrakhan and Nogay Horde. Their demographic potential essentially increased; the Crimean khans often mentioned the growth of population in khanate as a sign of its strength. Late in 16th century a part of Nogays came under the rule of Crimean khans. It brought about serious evolution inside the Crimean society. Demographic situation in Russia, Lithuania, Poland for a long time was influenced by decrease of population as a result of regular Crimean invasions and carrying off thousands of captives. In the 17th century attacks of Cossacks of Don and Dnieper upon the Crimea were among principal reasons of growing economic decay in khanate.

Analyzing the role of the Crimean khanate in political system of Eastern Europe one can't of course confine himself to studying its bilateral contacts with neighboring states; and not only the whole international situation of the region should be taken into consideration. The foreign policy of the khans was in close connection with the internal evolution of the khanate: changes in its economic basis, political structure, population.

Опубликовано: Oriental Studies in the 20th Century: Achievements and Prospects. Moscow, 1997. Vol. 2. P. 268–270.

РОССИЯ И КРЫМ: К МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С МУСУЛЬМАНСКИМ МИРОМ

Крымское ханство, возникшее во второй четверти XV в. на развалинах Золотой Орды, в течение трех с половиной столетий являлось важнейшим компонентом политической жизни Восточной Европы. Крымские ханы были активными участниками событий, влиявших на судьбы Русского государства, Великого княжества Литовского и королевства Польского (впоследствии объединившихся в Речь Посполитую), Молдавии, народов Северного Кавказа и др.

Территория ханства располагалась в уникальном по своему географическому размещению регионе – на стыке евразийских степей и северной оконечности средиземноморского мира. Северное Причерноморье было своеобразным перекрестком отношений разных народов, чем-то вроде «моста», связывавшего населенные с древности зоны Европы и Азии. При этом Крым всегда был фокусом событий в Причерноморье. Ясно ощущается преемственность той политической, экономической, культурной роли, которую играло Северное Причерноморье и в античную, и в византийскую, и в золотоордынскую, и в османскую эпохи. На протяжении долгого времени здесь взаимодействовали в самых разных сферах многие страны и народы. Менялась, подчас радикально, политическая ситуация, что не могло не сказаться на характере и интенсивности контактов. Однако многие традиции – экономические, культурные, демографические и иные – сохранялись веками, даже в самых неблагоприятных условиях. Это делало Северное Причерноморье одной из главных контактных зон Восточной Европы¹.

В числе партнеров России Крымскому ханству всегда принадлежало особое место. Установившиеся вначале союзнические отношения превратились затем в упорное соперничество и вражду. Держава дома Гиреев являлась тем фактором, который существенно определял и внутреннюю, и внешнюю политику Московского государства. Отношения России и Крыма – это и искусная дипломатия, и открытые военные столкновения. После освобождения Руси от ордынского ига Крымское ханство стало практически первым из крупных мусульманских государств, с которыми русские государи установили регулярные и интенсивные контакты. Поэтому есть основания говорить о начале складывания в ходе этих контактов определенной модели отношений Москвы с исламским миром.

В самом освобождении Руси от ордынской зависимости Крымское ханство сыграло не последнюю роль. Претендовавшая на золотоордынское «наследство» в Восточной Европе Большая Орда, ставшая в XV в. главным врагом формирующегося единого Русского государства, одновременно была соперником и крымских ханов. Имя первого крымского правителя Хаджи-Гирея впервые появляется на страницах русских летописей в связи с его нападением на большеордынского хана Махмуда как раз во время прихода Орды к окраинам русских земель: тогда «прииде на него царь Ази-Гирей и би его и Орду взя»².

Объективное совпадение внешнеполитических задач Руси и Крымского ханства закономерно привело к складыванию обоюдовыгодного союза, оформлен-

ного в 1473–1474 гг. и подтвержденного в 1479 г. Ситуация осложнялась тем, что Орда сближается в свою очередь с Великим княжеством Литовским, и в результате в Восточной Европе образуются две коалиции. Финальное событие борьбы Руси за свержение ордынского ига – знаменитое «стояние на Угре» 1480 г. – закончилось провалом для Орды в том числе и потому, что союзник хана Ахмата литовский правитель Казимир не сумел прийти ему на помощь из-за крымского нападения на литовские земли. Через два десятилетия окончательно ослабевшая Орда была разгромлена сыном Хаджи-Гирея Менгли-Гиреем (1502 г.)³.

Исчезновение общего врага постепенно свело на нет и русско-крымский союз. Вскоре начинаются набеги, а потом и крупные походы крымских отрядов на Русь. Свою роль сыграло также и общее усиление Русского государства в противовес польско-литовским властителям, потенциально грозившее Крыму нарушением баланса сил в регионе в пользу Москвы. К тому же нельзя забывать, что захват военной добычи и пленных как в московских, так и в литовских землях стал первостепенным источником жизненных благ не только для крымской знати, но и для рядовых татарских воинов. Поэтому периодические вылазки диктовались часто не столько политическими, сколько экономическими мотивами: недаром Сахиб-Гирей, сын Менгли-Гирея, однажды прямо написал в Москву: «нашее земли житье войною»⁴.

Менгли-Гирей был первым мусульманским правителем, с кем Московская Русь стала заключать так называемые «шертные» договоры (от арабского «шарт» – «условие», «договор»). Впоследствии стороны обменивались «шертями» после каждой смены правителя. Во времена военных столкновений это оказывалось непросто, но русские дипломаты упорно добивались подтверждения прежней шерти. В шертной грамоте содержалось обязательство не нападать друг на друга, быть «езде заодин» на общих противников («другу другом быти, а недругу недругом»), обеспечивать беспрепятственный проезд послов и прочее⁵. Текст шерти всегда становился предметом сложных переговоров, поэтому русские послы брали с собой несколько его вариантов с наказом действовать по обстоятельствам. Хотя шерть редко мешала рейдам крымских татар за добычей, но все же в известной мере сдерживала их активность. В любом случае нарушение шерти давало повод к официальному протесту, многочисленным упрекам в том, что хан «на шерти не устоял». Однажды во время набега конницы ханыча Ислам-Гирея (1527 г.) разгневанный Василий III распорядился находившихся в Москве крымских послов «поглотить»⁶.

Поскольку аналогичные по форме шертные грамоты определяли затем отношения Москвы и с другими мусульманскими властителями – казанскими, касимовскими ханами, ногайскими биями и др., любопытно отметить своеобразие шертных отношений с Крымом. Будучи договором по форме, шерть фактически являлась присягой хана или бия русскому государю как старшему, как сюзеру. Тем самым шертные отношения становились особой формой протектората России над теми или иными государственными образованиями⁷. Крымские ханы составляли исключение. Если и можно говорить о претензии Москвы на старшинство по отношению к ним, то лишь в смысле неуклонного следования традиционной шертной форме договоров. Наоборот, отдельные ханы пытались навязать русской стороне свою волю: единственная попытка (впрочем, неудачная) организовать военную экспедицию к крымским рубежам в XVI в. предпринималась в 1550-х гг. Иваном IV – и то вряд ли он всерьез рассчитывал подчинить себе Крым, как перед тем подчинил Казань и Астрахань. Скорее, ставилась цель

нейтрализовать крымского хана в условиях распространения российского влияния на адыгские народы Северного Кавказа. Обычно же договоры России и Крыма представляли собой безусловно договоры равноправных партнеров.

Процедура утверждения шерти нам известна: сначала в Москве государь совершал крестное целование перед крымскими послами, затем русские представители присутствовали при клятве хана в Крыму. Если московский церемониал подробно и не раз описан в документах Посольского приказа, то детальный рассказ о принесении клятвы на Коране представителем семейства Гиреев лишь однажды за весь XVI в. встречается в донесении русских послов князя М. Щербатого и А. Демьянова (1594 г.)⁸. Известно, что специально для дачи «правды» крымскими послами в Царском архиве хранился Коран⁹. Логично предположить, что для подобных обстоятельств и в Крыму имелась Библия.

Поскольку усиление враждебности крымских ханов ставило перед московским правительством весьма сложные задачи дипломатического урегулирования постоянно происходивших конфликтов, Крым стал одной из главных школ русской дипломатии. Нельзя сказать, что успехи московских посланцев неизменно были блестящими – тут все зависело и от общей ситуации, и от красноречия и гибкости каждого дипломата, и от позиции крымской знати. Ведь особенностью политической структуры Крымского ханства была определяющая роль в принятии государственных решений не только (а часто и не столько) самих ханов, но и других членов ханского дома и татарской аристократии. Не случайно московская сторона всегда настаивала на «шертовании» не только хана, но и его сыновей, главных сановников и «всей земли».

Одним из главных пунктов русско-крымских отношений был вопрос о «поминках» – подарках ханам и знати от имени московского государя. Выступая во времена союза как дружеская просьба, запрос о поминках затем превратился в постоянное требование. Сплошь и рядом русским посланникам в Крыму приходилось терпеть насилие и грабеж со стороны тех, кто считал себя обделенными. Интересно отметить, что отношение русских представителей к подобным требованиям «прибавить поминков» менялось. При Иване IV послы неуклонно следовали полученным в Москве детальным инструкциям. Так, А. Нагой на все настояния упорно отвечал: «только нам зделати не по государеву наказу, и нам от государя быти каженным» (и в грозное время подобная казнь вовсе не кажется преувеличением). Зато другой посол И. Судаков, уже при царе Федоре в 1585 г., быстро сориентировался и прибавил поминков кое-кому из недовольных. Тем самым противодействие с их стороны на тот момент оказалось приглушено, и миссия Судакова в итоге стала более успешной, нежели миссия Нагого.

Конечно, в отношениях с Крымом русское правительство вовсе не полагалось на одно искусство дипломатов. С середины XVI в. идет постоянное укрепление южных рубежей, строительство оборонительных линий и крепостей, совершенствование организации войска и пограничной службы. Тем не менее, в силу внезапности набегов татар сопровождалась нередко массовым уводом пленных. Выкуп их обычно был одной из задач русских посольств; часть пленных возвращалась на родину по истечении срока подневольного труда («отработавшись»). Такое насильственное перемещение населения в плен существенно влияло на демографическую ситуацию в Русском государстве.

Практика русско-крымских отношений сыграла большую роль в складывании традиций русского дипломатического делопроизводства. «Посольские книги», куда переписывались тексты важнейших материалов (официальные грамо-

ты обеих сторон, указы послам и их отчеты, описания приемов и др.), были важнейшим подспорьем при определении политической линии и многие годы спустя¹⁰. Крымские посольские книги, сохранившиеся с 1474 г., – не просто самые ранние из дошедших до нас, но, вероятно, едва ли не самые первые из числа документов эпохи единого Русского государства, которые стали формировать будущий Царский архив. Крымский документальный комплекс, надо думать, вскоре превысил по объему прежние разрозненные, к тому времени уже практически бесполезные, материалы отношений с Ордой. Именно поэтому последние оказались в большинстве своем утеряны.

Таким образом, ранние (XV–XVI вв.) контакты России и Крымского ханства представляют интерес для изучения начального этапа отношений Московской Руси с мусульманским миром. Очевидно, что различие в вере имело в тогдашней дипломатической практике чисто техническое значение и не влияло на конкретные политические решения: реальные шаги обеих сторон диктовались определенным соотношением сил и общими внешнеполитическими установками. Накапливавшийся московским правительством опыт – отнюдь не только негативный – связей с крымскими ханами послужил основой дальнейших контактов на юго-востоке. Лишь не намного позднее, с конца XV в., начинается история отношений с более отдаленными мусульманскими государствами – Османской Турцией, государствами Средней Азии, а с XVI в. – и с Ираном.

Опубликовано: Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй Международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Книга первая. Москва – Иркутск – Тэгу, 1997. С. 155–160.

Примечания

1. См. подробнее: *Некрасов А.М.* Крым – центр причерноморской контактной зоны. Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. М., 1995. С. 22–41.
2. ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 151; М., 1965. Т. 12. С. 116; Пг., 1921. Т. 24. С. 186.
3. См.: *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 60–73.
4. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 7. Л. 68.
5. *Бережков М.Н.* Крымские шертные грамоты. Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 8. Киев, 1894. С. 35–56.
6. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 159 об.
7. *Третьяков В.В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората. Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 28–30.
8. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 297–297 об.; Кн. 10. Л. 313, 315.
9. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. М., 1978. Ч. 3. С. 506.
10. *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVI в. М., 1994.

«И ПРИГОВОРИЛ ГОСУДАРЬ О КРЫМСКОМ ДЕЛЕ...»

В числе ближайших соседей России Крымскому ханству принадлежало особое место. Союзник, превратившийся затем в неизменного соперника и врага русских государей почти на три столетия, – держава ханского дома Гиреев была тем фактором, что существенно определял и внутреннюю жизнь, и внешнюю политику Москвы. Отношения России и Крыма – это и искусная дипломатия, и открытые военные столкновения. Начавшись во времена Ивана III, их история завершилась поглощением крымских земель Российской империей в ходе войн с Османской Турцией при Екатерине Великой. Заглянем в дальние и самые, пожалуй, любопытные времена московско-крымских контактов – века XV и XVI, когда определился их характер на последующие два столетия.

Был верным союзником...

Самостоятельный крымский «юрт» (государство) возник из расколовшейся Золотой Орды незадолго до середины XV в. Первые десятилетия вслед за тем о нем в Москве знали немного – лишь отголоски сложных перипетий борьбы в причерноморских степях и Поволжье за золотоордынское наследство между Крымом, Большой Ордой, Казанью доносятся со страниц русских летописей того времени. Как и прежде, ездили в Крым русские купцы, приносящие теперь вести о новых татарских правителях – основателе династии Хаджи-Гирее и его сыновьях, начавших после смерти отца распрю за власть. В ней победил Менгли-Гирей – он и прислал в Москву осенью 1473 г. своего посла Хаджи-Бабу, предлагая Ивану III союз против общего врага – большеордынского хана Ахмата. С тех пор в великокняжеской канцелярии, а затем в Посольском приказе велись «крымские» посольские книги – своего рода анналы русско-крымских отношений, донесшие до нас исключительные по своей информативности тексты дипломатических документов: послания правителей друг другу, указы отправлявшимся в Крым русским послам, отчеты о посольствах, описания церемоний приема крымских послов и гонцов в Москве. Большие кремлевские пожары не щадили и царского архива – часть «крымских книг» погибла, но и оставшиеся позволяют восстановить ход русско-крымских отношений почти погодно. Заполнить пробелы помогают, помимо прочего, летописи, а также сохранившиеся черновые посольские материалы, объединявшиеся в «столбцы» (из их числа и выбирались наиболее важные для последующего занесения в посольские книги)¹.

К сожалению, от XVI в. почти не дошли подлинники привозившихся в Москву ханских грамот – мы имеем лишь их русские (не всегда совершенные) переводы. Чудом сохранилась единственная подлинная грамота к Б.Ф. Годунову Гази-Гирея (сентябрь 1590 г.). Известно, что этот хан, славившийся своей образованностью, нередко писал свои послания собственноручно – правда, перевод именно этой грамоты в посольской книге не имеет обычной в таких случаях пометки московского подьячего: «а грамота царева рука».

В ответ на посольство Менгли-Гирея в Крым отбыл посол Н. Беклемишев, но следующий посол А. Старков застал там в 1475 г. уже совсем иную ситуацию. Османское войско под предводительством Гедик Ахмед-паши захватило ряд прибрежных городов и тем самым положило начало превращению части Причерноморья в османскую провинцию с центром в Кафе. После нескольких лет нестроений в Крыму властью султана Мехмеда II Завоевателя на ханский трон был возведен тот же Менгли-Гирей. С этого времени берут начало новые отношения между ханами и османскими султанами, когда первые обычно назначаются на престол вторыми, и ханство тем самым превращается фактически в вассала султанов. Главной обязанностью ханов стало предоставление татарского войска для участия в многочисленных войнах османов в Европе и на Ближнем Востоке. Впрочем, вплоть до начала XVII столетия далеко не всегда крымские правители безоговорочно выполняли султанские повеления. Чего стоит хотя бы такой факт: Менгли-Гирей, посаженный на ханство Мехмедом II, первым делом сообщает о занятии престола Ивану III, и только месяцы спустя – султану (правда, рассыпаясь в извинениях).

Крымцу предстояла дальнейшая борьба с Большой Ордой, и союз с Москвой был нужен как воздух. При этом соперник Ивана III великий князь литовский Казимир, дружественный Орде, становился соперником и Менгли-Гирею. Отношения Руси и Крыма оформлялись особыми договорными («шертными») грамотами, которыми стороны обменивались после каждой смены правителя. В шерти содержалось обязательство не нападать друг на друга, быть «езде заодин» на общих противников («другу другом быти, а недругу недругом»). С самого начала текст шерты бывал предметом сложных дипломатических переговоров – чаще всего русские послы брали с собой несколько ее вариантов, с наказом действовать по обстоятельствам. Интересно, что, прекратив на время враждебные отношения с Литвой и выдав за литовского правителя Александра (сына Казимира) свою дочь, Иван III должен был потратить немало усилий, пока не убедил Менгли-Гирея в своей верности прежнему договору (хан укоризненно заметил на этот счет: «мы, то слышев, подивилися... Тебе к нам одно слово приказав послал подумати – не пригоже ли бы то было?»)².

... Стал опасным соседом

Летом 1502 г. крымский хан окончательно разгромил Большую Орду. Это повлекло за собой постепенный отход Менгли-Гирея от союза с Русью. Если раньше обычным делом были набеги крымских отрядов на земли Великого княжества Литовского, то теперь объектом нападений стали и области, подвластные Москве: уже летом 1503 г. состоялся такой рейд по черниговским землям. Хотя в Москве еще надеялись на сохранение прежней дружбы, набеги все учащались – причем сближение на антимосковской почве с Литвой ничуть не мешало татарам держать в постоянном страхе и окраины литовских владений, регулярно на них нападая. Захват военной добычи и пленных (в основном для продажи в рабство) как на московских, так и на литовских «украинах» стал первостепенным источником жизненных благ не только для крымской знати, но и для рядовых татарских воинов. Поэтому периодические вылазки диктовались чаще не столько политическими мотивами, сколько потребностью пополнить оскудевшие запасы – хан Сахиб-Гирей позднее прямо писал в Москву: «нашее земли житье войною».

Преемник Менгли-Гирея – его старший сын Мухаммед-Гирей сумел испортить отношения как с султаном, так и со своими подданными. Один из татарских сановников отзывался о нем весьма нелицеприятно: «Царь наш охочь пити, да не ведаю, как ему царство держати, а турского велми блюдетца»³. Поднять свой авторитет в Крыму хан пытался, проявляя крайнюю агрессивность к Руси. Это привело к резкому перелому в русско-крымских отношениях: впервые за 40 лет русские земли в 1521 г. подверглись нашествию большого войска. Хан подошел к самой Москве («до города не доходиша за три версты»), пожег пригороды столицы и с огромной добычей вернулся в Крым. Готовившийся им новый поход на Русь не состоялся из-за скорой гибели Мухаммед-Гирея в войне с ногаями.

В 1524 г. в Крым в сопровождении османского войска был прислан из Стамбула новый хан Саадет-Гирей. Однако, несмотря на его поддержку султаном Сулейманом I, в ханстве начинается смута – в долгую борьбу за власть вступает племянник нового хана Ислам-Гирей. Русское государство поддерживало отношения с обеими сторонами – Ислам-Гирей даже просил, чтобы великий князь Василий III его «пожаловал, учинил себе сыном» (любопытно, что и до тех пор, и позже московские государи и крымские ханы в переписке называли друг друга «братьями»). Усобица не позволяла татарам устраивать набеги на русские земли. Но в конце концов утомленный борьбой Саадет-Гирей покинул престол и вернулся в Стамбул, а вместо него в Крыму утверждается Сахиб-Гирей. С ним прибыло около тысячи воинов-янычар с пушками, и впоследствии эта артиллерия была пущена в дело в том числе и в походах на Русь.

Отношения Крыма и Руси в эти годы оказались переплетены с соперничеством за влияние в Казанском ханстве. Еще в 1521 г. крымский хан посадил на казанский престол Сахиб-Гирея, затем свергнутого и замененного московским ставленником. В 1535 г. в Казани опять утвердился представитель крымского дома Сафа-Гирей, и с тех пор крымский и казанский правители постоянно согласовывали свои набеги на Русь.

Сахиб-Гирей с первых дней правления в Крыму был настроен к Москве крайне враждебно: помимо прочего, он не мог забыть своего изгнания из Казани. Хан потребовал от московского правительства не вмешиваться в казанские дела, подчеркивая, что «казанская земля нам своя земля», постоянно грозил юному Ивану IV – пойдешь на Казань, «меня на Москве смотри». В одном из посланий он гордо заявил: «Яз схоронясь нейду, не молви после: как Магмед Кирей царь, без вестей пришел»⁴. Летом 1541 г. хан организовал большой поход на Москву, но был остановлен у Оки – русская артиллерия оказалась эффективнее турецких пушек. С середины 1540-х гг. начинаются события так называемой «Казанской войны», завершившейся осенью 1552 г. решающим штурмом Казани войском Ивана IV. Все эти годы Сахиб-Гирей не раз направлял свое войско к русским рубежам, стремясь отвлечь силы от Казани.

Сменивший его в 1551 г. Девлет-Гирей также летом 1552 г. напал с большими силами на Тулу, и вновь крымское войско было обращено в бегство «с великим срамом, а граду не успе ничтоже». Характерно, что впоследствии польским послам объясняли: «государь наш за ним не гонял того ддя, чтоб ему своим ходом казанским не измодчати» (мотчать – мешкать). Подчинение вслед за Казанью и Астрахани в 1556 г. открыло дорогу дальнейшему наступлению России в восточном направлении.

Попытался Иван IV нанести поражение и крымским татарам, поочередно отправив на юг экспедиции воевод И. Шереметева, Д. Вишневецкого и Д. Ада-

шева, но эти походы не принесли успеха. К тому же с 1558 г. Россия четверть века ведет изнурительную Ливонскую войну, в которой первые победы сменились чередой поражений. Уже в 1563 г. в Крым был послан А. Нагой с предложением вновь установить мир. «Долгое посольство» Нагого (он вернулся лишь через 10 лет) было не слишком результативным, все эти годы то и дело шли крымские набеги на русские «украины». Не улучшило атмосферу русско-крымских контактов также участие Девлет-Гирея в 1569 г. в османском походе на Астрахань. И хотя эта авантюра провалилась, вслед за ней в посланиях хана появляется настойчивое требование отдать под его власть Казань и Астрахань.

В 1571 г. состоялся крупнейший за все столетие поход татар на Москву. Девлет-Гирей не стал осаждать город, а лишь поджег московский посад, с которого огонь быстро перекинулся на Кремль и Китай-город. Летописец скорбно отметил: «начяша буря велия, начяша с хором верхи с огнем носити по всем улицам, и оттоле начяша весь посад». Современники свидетельствуют, что «в три дня Москва так выгорела, что не осталось ничего деревянного, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать коня». Татары увели множество пленных.

Вскоре Иван Грозный вынужден был принимать в одном из подмосковных сел крымского посла, который демонстративно преподнес ему от имени хана «нож окован золотом с камнем» – намек, что царю оставалось лишь покончить с собой. Не приняв унижительного «дара», Иван устроил не менее театральную сцену: облачившись вместо парадного в «обычное» платье (по другим сведениям, «в сермягу»), он заявил послу: «Видишь де меня, в чем я? Так де меня царь зделал! Все де мое царство выпленил, дати де мне нечево царю!»⁵ Царь Иван даже обещал уступить хану Астрахань. Насколько серьезным было его намерение, неясно; в любом случае Девлет-Гирея это не удовлетворило – он ждал уступки и Казани, и на следующий год повторил поход. На этот раз крымское войско потерпело сокрушительное поражение. Понеся огромные потери, хан «пошел в Крым сильно наспех». После такого разгрома уже не могло быть и речи о возобновлении прежних претензий.

Смерть Девлет-Гирея в 1577 г. открыла очередной династический кризис. После гибели его преемника, Мухаммед-Гирея II, сыновья последнего бежали из Крыма. Один из них – Мурад-Гирей – в 1585 г. оказывается в России. Торжественно принятый в Москве, он был отправлен царем Федором вместе с русскими воеводами в Астрахань «итить промышлять над Крымом». Поход на Крым не состоялся, но присутствие претендента на крымский престол в непосредственной близости от родины был важнейшим козырем Москвы. Через несколько лет Мурад-Гирей скончался в Астрахани при таинственных обстоятельствах – по словам некоторых летописцев, «прислаша из Крыму... ведунов и ево испортили»⁶.

С восхождением на престол в 1588 г. Гази-Гирея отношения с Москвой становятся сравнительно мирными. Единственным крупным столкновением на исходе столетия был приход Гази-Гирея под Москву в 1591 г. Встретив сильный отпор, хан так и не ввел в бой свои главные силы, а на другой день бежал в степь, побросав по дороге добычу (на Оке был даже найден брошенный личный ханский возок). После принесения Гази-Гиреем «шертной» клятвы перед русскими послами (1594 г.) набеги на Русь до конца века прекращаются. Вынужденный принимать участие в османских походах на Венгрию, хан стремился установить мир у себя на северных рубежах. Свою роль сыграли и построенные в те же годы русские крепости на степных окраинах – Воронеж, Ливны, Елец, Белгород, Царев-Борисов и др.

С наступлением Смутного времени контакты Москвы с Крымом хотя и не прекратились, но оказались в тесной зависимости от положения внутри Русского государства. Менявшиеся правители пытались продолжать обмен послами с крымскими ханами, а царь В. Шуйский даже попробовал привлечь татар к борьбе со Лжедмитрием II; их помощь, впрочем, дорого обошлась – в итоге были разорены русские области без различия, кого из соперничавших властителей тамошние жители признавали. После наступившего перерыва в несколько лет отношения с Крымским ханством возобновило только новое правительство Михаила Романова. Но это, как говорится, уже другая история.

Пути посольские

Лежавшие между Московской Русью и Крымом обширные степные пространства вносили в русско-крымские отношения особое своеобразие. С одной стороны, сообщение между двумя государствами шло практически напрямую, минуя территорию других стран; с другой – наличие крайне медленно осваивавшегося «Дикого поля» к югу от Оки давало возможность татарским отрядам неожиданно появляться с набегами у русских рубежей и столь же молниеносно исчезать в степи. Лишь к концу XVI столетия русская сторожевая и полевая служба становится сравнительно эффективной, способной предотвращать нападения или по крайней мере заблаговременно о них извещать воевод пограничных городов.

Степные дороги шли обычно водоразделами, через речные броды к порубежным крепостям. Направления путей через Дикое поле определялись политической ситуацией. Существовало три основных пути – напрямую через степь к Перекопу, из Рязани по Дону к Азову и через Северскую землю. Прямой степной путь использовался чаще всего. С начала XVI в., после вхождения в состав Московского государства Северских земель, время от времени выбирали круглой, но более безопасный путь через Путивль. Донской путь служил главным образом для прохода послов в Турцию. При любом варианте приходилось миновать большей отрезок пути через открытую степь, где подстерегала угроза нападения – сначала татар Большой Орды, а после ее разгрома азовских и литовских казаков. Сравнительно спокойно было в степи ранней весной и осенью – тогда обычно и отправлялись посольства в Крым и обратно. В русских пограничных городах гонцов и послов снабжали «кормом» на дорогу, давали «вожей» – проводников из местных жителей или «служилых татар». Из Москвы воеводам давался приказ также проводить их казачьим конвоем «доколе будет пригоже». Выделялась охрана послам и крымскими ханам.

Как правило, заранее через гонцов договаривались о встрече послов «на поле» за дальними рубежами. Это было необходимо и потому, что обычно с послами отправлялись русские и крымские купцы с товарами, ехавшие через Крым посланники в другие страны (Молдавию, Венгрию, Италию, к константинопольским патриархам и в православные монастыри Афона, Синая, Святой земли и т.п.). Учитывая, что послы везли подарки («поминки») крымским ханам и знати, гнали десятки коней, с послом ехали подьячие, слуги, толмачи, вестовые казаки для ссылки с Москвой, да еще возвращающиеся татарские послы, в степь отбивал солидный караван всадников и телег. Понятно, что такой караван двигался медленно: дорога до Перекопа в один конец занимала около двух месяцев, тогда как гонцы налегке преодолевали тот же путь за 2–3 недели. Несмотря

на все предосторожности, послы и гонцы время от времени подвергались нападениям и грабежу (как, например, посол в Крым кн. И. Кубенский). Некоторым из них поездка степью стоила жизни: в 1502 г. азовские казаки убили возвращавшегося из Турции боярина А. Кутузова. В периоды обострения русско-литовских отношений нередко посылались днепровские казаки перехватывать в степи московских посланцев в Крым, дабы помешать возможным антилитовским дипломатическим акциям.

Для обеспечения безопасности «больших послов», перевозивших богатую «казну», устраивались посольские размены. В начале XVI в. местом их был Путивль, на исходе столетия – Ливны, потом Царев-Борисов, а в следующем веке – Валуйки. Процедура размены была крайне сложной – требовалось не только загодя условиться о времени «посольского съезда», но и преодолеть то и дело возникавшие дипломатические трения: то одна, то другая сторона из политических соображений задерживала отправку посла. Когда же (и если) наконец все улаживалось, послам давалась прощальная аудиенция («отпуск»), и процессия отправлялась в путь.

В посольской книге времени царя Федора Ивановича сохранился подробнейший (почти 200 страниц) отчет о размене в Ливнах осенью 1593 г. Предстояло не только разменять «больших послов», но и провести переговоры о заключении мирного договора. Из Москвы в Ливны отправились официальные царские представители кн. Ф. Хворостинин и воевода Б. Бельский, сопровождавшие послов кн. М. Щербатова и дьяка А. Демьянова, а также отбывавших в Крым прежних татарских гонцов Аллабирди-мурзу и Ямгурчи-аталыка и отпущенную по просьбе хана вдову Мурад-Гирея Ертуган со свитой. Из Крыма провожать посла – ширинского бея («князя») Иш-Мухаммеда, и возвращавшегося посланника С. Безобразова, во главе конвоя в несколько сот человек прибыл бей Ахмед-паша Сулешев: члены знатной крымской фамилии Яшлау-Сулешевых издавна были московскими «амиятами» – сторонниками промосковской политики.

С самого начала пошли жаркие споры – на каком берегу пограничной реки Большая Сосна устроить встречу (московском или степном). Каждая из сторон твердо защищала честь своего государя и заявляла, что ей за реку перейти «невместно». Длившиеся 3 дня уговоры крымского бея посланцами Хворостинина и Бельского его твердости не поколебали. Курсировавший с берега на берег С. Безобразов добросовестно передал слова Ахмед-паши: ему не ехать за реку и хотя бы «они у реки у Сосны на берегу велят золотых насыпати или реку запрудити золотом, и отца его Сулеша князя, выняв из земли, жива на берегу поставити ... – толко он Ахмет паша князь поедет к ним за реку, и ему б не бусурманом быти, а быти б собакою». Лишь после угрозы Ахмед-паши прервать переговоры и уехать в Крым (кстати, шел ноябрь, и дальше тянуть было просто нельзя – холодно!) приняли соломоново решение – съезжаться посреди реки на наведенном мосту. Здесь крымский сановник от имени хана принес клятву на договоре, ранее скрепленном крестным целованием царя Федора; впоследствии клятву на Коране в присутствии русских послов принес и сам Гази-Гирей.

Размена послов состоялась через день тоже на мосту. При этом бей высказал недовольство количеством и качеством присланных царем «поминков», да и крымские послы взойшли на мост только после данного через реку обещания сделать прибавку к царскому «жалованью». Получив еще подарков, Ахмед-паша опять их для приличия побранил, но в конце концов вполне удовлетворился (согласно росписи, ему даны «шуба бархат черевчат гладкой, пуговицы серебряны,

на черевех лисьих с пояском золотным», «шуба сукно дундышь черевчат на пуговицах», «кафтан камка адамашка на черевех лисьих», шапка, да еще добавлена «шуба бархат золотной на соболях»⁷. Таким образом, московское «амиятство» ничуть не помешало бею блюсти как престиж своего сюзерена, так и собственный интерес.

Завершало эпопею размены прибытие послов по назначению. В Крыму русских послов обычно размещали неподалеку от Бахчисарая – «на Яшлове» (во владениях Яшлау-Сулешевых) или в «селе Кельяне». В Москве ханских послов ставили в первые годы где-то в городе «на подворье», а затем на специальном Крымском дворе, упоминающемся в источниках с 1532 г. Располагался он в Замоскворечье, о чем доньне напоминает название Крымский вал и старинное название соседней местности у реки – «Крымский луг». По приезде послы ожидали, иногда подолгу, приема у правителей.

«Да поминки явити по списку...»

Нельзя не остановиться еще на одной уникальной особенности отношений Руси и Крымского ханства – а именно на регулярной посылке в Крым «поминков». Выступая в годы добрососедства и союза внешне как знак дружбы и расположения, позднее они превращаются в непрменный элемент дипломатической практики. Тогда и становится очевидной их известная преемственность с ордынским «выходом» – данью московских государей Золотой Орде и ее наследникам – большеордынским ханам. И если до начала XVI в. поминки посылались вполне добровольно или в силу традиции, то в условиях взаимной вражды крымские ханы стали настаивать на их получении как своем неоспоримом праве. Хотя поминки посылались в Крым также и литовскими правителями, там эти уплаты никак не были связаны с прежней традицией ордынской дани. Просуществовав юридически до 1700 г. (фактически они платились до 1685 г.), поминки во многом определяли состояние русско-крымских отношений. Московское правительство постоянно стремилось сократить объем и регулярность выплат, но до конца XVII столетия так никогда и не ставило вопроса об их официальной отмене.

Существовала сложная градация поминков. Их направляли хану, членам ханской семьи, сановникам, более мелким должностным лицам (особенно казначеям). Отдельно обращалось внимание на подношения московским «амиятам». Они часто и советовали через русских послов, кто у хана «ближние люди», а «которые люди и не пригодятца». Поминки бывали обычные, иначе называвшиеся «девятными» (от древнего обычая подносить хану подарок из девяти разных предметов), «опричние» – сверх обычной нормы, «запросные» – присланные в ответ на «запрос», «потайные» – передававшиеся конфиденциально для получения затем поддержки или по другим причинам, «здоровальные» – в поздравление со вступлением на престол. По размеру различались поминки «великие» и «легкие» (обычная вежливая формулировка при обмене послами: «с тяжелым поклоном, с легким поминком человека послал есми»). В XVI в. поминки часто именуется «жалованьем».

«Запросные грамоты» вначале выступают как дружеская просьба, затем превращаются в требование. Сахиб-Гирей был особенно красноречив в своих претензиях. Угрожая войной в случае отказа платить, он сопровождал «грозы» еще и насмешкой: «Сколко боярину своему одному дашь жалованья, всем моим слу-

гам столкно не выйдет»⁸. Известно, что самые большие за все столетие поминки получил в 1519 г. Мухаммед-Гирей, а Сахиб-Гирей – несколько меньше. Девлет-Гирей долго торговался с Москвой, на каких поминках заключать мир – «магметкиреевских» или «саипкиреевских» (так и не договорившись, он пришел к Москве с войском).

Поминки, как правило, платились от имени государя, но в грозненское время иногда посылались также поминки и от царевича Ивана, а при царе Федоре – и от имени Б.Ф. Годунова. Из Крыма передавались «поминочные списки» или «дефтеры» (от «дефтер» – тетрадь, реестр), с перечислением всех лиц, кому следовало направлять поминки. Самый обширный из сохранившихся – дефтер Саадет-Гирея (1524 г.) с более чем сотней имен – в нем фигурируют даже некие «повар Гасан» и «повар Девлеткелди». Свои отдельные списки присылали и старшие сыновья хана. В Крыму никогда не забывали регулярно дополнять дефтеры. Обычным делом были претензии на недостаточное количество или на неприсылку кому-либо жалованья – тогда ханы требовали от московских правителей «в книгах смотреть» прежние присылки. В Москве посольские расходные книги велись в Казенном приказе; к несчастью, почти весь его архив погиб в Смутное время, и судить о составе таких книг можно лишь по более поздним – после 1613 г. их сохранились десятки.

Обычным поводом для дополнительного запроса со стороны хана, его родственников и приближенных бывали предстоявшие свадьбы детей, паломничество в Мекку, иногда строительство мечети, необходимость послать подарки османским султанам, порой просто откровенное признание просившего в том, что «исхарчился». Часто заявлялось, что поминки «не полюбились»: «платье посылаешь коротко, вздеть непригож; которое посылаешь нам платье, сам бы еси то видел, как бы нам лзе было на себя вздеть». Как правило, у послов, еще до официального вручения поминков на ханском приеме, всячески выпытывали, кому, сколько и что прислано. Если подозревали, что поминков мало, аудиенция долго не давалась. Сплошь и рядом русские послы и гонцы подвергались насилию и грабежу со стороны недовольных «жалованьем».

Интересно отметить, что отношение русских представителей к требованиям «прибавить» менялось. При Иване IV посланники неуклонно следовали полученным в Москве детальным указаниям. Так, А. Нагой на все настояния упорно отвечал: «только нам зделати не по государеву наказу, и нам от государя быти казненным» (т.е. казненным – и во времена Грозного это не кажется преувеличением). Даже когда московский «амият» бей Сулеш раздраженно убеждал, что поминки присланы «не по делу – середним людем прислали много, а болшим и ближним людем прислали мало», а оттого государеву делу (заключению мира) будет «поруха», надо поминки «переверстать», Нагой стоял на своем: «мы поминков не смеем верстати». Как тут не вспомнить не столь давний образ «Господина Нет»! Зато другой посол И. Судаков – уже при Федоре, в 1585 г. – в аналогичной ситуации быстро сориентировался и раздал поминки согласно рекомендациям Мурада (сына Сулеша). Причем, когда требования оказывались явно завышенными, он также ссылался на царский наказ и проявлял неуступчивость⁹. И миссия Судакова в итоге оказалась более успешной, чем миссия Нагого.

Из чего состояли поминки? Неизменной статьей их были меха (соболя, лисицы, горностаи, куницы и др.) и меховые изделия – шубы, шапки, кафтаны. В росписях поминков (самая полная из сохранившихся относится к 1582 г.) обозначалась стоимость посылки каждому лицу. Разумеется, количество и цена за-

висели от ранга получателя – больше всего поступало основным членам ханского дома. Позже в состав поминков стало включаться и денежное «жалованье». Иногда посылалась серебряная посуда, кубки – к примеру, среди поминков крымским вельможам от Б.Ф. Годунова (1590 г.) названы «чарка серебряна лощата», «блюдо серебряно», «братина серебряна», «достокан серебрян, венец золочен», «достокан серебрян чешуйчат»¹⁰. Едва ли не самым излюбленным ханами видом поминков (обычно запросных) были ловчие птицы для ханской охоты – кречеты, соколы, ястребы. Часто вместе с ними просили прислать кречетников и сокольников для обучения ханских слуг обращению с птицами. Девлет-Гирей однажды пожелал еще и собаку, «которая б пот кречяты рыскала». Запрашивались «пансыри» (доспехи), «рыбий зуб» (моржовая кость). Подарки посылались и ханами в Москву. Так, Менгли-Гирей как-то добыл для великого князя в Турции рог единорога («Кергерденем зовут, единорог зверь»), по поверью имевший свойства противоядия.

Обращались к крымским правителям с просьбами и сами великие князья и цари. Иван IV, окрыленный недавним взятием Полоцка, заказал в 1563 г. у Девлет-Гирея 50 зерен жемчуга, «которые б к ожерелью нам пригодилися», да жеребца и кобылу «аргамачьих» – «чтоб от них аргамаки в нашей земле повелись». Уверенный тогда в своей силе, царь заметил при этом: «А любишь, брат наш, имати, и ты б любил и сам давати». Этот самый жемчуг, к слову, хан передавал Ивану своеобразно: придя через год с набегом на Рязань, послал одного из беев «близко города» и предложил воеводе А. Басманову доставить царю 50 жемчужин; воевода брать такой «подарок» отказался¹¹.

Крымские послы также привозили в Москву подарки – одного-двух коней, немного дорогих тканей (бархата, шелка), изредка перстни с драгоценными камнями. Это была дань традиции и вежливости: по количеству присылаемые подарки и сравнить было невозможно с отправлявшимися в Крым. Непрерывный поток поминков, как и военная добыча, был важнейшим источником богатств крымской знати.

Поездка послом или гонцом в Москву также оказывалась весьма выгодным занятием. Если у русских послов штат бывал максимум 9–10 человек, то из Крыма каждый член ханской фамилии и многие знатные и не очень знатные люди присылали каждый по отдельному посланнику – всего до нескольких десятков. При этом в Москве все они щедро одаривались «посольским жалованьем», а многие успевали заняться и личными делами (розыском должников и пр.). Известен случай, когда от одного лица прибыли два разных человека с совершенно одинаковыми грамотами. Не случайно Иван IV не раз требовал присылать поименный список всех гонцов с указанием, кто от кого послан, – «чтоб здесе не пролыгались» (сказавшись гонцом от более знатного лица, можно было рассчитывать и на более богатое «жалованье»).

«А се царицына грамота»

До сих пор историки мало внимания обращали на то, какую роль в русско-крымских контактах играли женщины дома Гиреев – в первую очередь жены крымских ханов. Между тем среди них бывали порой незаурядные личности. 30 лет (с 1487 по 1519 г.) в переписке Москвы и Крыма участвует старшая жена Менгли-Гирея («большая царица») Нур-Султан. Дочь ордынского бея Темира, она была супругой казанских ханов Халиля, затем Ибрагима; овдовев во второй

раз, вышла замуж за крымского правителя. Двое ее сыновей от второго брака, Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф, оказались на Руси и поочередно занимали казанский престол как московские вассалы. Послания Нур-Султан Ивану III, доброжелательные и трогательные, полны заботы о сыновьях и заверений в том, что она всегда печется о дружбе между «добрыми братьями» – московским и крымским государями.

Великий князь и «царица» часто обменивались просьбами прислать подарки: Нур-Султан просила то шубу, то соборей, то «иноходого мерина», Иван – то «лал красен», то «зерно жемчужное велико, хорошо, Тахтамышевское царево», прибавляя: «а что будет тебе у нас надобе, и мы тебе того не забороним». Совершив около 1495 г. паломничество в Мекку, Нур-Султан дарит Ивану иноходца, на котором ездил к святым местам. С приходом на престол пасынка – враждебного Руси Мухаммед-Гирея – престарелая «царица» в 1516 г. даже отдала свой «улус» (собственные владения) ханскому сыну Алп-Гирею, чтобы удержать его от набега на русские земли. Остальные из дозволенных мусульманским законом четырех жен Менгли-Гирея, хотя и фигурировали в посольских документах, но, по-видимому, не принимали такого участия в государственных делах.

Большим влиянием на супруга пользовалась и «большая царица» Айше-Фатьма-Султан, жена Девлет-Гирея: А. Нагой сообщал, что хан «думает с ней» и считается с ее мнением. Правда, симпатии этой «царицы» были больше на стороне Литвы. Известно послание царицы Марии Темрюковны, второй жены Ивана IV, к Айше-Фатьме-Султан.

В XVI столетии в доме Гиреев появился особый титул, передававшийся московскими толмачами как «Анабиим царица». Вначале это была мать хана («Ана-бегим» собственно и значит «мать-госпожа»), но позднее мы видим, что титул утерял буквальный смысл. В правление Гази-Гирея «Анабиимово место» заняла сестра хана. Он советовался с ней по всем вопросам и «всякое дело приказал ведати» ей. Московский «амият» Дервиш-бей настоятельно советовал русскому царю почтить сестру хана: «она тебе человек надобной». Не раз подчеркивается, что «она у царя в материно место»¹².

Кроме ханских жен, постоянно присутствуют в русско-крымской дипломатической практике жены ханских сыновей («царевичей»), а также «царевны», вышедшие замуж преимущественно за членов знатных татарских фамилий Ширин, Седжеут и др. Знаменательно, что ни одна из жен даже самых крупных сановников, происходившая не из рода Гиреев, никогда не посылала гонцов с грамотами в Москву и не получала поминков, как «царевны».

Большинство посланий ханских жен, невесток и дочерей в Москву – краткие, с формально-стереотипными заверениями в дружбе (даже и в годы жестоких столкновений Руси и Крыма). Лишь в конце века за сухими строками канцелярского перевода крымских грамот проглядывает еще одно живое женское лицо – матери уже упоминавшегося Мурад-Гирея, бежавшего в Россию, – «царицы» Хан-Токтай. Обращаясь к царю Федору и царице Ирине, она не только беспокоится о сыне, но и совершенно по-женски желает бездетным супругам: «а вас бы Бог обрадовал чадородием»¹³. Даже после смерти Мурад-Гирея Хан-Токтай продолжает писать царю теплые письма, благодаря, в частности, за заботу о невестке – вдове сына.

Еще В.В. Бартольд отмечал в мусульманской истории примеры «деятельного и властного вмешательства женщин в государственные дела». Особенно это было связано с влиянием входивших в сферу мусульманской культуры кочевых наро-

дов, долго сохранявших «степные традиции» женской независимости. Лишь с дальнейшим утверждением исламских норм все больше ограничивались права женщин, и обычными становились правила гаремного быта и затворничества¹⁴. Татарский Крым XV–XVI вв. демонстрирует нам еще во многом старое, «степное» отношение к женщине (конечно, мы можем судить лишь о ханском доме). Но и здесь идут перемены: если в начале столетия русские послы лично встречались с «царицами» и передавали им поклоны, грамоты и поминки от своего государя, то ближе к исходу века один из посланников в ответ на пожелание быть на приеме у «царицы» услышал, что такого «не ведетца»: ею будет прислан человек, который и выслушает речи и заберет подарки.

Итак, что можно заключить из столь краткого экскурса в раннюю историю контактов Руси и Крымского ханства? Как минимум, простую истину, что Крым неизменно и ощутимо присутствует в те времена в русской жизни (как присутствует и позднее). А значит, без крымской истории – история России неполна.

Опубликовано: Родина. 1997. № 7. С. 22–27.

Примечания

1. См.: *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994.
2. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. СИРИО. Т. 1. СПб., 1884. Т. 41. С. 218.
3. Там же. СИРИО. Т. 2. СПб., 1895. Т. 95. С. 272.
4. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 491.
5. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 427–428; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 13. Л. 402 об., 404.
6. ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 39.
7. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 24, 26 об.–27, 68–68 об., 85.
8. Там же. Кн. 8. Л. 562 об.–563.
9. Там же. Кн. 10. Л. 292 об.–293; Кн. 11. Л. 204 об.–205; Кн. 16. Л. 4 об.–6 об., 13 об.
10. Там же. Кн. 18. Л. 150 об.–152.
11. Там же. Кн. 10. Л. 219–219 об.; Кн. 11. Л. 130 об.–132 об.
12. Там же. Кн. 17. Л. 90–91 об., 386.
13. Там же. Л. 370, 372.
14. *Бартольд В.В.* Первоначальный ислам и женщина. Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 649.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВОСТОК: К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНЫХ КОНТАКТОВ

Семиотический подход к изучению культуры, получающий все большее распространение в современной науке, рассматривает последнюю как определенную знаковую систему, которая в этом качестве имеет свой собственный язык (или совокупность языков)¹. Без понимания такого «языка культуры» невозможно составить адекватное представление и о самом обществе. Однако этот язык формируется постепенно, столетиями, и в процессе его складывания играют свою роль как исконные, местные традиции, так и внешние влияния и заимствования. Это, разумеется, относится и к древнерусской культуре – тем более, что особое географическое положение Руси на «перекрестке» Европы и Азии издревле делало характерной чертой древнерусской цивилизации ее синтетичность. Однако проблема культурных контактов Древней Руси с Востоком, включающая в качестве важнейшего аспекта проблему влияния культуры Востока на древнерусскую культуру, донныне принадлежит к числу малоисследованных. Особенно это бросается в глаза на фоне имеющейся довольно обширной литературы по русско-византийским и русско-европейским культурным связям. И хотя вопрос о роли Востока в культуре Руси возник давно, лишь в последние десятилетия поиски его решения оформились в самостоятельную исследовательскую задачу.

Дискуссии об отношении русской культуры к Востоку берут начало еще со второй четверти прошлого века. Причем, главным в них был не столько научный, сколько идейно-философский аспект. Обсуждение в публицистике того времени путей развития России, исторической роли России и русской культуры (полемика славянофилов и западников) неизбежно подводило к вопросу о влияниях в культуре Руси. Споры велись почти полвека, притом по весьма широкой проблематике, но все же главным образом они затрагивали область литературы, изобразительного и прикладного искусства. Собственно древнерусские сюжеты фигурировали преимущественно в искусствоведческих работах, но те или иные ответы на сугубо специальные вопросы определяли позиции авторов по проблеме в целом.

Пробудившийся в середине столетия (в связи с развитием революционно-демократического движения) интерес к русскому народному творчеству породил и споры о его истоках. Так, Ф.И. Буслаев безоговорочно исходил из идеи полной самобытности русского народного искусства и отрицал какие-либо сторонние влияния в русском культурном процессе. Ему возражал А.Н. Веселовский, на материале древнерусской литературы отстаивавший теорию заимствований, которые шли, по мнению ученого, исключительно с Запада. В.В. Стасов, наоборот, усматривал многие восточные мотивы как в русских былинах, так и в народном декоративном искусстве. Такие наблюдения легли в основу его теории восточного происхождения русского народного творчества, однако, несмотря на верные во многом замечания, В.В. Стасов пришел к отрицанию, в конечном счете, каких-либо самобытных черт в русском искусстве.

Большое влияние на русское общество оказали споры вокруг переведенной на русский язык (1879 г.) книги французского ученого Э. Виолле-ле-Дюка

о русском искусстве. Он первым из зарубежных авторов поддержал идею о самостоятельном его значении, выступив против выдвигавшегося большинством европейских ученых тезиса о безусловной зависимости русского искусства от Запада; несмотря на многочисленные фактические ошибки, эта книга сыграла существенную роль в выработке взвешенного подхода к вопросу об истоках русского искусства. Итог полувековым спорам подвело многотомное издание «Русские древности в памятниках искусства»: авторы его пришли к выводу об оригинальности русского искусства, связи которого с искусством Запада и Востока не означали тем не менее повторения того или другого. Крупнейший русский востоковед В.В. Бартольд в начале нынешнего столетия в целом присоединился к точке зрения В.В. Стасова, отдавая важнейшее место восточным влияниям на русскую культуру. На значительную роль древневосточной культуры в истории культуры Руси указал и Б.А. Тураев².

Успехи развития археологии и этнографии в 20–30-е гг. создавали обширную фактическую основу для дальнейшего изучения истоков древнерусской культуры, однако широко распространившиеся в это время концепции Н.Я. Марра и его сторонников полностью исключали из круга научного исследования проблему связей и влияний. Несмотря на официальное осуждение «марризма», влияние таких взглядов ощущалось вплоть до середины 50-х гг.³ Поэтому вопрос о культурных взаимоотношениях Руси с другими народами в этот период почти не ставился; это, в частности, нашло отражение в «Истории культуры Древней Руси», где лишь осторожно констатируется факт общения Руси с ее восточными соседями⁴.

Одним из первых на оживленные культурные связи Руси с Востоком указал Б.А. Рыбаков, показавший несомненные восточные влияния на древнерусское прикладное искусство и былины⁵. Позднее М.Н. Тихомиров обратил внимание на мировоззренческие аспекты литературных произведений восточного происхождения, имевших распространение на Руси⁶. Первая работа, предметно поставившая вопрос о необходимости изучения культурных связей Руси с Востоком, появилась только в конце 60-х гг.⁷ В 70–80-е гг. исследовались русско-восточные связи на материалах ремесла, а также восточные влияния в славянской языческой мифологии⁸. Особо следует отметить работы Л.А. Лелекова, впервые рассмотревшего проблему влияния Востока на древнерусскую культуру на широком круге источников (прежде всего памятников искусства)⁹.

В настоящее время можно считать признанным вывод отечественных исследователей о том, что Древнерусское государство являлось «зоной взаимодействия цивилизаций Запада и Востока. Культура Древней Руси развивалась в постоянных контактах с ними. Все импульсы, получаемые извне, переосмысливались здесь в духе местных традиций и в переработанном виде органически включались в самобытную древнерусскую культуру»¹⁰.

Для правильного понимания характера контактов Руси с народами Востока важно прежде всего уяснить, что по отношению к Руси Восток вовсе не был чем-то единым; в то время как участники споров о месте России между Востоком и Западом исходили как раз из обратной посылки. Как уже отмечалось в литературе¹¹, на протяжении длительного периода неоднократно менялись восточные партнеры славян и Русского государства.

Так, с древнейшего периода вплоть до «великого переселения народов» (IV–VII вв. н.э.) на первом месте стояли связи славян и их предков с ираноязычными народами. К IV в. относятся первые контакты славян с тюрко-монгольскими кочевыми племенами (гунны и др.), двинувшимися на запад через причерномор-

ские степи. При этом контакты с иранскими народами, безусловно, сохранялись. В VIII–X вв. Русь активно взаимодействовала с Хазарским каганатом, имевшим смешанную (тюркскую и иранскую) этническую основу. С VI в. источники фиксируют начальные шаги в отношениях восточных славян с Византией. С этого времени славяно-византийские связи становятся другим важнейшим, наряду с восточным, каналом внешних связей восточнославянского мира. Контакты же с Западной Европой устанавливаются позже и могут быть по важности поставлены для той эпохи лишь на третье место.

В киевский период пути политических, экономических и культурных связей Древней Руси с восточными народами также не оставались неизменными. До конца X в. главной магистралью был волжский путь, связывавший Русь с народами Ирана, Средней Азии, Ближнего Востока. Расширение связей Древнерусского государства к концу X в. привело к складыванию несколько иных направлений: Северная Русь все больше ориентируется на торговые связи с Западом, тогда как с Востоком контактирует преимущественно (но не исключительно) Южная Русь. Волжский торговый путь по-прежнему функционирует, но становится не единственным: сношения со странами Ближнего Востока идут теперь больше через Северный Кавказ и Закавказье. Для всего периода существования Древнерусского государства следует иметь в виду и связи Руси с ближайшими соседями – тюркоязычными кочевниками степей (торки, печенеги, половцы)¹².

Таким образом, есть основания выделять определенные этапы в истории контактов Руси с Востоком, причем разным этапам соответствуют и неодинаковые последствия контактов для Руси. Попытаемся с этой точки зрения рассмотреть накопленный к сегодняшнему дню исследовательский материал, касающийся восточных влияний на древнерусскую культуру.

Древнейший этап славяно-восточных связей оставил мощный пласт в древнерусской культуре, прослеживающийся в восточнославянской языческой мифологии и в древнерусском языке¹³. Хотя очевидно, что к подробному изучению восточного наследия в славянской мифологии сделаны пока лишь первые шаги, но и они показывают исключительную плодотворность такого исследования. Установлено, что решающее воздействие на складывание системы языческой мифологии славян (наряду с уходящими в глубочайшую древность общими индоевропейскими корнями) оказала иранская мифология¹⁴.

Помимо имеющихся у всех индоевропейских народов сходных элементов древнейших мифологических основ¹⁵, ряд безусловно иранских заимствований фиксируется только у славян. Так обстоит дело, к примеру, со следами культа индоевропейского небесного божества Дьяуса (Дейвоса). Хотя впоследствии в индийской мифологии, как и в сознании всех индоевропейских народов, Дейвос уступил свое центральное место в пантеоне верховному божеству Варуне (славянский Сварог), а затем богу-громовержцу Индре (славянский Перун), следы старого названия верховного бога сохранились в обозначении Бога в целом ряде языков (греческом, латинском, французском и др.). Интересно, однако, что лишь в Иране имело место не только переосмысление значения небесного божества – Дейвоса, но и его низвержение в царство зла и превращение в демона-дэва. И если у индийцев дэвы почитались по-прежнему «со знаком плюс», то у иранцев они превратились в злых духов и именно в таком виде перешли в славянские мифы (чудовищедив)¹⁶. Более того, само вошедшее в славянские языки слово «бог» происходит из Ирана: как раз там термин, восходящий к имени одного из древнейших богов – Бхага, заменил прежний термин, этимологически связанный с именем Дейвос¹⁷.

В литературе отмечено, что «влияние иранцев наиболее существенным образом касается мировоззренческой сферы»¹⁸. Не случайным поэтому представляется и сохранение в славянском языческом пантеоне богов иранского происхождения – Хорса и Симаргла. Существует мнение, что эти божества проникли в славянскую мифологию при посредстве славяно-скифских контактов. Б.А. Рыбаков, однако, отметил отсутствие в скифском пантеоне как функциональных, так и именных аналогов Хорсу и Симарглу¹⁹. Кроме того, не так давно был высказан ряд весомых аргументов в пользу существования более близкого родства скифской культовой мифологии не с иранской, а с индоарийской мифологией. Отмечено, что, хотя иранский компонент несомненно присутствует, он гораздо слабее выявляемого родства скифов с индоарийским миром²⁰. Это, однако, несколько не противоречит тезису о прямых славяно-иранских контактах (точнее, контактах предков славян с иранскими народами) еще в доскифский период. В недавней работе В.Н. Топорова на основе анализа славяно-иранских языковых связей убедительно показаны пути проникновения иранских мифологических реалий в славянский мир²¹.

Наконец, следует сказать и о зафиксированных у славян существенных отголосках древнего индоиранского культа Митры, нашедших отражение не только в языке, но и в древнерусской живописи²².

Нельзя также не добавить, что благодаря сохранению значительного языческого субстрата в системе православно-христианского мировоззрения Руси (так называемое «двоеверие»), воздействие иранской мифологии на миропонимание древнерусского человека продолжалось и в христианский период.

Принятие Русью христианства в его православном варианте открыло путь широчайшим русско-византийским культурным связям. При этом древнерусская культура испытывала и воздействие культуры народов Востока. Наиболее примечательно то, что оно шло не только прежним путем – параллельно с прямыми политическими и торговыми связями со странами Ближнего и Среднего Востока: проникавшая на Русь византийская культура сама, в опосредованной форме, оказалась носителем восточного культурного наследия и, следовательно, еще одним источником, через который Русь восприняла новые существеннейшие начала восточных (прежде всего иранских) культурных традиций. Речь идет не просто о чисто внешних воздействиях, а о целом ряде основополагающих принципов миропонимания и, соответственно, принципов выражения этого миропонимания. Последнее проявилось в первую очередь в искусстве. Исключительно важные наблюдения на этот счет принадлежат Л.А. Лелекову, однако он не вполне четко различал два указанных выше пути проникновения иранского культурного влияния на Русь. Между тем это существенно важно для верного понимания проблемы: целый ряд культурных явлений христианской Руси не находит аналогий в Византии, зато прослеживается в иранской культуре.

Культурные связи Византии с Востоком, и прежде всего с Ираном, привлекали внимание исследователей²³, однако изучены они совершенно недостаточно. Давно указано на бытование многих иранских как формальных, так и содержательных мотивов в византийском искусстве²⁴. Сфера контактов иранской и византийской культур была значительно шире области изобразительного искусства, но именно в ней эти контакты проявились наиболее ярко. Дело в том, что в унаследованных Византией от Ирана чертах искусства находили свое выражение поиски новых подходов к оценке окружающего мира, новых возможностей в плане общения человека с этим миром. Такие поиски вытекали из политиче-

ской ситуации и духовной атмосферы, сложившихся в поздней Римской империи в начале I тысячелетия н.э., что было связано с кризисом античной культуры в целом. Известно, что в эпоху поздней античности происходит трансформация всей художественной системы, отражавшая «смятенное состояние души человека, свидетеля крушения вековых классических идеалов» и имевшая целью «обрести для этого художественные средства, порывающие с сенсуализмом античной классики. В этой ситуации душевного кризиса, духовного поиска и художнического эксперимента возникает искусство раннехристианских общин. Существенными своими чертами примыкающее к позднеантичному, оно перенимает вместе с тем многое от мировоззренческой и художественной системы Востока с ее напряженной духовностью, догматическим способом мышления, упрощенным геометризмом форм»²⁵. Иначе говоря, человек позднеримской эпохи, не найдя в системе античной культуры ответов на волнующие его вопросы современности, обращается к культуре Востока, которая дает ему не только новые изобразительные средства, но и новую систему мироощущения.

Основным моментом здесь является символизм, резко противопоставленный натурализму классической эпохи. Восточный символизм позволил выразить не «оболочку», а сущность вещей и именно этим оказался созвучен формирующемуся христианскому мировоззрению, в основе которого лежало представление о Боге как выражении высшей истины²⁶. В условиях разделения Римской империи на Западную и Восточную носителем восточных культурных традиций оказалась Византия. Нелишне вспомнить также, что и политические институты – централизованная монархия, освященная идеей божественного происхождения царской власти, государственная церковь – были заимствованы Византией с Востока, в первую очередь из Сасанидского Ирана²⁷. Восточный символизм стал, таким образом, одной из существеннейших черт и составных частей формирующейся средневековой культуры²⁸, причем Западная Европа восприняла его через посредство Византии. Тем же путем традиции иранской и, вместе с тем, новой средневековой культуры пришли и на Русь²⁹.

Конкретные их проявления в древнерусской культуре изучены пока еще недостаточно, но и накопленный материал (главным образом в области архитектуры и изобразительного искусства) позволяет судить о глубине воздействия культуры Ирана на культуру Древнерусского государства.

Через Византию пришел на Русь восточный в своей основе тип купольного храма, представляющий круг, вписанный в квадрат. Этот символ Византия, в свою очередь, получила от парфян через культуру Сасанидского Ирана: он являл собой образ вселенной (купол на четырех опорах условно представлял небесный свод, опирающийся на четыре стороны света)³⁰. Несмотря на эволюцию форм древнерусского храмового зодчества подкупольное пространство неизменно оставалось композиционным центром сооружения³¹; по этому поводу Л.А. Лелеков, кстати, отметил, что «с позиций христианского учения сердцевиной храма было бы логичнее считать алтарную часть»³².

Иначе выглядит другой пример воплощения восточных традиций на Руси, а именно в русском декоративном искусстве. Важно сразу подчеркнуть, что современное понятие «декора» совершенно не соответствует средневековому представлению об этом виде искусства, поскольку в то время основополагающей была теория синтеза искусств, предназначенных для выражения общей (религиозной) идеи. Внутреннее и внешнее оформление, декор составляли единое целое с украшаемым предметом или зданием и особыми, условными средства-

ми выражали присущее эпохе миропонимание³³. Оно находило свое наглядное воплощение как в подборе различных реальных и фантастических образов, так и в орнаменте. «Орнамент – максимум и даже экстремум условного представления действительности»³⁴.

Давно отмечено, что мотивы средневековой орнаментики различных стран иконографически сходны между собой и часто восходят к восточным образцам. Однако если в Западную Европу восточная символика пришла, как уже было сказано, через Византию, то с Русью дело обстоит сложнее. Распространившееся здесь ковровое построение декора архитектурных сооружений, в котором наряду с восточной орнаментикой присутствовали многочисленные образы языческой и христианской мифологий, не имело аналогии в византийском искусстве. Наружный тематический декор здания в Византии вообще практически не встречается³⁵. По-видимому, в данном случае, наряду с восточными влияниями, прошедшими через призму византийской культуры, имели место и прямые культурные связи Руси с Востоком³⁶. Образы восточного орнамента могли приходиться на Русь с привозимыми во множестве произведениями восточного ремесла.

Наиболее яркие примеры коврового декора имеются во Владимиро-Суздальской Руси – это декор Дмитриевского собора во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Хотя многие мотивы декора в целом являются общими для всей территории Руси, такое декоративное богатство свойственно лишь Северо-Восточному ее региону³⁷. Подобная ситуация, скорее всего, не случайна – ведь именно здесь, на территориях, непосредственно прилегавших к волжскому пути, степень влияния восточной культуры на древнерусское изобразительное искусство была наиболее высокой. Восточные мотивы проникали в Южную Русь и другими путями, но данная проблема, разумеется, требует специального изучения.

Возникает вопрос, в какой степени, перенимая изобразительные приемы восточного искусства, русские мастера воспринимали стоявшую за восточной символикой систему миропонимания. Дать окончательный ответ пока не представляется возможным, но некоторые факты свидетельствуют, что речь не идет о простом механическом заимствовании. Так, встречающийся среди рельефов Дмитриевского собора чисто зороастрийский символ духовного бессмертия («сердце» со вписанным в него трилистником) помещен только на апсидах храма. В данном случае не исключена связь декоративного символа с совершавшимся в алтаре таинством литургии (спасения, т.е. приобщения к духовному бессмертию)³⁸.

Нельзя не отметить, что пришедшие через Византию в X–XII вв. элементы восточной культуры именно потому нашли такое богатое воплощение на Руси, что здесь уже существовала культурная почва, подготовленная многовековым общением славян и их предков с иранским миром. Скажем, мотивы восточной мифологии в изобразительном искусстве – такие, как грифоны, львы, сцены терзания и др., – были, безусловно, привнесены в славянский мир значительно раньше установления контактов славян с Византией. Иначе говоря, то, что мы называем «восточными влияниями» в мировоззренческой сфере древнерусской культуры XI–XII вв., есть результат синтеза разновременных, наложившихся друг на друга культурных воздействий.

Влияние восточных культур на Русь проявилось и в литературе. Это в первую очередь касается таких памятников, как «Повесть об Акире Премудром» и «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Первый из них имеет в основе ассирио-вави-

лонскую повесть VII–V вв. до н.э., ее сюжет был широко распространен у самых разных народов Ближнего Востока и Европы. Русский перевод, по мнению исследователей, был выполнен в XI–XII вв. с сирийского или армянского перевода памятника. «Повесть о Варлааме и Иоасафе», одно из самых популярных произведений мировой средневековой литературы, восходящее к древнеиндийской повести, известна на нескольких десятках языков³⁹. Перевод ее на русский язык, по-видимому, был сделан не позднее начала XII в. в Киеве с греческой версии⁴⁰. Разумеется, на Руси обе «Повести» не воспринимались (как и в Западной Европе) как восточные в силу их сложного пути к читателю через ряд переводов. Однако сама форма «Повестей» – по сути дела сборников изречений и притч нравоучительного характера – уходила корнями в традиции восточной литературы. Сама структура восприятия читателем текста в такой форме (хотя жанр притч вообще был весьма распространен в христианской культуре) в какой-то степени приносила в мышление средневекового человека некоторые элементы восточного миропонимания. Конечно, следует помнить, что при переводе памятники подвергались переделкам и дополнениям. Тем не менее восточная основа даже в таком превращенном виде не могла не играть своей роли. Любопытно, что содержащиеся в «Повестях» афоризмы и притчи подчас имели не вполне христианский характер, хотя были призваны преподавать читателям уроки практической мудрости в духе православного вероучения⁴¹.

Существенное отражение в литературе Древней Руси нашли и контакты ее с тюркоязычным миром степей, и в первую очередь – с половецким. Так, установлено наличие элементов половецкого эпоса в «Слове о полку Игореве», а также в летописях⁴². Отмечен в литературе и своеобразный русско-половецкий обмен эпическими символами, обусловленный тесными связями русских и половцев⁴³. Таким образом, и в древнерусской книжности можно найти определенные элементы восточных влияний.

В послемонгольский период контакты Руси с Востоком не прерывались. Это было обусловлено неуклонно расширявшимися прямыми политическими и культурными связями Русского государства как с Ближним и Средним Востоком, так и с Индией⁴⁴. Заложённая в домонгольскую эпоху основа стала питательной средой для дальнейшего развития контактов.

Подведем некоторые итоги. Предпринятый выше краткий обзор материалов по проблеме восточных влияний на древнерусскую культуру⁴⁵ показывает, во-первых, что такое влияние, уходящее корнями в глубокую древность, имело место на протяжении длительного периода, а во-вторых, что оно наложило существенный отпечаток на важнейшие явления древнерусской культуры. За многовековую историю общения славян и их предков с народами Востока среди партнеров славян преобладали иранские народы. Контакты с тюркоязычными народами также прослеживаются, но они значительно «моложе». При анализе восточных элементов в культуре Древней Руси следует исходить из того, что взаимоотношения славян с народами Востока прошли ряд этапов, значение которых не было одинаковым. Для выяснения истоков восточных влияний нужно прежде всего попытаться установить, на каком из этапов данное влияние могло иметь место. Особенно важно учитывать это при анализе киевского периода русской истории, когда восточное влияние проникало на Русь не только напрямую, но и через посредство византийской культуры.

Для того, чтобы составить сколько-нибудь полное представление обо всем комплексе восточных элементов в культуре Древней Руси, предстоит проделать

значительную исследовательскую работу по анализу славянской, равно как и восточных (иранской, индийской) мифологий, по расшифровке восточной орнаментальной символики и ее аналогов на Руси, по расширению наших знаний о византийской культуре и ее взаимоотношениях с культурой Востока.

Вместе с тем, уже сейчас можно утверждать, что влияние культуры народов Востока явилось важнейшим элементом складывания культуры древнерусской народности. В происходившем на Руси синтезе духовных богатств разных народов проявилась характерная особенность русской культуры, метко названная «полифонией»⁴⁶. Черты, унаследованные от восточных культур и творчески переосмысленные носителями древнерусской культуры, составили мощный пласт, вошедший неотъемлемой составной частью в единую ткань духовного облика Древней Руси и оказавший первостепенное влияние на складывание «языка» отечественной культуры.

Автор вполне отдает себе отчет в том, что им поставлено больше вопросов, нежели дано ответов на них. На нынешнем уровне наших представлений о данной теме это неизбежно. Однако несомненный рост интереса к ней исследователей позволяет надеяться, что данный уровень будет в дальнейшем неуклонно повышаться.

Опубликовано: Цивилизации. М., 1997. Вып. 4. С. 188–199. В настоящем переиздании в текст статьи внесена авторская правка – прим. составителя.

Примечания

1. См.: Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. Вып. 1. С. 6–8; Лотман Ю.М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1993. Т. 3. С. 326–332; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2-е. М., 1984. С. 27–29, 37, 139; Он же. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 10, 92.
2. Подробный историографический обзор см.: Ремпель Л.И. Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема. Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. М., 1978. С. 212–243 (впервые опубликовано в 1969 г.).
3. См. об этом, напр.: Алтатов В. История одного мифа. Марр и марризм. Знание – сила. 1990. № 11. С. 64–69; № 12. С. 67–70.
4. История культуры Древней Руси. Т. 2. М.–Л., 1951. С. 514.
5. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Он же. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
6. Тихомиров М.Н. Философия в Древней Руси. Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 90–172.
7. Ремпель Л.И. Указ. соч.
8. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976; Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X–XIII вв. Л., 1971; Он же. Язычество древних славян. М., 1981; Он же. Язычество Древней Руси. М., 1987; Попович М.В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985.
9. Лелеков Л.А. О некоторых иранских элементах в искусстве Древней Руси. Искусство и археология Ирана. М., 1971; Он же. К реконструкции раннеславянской мифологической системы. СС. 1973. № 1; Он же. Искусство Древней Руси в его связях с Востоком (к постановке проблемы). Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975; Он же. Искусство Древней Руси и Восток. М., 1978.
10. Удальцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. Древняя Русь – зона встречи цивилизаций. ВИ. 1980. № 7. С. 60, 41.
11. Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и Восток. С. 37.

12. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). ИСССР. 1967. № 3. С. 81–108; Удальцова З.В. и др. Указ. соч. С. 57–59.
13. Подробную библиографию отечественной литературы по ориентализмам в восточнославянских языках см.: Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 211–238. Особо отметим работы: Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений. Этимология. 1965. М., 1967. С. 3–81; Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре. Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 23–60.
14. Об условности термина «иранский», равно как и «арийский», см.: Попович М.В. Указ. соч. С. 37–38.
15. См., напр.: Зарубин Л.А. Образ утренней зари в «Ригведе» и в восточнославянском фольклоре. Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1965. Вып. 80. С. 33–39; Он же. Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян. СС. 1967. № 3. С. 45–52; Он же. Сходные сельскохозяйственные обычаи у индоарийцев и славян. Там же. 1969. № 1. С. 33–39; Он же. Сходные изображения Солнца и Зорь у индоарийцев и славян. Там же. 1971. № 6. С. 70–76; Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культовая практика. М., 1977. С. 32, 70–73, 83–86.
16. Георгиев В.И. Индоевропейский термин *deywos* в славянских языках. To Honor Roman Jakobson. Vol. 1. The Hague. P., 1967. P. 734–737; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 39, 45, 47; Попович М.В. Указ. соч. С. 76–78, 89, 101–103; Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 32; Мартынов В.В. Сакральный мир «Слова о полку Игореве». Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М., 1989. С. 64–65.
17. Попович М.В. Указ. соч. С. 77; Дюмезиль Ж. Указ. соч. С. 75–79.
18. Попович М.В. Указ. соч. С. 39.
19. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. С. 432–436; Он же. Язычество Древней Руси. С. 438–445.
20. Клейн Л.С. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии. НАА. 1987. № 5. С. 63–82. Там же материалы обсуждения (С. 83–96).
21. Топоров В.Н. Указ. соч. С. 26–43.
22. Делеков Л.А. О некоторых иранских элементах в искусстве Древней Руси. С. 183–190; Он же. К реконструкции раннеславянской мифологической системы. С. 57–59; Он же. Искусство Древней Руси и Восток. С. 23–29; Топоров В.Н. Указ. соч. С. 43–52.
23. Пигулевская Н.В. Византия и Восток. Палестинский сборник. Вып. 23 (86). 1971. С. 14–15.
24. Тальбот Райс Д. Иранские элементы в византийском искусстве. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Л., 1939. С. 203–204; Алпатов М.В. Проблемы изучения византийской живописи. Алпатов М.В. Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. 1. С. 32.
25. Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 546–547.
26. Там же. С. 573, 575; Делеков Л.А. Искусство Древней Руси в его связях с Востоком. С. 55–57.
27. Там же. С. 58.
28. Культура Византии. IV – первая половина VII в. С. 548; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 89, 94–96; Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. 31. С. 11–13, 20.
29. Лихачев Д.С. Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси. Лихачев Д.С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992. С. 33–42.
30. Делеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 7–18; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 65; Культура Византии. IV – первая половина VII в. С. 587–588, 591, 593.
31. Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961. С. 195, 209.
32. Делеков Л.А. Искусство Древней Руси в его связях с Востоком. С. 60–62.
33. Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 481–483; Пугачева Н.Т. София Киевская как источник реконструкции модели мира древнерусской культуры. Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. Киев, 1988. С. 119–125.

34. Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси в его связях с Востоком. С. 64.
35. Там же. С. 66.
36. Вагнер Г.К. Декоративное искусство в архитектуре Руси X–XIII вв. М., 1964. С. 12–18; Лелеков Л.А. Семантический параллелизм в орнаментике Средней Азии, Закавказья и Древней Руси. Сообщения Гос. музея искусства народов Востока. М., 1972. Вып. 6. С. 48–59.
37. Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и Восток. С. 43.
38. Он же. Семантический параллелизм в орнаментике Средней Азии, Закавказья и Древней Руси. С. 54; Он же. Искусство Древней Руси и Восток. С. 81.
39. Дискуссия о происхождении повести и ее источниках продолжается. См.: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XIII вв. Л., 1985. С. 10–27; Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.). М., 1988. С. 37–90; Он же. «The tale of Barlaam and Josaphat» and some problems of sources in the study of medieval Russian philosophy. *Synthesis philosophica*. Vol. 5. Fasc. 1. Zagreb, 1990. P. 47–63.
40. Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. Вып. 1. С. 343–345, 349–352.
41. Философская мысль в Киеве. Историко-философский очерк. Киев, 1982. С. 57; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 118–120.
42. Баскаков Н.А. Половецкие отблески в «Слове о полку Игореве». *Ural-Altische Jahrbücher*. Vol. 48. Wiesbaden, 1976. P. 17–31; Менгес К.Г. Указ. соч. С. 79–191; Пархоменко В.А. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения. М.–Л., 1940. Т. 3. С. 391–393.
43. Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 291–300.
44. Якобсон А.Л. Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 230–252; Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956; Шохин В.К. Указ. соч. С. 254–281.
45. Некоторые из приведенных выше положений опубликованы: Nekrasov A.M. Medieval Russian culture and the East. Coexistence: A Review of East-West and Development Issues. Vol. 32. The Hague. 1995. P. 3–7.
46. Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. Киев, 1988. С. 193.

РУССКО-ОСМАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI В.

Черноморский регион в течение длительного времени являлся зоной политических, культурных и экономических контактов соседних государств и народов. Для Руси экономическое значение торгового пути через Черное море было весьма значительным уже на ранних этапах существования Древнерусского государства.

После монгольского нашествия на Русь XIII в. интенсивность черноморской торговли русских купцов на время снижается, но торговля не прекращается. Господствующую роль на Черном море с XIII до середины XV в. играет итальянское (генуэзское и венецианское) купечество. После завоевания османами в 1453 г. Константинополя ситуация резко меняется. Последняя четверть века существования итальянских колоний и факторий в Причерноморье была не более чем доживанием, так как связь их с метрополией отныне целиком зависела от воли султана.

Османские завоевания в Причерноморье 70–80-х гг. XV в. привели к превращению части причерноморских территорий в османскую провинцию с центром в Кафе. Утверждение здесь османской власти повлекло за собой постепенную интеграцию региона в политическую и экономическую систему Османского государства, центром которой был Стамбул. Известно, что еще в византийскую эпоху экономика Константинополя во многом зависела от поступления причерноморских товаров, прежде всего хлеба и рыбы. Это положение сохраняется и в османскую эпоху¹. Традиционно существовавшее в русской и советской литературе мнение о том, что османские завоевания привели к экономическому упадку Причерноморья и, в частности, черноморской торговли, не подтверждается новейшими исследованиями материалов османских архивов. Османы заменили собой итальянцев, но значение черноморской торговли отчетливо ими осознавалось. Записи таможенной книги Кафы 1486–1490 гг. показывают, что торговля Кафы с Малой Азией и в последней четверти XV в. была исключительно активной². Хотя итальянское население Кафы после ее завоевания было переселено в Стамбул, это не означало полного прекращения доступа итальянцев на Черное море. Таможенная книга Кафы среди участников экономической деятельности, помимо османских подданных, называет армян, греков, евреев и итальянцев³. Сведения о торговой деятельности венецианцев на Черном море имеются и для XVI, и даже для XVII в., хотя, разумеется, по масштабам она была несравнима с прежней эпохой⁴.

Данные османских финансовых документов, относящихся к Причерноморью первой половины XVI в., показывают несомненную преемственность с доосманским периодом и в составе населения черноморских городов, и в характере занятий их жителей, и даже в общем облике городов (особенно Кафы)⁵. Конечно, происходят определенные перемены, идет эволюция экономической структуры, состава вывозимых и ввозимых товаров, но эти перемены были аналогичны тем, что происходили и в других регионах после их подчинения османской власти⁶.

Не прервали османские завоевания и торговую деятельность русского купечества. С Крымом торговля Руси в течение XV столетия шла непрерывно и стала особенно интенсивной с установлением в 1474 г. дипломатических отношений

Русского государства с Крымским ханством. Проникновение османов в Северное Причерноморье в 70–80-х гг. XV в. создало объективные условия для установления прямых русско-османских торговых связей.

Первые официальные русско-османские дипломатические сношения 90-х гг. XV в. касались главным образом вопросов торговли. В грамотах московского великого князя Ивана III, адресованных султану Баязиду II, содержатся многочисленные просьбы урегулировать споры русских купцов с османской администрацией относительно имущества, особенно выморочного имущества умерших в поездках купцов. Иван III перечисляет жалобы русских купцов на притеснения со стороны таможенных властей, на случавшиеся время от времени конфискации товара. Ответные грамоты султана обычно содержат обещания разобраться спорные вопросы⁷. Значительное количество упоминаемых в дипломатических документах имен купцов показывает, что торговля Руси с Османским государством была уже тогда довольно активной. Имеются достоверные данные конца XV в. о пребывании русских купцов не только на побережье, но и внутри Анатолии: опубликованные Х. Иналджиком документы фиксируют присутствие трех русских купцов (Алексея, Гавриила и Степана) в Бурсе⁸.

В XVI столетии торговля с Османской империей расширяется и становится одним из двух важнейших – наряду с европейским – направлений внешней торговли России. Основными предметами русского экспорта в Турцию стали охотничьи птицы (соколы, кречеты и ястребы), так называемый «рыбий зуб» (т.е. моржовая кость), воск, металлоизделия и меха. Импортировались ткани – особенно шелк, атлас, бархат. Они использовались на Руси не только для пошива дорогих одежд, но и для раздачи жалованья служилым людям⁹.

Упоминающиеся в русских источниках названия тканей «бурская», «такатцкая», «царегородская», «амасская», «костоманка» свидетельствуют об их турецком происхождении (из Бурсы, Токата, Стамбула, Амасьи, Кастамону и т.д.). Помимо тканей, ввозились из Турции ковры, дорогие виды кожи (сафьян), пряности, изделия из драгоценных металлов. Конечно, не все товары, прибывавшие на Русь из Османской империи, производились именно там. Через османские рынки шли товары из Индии, Бирмы, Египта – к примеру, добывавшиеся там драгоценные камни¹⁰. Кроме того, многие турецкие товары закупались русскими купцами на крымских рынках.

Организация русско-османской торговли была обычной для того времени: купцы, как правило, отправлялись вместе с посольскими караванами. Они двигались разными маршрутами: через Крым и далее степью к русским рубежам, через Дон и Азов, или западнее, по Днепру либо через молдавские и польско-литовские земли¹¹. Выбор маршрута определялся политической ситуацией. Столкновения Руси с крымскими ханами, регулярно происходившие со второго десятилетия XVI в., время от времени перекрывали пути через Крым, а конфликты Руси с Польско-Литовским государством блокировали западные пути. Отметим, что каждый из путей имел свои недостатки и был по-своему опасен: так, путь по Дону грозил нападениями донских казаков, по Днепру – запорожских казаков. Наиболее безопасным являлся «молдавско-польский» путь. Он стал использоваться для нужд османской торговли еще с 60-х гг. XV в., когда по нему пошли товары из Польши. Пользовались этим путем преимущественно османские караваны, русские же предпочитали южные пути¹².

Купцы часто выполняли и дипломатические поручения. Так, с конца 20-х гг. XVI в. посольские функции (передача султанских грамот московским правителям и доставка ответных грамот) выполняли регулярно ездившие в Москву ос-

манские купцы: в 1529, 1542, 1544, 1550 гг. – грек Андрей (Андриан) Халкокондил, в 1549, 1554, 1558 гг. – Мустафа Челеби, с 1562 г. – Мехмед Челеби¹³.

Особое значение имела такая статья русско-османской торговли, как торговля ценными мехами¹⁴. Ей османское правительство уделяло особое внимание, так как меха имели процедурное значение в этикете султанского двора. Пожалованием почетной меховой одежды сопровождалось назначения на государственные должности, мехами украшались парадные одеяния султанов и членов султанской семьи. Ношение меховых одежд было обязательным при определенных придворных церемониях. Кроме того, они использовались для султанских подарков правителям некоторых государств, в частности, крымским ханам.

Впервые русские меха упоминаются в османских документах вскоре после взятия Константинополя, хотя и не вполне ясно, каким путем они тогда попали в Турцию (возможно, через Крым или Польшу)¹⁵. Установление же регулярной, организуемой государством торговли мехами относится к первой половине XVI в. По-видимому, именно тогда султаном Сулейманом I была официально регламентирована практика использования меховых одежд при дворе¹⁶. Сохранилось довольно большое количество османских документов, посвященных меховой торговле с Москвой и относящихся к периоду 1564–1588 гг. Их подробный обзор дан А. Беннигсеном и Ш. Лемерсье-Кельеже¹⁷. Торговля, разумеется, не ограничивалась этим временем – просто более ранние документы до нас не дошли. На ряд документов османского происхождения, также касающихся меховой торговли и хранящихся в польских и румынских архивах, обратил внимание М. Бериндей¹⁸.

Импорт русской пушнины и меховых изделий был прерогативой султанской казны. Речь шла о покупке особо ценных мехов – соболя, горноста, черно-бурой лисы, а также более дешевой куницы. Для этого снаряжались караваны во главе с султанскими купцами, получавшими официальное поручение приобрести меха в Москве и средства на это из государственной казны. В Москве же государственной монополией была, наоборот, продажа мехов за границу. Они входили в число так называемых «заповедных товаров», на экспорт которых требовалось специальное правительственное разрешение. Кроме мехов, к заповедным товарам относилось, например, оружие¹⁹. Ведали продажей мехов два московских учреждения – Соболиная казна и Казенный двор, покупка мехов иностранцами в других местах не допускалась.

Если говорить о русской внешней торговле того времени, то следует различать два ее вида – собственно купеческую и «царскую». Купцы, ведшие царскую торговлю (т.е. торговлю товарами казны), были в значительно более выгодном положении. Товары казны не облагались пошлинами, в том числе и в других государствах²⁰. В торговле с Турцией предметом царской торговли были, в частности, охотничьи птицы. Отметим, что основным путем приобретения мехов для нужд османского двора была именно посылка султанских купцов в Москву. Русские же купцы мехов с собой в Турцию не везли, за исключением предназначенных в подарок султанам от русских государей²¹. Такой порядок был особенностью русско-османской меховой торговли.

Помимо прямых закупок в Москве, определенную роль в поставке мехов в Стамбул играли молдавские купцы, перепродававшие в Турцию закупленные ими в Москве меховые товары²².

Необходимо остановиться на происхождении экспортировавшихся Русским государством мехов. Определенная их доля добывалась с лесов центральной части страны, но главным источником на протяжении XVI столетия были

окраины – громадные лесные пространства севера и северо-востока Восточной Европы. Регулярный экспорт мехов не случайно начался к концу XV столетия – с продвижением османов в Причерноморье совпало по времени присоединение к Московскому государству Новгорода с его необъятными охотничьими угодьями. Способствовало расширению вывоза мехов и присоединение вятских и пермских земель. Есть мнение, что в своем стремлении овладеть указанными территориями Москва во многом исходила из интересов получения мехов²³. До середины XVI в. меха ввозились на Русь также из Казанского ханства, в известной степени конкурировавшего с Русью в меховой торговле. С завоеванием Казани в 1552 г. в руки московских царей перешел и этот источник²⁴. В конце столетия, с началом продвижения русских в Сибирь, добавляются поставки сибирских мехов.

Присоединение к Русскому государству в 50-х гг. XVI в. Казанского и Астраханского ханств ухудшило отношения России с крымскими ханами, но политические и экономические контакты с Османским государством оставались интенсивными и взаимовыгодными. «Астраханский поход» крымского и османского войска 1569 г. был не более чем эпизодом и вовсе не доказывал наличия у султана агрессивных планов в отношении Руси: главным было стремление обеспечить стратегически важный контакт со среднеазиатскими союзниками в войне с Сефевидским Ираном²⁵. Намечавшийся на 1588 г. новый поход на Астрахань по многим причинам так и не состоялся, и в дальнейшем османы полностью отказываются от каких-либо планов в отношении Астрахани²⁶. На характере русско-османских отношений астраханские события практически не сказались.

Оценивая в целом русско-османские отношения XVI столетия, нельзя не согласиться с высказанным еще 20 лет назад мнением А. Фишера, который подчеркнул, что в это время не враждебность, а торговля и обычная дипломатия отличали отношения России и Турции²⁷. Оставались они мирными и в дальнейшем, вплоть до конца XVII века.

Текст доклада на конференции «500 лет турецко-русских отношений, 1491–1992» (Анкара, 12–14 декабря 1992 г.).

Опубликовано: А.М. Nekrasov. XVI. Yüzyılda Rus-Osmanlı Ekonomik İlişkileri. Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl, 1491–1992. Ankara, 1999. S. 91–96.

Примечания

1. Известны случаи, когда перерывы в торговле с черноморским регионом вызывали голод в Константинополе и даже в Венеции: *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la mer Noire du XI-e au XV-e siècle. Venezia e il Levante fino al secolo XV. Florence, 1973. Vol. 1. Part 2. P. 549. По османскому периоду: *Inalcık H.* The Question of the Closing of the Black Sea under the Ottomans. Archeion Pontou. Vol. 35. P. 75–76.

2. *Inalcık H.* Op. cit. P. 91–107.

3. Ibid. P. 103.

4. *Berindei M.* Les Vénitiens en Mer Noire. XVI–XVII siècles. Nouveaux documents. CMRS. 1989. Vol. XXX. № 3–4. P. 207–223.

5. *Berindei M., Veinstein G.* Règlements de Süleyman I concernant le liva de Kefe. CMRS. 1975. Vol. XVI. № 1. P. 57–104; *Idem.* La présence ottomane au sud la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle. CMRS, 1979. Vol. XX. № 3–4. P. 389–465; *Veinstein G.* La population du sud de la Crimée au début de la domination ottoman. Mémorial Ô.L. Barkan. Paris, 1980. P. 227–249; *Fisher A.W.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. HUS. Vol. V. № 2. 1981. P. 135–170; *Balard M., Veinstein G.* Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane. Le paysage urbain au Moyen âge. Lyon, 1981. P. 79–131.

6. Veinstein G. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. *Mediterranean Historical Review*. L., 1986. Vol. 1. № 2. P. 233.
7. СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 162–163, 235–236, 244–249, 281–282, 411. Переписка велась также с османскими наместниками Кафы. Справедливости ради отметим, что и поведение русских купцов подчас вызывало жалобы с османской стороны на утаивание ими товаров от уплаты пошлин, а также на их разгульное поведение (Там же. С. 392–393). На эти факты в свое время обратила внимание В. Демченко, но позднее данный сюжет в советской литературе обходился молчанием. См.: Демченко В. Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III. MINERVA. Киев, 1917. С. 58–59.
8. Inalcik H. Bursa and the Commerce of the Levant. *Inalcik H. The Ottoman Empire: Conquest, Organisation and Economy*. L., 1978. P. 140. См. также: Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 54–55.
9. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 66–71, 76–77; Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.–Л., 1935. С. 53–55.
10. Фехнер М.В. Указ. соч. С. 87–88.
11. Подробный разбор маршрутов с картами см.: Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. ИАНООН. 1932. № 3. С. 209–232; Bennigsen A., *Lemercier-Quelquejay Ch. Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVI-e siècle*. CMRS. 1970. Vol. XI. № 3. P. 371–377.
12. Ibid. P. 376.
13. РГАДА. Ф. 89. Кн. I. Л. 318–321, 333–337, 341–342, 365–366 об., 383 об. – 385, 386–389, 392–394 об., 400 об.–405 об., 406 об.; о посольствах Мехмеда Челеби в 1562–1593 гг.: Там же. Л. 410 об. –414 об., Фехнер М.В. Указ. соч. С. 67 (сноска).
14. В давней работе Р. Фишера приведен материал о русско-турецкой торговле мехами не ранее XVII в.: Fisher R.H. *The Russian Fur Trade. 1550–1700*. Berkeley – Los Angeles, 1943. P. 134–140. К настоящему времени в оборот введены материалы османских архивов XVI в.: Bennigsen A., *Lemercier-Quelquejay Ch.* Op. cit. Эта публикация использована в монографии Дж. Мартин, охватывающей период до начала XVI в.: Martin J. *Treasure of the Land of Darkness. The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*. Cambridge, 1986.
15. Berindei M. Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites. La route moldavo-polonoise. 1453–1700. CMRS. 1971. Vol. XII. № 4. P. 397–398. О процедурном значении мехов см.: Ibid. P. 394–395.
16. Ibid. P. 399.
17. Bennigsen A., *Lemercier-Quelquejay Ch.* Op. cit. P. 377–388.
18. Berindei M. Le rôle des fourrures dans les relations commerciales entre la Russie et l'Empire Ottoman avant la conquête de la Sibérie. Passé turco-tatar, présent soviétique. P., 1986. P. 89–98. См. также выше прим. 11, 15.
19. Фехнер М. В. Указ. соч. С. 53.
20. Хотя бывали и злоупотребления таможенных чиновников. Там же. С. 108–109.
21. Berindei M. Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites. P. 400.
22. Ibid. P. 407; *Idem.* Le rôle des fourrures dans les relations commerciales entre la Russie et l'Empire Ottoman avant la conquête de la Sibérie. P. 95–96.
23. Ibid. P. 90; Martin J. Op. cit. P. 140–145; Фехнер М.В. Указ. соч. С. 60.
24. Ibid. P. 103, 109; Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. С. 64–65.
25. Inalcik H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569). BTTK. Ankara, 1948. С. XII. № 46. S. 349–402; Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 (d'après les Registres des 'Affaires importantes' des Archives ottomanes). CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3. P. 427–446; Bennigsen A., *Lemercier-Quelquejay Ch.* La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556. *Turcica VIII–2* (1976). P. 203–236.
26. Carrère d'Encausse H. Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan. CMRS. 1970. Vol. XI. № 3. 412–416; Bennigsen A., Berindei M. Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588). HUS. Vol. 3–4 (1979–80), pt. 1. P. 71–91.
27. Fisher A.W. Muscovite-Ottoman Relations in the 16th and 17th centuries. *Humaniora Islamica*. Vol. I. The Hague. P., 1973. P. 210.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КРЫМСКОГО ГОСУДАРСТВА В XV–XVI ВЕКАХ

Отдельные крымские земли входили в состав разных государственных образований с древности. Но на всей территории Крыма с прилегающими землями самостоятельное государство возникло и существовало достаточно поздно – в эпоху Крымского ханства (XV–XVIII вв.). Изучение его истории имеет давнюю традицию и в отечественной, и в зарубежной науке. Однако характерно, что вышедший более столетия назад труд В.Д. Смирнова¹ остается (несмотря на указанные уже тогда недочеты²) наиболее полным из имеющихся исследований по истории Крыма татарского времени. Воздействие политической ситуации, особенно после ликвидации в 1945 г. Крымской АССР, ограничивало тематику исследований советских авторов: изучалась – иногда обстоятельно, но чаще достаточно поверхностно – в основном внешняя политика крымских ханов с упором на ее агрессивный характер³. За редчайшими исключениями⁴, татарский период рассматривался в виде общего обзора, без привлечения новых материалов. К сожалению, то же относится и к наиболее обширной из недавно вышедших работ⁵: это по сути дела реферат исследований прошлых лет (и только на русском языке), притом не свободный от влияния теперь уже современной политической конъюнктуры.

Естественно, что отечественные авторы опираются в первую очередь на русские источники (особенно материалы крымских «посольских книг»). После В.Д. Смирнова, основательно – хотя и не исчерпывающе – изучившего крымско-татарские и османские хроники (правда, большей частью поздние – XVIII в.), лишь немногие из историков обращались непосредственно к материалам на восточных языках. Между тем за рубежом давно и плодотворно вводятся в оборот документы крымского происхождения из архивов Турции⁶; материалы же русских архивов, помимо опубликованных, наоборот, остаются недоступными зарубежным ученым. Потому задача сплошного изучения разноязычных источников по крымской истории является насущной. Особенности исторических судеб Крыма, лежавшего на пограничье разных миров (славянского, тюркского и др.)⁷, определяют и неизбежный характер исследований, призванных реконструировать события крымского прошлого – их следует вести на стыке научных дисциплин: истории России (и других стран и народов Восточной Европы) – и традиционного востоковедения.

Недостаток фактического материала определил главную слабость большинства имеющихся работ по истории Крымского ханства, особенно ее раннего периода, – в силу отрывочности данных, сосредоточенных к тому же в основном в поздних источниках, возникает соблазн создать некую обобщенную картину политической, экономической, социальной жизни ханства, проецируя на раннюю эпоху данные, на столетия от нее отстоящие. Поэтому часто в научных трудах политическая система, экономические отношения, социальная структура крымского общества выглядят крайне статично, тогда как нет сомнения, что более

чем за три столетия существования независимого мусульманского государства в Крыму жизнь не могла стоять и не стояла на месте. Следовательно, совершенно необходимо изучение динамики в разных сферах крымской действительности. Попытаемся рассмотреть с этой точки зрения некоторые проблемы политической истории Крымского ханства в первые века его истории, когда происходит становление важнейших крымских государственных институтов.

Возникновение Крымского ханства

В XIII в. Крым наряду с другими областями Восточной Европы вошел в состав Монгольской империи и стал одной из ее провинций. Власть монгольских ханов осуществлялась через наместников. Если принимать (как это делают, хотя и с оговорками, многие историки) позднее сообщение Абулгази о назначении наместником в Крым Уран-Тимура (сына Тука-Тимура и внука старшего сына Чингисхана Джучи) – то институт ханского наместничества здесь существовал уже к середине XIII в. В 1260-е гг. известны крымские наместники Тук-Бука и Таюк⁸. Их функции состояли в сборе дани в пользу хана и выставлении определенного количества воинов в ханское войско. В Крыму удобным объектом сбора дани были богатые итальянские торговые города и фактории на побережье – Солдайя (Судак), позднее Кафа и др. Известно сообщение арабского автора ал-Муфаддаля о том, что доходы с Судака в конце XIII в. делились между четырьмя татарскими правителями⁹. С выделением из состава империи «улуса Джучи» (Золотой Орды¹⁰) Крым становится одним из золотоордынских уделов (улусов), имевших, как и прежде, назначаемых ханом правителей. Фактическое создание на исходе XIII в. темником Ногаем в западной части Золотой Орды особого центра власти в противовес ханской ставке неизбежно включало соседний Крым в сферу борьбы претендентов на ханский престол: сначала Ногай, а затем и победивший его Тохта устраивали набеги на Кафу, а сам крымский улус был ими поочередно жалован своим союзникам-эмирам¹¹.

Для первой половины XIV в. есть основания говорить даже о наследственном характере наместнической власти в Крыму: эту должность занимали тогда Туглук-Тимур и позднее его внук Ходжа-Али-бек, а также, возможно, и сын первого и отец второго Кутлук-Тимур¹².

В эпоху начавшихся в середине XIV в. в Золотой Орде долгих смут Крым не раз становился политической базой разных участников усобиц (в частности, темника Мамай и победившего его хана Тохтамыш). После сокрушительного разгрома Тохтамыша Тимуром (1395 г.), фактически положившего конец и без того пошатнувшемуся могуществу Золотой Орды, завоевателю пытался противостоять обосновавшийся в Крыму Таш-Тимур (из потомков Джучи), но и он разделил участь Тохтамыша. Уже после ухода войска Тимура, в 1396 г., Тохтамыш был провозглашен при поддержке местной знати крымским правителем не в качестве хана Золотой Орды, а как хан Крыма, владетель крымского улуса¹³. Хотя уже в следующем году он был изгнан из Крыма Едигеем и нашел убежище, по-видимому, в Литве, именно Тохтамыш позднейшая крымская традиция считала основателем самостоятельного крымского государства (юрта). Даже столетия спустя крымские ханы нередко именовали Крым «тохтамышевым юртом»¹⁴. Впрочем, по ряду поздних родословных фактически основатель независимого от гибнущей Золотой Орды Крымского ханства Хаджи-Гирей и Тохтамыш принадлежали к разным ветвям одного рода – упоминавшегося Ту-

ка-Тимура. Некоторые родословные именуют отцом Хаджи-Гирея Таш-Тимура. В действительности же он был сыном Гыяс-эд-дина и внуком Таш-Тимура: об этом свидетельствуют как сохранившиеся монеты с надписью «султан Хаджи-Гирай бен Гыяс-эд-дин», так и найденная в 1928 г. в Крыму на Чуфут-Кале плита с поврежденным, но недвусмысленным текстом «...и ...ирай хан бен Гыяс-эд...». Тем самым поздняя родословная Абулгази находит независимое подтверждение¹⁵. Принадлежность Хаджи-Гирея к роду Чингисхана по линии Джучи, таким образом, несомненна.

Хотя уже в начале XV в. степень обособленности крымского улуса была довольно высокой, реально самостоятельное ханство там возникает несколькими десятилетиями позже. Оно сложилось в результате ожесточенной борьбы правителей прежних улусов. После гибели около 1420 г. Едигея – сильного временщика, в последний раз попытавшегося воссоздать бывшее единство Золотой Орды, усобица продолжилась с новой силой. В ходе ее крымский улус поочередно захватывали Улуг-Мухаммед, Девлет-Берди. «Западнорусские» летописи подчеркивают особое влияние великого князя литовского Витовта на борьбу ордынских ханов¹⁶. Кроме того, Хроника Быховца сообщает, что в Литве долго жил Хаджи-Гирей: он приехал при великом князе Сигизмунде Кейстутовиче и получил во владение г. Лиду. Затем (дата не указана) по просьбе татарской знати великий князь Казимир «того царя Ач-Гирея послал из Лиды в орду Перекопскую на царство»¹⁷. Автор Хроники Быховца, как указывалось в литературе, не следовал хронологии¹⁸, поэтому точно датировать это известие трудно. М. Стрыйковский, использовавший хронику, близкую к Хронике Быховца, называет дату 1443 г.¹⁹. Наиболее ранние из сохранившихся монет Хаджи-Гирея, чеканенных в Крыму, имеют даты 845 и 847 г.х. (1441–1444 гг.)²⁰. Поэтому окончательное утверждение его в Крыму в любом случае относится к началу 1440-х гг.; с тех пор и берет начало история независимого Крымского ханства. Отметим, что столетием позже Михалон Литвин в своем известном трактате утверждал, что Хаджи-Гирей родился в Литве близ Трок, а потом его послал в Крым Витовт. Упоминание последнего (ум. в 1430 г.), как давно указал М.Г. Сафаргалиев, — явный анахронизм, но роль великих князей литовских в становлении Крымского ханства несомненна²¹. Я. Длугош и вслед за ним М. Кромер сообщают о регулярном обмене послами и дружеских отношениях между Крымом и Великим княжеством Литовским вплоть до конца 1460-х гг.²² Ссылки на прежнюю дружбу Хаджи-Гирея и Казимира в течение всего XVI в. встречаются в переписке польско-литовских правителей и крымских ханов.

Годы правления Хаджи-Гирея (ум. в 1466 г.) прошли в непрерывной борьбе с правителями претендовавшей на золотоордынское наследие Большой Орды. В русских летописях его имя впервые названо под 1465 г. как раз в связи с нападением Хаджи-Гирея на подошедшего к русским рубежам большеордынского хана Махмуда²³. О положении в Крыму в те годы почти ничего не известно, за исключением не вполне ясного указания одного из документов генуэзского происхождения на появление там в 1456 г. некоего «нового правителя». Историки вслед за Л.П. Колли видели в нем одного из сыновей Хаджи-Гирея²⁴ (что вполне вероятно), притом называя конкретно третьего сына – Хайдара (а вот это очень спорно). Последний действительно какое-то время занимал престол: в русских источниках он позднее постоянно именуется «царем» (т.е. ханом), в том числе и после его бегства на Русь. Русская дипломатическая канцелярия была крайне щепетильна в вопросах титулатуры и всех занимавших хотя бы короткое время

ханский престол в любом из татарских ханств впоследствии называла «царями». Но связывать «царский» титул Хайдара именно с событиями 1456 г. можно только предположительно²⁵. В любом случае, Хаджи-Гирей вскоре вернулся на престол.

После смерти первого крымского правителя ханом стал старший брат Хайдара Нур-Девлет. Около 1468 г. он был свергнут одним из младших братьев – Менгли-Гиреем; их борьба не прекращалась несколько лет. С начала 1470-х гг. Менгли-Гирей вел переговоры об антиордынском союзе с великим князем московским Иваном III, завершившиеся в 1474–1475 гг. заключением договора. Но здесь ход событий в корне меняется с османскими завоеваниями в Северном Причерноморье. Их итогом стало включение южного побережья Крыма и ряда крепостей вне его в состав владений султана Мехмеда II. После взятия штурмом Кафы в июне 1475 г. Менгли-Гирей оказался в плену у османов, а в Крыму опять вспыхнула усобица. По-видимому, в разных частях ханства одновременно правили вернувшийся на престол Нур-Девлет и ордынский ханыч Джанибек. В конце 1478 г. на ханстве вновь утвердился Менгли-Гирей – на этот раз присланный в Крым султаном по просьбе татарской аристократии²⁶. Ситуация надолго стабилизируется: он оставался ханом 36 лет, до своей смерти в 1515 г. С этого времени источники позволяют значительно подробнее, нежели ранее, восстановить события внутренней истории ханства.

Династия Гиреев

Центральной проблемой изучения политической системы Крымского ханства является порядок наследования ханского престола. Поэтому нужно прежде всего восстановить генеалогию Гиреев; между тем донныне не существует даже полной родословной росписи ханского дома. Разумеется, последовательность правления ханов давно известна, но иначе обстоит дело с прочими членами гирейской фамилии. Наиболее обширная из числа опубликованных генеалогическая таблица Гиреев²⁷ основана главным образом на данных поздних татарских хроник – составители не имели возможности использовать русские архивы. Поэтому она неполна, нередко неточна и нуждается в серьезной доработке.

Хаджи-Гирей, согласно большинству родословных, имел 8 сыновей: Девлетъяра, Нур-Девлета, Хайдара, Кутлук-Замана, Кильдыша (Гельдиша), Менгли-Гирея, Ямгурчи, Уз-Тимура (Оз-Темира). Старший, вероятно, умер еще при жизни отца²⁸. Старший из оставшихся Нур-Девлет, как мы видели, наследовал отцовский престол, затем в борьбу за власть включились Менгли-Гирей и, видимо, Хайдар. В 1479 г. Нур-Девлет и Хайдар бежали сначала в Литву, затем на Русь. Первый служил Ивану III более 20 лет, став правителем вассального Касимовского ханства (Мещерского городка), и умер около 1503 г., второй вскоре после приезда по неясным причинам был отправлен в заточение в Вологду (ум. между 1487 и 1491 гг.). Трое сыновей Нур-Девлета также оказались на русской службе. Кутлук-Заман и Гельдиш нигде, кроме родословных, не упомянуты²⁹: похоже, они, как и Девлетъяр, умерли рано. В годы правления Менгли-Гирея в источниках долгое время фигурируют его младшие братья Ямгурчи и Уз-Тимур, а под 1482 г. назван, без указания степени родства с ханом, «царевич» Милкоман (т.е. Мелик-Эмин). Несколько ранее, под 1474–1475 гг., генуэзские документы рядом с Хайдаром дважды называют имя «другого брата» Менгли-Гирея – *Mulchania* или *Mulchamat*; очевидно, что речь во всех трех случаях идет об одном лице. Больше нигде Мелик-Эмин не значится³⁰. Уз-Тимур, став врагом хана, покинул

Крым и в конце концов оказался в Литве. Его сын Узбек впоследствии вернулся в Крым. Ямгурчи, как и два его сына, находился при Менгли-Гирее и умер после 1508 г. Сын Девлетгяра Девлеш (Девлетеш) поселился в Литве. Наконец, сам Менгли-Гирей имел 9 сыновей, которые вслед за ним, равно как и их потомки, носили имя «Гирей» (Гирай). Поэтому, как давно отмечено, именно Менгли-Гирей, а не его отца, следует считать основателем собственно династии Гиреев³¹. Возможно, получение Менгли-Гиреем отцовского родового прозвища могло быть связано с древнемонгольской традицией наследования отцовского «коренного юрта» четвертым сыном, получавшим именование «эджен»³². Если Кутлук-Заман и Гельдиш умерли при жизни отца, то он действительно оказывался при наследовании четвертым сыном.

Итак, крымский правящий дом уже к началу XVI в. был довольно многочисленным. В то время как покинувшие Крым братья и племянники являлись предметом постоянных забот и опасений Менгли-Гирей в его отношениях с Русью и Литвой, оставшиеся «царевичи» занимали важнейшее место в политической структуре ханства. Хан при жизни выбирал себе официального наследника (калгу). Опираясь на поздние татарские хроники, В.Д. Смирнов – и вслед за ним некоторые зарубежные исследователи – писали, что новый титул калги был пожалован Менгли-Гиреем старшему сыну Мухаммед-Гирею сразу после своего утверждения на престоле³³; Смирнов полагал также, что этот титул изобретен в Крыму. Однако он вовсе не крымского происхождения: калги существовали в тот же период в Средней Азии, в соседней Большой Орде³⁴. К тому же русские источники (знакомые, кстати, В.Д. Смирнову) однозначно свидетельствуют, что по крайней мере с 1486 г. калгой был Ямгурчи³⁵, и только после смерти дяди титул перешел к Мухаммед-Гирею (вероятно, около 1510 г.). Таким образом, изначально при выборе калги действовал древний принцип родового старшинства. Правда, есть любопытный факт: в своем сохранившемся (хотя и не датированном) обращении в Стамбул к султанскому «дивану» (совету) Менгли-Гирей просил денежное пособие, ранее выславшееся султанской казной умершему Ямгурчи, переадресовать не Мухаммед-Гирею, а одному из его младших братьев Бурнаш-Гирею³⁶. Возможно, старшему сыну еще прежде полагалось жалованье, равное жалованью калги, но в таком случае логичным было бы передать последнее следующему из братьев – а им был не Бурнаш-Гирей, а Ахмед-Гирей. Вопрос пока остается открытым.

Принцип старшинства в роду соблюдался и при преемнике Менгли-Гирей Мухаммед-Гирее. Калгой при нем первоначально оказывается Ахмед-Гирей. Затем он встал в оппозицию к хану и в итоге по приказу брата был убит, а калгой становится старший сын хана Бахадыр-Гирей³⁷. В 1523 г. хан и калга погибли в сражении с ногаями, которые затем опустошили весь Крым. Наступает период смут. Крымская знать провозгласила ханом одного из сыновей Мухаммед-Гирей – Гази-Гирей, сделав калгой его младшего брата Баба (Бибей)-Гирей. Но оставались еще братья погибшего хана. Следующих после Ахмед-Гирей (Махмуд-Гирей, Фетх-Гирей и Бурнаш-Гирей) давно не было в живых³⁸, Сахиб-Гирей тогда занимал ханский престол в Казани, но Саадет-Гирей и, возможно, Мубарек-Гирей находились в Турции. Старшинство, таким образом, нарушалось. Силой, восстановившей прежний порядок престолонаследия, выступил султан Сулейман I, который не согласился санкционировать выбор Гази-Гирей и прислал на ханство Саадет-Гирей. Не удалась попытка компромисса – сделать Гази-Гирей калгой при дяде: в момент принесения племянником клятвы верности новый

хан приказал его убить³⁹. Калгой становится Узбек (сын Уз-Тимура и двоюродный брат хана) – можно предположить, что на тот момент он оказался старшим после хана из находившихся в Крыму членов ханской семьи.

Однако ситуация в Крыму была непростой. Помимо страшного разорения, учиненного ногаями, нестабильности способствовали амбиции младшего из сыновей Мухаммед-Гирея – Ислам-Гирея. Более 10 лет он боролся за престол. Ему даже случалось на нем утвердиться, но не более чем на считанные месяцы. В правление Саадет-Гирея, наполненное непрерывными столкновениями с племянником, титул калги превратился в орудие политических комбинаций. В 1525 г. им стал бывший казанский хан Сахиб-Гирей, но уже в следующем году хан был вынужден передать титул Ислам-Гирею. Это не привело к прочному миру – последний упорно стремился привлечь на свою сторону крымскую знать и согнать дядю с престола. В 1528 г. калгой опять являлся Сахиб-Гирей, но он не сумел вызвать симпатий в Крыму, и хану пришлось через некоторое время отправить брата в Турцию. Калгой тогда становится племянник Саадет-Гирея Девлет-Гирей (сын Мубарек-Гирея)⁴⁰. Интересно, что все это время бывший калга Узбек остается в Крыму: он постоянно упоминается среди членов ханской фамилии вплоть до 1535 г.⁴¹

В 1532 г. Саадет-Гирей, обессиленный противостоянием с Ислам-Гиреем, вместе с Девлет-Гиреем отбывает в Турцию. На его место султан присылает Сахиб-Гирея⁴², однако и новому хану пришлось укрощать непокорного племянника. В периоды замирения тот становился калгой, но потом возвращался к попыткам узурпировать престол. Лишь после гибели Ислам-Гирея в 1537 г. усобица прекращается. Незадолго до того калгой стал сын Сахиб-Гирея Эмин-Гирей, который и носил титул вплоть до своей гибели: вместе с отцом он был убит по распоряжению прибывшего из Турции Девлет-Гирея. Это событие обычно датируется в литературе 1551 годом, однако есть основания считать, что оно произошло несколькими месяцами раньше, осенью 1550 г.⁴³ Судя по всему, тогда же оказались уничтожены или изгнаны и все прочие родственники прежнего хана по мужской линии: впоследствии, кроме сыновей Девлет-Гирея и их потомков, в источниках не упоминается практически никто из известных ранее «царевичей». Единственный оставшийся из сыновей Сахиб-Гирея Крым-Гирей жил в Турции и вплоть до своей смерти (в 1577 г., незадолго до смерти самого Девлет-Гирея) служил источником беспокойства для крымского правителя. По сути дела, именно от Девлет-Гирея идет вся последующая линия наследования крымского престола.

События 1520–1530-х гг. показывают, что в условиях смуты принцип родового старшинства не раз нарушался. Это неудивительно, ведь и претензии Ислам-Гирея шли ему наперекор.

Восхождение на престол Девлет-Гирея положило начало второму (после правления Менгли-Гирея) долгому периоду стабильности в Крыму. Правда, согласно версии крымских хроник, первоначально место калги не раз меняло владельца: сначала калгой был двоюродный племянник хана Булюк-Гирей, затем ханский сын Ахмед-Гирей, а позже им стал другой сын хана Мухаммед-Гирей, в награду за особую доблесть в походе на Астрахань (речь может идти только о походе 1569 г.)⁴⁴. Хотя крымские «посольские книги» за 1549–1561 гг. не сохранились, можно утверждать, что Мухаммед-Гирей оказался официальным наследником задолго до 1569 г.: по крайней мере с 1563 г. в русско-крымской переписке он постоянно именуется калгой. К тому же старшим сыном хана в документах

Литовской Метрики он назван еще под 1552 г., и нигде среди ханских сыновей не упоминается Ахмед-Гирей⁴⁵. Потому есть все основания усомниться в достоверности сведений поздних хроник. Так или иначе, с начала 1560-х гг. калгой до смерти Девлет-Гирея (1577 г.) оставался Мухаммед-Гирей, он же беспрепятственно занял затем ханский престол. Ни ханское достоинство, ни титул калги в это время никем из 9 других сыновей Девлет-Гирея не оспаривались.

Однако в правление Мухаммед-Гирея (Второго) положение резко меняется. Едва калгой стал следующий из сыновей Девлет-Гирея Адыл-Гирей, как крымскому войску под его командованием пришлось принять участие в начавшейся летом 1578 г. очередной осmano-иранской войне. Вместе с калгой воевать на Кавказе отправились один из его младших братьев Гази-Гирей и старший из ханских сыновей Саадет-Гирей. Из похода суждено было вернуться только последнему, калга вместе с братом попали в плен⁴⁶. Лишившись таким образом калги, хан попытался передать вакантный титул любимому сыну Саадет-Гирею, в обход следующего из братьев (после Адыл-Гирея) – Алп-Гирея. Поскольку крымская знать этому воспротивилась, ему пришлось вернуться к обычному порядку. Но желание хана все же возвысить старшего сына привело к созданию для Саадет-Гирея совершенно нового в крымской политической практике титула – второго наследника престола (нурадина)⁴⁷. Этот титул, вероятнее всего, был позаимствован у ногаев, где он оформился не позднее начала 1550-х гг.⁴⁸ Такое заимствование именно в то время легко объяснимо – как раз в последней трети XVI в. немалая часть ногаев стала постепенно переходить под власть Крыма, и ногайское влияние в ханстве усиливается. Система двух наследников при хане с тех пор существовала всегда; но если и далеко не все из носивших титул калги впоследствии становились ханами, то из нурадинов не стал ханом почти никто.

Интересно, что появление нового титула на самом деле было подготовлено предшествующим развитием политической системы ханства. Еще при Менгли-Гирее, в бытность калгой Ямгурчи, явственно вырисовывается третья по значимости фигура в ханстве – будущего хана Мухаммед-Гирея I. В правление последнего, при калге Ахмед-Гирее, такое место занимал ханский сын Бахадыр-Гирей. Источники позволяют периодически обнаружить аналогичную структуру власти и в последующее время. Так, при Саадет-Гирее с 1525 г. на третьем месте часто называется его племянник Бучкак-Гирей. Затем в 1530 г. по подозрению в заговоре против хана он был казнен, а чуть позже в послании в Москву Саадет-Гирей сообщал, что после отъезда Сахиб-Гирея в Турцию на его место посадил калгой Девлет-Гирея, «а на Бучкакове месте сына своего Зингирея царевича»⁴⁹. Значит, официальное положение следующего за калгой лица явно осознавалось. При Девлет-Гирее таким третьим лицом, согласно донесениям русских дипломатов, долгие годы неизменно был Адыл-Гирей. Поэтому можно заключить, что появление нурадинства в Крыму узаконило фактически сложившуюся ранее практику.

Недолгое правление Мухаммед-Гирея II кончилось его свержением в 1584 г. Но мечтавшему о ханском престоле Алп-Гирею пришлось довольствоваться прежним титулом калги: ханом стал присланный султаном Ислам-Гирей II – третий сын Мухаммед-Гирея и старший брат Алп-Гирея. Нурадином впоследствии был назначен один из их младших братьев Мубарек-Гирей. Приход к власти Ислам-Гирея инициировал новый династический кризис: сыновья убитого Алп-Гиреем прежнего хана – Саадет-Гирей, Сафа-Гирей и Мурад-Гирей – открыто восстали против Ислам-Гирея. Опираясь на ногаев, Саадет-Гирей вторгся в Крым и на два с лишним месяца занял ханский престол, но вскоре был вынуж-

ден вновь бежать⁵⁰. Начались скитания сыновей Мухаммед-Гирея по соседним странам и областям. Младший, Мурад-Гирей, уже в 1585 г. оказался в Астрахани и около 6 лет служил московскому государю, Сафа-Гирей нашел пристанище на Северном Кавказе, Саадет-Гирей через некоторое время также прибыл в Россию⁵¹. В 1591 г. Саадет-Гирей, а вскоре и Мурад-Гирей при неясных обстоятельствах умирают в Астрахани; если смерть первого, возможно, была естественной, то относительно второго некоторые русские летописи сообщают: «прислаша из Крыму...ведунов и ево испортили»⁵².

В апреле 1588 г. Ислам-Гирей умер. Вслед за тем происходят события, принципиально изменившие порядок наследования крымского престола на весь последующий период. На престол опять претендовал Алп-Гирей, но на этот раз султан Мурад III решительно меняет сложившуюся традицию наследования. В Крым отправился вернувшийся из иранского плена Гази-Гирей (Второй), причем в обоснование (едва ли не в оправдание) своего решения султан в мае 1588 г. направляет крымской знати специальное послание. В нем упор делается не на права старшего из Гиреев (им был как раз Алп-Гирей), а на личные способности Гази-Гирея, который, по словам султана, «обладает силой, необходимой для управления страной» и множеством иных достоинств⁵³. Тем самым султан открыто предпочел принцип произвольного назначения принципу династического старшинства. Старый чингизидский династический порядок отныне отходит в прошлое. В XVII в., после смерти в 1608 г. Гази-Гирея – без сомнения, одного из сильнейших крымских правителей – это приводит ко все большему усилению произвола султанов при выборе кандидатур на крымский престол. Отметим, кстати, что отказ от древней степной традиции не сопровождался в Крыму переходом к османской модели наследования – от отца к сыну. Гази-Гирею наследовал брат (Селямет-Гирей), тому – племянник (Джанибек-Гирей), последнему – двоюродный племянник и т.д.

Хотя Гази-Гирей в целом прочно удерживал власть над ханством, около 1596 г. последовала попытка его брата и калги Фетх-Гирея сместить хана. Удачное стечение обстоятельств позволило Гази-Гирею после трехмесячного перерыва вернуться на престол и расправиться с братом, а заодно и всеми его сыновьями. Калгой стал один из младших братьев хана Селямет-Гирей, нурадином – внучатый племянник Девлет-Гирей (сын Саадет-Гирея)⁵⁴. Но и это оказалось ненадолго: вместо казненного Девлет-Гирея нурадином был сделан старший сын хана Тохтамыш-Гирей, а после бегства Селямет-Гирея в Турцию он оказывается калгой. Перед нами уже типичный для XVII–XVIII вв. калейдоскоп наследников, сопровождавший правление большинства ханов. По-видимому, официальное оформление титула нурадина во многом поспособствовало подобной чехарде.

Проблема османского сюзеренитета над Крымом

Говоря о крымской истории после 1475 г., исследователь постоянно сталкивается с вопросом о влиянии или вмешательстве в дела ханства османских султанов. Вслед за В.Д. Смирновым, считавшим власть ханов «только как бы отражением власти турецкого султана»⁵⁵, многие авторы были (и остаются) склонны однозначно определять положение ханства по отношению к султанам на протяжении всей его истории как вассальное, зависимое, а самих ханов – как послушное орудие в руках османских правителей. Крайним выражением такого подхода является, в частности, тезис о Крымском ханстве как проводнике планов «османской агрессии» против России уже в XVI в.⁵⁶ Между тем, не отрицая вер-

ховного сюзеренитета султанов над ханами, укажем, что в рассматриваемый период имеется достаточно примеров проведения Гиреями вполне самостоятельного курса, подчас противоречившего инструкциям османских властей⁵⁷. Кроме того, крымские ханы имели свои собственные (хотя и совпадавшие нередко с османскими) интересы в регионе. Попробуем проследить некоторые тенденции развития крымско-османских отношений в XV–XVI вв.

События 1475–1478 гг. привели к складыванию новой системы взаимодействия Крыма с султанами⁵⁸. Ее основы заложило утверждение Менгли-Гирея на ханском престоле Мехмедом II. По-видимому, В.Д. Смирнов справедливо сомневался в наличии какого-либо письменного договора между ними (как следует из поздних источников). Скорее всего, были определены лишь общие основы взаимоотношений; главными из них являлись султанское право инвеституры (утверждения ханов на престоле) и обязательство крымских правителей выставлять татарское войско для участия в многочисленных войнах Османской империи. Со своей стороны, султаны регулярно выплачивали не только ханам, но и членам их семьи определенное денежное жалованье⁵⁹; с начала XVI в. в Крым время от времени присылалось для поддержки ханской власти определенное количество воинов-янычар с огнестрельным оружием и артиллерией.

Уже Менгли-Гирей – казалось бы, обязанный Мехмеду II престолом – в правление его сына Баязида II не всегда безоговорочно выполнял требования османских властей о предоставлении крымского войска. В 1495 г. наместником в центр османских владений в Причерноморье – Кафу был назначен султанский сын (шахзаде) Мухаммед (Мехмед). Готовя летом 1502 г. поход на адыгов, шахзаде просил у хана помощи – и тот отказал, ссылаясь на отправку войска против Литвы⁶⁰. В 1504 г. история повторилась. Менгли-Гирей писал в Москву: «у меня Шихзада царевич просил силы на Пятигорских Черкас, и мне ся ему не хотело дати»⁶¹. Впрочем, около 1505 г. Мехмед был отравлен по приказу отца. Его место в Крыму занял внук султана Сулейман (будущий султан Сулейман I). В это время разгорается борьба между сыновьями Баязида за титул наследника. Сам султан отдавал предпочтение одному из претендентов – Ахмеду, а другой сын Селим (отец Сулеймана) был отправлен наместником в отдаленную от Стамбула провинцию Трабзон. Оттуда Селим в 1510 г. перебрался к сыну в Кафу и открыто заявил о неповиновении Баязиду.

Менгли-Гирей в такой непростой ситуации продемонстрировал исключительные дипломатические способности: он сумел одновременно поддержать Селима и не испортить на тот момент отношений с султаном. Позднее, в 1512 г., крымское войско оказало Селиму едва ли не решающее содействие в свержении Баязида и захвате султанского престола, а боровшийся против брата Ахмед, по некоторым сведениям, погиб от руки одного из сыновей Менгли-Гирея⁶². Вполне естественно, что Селим относился к хану с большим почтением, называя его в письмах «отец мой»⁶³. Как видим, Менгли-Гирей вовсе не исходил из безоговорочного подчинения султану: он не только выжидал исхода борьбы наследников, но и непосредственно в ней поучаствовал. После утверждения на престоле Селим настоял, чтобы к нему был отправлен один из младших сыновей хана – Саадет-Гирей, который затем около 10 лет находился при султানে. Это положило начало последующей практике присутствия членов дома Гиреев в Турции; из них султанами часто выбирались ханы.

Сменивший отца Мухаммед-Гирей еще прежде был враждебно настроен к Селиму. Его правление ознаменовалось резким ухудшением крымско-осман-

ских отношений. Известно, что противники хана из среды татарской аристократии обвиняли его не только в неспособности править страной и беспорядочном пьянстве, но и в тайных связях со злейшим врагом османов – шиитским Ираном⁶⁴. Неясно, насколько это соответствовало действительности, но есть еще один факт: сам Мухаммед-Гирей тогда же сообщал султану о якобы состоявшихся переговорах московского правительства с Ираном относительно поставок последнему огнестрельного оружия⁶⁵. Не исключено, что таким путем он пытался отвлечь внимание от собственных планов.

Как уже говорилось, в 1524 г. Сулейман I отменил решение крымской знати о возведении на престол Гази-Гирея. Саадет-Гирей прибыл в Крым в сопровождении 200 османских воинов, но, судя по всему, они не смогли существенно помочь ему в долгой борьбе с Ислам-Гиреем. Более весомую роль сыграл переход на сторону мятежного ханыча значительной части татарских беев, что и обеспечило ему столь долгую поддержку.

Присланный на смену Саадет-Гирею Сахиб-Гирей, как показано, также не сразу сумел справиться с Ислам-Гиреем. И хотя новый хан был, без сомнения, более властным и твердым правителем, нежели Саадет-Гирей, но и он не сумел уберечься от интриг своих недоброжелателей при османском дворе. По одной версии, он вступил в конфликт с властями Кафы, по другой – причиной недовольства султана стал его отказ участвовать в походе против Ирана в 1547 г.⁶⁶ Сложившейся ситуацией воспользовался Девлет-Гирей. Он обставил свое прибытие в Крым отвлекающим маневром: Сахиб-Гирей полагал, что племянник направляется занять казанский престол. Лишь в Крыму Девлет-Гирей объявил о своих истинных планах и быстро сумел привлечь к себе крымских аристократов; Сахиб-Гирей и его сыновья погибли. В правление Девлет-Гирея происходит одно из самых несуразных османских военных предприятий – поход на Астрахань 1569 г. В отечественной литературе он обычно расценивался как проявление завоевательных планов Турции в отношении Русского государства. Между тем рассматривать его нужно, имея в виду главные сферы внешнеполитических интересов султанов в эту эпоху – а они включали вовсе не Восточную Европу, а борьбу с Сефевидским Ираном на Ближнем Востоке и с империей Габсбургов в Центральной Европе⁶⁷. Именно поэтому связь с союзниками в антииранских войнах – среднеазиатскими правителями-суннитами – была так необходима султанам. Продвижение власти Москвы на Нижнюю Волгу прервало эту связь и стало неожиданной помехой стратегическим планам в отношении Ирана.

Султанское правительство, вероятнее всего, имело весьма смутное представление о географических реалиях окрестностей Астрахани, поэтому даже планировало соединить каналом Дон и Волгу в районе Переволоки – наиболее авантюрная идея во всем предприятии. Характерно, что Девлет-Гирей, хотя и относился к России враждебно, активно противился походу на Астрахань и сделал все, чтобы от него уклониться. Еще в 1563 г. хан уверял султана, что Астрахань, даже и взяв, «не здержати... – только де людей потеряешь, а корысти не получишь». Весной 1568 г. он настоял, чтобы поход еще отложили: «сего лета к Асторокани итти немочно, что безводных мест много, а зимою деи к Асторокани итти, и турецкие де люди стужи не подымут». Опасаясь жившего в Турции двоюродного брата Крым-Гирея, хан в итоге все же присоединился к османам, но, по словам одного из русских дипломатов, пошел «неволею»⁶⁸. Полный провал похода подтвердил правоту Девлет-Гирея⁶⁹. И хотя в конце 1580-х гг. у османских политиков опять возникала идея похода на Астрахань, дальше разговоров дело

не пошло⁷⁰. Впоследствии хан Гази-Гирей в своих посланиях в Москву ставил отказ султана от нового похода себе в заслугу (что, впрочем, трудно подтвердить или опровергнуть).

После свержения Мухаммед-Гирея II и утверждения султаном на престоле Ислам-Гирея II, кажется, впервые статус султана по отношению к Крыму был закреплен официально: его имя стало произноситься впереди имени хана в хутбе (пятничной молитве), что в мусульманском мире служило признаком васалитета⁷¹. Иногда такое нововведение связывают с крайней религиозностью Ислам-Гирея (до отбытия в Крым он даже провел несколько лет в дервишской обители в Турции): ведь османские султаны упорно претендовали на титул халифов – духовных покровителей всех мусульман. Однако роль султана в последующих событиях 1588 г. и возведение им на ханство Гази-Гирея вопреки прежней традиции свидетельствуют, что к тому времени в системе отношений между Стамбулом и Бахчисараем действительно происходят определенные перемены. Отметим здесь, что столетняя история крымско-османских контактов тогда уже внесла много любопытных новшеств в крымскую жизнь; можно указать, к примеру, на проникновение османских черт в крымское делопроизводство⁷².

Правление Гази-Гирея – незаурядного политика, дипломата и, к слову, литератора – было, пожалуй, последним периодом в истории Крымского ханства, когда оно все же сохраняло значительную самостоятельность по отношению к султанам. После смерти хана наступает эпоха неуклонного усиления зависимости от султанской воли: этому, помимо прочего, способствовало ослабление Крыма вследствие участвовавших нападений донских и запорожских казаков⁷³. К XVII–XVIII векам формула безусловной зависимости ханов от Турции уже может быть применена без особых оговорок.

Итак, нами затронуты некоторые аспекты государственной системы Крымского ханства в XV–XVI вв. За рамками настоящей статьи остаются такие важнейшие проблемы, как роль татарской знати в политической структуре ханства, складывание и развитие системы ханской администрации. Они заслуживают отдельного рассмотрения. Но и приведенный материал позволяет, на наш взгляд, заключить, что политическая система в Крыму отнюдь не была застывшей, статичной; наоборот, она развивалась на протяжении всего указанного периода. Общую тенденцию развития в самой суммарной форме можно обозначить как постепенное превращение кочевого государства золотоордынского типа в сложившуюся позднесредневековую мусульманскую монархию, характерные особенности которой еще предстоит до конца выяснить.

Опубликовано: Отечественная история. 1999. № 2. С. 48–58.

Примечания

1. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII столетия (далее: Крымское ханство). СПб., 1887; *Он же*. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

2. См.: Веселовский Н.И. Рец. на кн. Смирнова В.Д. Крымское ханство. Журн. Министерства нар. просвещения. 1889. Январь. С. 168–203.

3. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948; Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; Якобсон А.Л. Средневековый Крым: очерки истории и истории матери-

альной культуры. М.–Л., 1964; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Отв. ред. Греков И.Б. М., 1984; Кузнецов А. Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Минск, 1986 и др.

4. Напр.: Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. Уч. записки МГУ. Вып. 61. М., 1940; Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979; Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата. Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987 и др. работы названных авторов.

5. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

6. Библиографию см.: Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Посл. четверть XV – первая половина XVI в. (далее: Международные отношения). М., 1990. С. 24–26; Он же. Средневековое Северное Причерноморье как пограничный регион. Russian History/Histoire Russe. Vol. 19. № 1–4. L. A., 1992. P. 294–298.

7. Подробнее см.: Некрасов А.М. Крым – центр причерноморской контактной зоны. Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. М., 1995. С. 22–41.

8. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. Уч. зап. Мордовского гос. унив. Вып. XI. С. 54–55; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 53, 60. Абулгази (1603–1664) – хивинский хан, автор родословной тюркских правителей.

9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 195.

10. Хотя эти два часто отождествляемых в литературе названия на самом деле не являются синонимами, см.: Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая ... Утемиш-хаджи. Чингизнаме. Алма-Ата, 1992. С. 24–34 (впервые опубли. в 1983 г.); Егоров В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990. С. 16–18. – прим. автора 2015 г.

11. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 88–89.

12. Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 101.

13. Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 1621–64, 167, 175–176.

14. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 350 об.(1589); Кн. 18. Л. 103 об., 114 (1590). О терминах «юрт», «улус» см.: Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 43–44.

15. Ретовский О. К нумизматике Гиреев. ИТУАК. № 18. Симфер., 1893. С. 76; Retowski O. Die Münzen der Girei. Труды Московского нумизматического общества. Т. 2. М., 1901. С. 244–245; Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, 1929. С. 181; Акчокраклы О. Эпиграфические заметки. Там же. С. 183–185. Эвлия Челеби приводит текст надписи, согласно которой мечеть построена в 859 г.х. (1454/55) Хаджи-Гиреем, сыном Гыяс-эд-дина (см.: Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму. Симферополь, 1996. С. 94).

16. ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 66–67, 104, 138–139, 178 и др.; Т. 35. М., 1980. С. 59, 76, 109, 141, 163 и др.

17. Хроника Быховца. М., 1966. С. 98; ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 160. Сигизмунд был великим князем литовским в 1432–1440 гг., Казимир – в 1440–1492 гг.

18. Ючас М.А. Хроника Быховца. Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 228–229.

19. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. Т. 2. Warszawa, 1846. P. 212–213.

20. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896. С. 534; Ретовский О. Указ. соч. С. 76–77. 845 г.х. = 22.05.1441 – 10.05.1442; 847 г.х. = 1.05.1443 – 19.04.1444.

21. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 64; Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 238–239.

22. Dlugosz J. Opera omnia. Т. 14. Cracovia, 1878. P. 198, 305, 331, 478, 519, 531; Kromer M. Kronika Polska. Sanok, 1857. P. 1061, 1193, 1213, 1217.

23. ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 151; Т. 12. М., 1965. С. 116; Т. 24. Пг., 1921. С. 186.

24. Речь идет о послании протекторов генуэзского Банка Сан-Джорджо администрации Кафы от 27–29 ноября 1456 г.: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'ufficio di S. Giorgio. Т. 1. Atti della Societe Ligure di Storia Patria. Vol. 6. Genova, 1868. Doc. 314.

Р. 660; цитировано в: *Колли Л.П.* Хаджи-Гирей-хан и его политика. ИТУАК. № 50. 1913. С. 133. О низком уровне работ этого автора см.: *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. Из. Т. 7. М., 1940. С. 3.

25. Возможно, Хайдар какое-то время был соправителем своего брата Нур-Девлета: *Григорьев А.П.* Указ. соч. С. 65. В любом случае приведенная Л.П. Колли как доказательство ссылка на вышедший в середине XVIII в. труд Ж. Дегиня сегодня не может быть сочтена сколько-нибудь весомым аргументом.

26. События 1470-х гг. подробно рассмотрены: *Григорьев А.П.* Указ. соч. С. 55–77; *Некрасов А.М.* Международные отношения. С. 38–51.

27. КСАМРТ. Р. 360–361 (вкладка). Следует оговорить, что мы склонны придерживаться традиционно принятой в литературе османской огласовки «Гирей» – а не кипчакско-татарской «Гирай». Не считая данный подход бесспорным, отметим все же, что в русских дипломатических документах нигде не встречается написание «Гирай» – только «Гирей» или «Кирей»; между тем русские дипломаты в бытность свою в Крыму, без сомнения, имели возможность, даже не зная татарского языка, запомнить на слух местное произношение этого имени.

28. Девлетьяр упомянут лишь в родословных, а также под 1490–1492 гг. как отец известного по русским посольским материалам ханыча Девлеша: Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Казань, 1906. С. 157; СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 100, 145–146.

29. Упоминание в одной из поздних татарских хроник сына Хаджи-Гирея Бай-Гельди очень невнятно: *Негри А.Ф.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844. С. 382.

30. СИРИО. Т. 41. С. 31; *Codice diplomatico...* Т. 3. Atti... Vol. 7. P. 2. Genova, 1879. Doc. 1104, 1118. P. 122, 202. «Царевичами» в русских источниках именовали всех мужчин ханской семьи, кроме самого хана; в Крыму они носили титул «султан». В родословных Мелик-Эмин не упомянут; правда, хронист XVII в. Абдулла ибн Ризван сообщает, что у Хаджи-Гирея было не 8, а 12 сыновей: *Zajaczkowski A.* La chronique des steppes Kipchak «Tevarih-i deşt-i Qırcaq» du XVII-e siècle. Warszawa, 1966. P. 81.

31. *Fisher A.W.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978. P. 16. О произношении «Гирей» см. выше прим. 27.

32. См.: *Григорьев А.П.* Указ. соч. С. 54–55; *Он же.* Использование древнемонгольского института «эджен» в практике наследования отцовского юрта. Общественные науки в Узбекистане. 1972. № 7. С. 60–62.

33. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство. С. 350–362; *Inalcık H.* Kalgay. Islam Ansiklopedisi. Cilt 6. Süz 56. Istanbul, 1952. S. 131–132; см. также: КСАМРТ. Р. 323–324.

34. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 416–417; *Matuz J.* Qalga. Turcica. 1970. Т. 2. Р., 1972. P. 101–104; СИРИО. Т. 41. С. 323, 367–калгой при последнем хане Большой Орды Шейх-Ахмеде был его брат Хаджике.

35. СИРИО. Т. 41. С. 54, 56, 421, 541. На это обращали внимание *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 19–20; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 177, а еще задолго до Смирнова В.Д. – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 6. М., 1989. С. 116 – (репринт издания 1842 г.).

36. КСАМРТ. Р. 88.

37. СИРИО. Т. 5. СПб., 1895. С. 131, 619, 636.

38. Фетх-Гирей утонул при переправе через реку в 1510 г.: *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Akta i listy. Kraków-Warszawa, 1881. P. 374, 376; *Strykowski M.* Op.cit. P. 362. Бурнаш-Гирей умер между 1512 и 1515 гг.: *Pulaski K.* Op. cit. P. 398; СИРИО. Т. 95. С. 160. Махмуд-Гирей умер в 1516 г.: СИРИО. Т. 95. С. 272.

39. Précis de l'histoire des khans de Crimée (далее: Histoire). Nouveau journal asiatique. Ser. 2. Т. 12. Р., 1833. P. 364.

40. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 80, 131 об., 188–188 об., 209 об., 241 об., 340, 359.

41. Там же. Л. 133 об., 352 об., 355, 364 об.; *Довнар-Запольский М.В.* Литовские упоминки татарским ордам. ИТУАК. № 28. 1898. С. 83.

42. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 7. Л. 1, 4 об. Встреча Сахиб-Гирея высшими татарскими вельможами подробно описана в крымской хронике XVI в.: TSGH. S. 21, 156–157.

43. В татарских источниках приводится дата 958 г.х., иногда даже точнее – 1 шеввала 958 г.х. (2 октября 1551 г.). См. напр.: Histoire. P. 370–371; *Gökbilgin O.* 1532–1577 yılları arasında Kırım

hanlığının siyasi durumu. Ankara, 1973. P. 42. Документы русско-крымских отношений за этот период утрачены, но в сохранившихся посольских книгах «польского двора» имеются материалы миссии в Литву Я. Остафьева: он покинул Москву 28 декабря 1550 г. и возвратился в мае 1551 г. В наказе на вопрос литовской стороны об отношениях Москвы и Крыма ему предписывалось отвечать: «на Крыме учинился Девлет Кирей царь, а прислал к государю нашему своего человека Янмагметя» (СИРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 343). Последовательность посольств в книге не выглядит нарушенной; выходит, что согласно этому источнику Девлет-Гирей занял престол не позднее осени 1550 г. Добавим, что публикатор поздней татарской хроники Сейида Мухаммеда Ризы М. Казем-бек хотя и называл приблизительную дату смены ханов 958 г.-х. (9.01–28.12.1551 г.), но привел и собственные расчеты. Поскольку в тексте эта дата прямо не названа, он использовал дату смерти Девлет-Гирея – сафар 985 г.х. (20.04–18.05 1577 г.), и указание, что последний правил 27 лет и 4 месяца. Тем самым восхождение его на престол падает на зулькада 957 г.х. (11.11–10.12 1550 г.). См.: *Сейид Мухаммед Риза*. Ассерб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832. С. XXIV–XXV; *Histoire*. P. 373. (По русским источникам, Девлет-Гирей умер в июне 1577 г.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 385; Кн. 15. Л. 1, 4 об.) Суммируя сказанное, можно признать традиционную дату начала правления Девлет-Гирея по меньшей мере небесспорной.

44. *Histoire*. P. 371.

45. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 125, 163; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. М., 1843. С. 64, 128, 151–152.

46. Гази-Гирей бежал в Турцию только через несколько лет; Адыл-Гирей в плену, согласно легенде, вскоре заплатил за свои любовные похождения.

47. *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejau Ch. La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée*. CMRS. 1973. Vol. XIV. № 4. P. 457.

48. *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды. Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 46–51. Ввиду гибели крымских посольских книг как раз за 1579–1584 гг. выяснить точную дату введения нурадинства в Крыму пока не представляется возможным.

49. Вероятно, Джан-Гирея (*прим. автора 2015 г.*). РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 93, 118, 174 об., 358 об.

50. Там же. Кн. 16. Л. 2–2 об.; *Histoire*. P. 379–380. В русских источниках Саадет-Гирей в последствии всегда именовался «царем», тогда как в позднейшие перечни крымских ханов татарских хроник он по непонятной причине не включался (хотя занимавшие престол в сходной ситуации Гази-Гирей I и Ислам-Гирей I обычно там присутствуют).

51. Подробнее см.: *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejau Ch.* Op. cit. P. 462–475.

52. Т.е. отравили: ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 39.

53. Текст послания опубли.: *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejau Ch.* Op. cit. P. 485–487 (Doc. V), комментарий: P. 471–472.

54. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство. С. 451–452, 463–464; *Histoire*. P. 429–431.

55. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство. С. 306.

56. См. об этом: *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 11–12, 116–117.

57. На это обращал внимание уже первый рецензент труда В.Д. Смирнова: *Веселовский Н.И.* Указ. соч. С. 177.

58. Первые контакты крымских правителей с Мехмедом II были установлены еще в 1450–1460-е гг.

59. См. напр.: КСАМРТ. P. 88, 99, 101.

60. СИРИО. Т. 41. С. 433.

61. Там же. С. 519–520.

62. Подробнее см.: *Некрасов А.М.* Международные отношения. С. 80–82.

63. По-турецки: *babam*, что Смирнов В.Д. переводил как «батюшка». *Смирнов В.Д.* Крымское ханство. С. 308, 378, 390. К тому же известно, что и Селим, и Сулейман, и Мехмед сватались к дочерям Менгли-Гирея.

64. СИРИО. Т. 95. С. 272; КСАМРТ. P. 106.

65. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 191 об.; см. также: СИРИО. Т. 95. С. 706. Никаких подтверждений этому не имеется.

66. Смирнов В.Д. Крымское ханство. С. 418–419; Histoire. P. 368; *Inalcık H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: the Crimean Khanate under Sahib Giray I. HUS. Vol. 3–4. 1979–1980. Part I. Cambridge, 1980. P. 451, 464.

67. Королюк В.Д. Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI–XVII вв.). Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 147–148.

68. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 323–323 об.; Кн. 13. Л. 164, 170.

69. О походе см.: *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 (d'après les Registres des Affaires importantes' des Archives ottomanes). CMRS. 1967. Vol. VIII. № 3. P. 427–446; *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch.* Le Grand Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556. Turcica. Vol. 8. Part 2. P.; Strasbourg, 1976. P. 203–236.

70. Carrère d'Encausse H. Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan. CMRS. 1970. Vol. XI. № 3. P. 412–416; *Bennigsen A., Berindei M.* Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588). HUS, 1979–1980. Cambridge, 1980. Vol. 3–4. Part 1. P. 71–91.

71. См., напр.: *Сейид Мухаммед Риза*. Указ. соч. С. 106–107. В написанном между 1532 и 1537 гг. письме Ислам-Гирея султану неудачливый авантюрист обещает в случае пожалования ему астраханского престола произносить хутбу в честь султана (КСАМРТ. P. 129). Если понимать это (в качестве одной из версий) в смысле отсутствия тогда подобной практики в Крыму, то позднейшее (XVIII в.) сообщение Ризы получает некоторое подтверждение.

72. См.: *Усманов М.А.* К истории джучидо-османской дипломатической документации. Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 127–134.

73. *Fisher A.W.* The Ottoman Crimea in the mid-17th century: some problems and preliminary considerations. HUS, 1979–1980. Cambridge, 1980. Vol. 3–4. Part 1. P. 215–226; *Berindei M.* La Porte Ottomane face aux Cosaques Zaporogues, 1600–1637. Ibid. 1977. Vol. 1. № 3. P. 273–307.

ЖЕНЩИНЫ ХАНСКОГО ДОМА ГИРЕЕВ В XV–XVI ВЕКАХ

В большинстве опубликованных источников по истории отношений Руси с Золотой Ордой и ее государствами-наследниками, женские имена почти не встречаются. Обычно в этой связи приходят на память ханша Тайдула (Тайдолу, Тагай-Тоглу) – старшая супруга ордынского хана Узбека¹ и еще только, пожалуй, последняя правительница Казанского ханства Суюм-Бике. Означает ли это, что в мусульманском мире Восточной Европы того времени женщины в политике – редкое исключение? Источники по истории Крымского ханства позволяют утверждать: нет, не означает – просто основная часть материалов донныне остается неопубликованной.

Из ранних источников собственно крымского происхождения можно почерпнуть немного: так, крымская хроника середины XVI в. – написанная Рем-мал-ходжой история правления хана Сахиб-Гирея – содержит оговорку, что к своему труду автор приступил по заказу дочери покойного хана Нури-Султан-хани². Жалованные акты крымских ханов XV–XVI вв., выданные женщинам, до нас не дошли. Другое дело – документы русско-крымских отношений, во множестве хранящиеся в фондах Посольского приказа: они с самого начала (последняя треть XV в.) и все чаще в дальнейшем называют нам имена ханских жен, дочерей, невесток, сестер. Упомянуты они, но реже, и в посольских документах Литовской Метрики. Правда, фигурируют в названных материалах исключительно женщины ханского рода Гиреев. Бывали среди них порой личности незаурядные.

Хотя «крымские» посольские книги и дополняющие их с 1579 г. разрозненные «столбцы» введены в научный оборот давно, обозначенная тема до сих пор не привлекала внимания исследователей (единственное исключение – вышедшая столетие назад статья М.Н. Бережкова³). Попытаемся хотя бы отчасти заполнить этот пробел⁴.

В посольских книгах можно найти переводы посланий ханских жен и других женщин ханского рода к русским государям (а иногда и государыням) и ответные послания в Крым. В наказах русским послам и гонцам специально оговаривается порядок передачи поклонов и «поминков» (подарков) ханшам. К концу XVI в. в книги стали заносить поименные росписи поминков, где также обнаруживаем множество женских имен. В донесениях русских дипломатов из Крыма постоянно упоминаются женщины дома Гиреев, а их посланцы неизменно входили в состав крымских посольств в Москву (списки которых также ближе к концу века стали заноситься в посольские книги). Сходные росписи поминков («скарба») имеются и среди книг Литовской Метрики, но ханские жены упоминаются там часто без имени, просто как «царицы».

Первой на страницах посольских книг упомянута Бараш-Султан – супруга бежавшего на Русь одного из сыновей основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея – Хайдара. В 1483 г. Иван III просил утвердившегося на ханстве Менгли-Гирея (младшего брата и давнего соперника Хайдара) отпустить на Русь оставшуюся в Крыму «Айдарову царицу» с сыном⁵. Неизвестно, исполнил ли хан эту прось-

бу; сам Хайдар, впрочем, вскоре попал в опалу и был сослан в Вологду, где и умер. С 1486 г. среди получавших «поминки» называются жены Менгли-Гирея: первой названа «царица Едегерева дочь Зизивудова» – т.е. дочь Ядигара из знатного татарского рода Седжеутов⁶. Одновременно упомянут «цть царев» (ханский тесть) Гирей-сейид (в источнике «Кирей-сиит»⁷); возможно, именно его дочерью была названная позже Заян(?)–Султан⁸. Но намного больше места в посольских книгах отведено старшей жене Менгли-Гирея («большей царице») Нур-Султан, состоявшей в оживленной переписке с московскими правителями более 30 лет, с 1487 по 1519 г. Дочь большеордынского бей Темира из рода Мангытов, она поочередно была супругой казанских ханов Халиля, затем Ибрагима; овдовев во второй раз, в конце 1486 г. Нур-Султан вышла замуж за крымского правителя⁹. Двое ее сыновей от второго брака, Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф, оказались на Руси и попеременно занимали казанский престол как московские вассалы. Брак Нур-Султан с Менгли-Гиреем, по всей видимости, остался бездетным. Послания Нур-Султан Ивану III и затем Василию III, доброжелательные и трогательные, полны заботы о сыновьях и заверений в том, что она всегда печется о дружбе между «добрыми братьями» – московским и крымским государями.

В первые годы великий князь и ханша часто обменивались просьбами прислать подарки: Нур-Султан просила то шубу, то соболей, то «иноходого мерина», Иван – дважды просил (и потом получил) «зерно жемчужное велико, хорошо, Тахтамышевское царев», прибавляя: «а что будет тебе у нас надобе, и мы тебе того не забороним»¹⁰. Совершив около 1495 г. паломничество в Мекку, Нур-Султан дарит Ивану иноходца, на котором ездила к святым местам¹¹. В дальнейшем в переписке речь идет больше о сыновьях ханши и сложных перипетиях их судьбы. Летом 1510 г. Нур-Султан в сопровождении пасынка Сахиб-Гирея (будущего казанского, затем крымского хана) приехала в Москву, откуда направилась в Казань навестить сидевшего тогда на ханском престоле старшего сына Мухаммед-Эмина. Погостив на обратном пути несколько месяцев в Москве, в декабре 1511 г. она выехала в Крым¹². После смерти супруга и прихода на престол пасынка – враждебного Руси Мухаммед-Гирея (1515) – для Нур-Султан настали нелегкие времена. Русский посол И. Мамонов сообщал уже в начале 1516 г., что новый хан отобрал у нее в пользу сына Алп-Гирея часть доходов («ясаки поотнимал») – правда, сама Нур-Султан тогда же писала, что отдала их ханычу по своей воле, чтобы удержать его от набега на русские земли¹³. Ее влияние при крымском дворе явно падает, что быстро осознают в Москве. Вскоре подкрепленные «поминками» просьбы содействовать мирным отношениям с Русью стали адресоваться не только Нур-Султан, но и старшей жене Мухаммед-Гирея Нурум, а Нур-Султан уже в 1517 г. оказалась сильно оскорблена качеством присланных ей Василием III поминков¹⁴. С 1519 по 1522 г. в посольских книгах имеется лакуна, но еще в 1523 г. русский посол И. Колычев упоминал о том, что незадолго до этого к Нур-Султан направлялись послы из Казани¹⁵. Судя по всему, примерно в то время престарелой ханши и не стало в живых.

Во времена Мухаммед-Гирея (1515–1523), кроме Нур-Султан (кстати, единственной упомянутой тогда из вдов Менгли-Гирея) и двух ханских жен, в русско-крымской переписке начинают фигурировать и жены наследника престола (калги), других ханских сыновей¹⁶. Любопытно, что жен «царевичей» московские толмачи именуют, как и ханских жен, «царицами»; «царевнами» называют дочерей и сестер ханов.

После прихода на крымский престол младшего брата прежнего хана – Саадет-Гирея (1523–1532) последний женился на Ширин-Бек – вдове своего старшего брата Ахмед-Гирея, ранее убитого по приказу Мухаммед-Гирея¹⁷. Но над нею будто тяготел злой рок: в 1531 г. сын Ширин-Бека от первого брака Бучкак-Гирей принял участие в заговоре против Саадет-Гирея и поплатился за это головой. «Царица» оказалась в заточении, и дальнейшая судьба ее неизвестна¹⁸.

Правление Саадет-Гирея, как и первые годы сменившего его на престоле Сахиб-Гирея (1532–1550), оказались заполнены непрерывной борьбой с претендовавшим на престол (и не раз его на время захватывавшим) племянником Ислам-Гиреем. Информация о ханских женах в этот период скудна¹⁹. Русский посол В. Левашов сообщал, что супруга Сахиб-Гирея Фатьма-Султан умерла, и хан летом 1533 г. ездил в Керчь жениться на не названной по имени «черкаске» (черкешенке) – надо полагать, знатного рода. Упоминается в русских документах также вторая жена Сахиб-Гирея Ханыке-Султан; посольская книга Литовской Метрики в конце 1540-х гг. называет двух жен хана – старшую Девлет-Султан и другую Девлет-Бек²⁰. Русские посольские книги за 1540–1550-е гг. практически не сохранились, но с начала 1560-х гг. в нашем распоряжении вновь оказывается обильный материал по рассматриваемой теме.

В годы долгого правления внука Менгли-Гирея Девлет-Гирея (1550–1577) в русских посольских книгах встречаются имена пяти крымских «цариц»: Айше-Фатьма-Султан, Хан-Сутра, Ферхан(?), Ханыке, с 1570 г. добавляется «царица» Ширван²¹. Посольская книга Литовской Метрики начала 1550-х гг. перечисляет их несколько иначе: Айше-Султан, Фатьма-Султан, Девлет-Бек, Ферхан, чуть позже четвертой женой названа ханша Джамал, а около 1558 г. список приславших королю послания ханских жен включает Фатьму-Султан, Ферхан, Хан-Сутру, Тюнелби (Джамал-Бек?)²². Большим влиянием на Девлет-Гирея пользовалась «большая царица» Айше-Фатьма-Султан, мать калги Мухаммед-Гирея. Русский посол А. Нагой сообщал: хан «жалует свою большую царицу Аиша Фатма салтану, ... думает... со царицею и слушает ее»²³. Правда, в отличие, скажем, от соперника настроенной Нур-Султан, симпатии этой «царицы» были на стороне Москвы – Польско-Литовского государства.

Здесь следует остановиться на появившемся в XVI столетии в доме Гиреев особом титуле, который московские толмачи передавали как «Анабиим-царица». Титул обозначал мать хана («ана-бегим» собственно и значит «мать-госпожа»²⁴). Впервые так была названа еще в 1525 г. мать Саадет-Гирея Махдум-Султан²⁵. В том, что титул – не просто дань уважения родительнице, убеждает роль Махдум-Султан в утверждении сына на престоле. Саадет-Гирей назначил калгой (второй по значимости титул в ханстве) брата Сахиб-Гирея, к тому времени уже побывавшего на казанском престоле и изгнанного оттуда стараниями Москвы. Судя по всему, отношения братьев не были безоблачными: в самом начале 1525 г. матерям хана и калги пришлось принести торжественную клятву-«шерт» в том, что их сыновья гарантируют взаимную неприкосновенность. По словам посла И. Колычева, «матери их... шертовали на том, што царю Сап-Гирея (Сахиб-Гирея. – А.Н.) не убити и лиха на Сап-Гирея не думати, а Сап-Гирею... под царем царства не хотети и лиха на царя никакова не думати»²⁶. Таким образом, две вдовы покойного Менгли-Гирея занимали немаловажное место при дворе его сына. При этом, однако, трудно объяснить другой факт. Чуть раньше, весной 1524 г. Саадет-Гирей утвердил клятвой «шертную грамоту» с Василием III, обязавшись сохранять мир с Москвой (впрочем, клятву он впоследствии нарушал).

В посольской книге сохранился так называемый «дефтер» – поименный список всех, кто принес перед русским послом О. Андреевым клятву на Коране вместе с ханом. Этот список – самый обширный из всех сохранившихся подобных перечней XVI в. (более 100 имен) – включает не только ханских сыновей, высшее духовенство, крымскую знать, но даже слуг вплоть до «повара Гасана» и «повара Девлет-Келди». При этом в нем вообще отсутствуют жены хана и ханских сыновей, мать хана – но поименно перечислены 6 сестер хана (дочерей Менгли-Гирея)²⁷. Учитывая то, что такие дефтеры служили затем в качестве списка ожидающих получения поминков из Москвы, равно как и то, что супруги ханов и их сыновей впоследствии регулярно их получали – указанный пробел в списке можно объяснить разве что тогдашней сложной ситуацией внутри Крыма, менее чем годом ранее катастрофически разоренного ногаями.

«Ана-бегим» присутствуют в русско-крымской дипломатической переписке и во второй половине столетия. В 1565 г. А. Нагой отмечает возвращение из паломничества в Мекку «Анабиим-царицы» – матери Девлет-Гирея. Она участвовала в московско-крымской переписке по крайней мере до 1570 г.²⁸ Грамоты и поминки направлялись также ана-бегим – матерям наследовавших Девлет-Гирею сыновей Мухаммед-Гирея II (1577–1584) – упомянутой Айше-Фатьме-Султан – и Ислам-Гирея II (1584–1588)²⁹, причем во времена Ивана IV отдельно посылались и грамоты от царевичей Ивана и Федора³⁰.

В правление следующего сына Девлет-Гирея – Гази-Гирея (1588–1608) титул ана-бегим утерял буквальный смысл: «Онабиимово место» заняла старшая сестра хана Кутлу-Султан-хани. Она сама писала в Москву, что хан советовался с ней по всем вопросам и «всякое дело приказал ведати» ей³¹. Московский «амият» (сторонник промосковской политики) Дервиш-бей настоятельно советовал русскому царю почтить сестру хана: «она тебе человек надобной». Не раз подчеркивается, что «она у царя в материно место»³². Иногда в документах ее ошибочно именуют матерью хана (вероятно, вследствие буквального перевода титула «ана-бегим»), но затем опять становится ясно, что речь идет о сестре Гази-Гирея. Не менее интересно другое: наряду с Кутлу-Султан-хани у хана была еще одна ана-бегим – «царица» Ферхан. С нею в документах еще больше путаницы – ее именуют то «другой царевой матерью», то «царю о другой матери место», иногда просто матерью или сестрой хана³³. Проясняет дело лишь довольно поздний документ – роспись «жалованья», полученного в Москве крымскими гонцами в 1602 г.: среди гонцов назван посланец «царевы мачехи Ферган царицы»³⁴. Действительно, мы видели, что Ферхан называлась среди жен Девлет-Гирея и, следовательно, могла приходиться мачехой одному из его младших сыновей. Кстати, московские писцы в это время уже нередко путались в многочисленных женах и дочерях ханов и ханычей, равно как и в титулах «царица» и «царевна».

Таким образом, титул ана-бегим к концу XVI в. приобретает самостоятельный статус и обозначает не обязательно мать хана, а кого-то из пользовавшихся большим влиянием при дворе его родственниц. Известно, что в Посольском приказе внимательно следили за иерархией иноземных дворов и тщательно ей следовали при составлении дипломатических документов. Поэтому можно заключить, что по своему положению ана-бегим стояли выше ханских жен – именно в таком порядке, на первом месте среди женщин, они всегда помещаются и в наказах послам и гонцам о передаче «поклонов», и в росписях поминков и «жалованья» членам крымских посольств, а их грамоты обычно предшествуют грамотам ханских жен, дочерей и т.д. Так, в правление Гази-Гирея за ана-бегим следуют 4 жены хана: «большая царица» Фатьма-Султан, Кармешай (Карим-

Шах?), Мехривафа, Зейнаб (не всегда в одинаковой последовательности)³⁵, затем, как и прежде, идут жены калги и других ханычей, ханские дочери.

Особый интерес представляют родственные связи дома Гиреев. Мы уже видели, что из знатных родов как в Крыму, так и вне его происходили супруги Менгли-Гирея. В целом сведений о происхождении ханских жен немного, но известно, например, что во второй половине XVI в. среди них все чаще появляются уроженки Северного Кавказа. Из знатной адыгской семьи была супруга Девлет-Гирея Айше-Фатъма-Султан, ее брат бей Азхад (Ахмед) входил в число приближенных хана³⁶; сестрой находившегося на службе у хана адыга Алкльч-мирзы называют источники другую жену хана Хан-Сугру³⁷. Наконец, черкешенкой была и невестка Девлет-Гирея – жена Ислам-Гирея, и так же при хане состоял брат «царицы» Али-мирза³⁸. Внук Девлет-Гирея Саадет-Гирей (старший сын Мухаммед-Гирея, на короткое время захвативший престол в 1584 г.) был женат на Ертуган – дочери правителя Малой Ногайской Орды Казы (Гази)³⁹. После смерти мужа Ертуган вышла за его младшего брата Мурад-Гирея, бежавшего в Россию.

В тесных родственных отношениях состояли ханы с высшей крымской знатью. Чаще всего за представителей ведущих татарских родов Ширин, Седжеут и др. выдавались ханские дочери – «царевны». Так, дочь Менгли-Гирея Махдум-Шах вышла за ширинского бея Девлетека, другая дочь Магим (Муким?) – за Хусейна, брата ханши Нур-Султан, еще одна дочь хана Кутлу-Султан впоследствии стала супругой сына Девлетека – Бахтияра⁴⁰. Дочь Мухаммед-Гирея в те же времена вышла за сына другого Ширина – Агыш-бея⁴¹. Упомянутая супруга Ахмед-Гирея и затем Саадет-Гирея Ширин-Бек была дочерью Бараш-бея – старшего брата Девлетека⁴². Еще одна дочь Менгли-Гирея Мехри-Султан-ханьке была женой Мамыш-бея Седжеута – ханского шурина (брата неизвестной нам по имени ханши – дочери Ядигара Седжеута). Сын Мамыш-бея Кочкар-мирза затем женился на дочери Саадет-Гирея, а сестра Кочкар-мирзы стала женой племянника Саадет-Гирея Ислам-Гирея⁴³. Носившая титул ана-бегим сестра Гази-Гирея Кутлу-Султан-хани была замужем за Хаджи-беем Ширином (внуком Девлетека)⁴⁴. Ближе к концу столетия, по мере перехода под власть крымских ханов части ногаев, устанавливаются брачные связи Гиреев с ногайской знатью. Помимо упомянутых браков Ертуган с ханскими сыновьями, отметим здесь брак дочери Девлет-Гирея и Арсланай-мирзы – сына Дивей-бея Мангыта (внука Темир-бея и, следовательно, племянника Нур-Султан). Другой сын Дивея Исанай женился на еще одной дочери Девлет-Гирея Улуг-хани⁴⁵. Дочери хана Мухаммед-Гирея II Исаян (?)–Султан и Девлет-Султан были замужем соответственно за Али-мирзой Ширином и Мухаммед-мирзой Седжеутом⁴⁶.

Почти все названные «царевны» регулярно направляли послания в Москву. Знаменательно, что ни одна из жен даже самых крупных крымских сановников, происходившая не из рода Гиреев, насколько можно судить по источникам, не посылала гонцов с грамотами в Москву и не получала поминков, как «царевны».

Большинство посланий ханских жен, невесток и дочерей в Москву – краткие, стандартные, с формально-стереотипными заверениями в дружбе (даже и в годы жестоких столкновений Руси и Крыма). Лишь в конце века за сухими строками канцелярского перевода татарских грамот проглядывает еще одно живое женское лицо – супруги Мухаммед-Гирея и матери бежавшего в Россию Мурад-Гирея «царицы» Хан-Токтай. Обращаясь к царю Федору и царице Ирине, она не только беспокоится о сыне, но и совершенно по-женски желает бездетным супругам: «а вас бы Бог обрадовал чадородием»⁴⁷. Даже после смерти Мурад-Ги-

рея в Астрахани Хан-Токтай продолжает писать русскому царю теплые письма, благодаря его, в частности, за заботу о невестке – вдове сына Ертуган. Последняя по просьбе хана Гази-Гирея была осенью 1593 г. отпущена со всей свитой в Крым и также писала оттуда письма с благодарностью царю Федору и Б.Ф. Годунову. В одном из писем Ертуган среди прочего просит прислать оставшийся «для переплетки у Шебан мурзина человека аталыка куран мой (т.е. Коран. – А.Н.)»⁴⁸. Уже будучи в Крыму, она помогла русским послам кн. М. Щербатову и А. Демьянову втайне от хана отправить гонца в Москву⁴⁹. Судя по всему, за оказанный в России прием она испытывала искреннюю признательность.

В.В. Бартольд давно отметил в мусульманской истории примеры «деятельного и властного вмешательства женщин в государственные дела». Особенно это было связано с влиянием входивших в сферу мусульманской культуры кочевых народов, долго сохранявших «степные традиции» женской независимости. Лишь с дальнейшим утверждением исламских норм все больше ограничивались права женщин, и обычными становились правила гаремного быта и затворничества⁵⁰. Татарский Крым XV–XVI вв. демонстрирует нам еще во многом старое, «степное» отношение к женщине (разумеется, если судить по ханскому дому). Но и здесь с течением времени идут перемены: если в начале столетия русские послы лично встречались с «царицами» (как, например, И. Мамонов с Нур-Султан в 1516 г.) и передавали им поклоны, грамоты и подарки от своего государя, то уже в 1564 г. посол А. Нагой в ответ на пожелание быть на приеме у «царицы» услышал, что такого «в обычае не ведетца»: ханша пришлет человека выслушать речи и забрать поминки⁵¹.

Итак, даже краткий обзор имеющихся в посольских документах данных о роли женщин в политической жизни Крымского ханства XV–XVI вв. позволяет заключить: считать действующими лицами крымской истории одних только мужчин несправедливо. Лики крымских женщин явственно видятся сквозь четыре столетия; притом страницы источников рисуют в нашем воображении не робкие силуэты за окнами ханского дворца, но образы правительниц, решительно вторгающихся в чисто мужские дела мужей, братьев, сыновей – дипломатию и управление государством. И эти образы придают истории дома Гиреев больше красок и полноты.

Опубликовано: Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 213–221; Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, 2005. № 13.

Примечания

1. Помимо сообщений русских летописей и арабских авторов, а также известных грамот Тайдулы русским православным иерархам недавно введены в оборот два новых документа из венецианской коллекции ордынских материалов XIV в.: Григорьев А.П., Григорьев В.П. Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359). Вестник С.-Петербургского университета. 1996. Сер. 2. Вып. 4 (23). С. 18–23; Они же. Платежная ведомость Тайдулы (1359). Там же. 1997. Вып. 3(16). С. 18–27.

2. TSGH. Ankara, 1973. S. 147–148, 275–276. В посольской книге Литовской Метрики (1548) Нур-Султан-ханике названа в числе старших дочерей Сахиб-Гирея: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. М., 1843. С. 44–45.

3. Бережков М.Н. Нур-Салтан, царица крымская. ИТУАК. № 27. Симферополь, 1897. С. 1–17.

4. Автор уже имел случай бегло затронуть данный сюжет: Некрасов А.М. «И приговорил государь о крымском деле...». Родина. 1997. № 7. С. 26–27.

5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Т. 1. СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 35. Сохранился перевод письма Хайдара к супруге: Там же. С. 37.
6. Там же. С. 54, 56, 57, 352.
7. Искаженные русскими толмачами татарские имена даются по возможности в исправленном виде либо помечаются знаком вопроса. Титул «сейид» указывает на происхождение ханского тестя из лиц духовного звания.
8. СИРИО. Т. 41. С. 178 (1493 г.).
9. Там же. С. 59. Согласно «скарбовой книге» Литовской Метрики за начало XVI в. всего у хана было 3 «старших царицы» и 2 «меньших»: *Довнар-Затольский М.В.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509. ИТУАК. № 28. 1898. С. 42, 57 (1504, 1507 гг.).
10. СИРИО. Т. 41. С. 80, 104, 108, 126, 273.
11. Там же. С. 272.
12. ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 251; Т. 13. М.–Л., 1965. С. 13–14; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 384–385; Т. 26. М.–Л., 1959. С. 301; Т. 28. М.–Л., 1963. С. 345. См. также позднейшие упоминания в посольских книгах: Памятники дипломатических сношений... Т. 2. СИРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 166, 678. (Посольская книга за 1510–1514 гг. утрачена).
13. СИРИО. Т. 95. С. 290, 292, 303.
14. Там же. С. 391, 416, 487–488, 541, 584–585.
15. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 5 об.
16. О структуре и составе дома Гиреев подробнее см.: *Некрасов А.М.* Возникновение и эволюция Крымского ханства в XV–XVI вв. Отечественная история. 1999. № 2.
17. СИРИО. Т. 95. С. 524; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 4 об. – 5; 93.
18. Там же. Л. 316 об. – 318.
19. Это было, вероятно, следствием небрежного ведения дипломатического делопроизводства в годы малолетства Ивана IV: многие обычно приводившиеся ранее в посольских книгах документы в эти годы в них вообще не заносятся, некоторые заносятся с большим опозданием. Так, в составе прибывшего в апреле 1539 г. в Москву крымского посольства названы люди «от цариц» – между тем далее приводится текст послания лишь от одной из ханских жен: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 565, 570–570 об.
20. Там же. Кн. 7. Л. 61 об. – 62 (1533); Кн. 8. Л. 570 (1539); Книга посольская Метрики... Т. 1. С. 44–45 (1548). Собственно, «ханьке» – не имя, а почтительное обращение к супруге, дочери правителя, потому что «Ханьке-Султан» может обозначать любую из ханских жен (возможно, Девлет-Султан).
21. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 411 об.–415, 443–444 об.; Кн. 11. Л. 330 об.–331 об., 389–391; Кн. 13. Л. 317 об.–321 об., 333 об.–335; Кн. 14. Л. 188–189 об.
22. Книга посольская Метрики... Т. 1. С. 64, 82, 85, 113, 151–152.
23. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 163 (1563).
24. О почтительном обращении «бегим» см.: *Гафуров А.Г.* Имя и история. М., 1987. С. 35.
25. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 92 об. – 93.
26. Там же. Л. 80.
27. Там же. Л. 64–64 об. Опубл.: ЗООИД. Т. 5. Одесса, 1863. С. 413.
28. Там же. Кн. 11. Л. 206 об., 207 об., 328, 389; Кн. 12. Л. 350 об.; Кн. 13. 316–316 об., 333 об.
29. Там же. Кн. 15. Л. 88–89, 289 об. – 291 об.; Кн. 16. Л. 153 об. – 154; 1579. Д. 2. Л. 53–56; 1582. Д. 1. Л. 1.
30. Там же. Кн. 11. Л. 340–341, 430–431; 1579. Д. 2. Л. 56–60, 64–66.
31. Там же. Кн. 17. Л. 90 об. (1588).
32. Там же. Кн. 17. Л. 385 об.–386; Кн. 19. Л. 317, 357 об.–358; Кн. 20. Л. 505 об.; Кн. 21. Л. 528; 1596. Д. 4. Л. 54.
33. Там же. Кн. 18. Л. 107 об.; Кн. 19. Л. 19 об., 173, 317 об.; Кн. 21. Л. 318 об., 528 об., 591 об.; 1590. Д. 2. Л. 81; 1591. Д. 4. Л. 19; 1596. Д. 4. Л. 12, 34, 54, 71, 72, 74.
34. Там же. 1602. Д. 1. Л. 15, 38.
35. Там же. Кн. 17. Л. 395–395 об.; Кн. 18. Л. 40; Кн. 19. Л. 7 об., 18, 20, 317 об., 359–360; Кн. 20. Л. 28 об.–29, 493–494 об., 505 об.–506; Кн. 21. Л. 95–95 об., 319.

36. Там же. Кн. 10. Л. 149 об.; Кн. 11. Л. 83–84, 334–335; Книга посольская Метрики... Т. 1. С. 82, 86.
37. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 3; Кн. 15. Л. 44.
38. Там же. Кн. 14. Л. 265 об.; Кн. 16. Л. 139.
39. Там же. Кн. 18. Л. 306–308 об.; Кн. 20. Л. 334–335 об.
40. СИРИО. Т. 41. С. 144, 307, 401, 524.
41. СИРИО. Т. 95. С. 272.
42. СИРИО. Т. 41. С. 274.
43. Там же. С. 352; Т. 95. С. 57, 299, 636; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 164 об., 316.
44. Там же. Кн. 11. Л. 193, 205; Кн. 17. Л. 322; Кн. 20. Л. 494 об.; 1590. Д. 2. Л. 81.
45. Там же. Кн. 11. Л. 230, 299 об.; Кн. 15. Л. 168; 1591. Д. 5. Л. 95.
46. Там же. 1582. Д. 1. Л. 23; 1586. Д. 1. Л. 1.
47. Там же. Кн. 17. Л. 370, 372 (1589).
48. Там же. Кн. 21. Л. 350 (1594). Шабан-мирза – брат Ертуган.
49. Там же. Л. 236 об. – 238.
50. *Бартольд В.В.* Первоначальный ислам и женщина. Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 649.
51. СИРИО. Т. 95. С. 289; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 203; Кн. 12. Л. 224 об.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АБКНКА** – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974
- АЕ** – Археографический ежегодник
- ВВ** – Византийский временник
- ВИ** – Вопросы истории
- ВИД** – Вспомогательные исторические дисциплины
- ЗООИД** – Записки Одесского общества истории и древностей
- ЗС** – Знание – сила
- ИВРАН** – Институт востоковедения РАН
- ИАНООН** – Известия Академии наук. Отделение общественных наук
- ИА** – Исторический архив
- ИЖ** – Исторический журнал
- ИЗ** – Исторические записки
- ИСКНЦВШ** – Известия Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы.
- Общественные науки
- ИСССР** – История СССР
- ИТУАК** – Известия Таврической ученой архивной комиссии
- ЖС** – Живая старина
- КРО** – Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв. М., 1957. Т. I.
- ЛО ИВАН** – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
- ЛОИИ** – Ленинградское отделение Института истории
- МГИАИ** – Московский государственный историко-архивный институт
- МГУ** – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИЗ** – Материалы по истории земледелия СССР
- НАА** – Народы Азии и Африки
- ПДСМГ** – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским
- ПДРВ** – Продолжение древней российской вивлиофики
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- РА** – Русский архив
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов (до 1991 г. ЦГАДА, Центральный государственный архив древних актов)
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив
- РИБ** – Русская историческая библиотека
- РО РНБ** – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
- СИРИО** – Сборник Императорского Русского Исторического общества
- ССИК** – Сборник статей по истории Кабарды
- СА** – Советская археология
- СПбГУ** – Санкт-Петербургский государственный университет
- СС** – Советское славяноведение
- СТ** – Советская тюркология
- СЭ** – Советская этнография
- ТКНИИ** – Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия историческая

ТМНИИ – Труды Мордовского НИИ ЯЛИЭ при Сов. Мин. МАССР
ТС – Тюркологический сборник
ТЧНИИ – Труды Чувашского НИИ ЯЛИЭ при Сов. Мин. ЧАССР
ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете
УЗАНИИ – Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории
УЗТУ – Ученые записки Туркменского университета
ВТТК – Belleten. Türk tarih kurumu
КСАМРТ – Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. P., 1978.
TSGH – Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973.
CMRS – Cahiers du monde russe et soviétique
SEER – Slavonic and East European Review
HUS – Harvard Ukrainian studies

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА НЕКРАСОВА

1983

Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России в XVI в. в зарубежной историографии. История СССР. 1983. № 1

Причерноморье и Северный Кавказ в «Дневниках» Марино Сануто. Депонирована в ИНИОН АН СССР 10. 03. 1983. № 12487

Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV – первой половины XVI в. Автореферат канд. диссертации. М., 1983

1985

Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав Русского государства в первой половине XVI в. Известия Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы. Общественные науки. 1985. № 4

1987

Международное положение адыгов в первой половине XVI в., накануне обращения к России (итоги и перспективы изучения источников). Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987

1988

Крымское ханство в XV–XVI вв. Крым: прошлое и настоящее. М., 1988. (Глава в коллективной монографии)

Основные проблемы истории народов России периода феодализма, капитализма и империализма. Социально-экономические проблемы истории СССР в 80-е гг. Итоги и задачи. М., 1988. (Глава в соавторстве с С.Г. Агаджановым, Р.Г. Маршаевым и др.)

1989

Некоторые вопросы истории русско-адыгских отношений в XVI в. Общность судеб народов СССР: история и современность. М., 1989

1990

Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. Отв. ред. чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцев. М., 1990

1991

Нужна ли в Москве улица Саям Адиля? Горизонт. 1991. № 1

1992

Средневековое Северное Причерноморье как пограничный регион. Russian History/Histoire Russe. Los Angeles. 1992. Vol. 19. №. 1–4

1995

К истории Крымского ханства и его взаимоотношений с Россией в XV–XV вв. История и историки. М., 1995

О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской аристократии в XV–XVI вв. Памятники духовной, материальной и письменной культуры древнего и средневекового Востока: создание баз данных. М., 1995

Medieval Russian culture and the East. Coexistence: A Review of East-West and Development Issues. The Hague. 1995. Vol. 32

Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. (Отв. редактор)

Крым – центр причерноморской контактной зоны. Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995

1996

Борьба западных адыгов против турецко-крымской агрессии. Обращение за покровительством к России. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. (Раздел в колл. монографии в соавторстве с Т.М. Феофилактовой)

Судьбы отечественного крымоведения в XX в. Россия в XX в.: судьбы исторической науки. М., 1996

Материалы по истории Крымского ханства XV–XVI в. в отечественных и зарубежных архивных хранилищах. Анналы. М., 1996. Вып. 3. Материалы научной конференции «Снесаревские чтения» 15–17.12. 1995

1997

«И приговорил государь о крымском деле...». Родина. 1997. № 7

Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I. Исторический архив. 1997. № 3 (в соавторстве с Г. Хердом)

Крымское ханство как фактор русской истории. Россия и Восток: история и культура. Омск, 1997

Россия и Крым: к модели взаимоотношений России с мусульманским миром. Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М.–Иркутск, 1997. Кн. 1

Древняя Русь и Восток: к проблеме культурных контактов. Цивилизации. М., 1997. Вып. 4

Crimean Khanate as a Factor of International Relations in Eastern Europe in 15–16th centuries. Oriental Studies in the 20th century: Achievements and Prospects. Moscow, 1997. Vol. 2

1998

Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М.: ИРИ РАН, 1998. (В соавт. с В.В. Трепавловым, В. И. Котовым и др.); То же: Отечественная история. 1998. № 5

1999

XVI. Yüzyılda Rus-Osmanlı Ekonomik İlişkileri. Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl, 1491–1992. Ankara, 1999

Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI вв. Отечественная история. 1999. № 2

2000

Крымское ханство. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2000. Т. 3

Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI веках. Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000

2001

Турецкая историография русско-крымских отношений. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001. (Подраздел в монографии)

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001. (Отв. редактор)

СОДЕРЖАНИЕ

А.М. Некрасов – востоковед	7
Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России в XVI в. в зарубежной историографии (1983)	16
Внешнелитературные предпосылки вхождения адыгов в состав русского государства в первой половине XVI века (1985)	24
Международное положение адыгов в первой половине XVI века, накануне обращения к России. (<i>Итоги и перспективы изучения источников</i>) (1987)	33
Крымское ханство в XV–XVI вв. (1988)	40
Некоторые вопросы истории русско-адыгских отношений в XVI веке (1989)	42
Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века)	45
Введение	47
Глава первая. Народы Западного Кавказа в последней четверти XV – первой половине XVI века	67
Глава вторая. Политические взаимоотношения и установление османского владычества в Северном Причерноморье в 1475–1479 годах	74
Глава третья. Международные отношения и адыги в конце XV – начале XVI века ...	91
Глава четвертая. Западный Кавказ в международной жизни первой трети XVI века	110
Глава пятая. Усиление крымско-османской экспансии в северо-восточном причерноморье в 30-х – начале 50-х годов XVI века	126
Заключение (1990)	139
Средневековое северное причерноморье как пограничный регион (1992)	141
К истории крымского ханства и его взаимоотношений с Россией в XV–XVI веках (1995) ...	157
О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской аристократии XV–XVI вв. (1995)	160
Крым – центр причерноморской контактной зоны (1995)	162
Судьбы отечественного крымоведения в XX веке (1996)	174
Материалы по истории крымского ханства в XV–XVI веках в отечественных и зарубежных архивных хранилищах (1996)	177
Британский источник XVIII в. об азовских походах Петра I (1997)	183
Крымское ханство как фактор русской истории (1997)	194
Crimean khanate as a factor of international relations in Eastern Europe in 15 th –16 th centuries ...	196
Россия и Крым: к модели взаимоотношений России с мусульманским миром (1997) ...	198
«И приговорил государь о крымском деле...» (1997)	202
Древняя Русь и Восток: к проблеме духовных контактов (1997)	213
Русско-османские экономические отношения в XVI в.	223
Возникновение и эволюция крымского государства в XV–XVI веках	228
Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI веках (1998)	243
Список условных сокращений	251
Список научных работ А.М. Некрасова	253

Научное издание

А.М. Некрасов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Макет и техническое редактирование

И.Х. Кушховой

Корректор

З.В. Черкесова

Художественное оформление

И.Х. Кушховой

ISBN 978-5-91766-096-7

Подписано в печать 09.06.15 г. Формат 70x100 ¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 500 экз. (1-й завод – 150). Заказ № 126

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94